

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

7

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Журавлева И.А.</i> Окно возможностей дистанционного обучения	6
<i>Кравченко А.И.</i> Город как социальное многообразие и пространственная гетерогенность	12
<i>Ли Юйхан.</i> Медиа как инструмент формирования культурной идентичности среди молодежи Китая	22
<i>Палащенко Е.В.</i> Налоговая мораль среди российских студентов	27
<i>Туркова В.Н.</i> Общественное доверие и коррупция в современном обществе	32

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Баев П.А.</i> Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации	37
<i>Журавлев А.А.</i> Экспертная оценка эффективности политики импортозамещения в фармацевтической отрасли	43
<i>Журавлева А.А.</i> Межкультурная коммуникация: восприятие русских и иностранных предпринимателей через рисунки студентов	48

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Абдыкахаров Э.А., Аpsаматова Э.Д., Качкынова А.Т., Брусиловский Д.А., Маратова С.М.</i> Политико-коммуникативные механизмы конструирования евразийской идентичности	54
<i>Ардашев Р.Г.</i> Социальная безопасность в сознании сибиряков	59
<i>Валитова Н.Э.</i> Искусственный интеллект как один из ключевых агентов цифровой социализации молодежи	65
<i>Гугуев Д.К.</i> Особенности становления и развития отечественной социологии города в XIX – начале XX века	71
<i>Москвитина Н.В.</i> Вопросы поддержки молодых семей в жилищной сфере (на примере Иркутской области)	79
<i>Переселкова З.Ю.</i> Фриланс как вид трудовой занятости на российском рынке труда: социологический анализ	88
<i>Решетникова Е.В., Гуринович Л.А.</i> Социальное воспитание как технология взаимодействия с подростками для уменьшения негативных форм поведения	93
<i>Старикова М.М., Ванин Э.П., Бурдик В.</i> Социальные особенности предоставления стоматологической помощи инвалидам и людям пожилого возраста	98
<i>Чжан Бовэнь.</i> Гендерное равенство в китайских университетах: анализ текущих тенденций и вызовов	106

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус
Тел.: (495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Грбельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Виллен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзущев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.07.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Чистякова Е.А.</i> Влияние социальных установок молодых людей на меры профилактики наркомании	111
<i>Васильев В.В.</i> Скулшутинг в школьной образовательной среде и факторы его детерминации. Типология участников скулшутинга.....	118
<i>Горбунова И.Ю., Давидьянц Н.Г., Кравченко Т.П., Юцкова Е.В.</i> Оценка социологических решений проблемы управления отходами	123
<i>Павлова М.П.</i> Формирование институциональных механизмов управления социальным развитием макрорегионов: аспекты концептуального конструирования инновационного пространства	129
<i>Резников М.Ю.</i> Функциональная диагностика личностных характеристик на этапе профессионального отбора в отряд космонавтов.....	133
<i>Стенько И.А.</i> Реализация корпоративной социальной политики в системе высшего образования: обобщение опыта РУДН им. П. Лумумбы.....	138
<i>Ушаков Е.В.</i> Концепт социального идеала государственной службы: поиск фундаментальных ориентиров современного публичного управления	144
<i>Шмелева Е.В.</i> Совершенствование социальных технологий планирования карьеры молодых государственных гражданских служащих.....	149

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Грунт Е.В., Ли Ян, Беяева Е.А., Русских Л.В.</i> Социокультурный феномен геймификации досуга студенческой молодежи Китая: аспекты развития киберспорта.....	154
<i>Давлетбердина Э.Р., Якупов Д.И., Селищев М.А., Булатов Ш.Ш., Ибатуллин А.Р.</i> Обобщение социальных экспериментов, направленных на изучение механизмов подчинения: аспекты реализации в условиях цифровизации	162
<i>Кемеров В.Е.</i> От полилога к монологу: обратный отсчет	166
<i>Юрченко Е.Д.</i> Образ «чужого» и его влияние на этническую идентичность.....	171

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н.</i> Философское осмысление особенностей профессионального сознания глухого человека.....	175
--	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Кадыгрова В.И., Апсаматова Э.Д., Байбосунова Г.У., Брусиловский Д.А.</i> Этнокультура и искусство как отражение национальной идентичности: инновационные подходы художников Кыргызстана.....	182
<i>Мельников В.Л.</i> Экспедиционная деятельность Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов: философско-культурологический анализ представления достижений научной деятельности.....	187
<i>Мухаметкали А.А.</i> Применение положений игровой теории И. Хёйзинги в развитии методик прогнозирования и предвидения будущего	194
<i>Цзяо И.</i> Сравнительный анализ моделей управления научно-технологическими ресурсами Китая и России с философской точки зрения	200

ЭТИКА, ЭСТЕТИКА

<i>Моргунова Н.В.</i> Социально-философский анализ феномена этического поведения государственных служащих: аспекты институционализации в системе норм права	206
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Дьяченко А.Н.</i> Развитие методологии оценки социометрического статуса участника малой группы: на примере курсантов военных учебных заведений	210
<i>Егоров В.Г.</i> Кооперация в общественно-политической мысли конца XIX – первой половины XX столетия	214

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Маслодудова Н.В.</i> Образ будущего глазами студентов ...	221
--	-----

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Zhuravleva I.A.</i> Window of opportunities for distance learning.....	6
<i>Kravchenko A.I.</i> The city as social diversity and spatial heterogeneity.....	12
<i>Li Yuhang.</i> Media as a tool for the formation of cultural identity among Chinese youth.....	22
<i>Palashchenko E.V.</i> Tax morality among Russian students.....	27
<i>Turkova V.N.</i> Public trust and corruption in modern society.....	32

EMPIRICAL STUDIES

<i>Baev P.A.</i> Labor values and orientations of regional youth in the conditions of digitalization.....	37
<i>Zhuravlev A.A.</i> Expert assessment of the effectiveness of import substitution policy in the pharmaceutical industry.....	43
<i>Zhuravleva A.A.</i> Intercultural communication: perception of Russian and foreign entrepreneurs through students' drawings.....	48

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Abdykakarov E.A., Apsamatova E.D., Kachkynova A.T., Brusilovskii D.A., Maratova S.M.</i> Political and communicative mechanisms for constructing Eurasian identity.....	54
<i>Ardashev R.G.</i> Social security in the consciousness of Siberians.....	59
<i>Valitova N.E.</i> Artificial intelligence as one of the key agents of digital socialization of youth.....	65
<i>Guguev D.K.</i> Features of Russian urban sociology formation and development in XIX – early XX century.....	71
<i>Moskvitina N.V.</i> Issues of support of young families in the housing sphere (on the example of the Irkutsk region) ...	79
<i>Pereselkova Z.Yu.</i> Freelancing as a type of employment in the Russian labor market: sociological analysis.....	88
<i>Reshetnikova E.V., Gurinovich L.A.</i> Social education as technology of interaction with adolescents to reduce negative behaviors.....	93
<i>Starikova M.M., Vanin E.P., Burdick V.</i> Social features of providing dental care to disabled and elderly people.....	98
<i>Zhang Bowen.</i> Gender equality in Chinese universities: analysis of current trends and challenges.....	106
<i>Chistiakova E.A.</i> The influence of social attitudes of young people on drug addiction prevention measures.....	111
<i>Vasiliev V.V.</i> Schoolshooting in the school educational environment and the factors of its determination. The typology of schoolshooting participants.....	118
<i>Gorbunova I.Y., Davidyants N.G., Kravchenko T.P., Yutskova E.V.</i> Assessment of sociological solutions to the problem of waste management.....	123

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.

Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226

Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building

Tel.: (495)9392405;

email: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadiyevna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18

Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 07/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

<i>Pavlova M.P.</i> Formation of institutional mechanisms for managing the social development of macroregions: aspects of the conceptual design of the innovation space... 129	
<i>Reznikov M.Y.</i> Functional diagnostics of personal characteristics at the stage of professional selection for cosmonaut corps 133	
<i>Stenko I.A.</i> Implementation of Corporate Social Policy in the Higher Education System: consolidated experience of RUDN University named after P. Lumumba... 138	
<i>Ushakov E.V.</i> The concept of the social ideal of public service: the search for fundamental guidelines of modern public administration 144	
<i>Shmeleva E.V.</i> Improving social technologies for career planning of young government officials civil servants 149	

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Grunt E.V., Li Yang, Belyaeva E.A., Russkikh L.V.</i> The sociocultural phenomenon of gamification of leisure time for Chinese students: aspects of the development of e-sports 154	
<i>Davletberdina E.R., Yakupov D.I., Selishchev M.A., Bulatov Sh.Sh., Ibatullin A.R.</i> Generalization of social experiments aimed at studying the mechanisms of subordination: aspects of implementation in the context of digitalization 162	
<i>Kemerov V.E.</i> From polylogue to monologue: countdown... 166	
<i>Yurchenko E.D.</i> The other-ethnic image and its influence on the ethnic identity formation..... 171	

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Nagornaya L.A., Nagorny N.N.</i> Philosophical understanding of the features of the professional consciousness of a deaf person..... 175	
---	--

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF RELIGION

<i>Kadygrova V.I., Apsamatova E.D., Baibosunova G.U., Brusilovskii D.A.</i> Ethnoculture and art as a reflection of national identity: innovative approaches of artists of Kyrgyzstan 182	
---	--

<i>Melnikov V.L.</i> Expeditionary activities of the St. Petersburg Museum-Institute of the Roerich Family: philosophical and cultural analysis of the presentation of achievements of scientific activity 187	
<i>Mukhametkali A.A.</i> Application of the provisions of the game theory of I. Huizinga in the development of methods for forecasting and foreseeing the future 194	
<i>Jiao Yi.</i> Comparative Analysis of Scientific and Technological Resource Management Models in China and Russia from a Philosophical Point of View 200	

ETHICS, AESTHETICS

<i>Morgunova N.V.</i> Social and philosophical analysis of the phenomenon of ethical behavior of civil servants: aspects of institutionalization in the system of legal norms 206	
---	--

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Dyachenko A.N.</i> Development of a methodology for assessing the sociometric status of a small group participant: using the example of cadets of military educational institutions 210	
<i>Egorov V.G.</i> Cooperation in socio-political thought at the end of the XIX – first half of the XX century 214	

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Maslodudova N.V.</i> Image of the future through the eyes of students 221	
--	--

Окно возможностей дистанционного обучения

Журавлева Ирина Александровна,

к.ф.н., доцент, директор Института социальных наук
Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются возможности дистанционного обучения для высшей школы. Приводится анализ уже проведенных исследований оценки дистанционного обучения с позиции родителей, студентов и преподавателей. Дается характеристика условий, возможностей и последствий дистанционного обучения. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в вузах Сибири и Дальнего Востока, позволяющие говорить о перспективном доминировании окна возможностей для студентов при использовании дистанционного обучения, которое только будет развиваться в будущем.

Ключевые слова: дистанционное обучение, окно возможностей, перспективы развития, работа социального института, образование, цифровизация, виртуализация.

Цифровизация образования привела к тому, что дистанционное обучение стало нормой для всех уровней образования. Не исключение и высшая школа. Оценки воздействия дистанционного обучения на студентов и преподавателей разнятся, в зависимости от подхода, критериев оценки и форм социального взаимодействия и контроля реализации цифрового дистанционного обучения в вузах.

Чаще всего это рассматривается как очередной этап развития института образования – виртуальный или цифровой. Или же может выступать как социальный ориентир изменение человеческих потребностей и условий осуществления своих задач.

Виртуальное обучение создает предпосылки для изменения в следующих сферах общественной жизни и работе социальных институтов:

- 1) в образовательном институте меняются формы, техники, технологии обучения;
- 2) общественно-трудовых отношениях меняется форма и организация работы;
- 3) публичной реализации личности меняется форма и технология социального участия.

Это закладывает новые условия развития общества, новые цифровые технологии меняют повседневное пространство студентов, а в последующем и выпускников вузов, что определяет новые смыслы общественного развития, социальной статики и динамики. *Человек виртуальный* (то есть погруженный в социальные сети, блоги, сайты – получая оттуда необходимую учебную, а порой и профессиональную информацию) становится идеалом для дистанционного обучения, так как живет и реализует свои интересы уже в виртуальном пространстве. И задача цифрового формата обучения стать настолько привлекательным, насколько это возможно в современных образовательных условиях.

Ряд современных ученых активно изучают вопросы дистанционного обучения, его воздействия на преподавателей (И.А. Журавлева [5–10]) и студентов (И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, О.В. Крухмалева, Н.П. Нарбут, Н.Е. Савина [1], У.С. Захарова, К.А. Вилкова [11], Е.В. Медведева [14], Е.В. Олейник, Д.А. Муталова, Т.А. Безенкова, А.В. Мананникова [15], Т.Н. Петрова, Н.Н. Пьянзина [17]), социальные институты как таковые и личные образовательные траектории представителей разных полов, поколений, профессий и статусов (Р.Г. Ардашев [2, 3], П.А. Баев [4], Р.В. Иванов [12, 13], Ю.С. Пархоменко, О.А. Полюшкевич [16, 18], Е.А. Тимощук, А.С. Тимощук, Р. Тьяги [19]). В ра-

ботах прослеживается качественный и количественный анализ происходящих трансформаций. Обобщая работы исследователей, можно выделить следующие уже проверенные характеристики и особенности дистанционного обучения:

- нарушение преемственности и традиционности обучения;
- разрушение личностных смыслов обучения, сформированных в процессе социализации;
- непроработанность технически-организационного процесса обучения;
- мобильность и интерактивность дистанционного обучения;
- гибкость построение графика обучения;
- личная адаптация материалов к собственным потребностям и возможностям;
- экономия времени на проезд к месту обучения и более комфортное обучение в домашних условиях.

Эти характеристики не вызывают сомнений, но требуют более глубокого осмысления происходящих трансформаций, как системы возможностей для обучения. Дистанционное обучение изменило базовые представления о том, как лучше воспринимать, усваивать и применять на практике получаемую информацию. Этот опыт становится основой для общественного воспроизводства социально-регулируемых стандартов специальностей и норм обучения, учебных планов. Изучение трансформации жизненных сценариев молодых людей под влиянием дистанционного обучения позволяет определить новые смыслы обучения и образования. Это и стало целью нашего исследования.

Особенности проведения исследования

Исследование проводилось в виде опроса студентов городов Иркутска, Ангарска, Улан-Удэ, Красноярска, Хабаровска Владивостока, Омска, Томска, Новосибирска (n = 1800), 55% девушек и 45% юношей в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры гуманитарных, технических и естественно-научных специальностей. Все студенты обучались или обучаются частично или полностью в дистанционном формате.

Обучение в вузе – это процесс формирования определенной повседневной практики, смысл которой определяется как внешними условиями, так и внутренним содержанием и смыслом. Формальное соответствие требованиям стандарта образования всегда наполняется конкретным смыслом реального взаимодействия всех участников образовательного процесса. Он отрешается в виде представлений и ожиданий участников взаимодействия, особенностей коммуникации во время занятий и после их, а также ожидаемых эффектов обучения.

Анализ результатов исследования

Интересным моментом является то, что внутренние ожидания студентов от обучения из-за дистанционного формата не всегда оправдываются, что приводит к понижению мотивации и социальной депривированности (33%). Не все предметы официальной учебной программы нравятся или легки для восприятия молодыми людьми (32%). Дистанционный формат не облегчает, а порой и наоборот, осложняет восприятие, итак, не простой информации. Результатом этого становится утрата смысла образования (36%) в традиционном формате, так как дистанционный не позволяет получить ни знаний, ни коммуникаций, ни социализации, ни каких-то альтернативных условий для успешной жизни человека в будущем. Также, невозможность непосредственного контакта с одногруппниками приводит к ощущению потерянности и одиночества во время обучения (32%), что снижает готовность к учебе и понижает мотивацию обучения как таковую.

Данных студентов характеризует установка на то, что преподаватели, власть, родители и кто-то еще что-то должен им дать, создать, обеспечить. Их низкий уровень мотивации к обучению скорее мешает им найти приемлемые для себя возможности самореализации и саморазвития через дистанционный формат обучения, который позволит найти свое место, профессию, призвание.

Я не понимаю, как можно чему-то научить не разу не встретившись с человеком. У меня ступор на восприятие любой учебной информации через экран монитора. Я только через личное общение могу понять, что мне рассказывают. (Л.Д. 22 года, студент политолог, Красноярск). Университетское образование это ведь не только преподаватели, но и неформальное общение с одногруппниками, стены, общая атмосфера, а дистанционное обучение это все ворует у нынешних студентов, делая их менее патриотичными и вовлеченными в социальное сообщество, менее ответственными и т.д. (Н.Г., 23 года, студент-археолог, Иркутск).

С другой стороны, дистанционное обучение создает максимальное количество вариантов обучения в дистанционном формате на дополнительной основе (56%) (того, что не входит в обязательную программу обучения). И те студенты, что выбирают такое обучение, замотивированы достаточно высоко, они знают особенности существующих аналогичных программ в других вузах или иных организациях (24%), порой проходят несколько обучения по одной теме в разных школах и направлениях (20%). То есть, если молодой человек заинтересован в знаниях, навыках и компетенциях, то дистанционное обучение создает для него окно возможностей.

Эта группа студентов обладает высоким уровнем мотивации к применению полученных знаний на практике, в реальной непосредственной работе. Поэтому они могут выстроить самоорганиза-

цию дистанционного обучения, где они будут активно вовлечены в учебный процесс и максимально из него получать знаний, умений и навыков.

Я столько экономлю времени на том, что не трачу его на дорогу, на общение с теми, с кем можно и не общаться, а вынужден, если вместе на перемене. Так что, для меня дистант стал инструментом отсекающего всего лишнего. (С.С., 26 лет, студент-информатик, Новосибирск). Дистант существенно экономит время и деньги, дает новые ориентиры и понимания социального развития и перспективных сфер моделирования образовательным процессом. (Г.Е., 20 лет, студент-журналист, Омск).

Надо отметить, что на сегодняшний день, обе группы студентов воспринимают дистанционное обучение как помогающий фактор образования (68%). Традиционное обучение в аудиториях на лекциях и семинарах, практиках и лабораторных работах остаются важными элементами образовательного процесса.

Далеко не во всех вузах Сибири и Дальнего Востока (полагая и всей России) дистанционное обучение плотно интегрировано в образовательный процесс. Этому свидетельствует недостаточное принятие того, что существуют разные формы организации дистанционного обучения, не все об этом знают и используют.

Чтение лекций по презентации ограничивает информационное восприятие, личность преподавателя и его харизму не заменит ни одна презентация. (Н.К., 19 лет, студент-математик, Улан-Удэ). Дистанционный формат надо использовать с умом, чтобы это не было дистанционным форматом заурядного взаимодействия, а именно послужило особой формой социальных коммуникаций, которые вписываются в цифровые реалии современного общественного развития (Д.А., 25 лет, студент-антрополог, Томск).

При этом стоит отметить повышение уровня самостоятельности у студентов (44%), до дистанционного обучения оно было в два раза ниже (21%). И только для трети студентов – ответственности (32%).

Я знаю много студентов, которые стали более дисциплинированными и ответственными при внедрении системы дистанционного обучения, так как это создало для них определенные рамки, к которым они смогли достаточно эффективно приспособиться. (Г.Г., 24 года, студент-геолог, Омск). Дистанционное обучение порождает ответственность и ответственность за то, какие знания и когда ты получаешь. (Т.Т., 26 лет, студент-химик, Новосибирск).

Также нами установлено, что под влиянием дистанционного формата обучения меняется студенческая идентичность, то понимания и осознание – что значит быть студентом, разделять ценности и нормы студенчества, выстраивать соответствующее поведение и мышление и т.д. Ответы можно разделить на две группы, что значит быть

студентом: 1) иметь особый круг коммуникативных практик (с преподавателями, с одногруппниками, с самим местом Университета (присоединение к его атмосфере и ауре) – 56%; 2) получать знания, навыки и компетенции в рамках получаемой специальности (то, что поможет в будущей процессии) – 44%. То есть взаимодействие в виртуальном пространстве достаточно часто не совпадает с существующими представлениями в обществе о хорошем обучении, которое предполагает личную работу и общение с преподавателями, обсуждение особенностей и нюансов в личном формате, а не через цифровое окно в мониторе.

Студенчество – это время особого общения открытий и нового опыта, когда молодые люди раздвигают границы известного им и пробуют себя в новых ролях и статусах. (С.А., студент-психолог, 20 лет, Хабаровск). Студенчество это время становления профессионализма и основополагающих знаний, которые определяют перспективы развития молодого человека как профессионала (Н.Е., студент-физик, 24 года, Томск).

Таким образом, полученные данные говорят о том, что дистанционное обучение становится окном возможностей для социально активных молодых людей, которые сами готовы вступить в процесс социальной коммуникации и сформировать новые условия общественного воспроизводства. Возможность использования окна возможностей определяется личной и социальной активностью молодого человека, его мировоззренческими и жизненными ценностями и планами, амбициями и возможностями реализации в конкретный исторический период.

Современному дистанционному обучению в массовом масштабе не хватает новых смыслов, которые были бы общедоступны и понятны всем участникам образовательного процесса и формировали новые смыслы жизни и мировоззрения, обучения и работы в тех сферах, что являются приоритетными для общественного развития. Если произойдут в этом ключе изменения процесса образования как системы – то и место институту дистанционного обучения будет официально определено. Следствием этого станут обновленные технологии и техники обучения, новые стандарты и механизмы социальных коммуникаций дистанционного обучения.

Выводы

Проведенное исследование вполне согласуется с ранее проведенными другими авторами исследовательскими интроспекциями, но утоняет возможный фокус внимания развития окна возможностей для молодых людей через участие в дистанционном обучении. А именно, окно возможностей для студентов сводится к следующему.

1. Коммуникативной мобильности.

2. Социокультурной легкости социального взаимодействия.
3. Личностному саморазвитию в рамках личных, индивидуальных траекторий жизненного пути.
4. Развитию волевых качеств и процессов самоактуализации.
5. Регулированию общественного развития чрез цифровое обучение.
6. Формирование новых смыслов и жизненных ориентиров современной молодежи под влиянием дистанционного обучения.

Выявленные возможности меняют жизненные траектории и пути студентов, создавая для них принципиально новые условия общественной реализации и социального диалога. Это становится новым форматом социального развития и личной ответственности каждого молодого человека за свое будущее, наполненное новыми технологиями и формами развития или находящегося в отживающих свой век устоях образования прошлых веков. Поэтому, по нашему мнению, дистанционное обучение является позитивным условием социального моделирования.

Литература

1. Алешковский И.А. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, О.В. Крухмалева, Н.П. Нарбут, Н.Е. Савина // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–100.
2. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания / Р.Г. Ардашев // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
3. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации / Р.Г. Ардашев // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 141–144.
4. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи / П.А. Баев // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
5. Журавлева И.А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете / И.А. Журавлева // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
6. Журавлева И.А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов / И.А. Журавлева // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 475–480.
7. Журавлева И.А. Изменение условий и форм образования / И.А. Журавлева // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 78–82.
8. Журавлева И.А. Качество жизни и дистанционное обучение университетской молодежи во время и после COVID-19 / И.А. Журавлева // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 40–42.
9. Журавлева И.А. Креативные индустрии дополнительного образовательного пространства городов / И.А. Журавлева // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 346–350.
10. Журавлева И.А. Образовательные траектории современной российской молодежи / И.А. Журавлева // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.
11. Захарова У.С. Субъектность студентов в условиях очного и дистанционного обучения: взгляд преподавателей / У.С. Захарова, К.А. Вилкова // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3. С. 87–96.
12. Иванов Р.В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих / Р.В. Иванов // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. научно-методические материалы. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций. 2016. С. 107–109.
13. Иванов Р.В. Социальные факторы виртуализации общества / Р.В. Иванов // Социальная реальность виртуального пространства. материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный

- университет; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 15–18.
14. Медведева Е.В. Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза / Е.В. Медведева // Высшее образование в России. 2013. № 1. С. 82–88.
 15. Олейник Е.В. Изучение проблемы адаптации студентов вуза в условиях самоизоляции к online обучению с применением дистанционных образовательных технологий / Е.В. Олейник, Д.А. Муталова, Т.А. Безенкова, А.В. Мананникова // Современное педагогическое образование. 2020. № 5. С. 69–72.
 16. Пархоменко Ю. С., Полюшкевич О.А. Идеология компетентности в высшем образовании / Ю.С. Пархоменко, О.А. Полюшкевич // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года. материалы: в 2 томах. ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет». 2009. С. 488–493.
 17. Петрова Т. Н. К вопросу об отношении студентов вуза к дистанционному обучению / Т.Н. Петрова, Н.Н. Пьянзина // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 206–212.
 18. Полюшкевич О.А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект / О.А. Полюшкевич // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века. сборник научных трудов. Печатается по решению президиума Иркутского регионального отделения Российского общества социологов. Иркутск, 2008. С. 69–77.
 19. Тимощук Е.А. Принуждение к дистанту как кризис и новые возможности / Е.А. Тимощук, А.С. Тимощук, Р. Тьяги // Архонт. 2021. № 1 (22). С. 95–101.
 2. Ardashev R.G. Personal security in virtuality: the irrationality of public consciousness / R.G. Ardashev // Social security and social protection of the population in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 8–11.
 3. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization / R.G. Ardashev // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among youth. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, 2021. pp. 141–144.
 4. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth / P.A. Baev // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 512–515.
 5. Zhuravleva I.A. Students' perception of remote learning at the university / I.A. Zhuravleva // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2020. No. 8. pp. 12–15.
 6. Zhuravleva I.A. Distance education in a modern university: student assessments / I.A. Zhuravleva // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020. pp. 475–480.
 7. Zhuravleva I.A. Changing conditions and forms of education / I.A. Zhuravleva // Science and higher education in the XXI century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 78–82.
 8. Zhuravleva I.A. Quality of life and distance learning of university youth during and after COVID-19 / I.A. Zhuravleva // The influence of quality of life on the formation of the value structure of the Russian population. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University named after. M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. pp. 40–42.
 9. Zhuravleva I.A. Creative industries of additional educational space in cities / I.A. Zhuravleva // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. pp. 346–350.
 10. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of modern Russian youth / I.A. Zhuravleva // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 286–290.
 11. Zakharova U.S. Subjectivity of students in full-time and distance learning: the view of teachers / U.S. Zakharova, K.A. Vilkovala // Modern foreign psychology. 2020. Vol. 9. No. 3. pp. 87–96.
 12. Ivanov R.V. Distance higher education: the role of virtual components / R.V. Ivanov // The role of social education in the development of the institution of public opinion in the context of global challenges. scientific and methodological materials. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences, Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations. 2016. pp. 107–109.
 13. Ivanov R.V. Social factors of virtualization of society / R.V. Ivanov // Social reality of virtual space. materials of the I International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. pp. 15–18.
 14. Medvedeva E.V. Formation of student subjectivity in the educational process of a university / E.V. Medvedeva // Higher education in Russia. 2013. No. 1. pp. 82–88.
 15. Oleynik E.V. Studying the problem of adaptation of university students in conditions of self-isolation to online learning using distance educational technologies / E.V. Oleynik, D.A. Mutalova, T.A. Bezenkova, A.V. Manannikova // Modern Teacher Education. 2020. No. 5. pp. 69–72.
 16. Parkhomenko Yu. S., Polyushkevich O.A. Ideology of competence in higher education / Yu.S. Parkhomenko, O.A. Polyushkevich // Third University Social and Humanitarian Readings 2009. materials: in 2 volumes. FSBEI HPE "Irkutsk State University". 2009. pp. 488–493.

WINDOW OF OPPORTUNITIES FOR DISTANCE LEARNING

Zhuravleva I.A.

Irkutsk State University

The article deals with the possibilities of distance learning for higher education. The analysis of already conducted studies of distance learning assessment from the position of parents, students and teachers is given. The conditions, opportunities and consequences of distance learning are characterized. The results of the empirical research conducted in higher education institutions of Siberia and the Far East are given, allowing us to speak about the prospective dominance of the window of opportunity for students in the use of distance learning, which will only develop in the future.

Keywords: distance learning, window of opportunity, development prospects, work of social institution, education, digitalization, virtualization.

References

1. Aleshkovsky I.A. Students of Russian universities about distance learning: assessment and opportunities / I.A. Aleshkovsky, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhmaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina // Higher education in Russia. 2020. No. 10. pp. 86–100.

17. Petrova T.N. On the issue of the attitude of university students to distance learning / T.N. Petrova, N.N. Pyanzina // Bulletin of ChSPU im. I. Ya. Yakovleva. 2020. No. 3 (108). pp. 206–212.
18. Polyushkevich O.A. Education in the life world of modern youth: regional aspect / O.A. Polyushkevich // Irkutsk sociological school at the turn of the XXI century. collection of scientific papers. Published by decision of the presidium of the Irkutsk regional branch of the Russian Society of Sociology gov. Irkutsk, 2008. pp. 69–77.
19. Timoshchuk E.A. Compulsion to distance as a crisis and new opportunities / E.A. Timoshchuk, A.S. Timoshchuk, R. Tyagi // Archon. 2021. No. 1 (22). pp. 95–101.

Город как социальное многообразие и пространственная гетерогенность

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Люди строят дома, дома создают людей. Люди объединяют себя и свои жилища в огромные скопления, именуемые мегаполисами. Мегаполис – сверхорганизм подобно муравейнику или улью. Их называют человеичниками – коллективным скоплением маленьких существ, инстинктивно передвигающихся по проложенным кем-то каменным лабиринтам и протокам. Городок, город и мегаполис – разные масштабы жизнедеятельности человеческих сообществ.

Город хорош как зона комфорта, защищенное место, где все рядом. Не надо ехать за самоваром или к врачу в другую деревню. Место за околицей или городом – место небезопасное для путешествующего: его могли ограбить или убить, взять в плен на выкуп или в рабство. Правда, сегодня анонимный город с равнодушными гражданами напоминает пустыню, где человека могут спокойно похитить среди бела дня, ограбить, изувечить или убить при молчаливом согласии толпы. В этом смысле город остается равнодушной толпой. В городе люди ходят, фигурально выражаясь, по головам друг друга. Так устроены многоэтажные дома и многоуровневые города.

Мегаполис – символ глобального, городок – символ локального. Мегаполис представляет собой густонаселенную территорию, численность жителей которой превышает один миллион человек. Мегаполис как раковая опухоль, где от тесноты, плотности и сверхразвития нормальные клетки городского организма вырождаются в ненормальные. Он кажется гигантским спрутом, обладающим непонятной устойчивостью и мощью. Но это видимость. Незначительная поломка в электронных сетях превращает его в беспомощную грудку сырого материала, с которым можно делать что угодно. Управленческая ошибка, ледяной дождь, жара, радиация, бунт молодежи парализуют его на короткое или длительное время. Негатив жизни в мегаполисах, где происходит хаотичное перемешивание разных культур, их брожение и формирование таких культурных феноменов, как культурные миксеры и креолизация: исчезновение многих культур, которые не смогли быть принятыми; потеря самобытных черт культуры; отход от традиционных верований и практик; отсутствие знаний о родном языке и о своей культуре.

Ключевые слова: город, мегаполис, социальная стратификация и дифференциация, социальное расслоение, городское пространство.

Функции и роль города

Городом называется сконцентрировавшаяся в одном месте, постоянная и относительная крупная общность людей, не производящих для себя продуктов питания, как правило, город – это промышленный узел и крупный культурный центр. Он динамичен, так как в нем происходит обмен информацией и материальными ценностями, он статичен, поскольку в нем отводятся специальные места для религиозных, административных, коммерческих и т.п. зданий.

Крупный город выступает в жизни общества как чрезвычайно многоплановый социальный организм, сложный экономико-географический, архитектурный и инженерно-строительный, а также культурный комплекс.

В **экономическом** смысле город – населенный пункт, не связанный по преобладающему роду занятий жителей с сельским хозяйством, концентрирующий финансовую мощь страны, торговлю, промышленность и обслуживание.

В **социальном** смысле город – вид территориальной общности людей, отличающийся чрезмерной плотностью расселения, интенсивными социальными контактами, гетерогенностью состава и высоким комфортом проживания.

В **культурном** смысле город – очаг духовной жизни общества, постоянно создающий и потребляющий произведения искусства и литературы, научные теории и разработки, образовательные проекты, религиозные ценности и ритуалы, а также повседневные нормы, традиции и обычаи.

В **политическом** смысле город – место сосредоточения государственной власти и административных учреждений, концентрации политических партий, организации заговоров, переворотов и революций.

Основными критериями отнесения населенного пункта к категории город служат: численность его населения и функции, которые он выполняет (одну или несколько – в различных сочетаниях): промышленного производства, организационно-хозяйственные, культурно-политические и административные, функции организации отдыха и лечения. Иначе говоря, если в городе нет резиденции для областного начальства, то его статус ниже того, где она располагается. Если в данном городе есть предприятия, но они относятся к местной промышленности, то и статус его ниже. Город – это всегда или обычно административный центр окружающего района. Но какого именно – районного, областного, регионального или всероссийского, – определяет его функциональный статус.

Установление статуса города, а, следовательно, вытекающих из него круга прав и полномочий, размера отчисляемых в центр и выделяемых из центра городам доли финансовых ресурсов, большой или меньший штат городских чиновников, выступает сейчас и выступало раньше важным элементом социальной политики государства. Отнесение города к числу миллионеров сулило в советские времена качественно более высокий уровень снабжения горожан продуктами питания и промышленными изделиями, а местным чиновникам – повышение по службе и возможности переместиться в Москву.

Понятие города неразрывно связано с представлением о центре в сети расселения – функциональном, населенном, жилом. Возникновение и развитие городов неотделимо от углубления территориального разделения труда, что и определяет производственные функции города: в сфере промышленности, транспорта, обмена, а также производства услуг для тяготеющих к городу ареалов.

М.Вебер дал развернутую классификацию типов, моделей происхождения городов, их функций и социального статуса. Он показал, что город в полном смысле этого слова должен содержать пять элементов: крепость; рынок; собственное право и суд; объединение городских жителей в корпорацию, создающей у них чувство общности; наличие существенной политической автономии, позволяющей организовывать городское самоуправление при помощи специального аппарата, к организации которого причастны граждане [4].

Ученые выделяют множество критериев, на основании которых производится дальнейшая классификация, в том числе следующие:

исторической функции – города-крепости, морские порты, речные пристани, железнодорожные узлы, перекрестки торговых (прежде всего караванных) путей, центры административной власти округа и т.д.;

численности населения (величины города): большие, средние, малые; крупные и сверхкрупные; агломерации и мегаполисы;

функциональному профилю – промышленные центры, портовые, наукограды; монопрофильные (монофункциональные) и многопрофильные (полифункциональные) города.

Исторически город служил основным защитником людей. С древнейших времен города возводились как крепости, главной функцией которых была оборона. Наличие каменных стен было одним из факторов кристаллизации городов как новых типов поселений, особенно важным в периоды многочисленных междоусобных войн, сопровождавшихся грабежами и разбоем, нападениями на неприятельские поселения.

Город притягивает лучшие силы страны, ее ресурсы, таланты и богатства. В столичный город

переносят административные и правительственные учреждения, сюда приезжает чиновный люд в надежде сделать головокружительную карьеру, а представители средних слоев – получить хорошо оплачиваемую и престижную специальность. Здесь всегда концентрировалась финансовая мощь страны. Города наподобие денежных мешков привлекают воров, мошенников, разбойников и захватчиков. Вокруг городов, как и вокруг банков, приходится воздвигать каменные препятствия.

Город выполняет важную мультикультурную роль, объединяя носителей разных, а зачастую противоположных социально-классовых (рабочих и буржуазии, бедных и богатых), экономических (производителей и потребителей), политических (республиканцев и демократов, консерваторов и лейбористов, правых и левых), культурных (протестантов и католиков, православных и мусульман, артистическую богему и рядовую публику) общим культурно-цивилизационным ландшафтом, единым типом общения. Город выполняет также функцию социального сплочения и солидаризации.

Города сыграли важнейшую роль в укреплении международных отношений. Страны, державы и культуры общались между собой не деревнями, а городами, где сосредоточены базовые культурные ценности, исторические памятники, органы политической власти, современные средства коммуникации. С началом урбанизации в той или иной стране заканчивается ее политическая, экономическая и культурная изоляции.

Список функций постоянно расширяется. В него добавили функции, связанные с концентрацией коммуникаций, путей сообщения, информации. Возможно, что в будущем к ним добавятся новые. Предназначение города пытаются искать в культуре, в способах сохранения и воспроизводства ценностей и стереотипов, в поддержании общности, в создании и распространении особой интеллектуальной и духовной атмосферы, традиций поведения, объединенных общим термином городская культура. В городе с большей вероятностью, чем в сельской местности, можно получить хорошее образование и полноценно отдохнуть, приобщиться к культурным ценностям.

Социальная стратификация и дифференциация города

Социальная стратификация – социальная дифференциация и неравенство, расположение населения страны или жителей города на шкале статусной иерархии сверху вниз по четырем критериям: неодинаковые доходы, уровень образования, доступ и власти, престиж профессии. Стратификация обозначает процесс и результата социального расслоения общества, объясняет причины и сущность неравенства людей в обществе, социальное

расслоение на бедных, зажиточных и богатых, социальную мобильность – перемещение из одного слоя в другой.

Анализируя исторические типы города М. Вебер отмечал гетерогенность социальной структуры города и общества. И в древности, и в средние века города служили центром миграционных потоков. Они возникали путем скопления переселенцев из разных областей, городов и стран. Основным же источником пополнения населения служила деревня. В городе можно было встретить вольноотпущенников, крепостных, рабов, знатных вотчинников и их дворовых людей, чиновников, министерялов и воинов, монахов и священников [3, с. 309–440]. Однако нельзя представлять себе социальный состав горожан наподобие винегрета, где каждый компонент соседствует с другими, не смешиваясь. В качестве социального организма город надо мыслить себе наподобие плавильного котла. Постепенно разношерстное социальное одеяло приобрело достаточно организованную упорядоченность, в основание его узоров лежала сначала сословная, а затем и классовая иерархия. Стратификация превратилась в доминанту социального пространства и городской организации жизни. Из этнической, языковой, религиозной и социально-экономической городской пестроты стали выкристаллизовываться определенные слои, в разные периоды, по-разному формирующие культурный облик, образ и стиль жизни, архитектурную и коммуникационную среду города.

Особенность российских городов по сравнению с западными городами состоит в значительно меньшей территориальной стратификации населения. В СССР фактически никогда не было элитных районов, хотя существовали элитные дома. Они были всем известны и часто носили имена собственные, во Владивостоке, например, такими издавна считались «Серая лошадь», «Дворянское гнездо», «Ломакинский дом», недавно присоединились к ним «Наздратенковский дом» на Пушкинской и другие [7]. Однако в последнее время положение изменилось. Достаточно явно просматривается тенденция к возникновению во Владивостоке «богатых» и «бедных» районов.

В таких условиях определяющую роль в освоении городского пространства и жизнедеятельности социально-территориальной сообществ играют градостроительные свойства территории, такие как территориальная доступность, связанность, транспортная обеспеченность, соседство с различными объектами, тип и характер жилой застройки [5].

Социальная стратификация города выражается, на наш взгляд, в двух главных признаках.

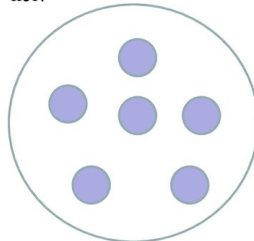
1. Дифференциации социального пространства, т.е. районизации городской территории по признаку неравного доступа к культурным очагам, месту работы, качественному жилью, благо-

приятным экологическим условиям проживания.

2. Дифференциации социального состава горожан, выраженного в критериях неравного материального достатка и классовой принадлежности, длительности проживания в городе, а потому неодинаковому уровню инкультурации, и т.д.

Социальная дифференциация (расслоение) обозначает любые социальные различия людей, а также их совокупность, в том числе по полу, расе, здоровью, жилью, возрасту. Иными словами, это совокупность или виды любых социально значимых различий между людьми, даже по способностям и таланту, если они вдобавок к своей биологической получают социальную характеристику. Главной ее формой служит *дифференциация доходов* – разделение людей по величине доходов, которое измеряется в децильных коэффициентах. Как правило, повышение уровня социальной дифференциации делает общественную жизнь разнообразнее, но вместе с тем и конфликтоопаснее. Без дифференциации невозможен никакой прогресс, но нужно помнить, что ее оборотной стороной выступает поляризация общества (рис. 1).

Дифференциация – деление общества на группы, характеризующиеся различными признаками. Соподчиненности между ними нет.

Стратификация – совокупность расположенных в иерархическом порядке социальных слоев = распределение социальных групп

Рис. 1. Различие между дифференциацией и стратификацией

Примечание. Первая – горизонтальный срез общества, вторая – вертикальный.

Как только общество превращается в дифференцированную по группам и целевым объединениям упорядоченную общность, о нем можно говорить как об определенной организации. Сущность всякой организации сводится к наведению порядка в отношениях и положении людей, вещей, идей и функций. Степень дифференциации общества по группам на различных исторических этапах различна. Но основная тенденция развития заключается в увеличении числа и усложнении структуры социальных групп. В достаточно дифференцированных обществах способность к производству услуг становится источником движения для общества, мобилизуемым через рынок. Когда эта стадия достигнута, мы можем говорить об услугах как о продукте экономического процесса, доступ-

ном для «потребления» в неэкономических контекстах. Из недифференцированной толщи народной культуры выделяется первоначально светское искусство (салонная культура), а позже – массовая культура. Наскальные рисунки сменяет деревянная скульптура, а затем – изящные искусства. Изменяются образ и уровень жизни населения, города благоустраиваются, превращаются в мегаполисы. Традиционные многопоколенные семьи распадаются на множество нуклеарных – мать, отец, ребенок. Во времена освоения Северной Европы в Месопотамии уже существовали высокоорганизованные города-государства с ирригационной системой земледелия, с социально дифференцированным обществом, состоявшим из земледельцев, ремесленников, торговцев, жрецов и царей. Одновременно с ростом буржуазных слоев городского и сельского населения разбухал бюрократический аппарат, резко дифференцировался доступ к социальным благам, усиливалось неравенство в распределении материальных ценностей.

В общем и целом социально-экономическая структура города совпадает с социально-экономическим населением страны. В ней различают основные классы, профессиональные группы, политические группировки, религиозные конфессии, нации и народности, половозрастные категории и т.п. Совпадение наблюдается здесь гораздо большее. Чем при сравнении социальной структуры общества с социальным составом села, поскольку на селе нет или слабо представлены основные отрасли народного хозяйства, культура, наука, образование. К ней применимо определение усеченной или суженной социальной структурой. В отличие от нее социальная структура городского населения, а оно охватывает в современном обществе 2/3 всего населения, надо считать полной или изоморфной структурой.

Тем не менее, социальная структура имеет свои особенности, которые требуют научного изучения, особенно социологии, и позволяют выделить ее в самостоятельный предмет исследования.

Ситуация в городах находится сегодня под влиянием ряда общемировых тенденций. Глобализация экономики, повышение мобильности отраслей и усиление международной конкуренции, негативно влияют на уровень занятости и оплаты труда в Европе. В частности, в большинстве городов мира идет снижение занятости в отраслях промышленности. Причем в результате резкого спада в старых отраслях рабочие места в производственном секторе, как правило, сокращаются очень быстро. Плавные и не вызывающие болезненных последствий процессы сокращения, которые сопровождаются компенсирующим ростом занятости в сфере услуг, отмечаются реже. Таким образом, практически все города сталкиваются с продолжающейся поляризацией населения, обусловленной безработицей, дифференциацией доходов и социальных статусов [6].

Социальная дифференциация городского населения выражается также в неравном доступе к образованию. Социально-культурное воздействие городской среды проявляется и в том, что среди окончивших городскую школу доля поступающих в вузы в 1,5 раза выше, чем среди выпускников сельских школ.

Изучая социально-культурную стратификацию городского населения Омского Прииртышья, Д.А. Алисов [2, с. 327–328] выделил следующие слои.

1. Коренные, или «чистые» горожане, т.е. те, кто всю или по крайней мере более 3/4 своей жизни прожил в городе. Как правило, это горожане второго, третьего и более поколения. Это наиболее яркие представители, а также трансляторы и генераторы стереотипов урбанизированного образа жизни. На него, как на самый приспособленный к городскому образу жизни слой, должны ориентироваться в своем поведении остальные группы, а потому он является референтной социальной группой.
2. Полугорожане – лица, прошедшие в городе от половины до 3/4 жизни. Это – горожане первого поколения, фон традиционной аграрной культуры и образа жизни; у них размыт и слабо сказывается на поведении, установках и образе жизни.
3. Полусельские жители – лица, прожившие в городских поселениях более четверти, но не более половины своей жизни. Этот слой образуют горожане первого поколения с заметно выраженными элементами традиционной аграрной культуры в поведении, установках и образе жизни в целом. Пока что им удалось освоить лишь азы городской культуры. Их поведение – сплав аграрных традиций и городских стереотипов поведения. В литературе их еще называют маргиналами.
4. Городские селяне, т.е. лица, прожившие в сельской местности почти всю или более 3/4 своей жизни. Они еще только вживаются в непривычную для них городскую среду, их отличает перестройка нормативной ценностной структуры личности, образа жизни. Таков этап начальной или незавершенной адаптации к городу и дезадаптации по отношению к селу. В своем поведении они наиболее далеки от урбанизированного образа жизни и остаются носителями преимущественно аграрной культуры. Их еще нельзя назвать даже маргиналами, они лишь приближаются к подобному статусу.

Исследование проведенное новосибирскими учеными в середине 1980-х гг. показало, что городское население Западной Сибири между основными социально-территориальными группами распределилось следующим образом: группа «чистых горожан» составила 60% от числа опрошенных, полугорожане – 18%, городские полусельяне – 15%, городских селян – 7% [1, с. 3–15].

Горожан разделяет и различает не только одежда или выговор, но и место проживания. Богатые и состоятельные люди прежде селились в исторической части города, там, где много музеев, театров, роскошных магазинов и офисов. Постепенно зажиточные люди, первыми это сделали в Америке, уехали из загазованного центра в пригороды, где строили уютные коттеджи и особняки. За ними потянулась все сфера быта, включая и дорогие магазины. Если вы или ваши родители смотрите сериал «Беверли-Хилл», то, наверное, знаете, что это привилегированный пригород, а не центр крупного американского города. Здесь живут, а иногда и работают только богатые люди.

Противоречия социального расслоения

На протяжении своей немалой уже истории города служили инкубаторами **восходящей и нисходящей мобильности**. Иными словами, агрегатором социальной дифференциации и поляризации. Великий город, как писал Рене Декарт в 17 веке, был «инвентарем возможного», местом, где люди могли вывезти свои семьи из нищеты и создать новое будущее. В его время Амстердам стал таким местом не только для амбициозных голландских крестьян и ремесленников, но и для всей сословной Европы [10]. Сегодня многие из крупнейших городов мира, как в развитых, так и в развивающихся странах, уже не могут выполнять эту функцию. Сегодня города не только не могут предоставить возможности для восходящей мобильности; они создают классовое неравенство, присущее «роскошным городам», таким как Лондон и Нью-Йорк.

Китай имеет один из самых высоких в мире уровней неравенства доходов. В центральных районах Пекина и Шанхая работают легионы хорошо оплачиваемых европейских и американских архитекторов и проектировщиков, но мало кто интересуется лагерями, в которых живут бедные, часто временные рабочие, которые составляют примерно одну пятую населения и живут в условиях, напоминающих больше бразильской фавелы, чем «городской гламурной зоны» (выражение Саскии Сассен).

Такое же расслоение происходит и в Индии. Мумбаи, один из самых быстрорастущих городов, создает богатство на вершине экономического спектра, но заставляет миллионы других бороться только за пропитание. Писатель из Нью-Йорка Сукету Мехта описал свой родной город Мумбаи (ранее известный как Бомбей) как «городскую катастрофу», пример нарастающих проблем быстро растущих городов в развивающемся мире. «Бомбей – это будущее городской цивилизации на планете», – написал он. Большая часть населения Мумбаи в 2022 г. живет в трущобах по сравнению с одной шестой в 1971 г. – статистика, отражающая отсутствие достойного и доступного жилья даже для тех, кто имеет оплачиваемую работу. Пе-

реполненный, переуплотненный и загрязненный Мумбаи стал трудным местом для жизни. Ожидаемая продолжительность жизни здесь на семь лет меньше, чем у среднего индийца, что является замечательной статистикой для страны, все еще населенной бедными сельскими жителями, практически не имеющими доступа к медицинскому обслуживанию [10].

То же самое происходит и в Соединенных Штатах. В последнее десятилетие люди со средним доходом покидают мегаполисы. В период с 2000 по 2008 г. по данным демографа Венделла Кокса, в регионах с населением более десяти миллионов человек уровень чистой внутренней миграции составил 10%. Больше всего выиграли города с населением от 100 тыс. до 2,5 млн жителей: удобными для бизнеса являются такие города в Техасе, как Даллас, Хьюстон и Сан-Антонио. Роли и Дарем (Северная Каролина) сейчас образуют самый быстрорастущий регион в стране. Самый быстрый рост рабочих мест со средним доходом в сфере высоких технологий и науки отмечен в таких городах, как Хьюстон, Даллас, Остин, Роли-Дарем и Солт-Лейк-Сити. Напротив, в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и Чикаго их доля сократилась. В результате крупнейшие города Америки все чаще делятся на три класса: богатые, бедные и кочевой класс молодых людей, которые обычно приезжают в город на относительно короткий период, а затем уезжают. В 1980 году Манхэттен, самый богатый район Нью-Йорка, занимал 17-е место среди округов США по уровню социального неравенства; к 2007 г. «роскошный город» (по выражению мэра Блумберга) был первым. Причем пятая часть с самым высоким доходом в 52 раза превышала доход пятой части с самым низким доходом, что сопоставимо с показателями Намибии [10].

В Великобритании Лондон сконцентрировал в себе все богатства и блага страны, а Манчестер, Ливерпуль, Глазго и Бирмингем медленно скатываются в безвестность. Локомотив английской столицы не ее исторический центр, а богатый квартал, сосредоточенный к западу от аэропорта Хитроу и в бурно развивающемся прибрежном городе Брайтон. По мере ухода среднего класса на периферию центральный Лондон начал все больше расслаиваться. Жители Вест-Энда составляют одно из самых богатых мест на планете. Причина – высокая стоимость жилья. Даже в самых бедных районах Лондон жилье недоступно для людей со средним уровнем дохода. Зато они доступны для арабских шейхов и русских олигархов. Ныне Великобритания – крупнейший экспортер образованной рабочей силы из рядов среднего класса во все страны мира. В одной-двух милях от Темзы турист попадает совсем в другой Лондон. Здесь самый высокий уровень детской бедности в Великобритании – от 36 до 51% детей в Лондоне живут в бедности. В Торонто с 1970 по 2021 г. доля город-

ских кварталов со средним доходом упала с двух третей до одной трети; ареал бедных районов расширился более чем вдвое – до 40% от всей территории города. А количество кварталов среднего класса сократилось до 10% [10]. Похожие процессы наблюдаются по всей континентальной Европе в связи безумным ростом иммиграции в недавние годы. Старые центры Западной Европы уже не привлекают новичков, а спасаются от них все более жесткими заградительными мерами. Здесь 36% детей – бедняки.

Однако есть и другие данные социологических исследований, которые свидетельствуют, что в Европе неравенство сокращается. Углубленное исследование [9], проведенное В. Михненко из Департамента непрерывного образования Оксфорда, показывает, что за последние 35 лет разрыв между имущими и неимущими в Европе сокращается. Исследование охватывало все 28 стран ЕС и стран-кандидатов. Были рассмотрены все 7000 городов с населением более 5000 человек, а также все муниципалитеты этих стран. Михненко измерил изменение благосостояния, используя валовой внутренний продукт на душу населения в качестве показателя дохода и развития. Результаты поразительны – и, возможно, неожиданны. С 1980 года города и регионы Европейского союза (ЕС) экономически сближались, становясь все более похожими как с точки зрения дохода на душу населения, так и с точки зрения реального роста. Суммарное снижение регионального неравенства доходов в 28 странах-членах составляет не менее 7,2%. У городской конвергенции два потока. Они направлены в разные стороны: капитал перетекает из богатого города в бедный, а рабочие – из бедных регионов в богатые. В столичных городах много капиталов, но исчерпаны возможности для инвестиций. В бедных городах много не трудоустроенной рабочей силы, но низкая зарплата. Рабочие перемещаются с востока на запад, а капиталы – с запада на восток. Другой фактор конвергенции связан с частными и государственными инвестициями: первые текут в бедные районы ради строительства фабрик, складов и офисов, вторые строят дороги между ними и к ним. По словам В. Михненко, эффект усилился в 2004 г. после присоединения стран Восточной Европы к ЕС. Обычно капитал движется быстрее, чем рабочая сила: вы можете сделать банковский перевод в течение 24 часов, тогда как решение о переезде из одной страны в другую может занять много времени. «Но в день присоединения, или расширения европейской интеграции, многие уже были готовы к переезду, например, в Литве, где в тот же день были заполнены все автобусы, поезда и самолеты» [9]. Резко выросли цены на жилье. Восточноевропейские столицы – Прага, Братислава или Бухарест – стали недоступны для проживания, обогнав своих конкурентов из Западной Европы.

Дифференциация пространства

Город как социальная общность динамичен, так как в нем происходит обмен информацией и материальными ценностями, но он и статичен, поскольку в нем отводятся специальные места для религиозных, административных, коммерческих и других зданий. Один из существенных признаков городской жизни – разрыв связей человека с природой. Это означает для социолога, что в отличие от деревни городская среда имеет искусственный, а не естественно-природный характер.

Городская общность появилась только тогда, когда человечество под влиянием промышленности безжалостно рассталось со своим деревенским, семейно-родственным прошлым, превратившись в неуправляемую агрегатность, состоящую из отчужденных и незнакомых друг другу атомов. Прежде чем соединиться, надо разъединиться. Такое произошло в Европе, но не в Азии. Вебер отметил этот факт: «расчленение индийского общества на наследственные касты и ритуальное обособление профессий исключали возможность возникновения горожан как некоего целого и возникновение городской общины как таковой» [3, с. 26].

Элементами городского пространства являются социокультурные *артефакты*: транспорт, потоки людей, рекламные щиты, автомобили и т.д. Здесь высока концентрация приборов, оборудования, техники, зданий, улиц, интерьеров. Они ограничивают поведение людей, создают другой психологический настрой.

Общность городского коллектива во все времена проявлялась в общественном пространстве – это открытая городская территория, свободная от построек жилого типа и торговых зданий и используемая для самых разных общественных нужд. В отличие от него места публичных собраний – это ограниченные территории, которые отмечены историческими памятниками и по традиции почитаются.

Таким образом, *городское общественное пространство* служит функциональным, ритуальным или повседневным целям людей, а в местах публичных собраний люди выражают свое мировоззрение, традиционные и этические понятия. Кроме всего прочего, городское пространство выступает в качестве места пересечения различных слоев городского населения. Это место сбора, место встреч, место для прогулок, спортплощадка, сцена и витрина городской жизни во всех её аспектах. Во времена, когда расстояния не играют существенной роли, именно мягкие факторы, такие как имидж города, возможности проведения отдыха и досуга или культурные программы, имеют все большее значение для инвесторов в качестве решающего критерия для открытия в нем новых предприятий.

Социальное районирование современного города претерпевает самые разные формы изменения, например, интенсивно идёт процесс переселения привилегированных слоев из неблагоприятных для здоровья, вследствие загрязнённости воздуха и шума, центральных районов крупных городов в озелененные благоустроенные пригороды.

Городское пространство характеризуется социальной сегрегацией и поляризацией: богатые кварталы соседствуют с трущобами, увеселительно-развлекательные комплексы – с промышленными зонами. Район проживания – визитная карточка социального положения человека. Живя где-нибудь в Южном Бронксе, практически невозможно устроиться на приличную работу.

Богатые районы с полным набором коммунальных услуг, такими как эксклюзивные школы, поля для гольфа, теннисные корты и частные полицейские, патрулирующие территорию круглосуточно, *переплетаются* с неблагополучными сегментами, где вода доступна только из общественных фонтанов, систем канализации не существует, электричество получают немногие избранные, дороги превращаются в непроходимое болото, а дома функционируют в коммунальном режиме.

Многие районы Нью-Йорка и других мегаполисов превратились в место проживания городской бедноты. Дома здесь старые, без коммунальных удобств, а потому дешевые. Их легче снести, нежели перестроить. В Москве и Санкт-Петербурге раньше жить в центре было престижно, хотя и менее комфортно. Но сегодня многие «новые русские», подобно заокеанским богачам, переселяются за город, благо там воздух чистый и машина под рукой. Дома с улучшенной планировкой по дешевым или символическим ценам в нашей стране раньше и сейчас предоставляются только той части населения, которая имеет какие-либо статусные заслуги – партийным функционерам, государственным чиновникам высокого ранга, передовикам производства.

О. Трущенко, используя историко-социологические методы и опираясь на теоретические разработки французских социологов П. Бурдьё, М. Пэнсон, М. Пэнсон-Шарло, Э. Претесея и др., на примере Москвы показала, что городская сегрегация есть продукт социальной стратегии практического использования символически ценных пространств, который воплощается в характере расселения господствующих социальных групп и условий. Сегодня дефицит экологически чистых городских сред является растущим по важности фактором аккумуляции символического капитала именно в немногих, еще относительно экологически чистых зонах города [8]. С возникновением рынка земли, жилья и вообще городской недвижимости социально-экологическая дифференциация и сегрегация, а за ними и конфликты на этой почве неизбежно усилятся.

Городское пространство стратифицировано таким образом, что оно делится на открытые, закрытые и полузакрытые социальные сегменты, предназначенные прежде всего для избранных, которых конвенционально именуют «своими». Местами концентрации только «своих» людей могут стать не только целые города или их районы, но и отдельные улицы и здания. В старой Москве существовали улицы шорников, кожевников, кузнецов, торговцев и т.д. Городские театры посещает определенная публика, если речь идет не о плановых экскурсиях или случайных посетителях, а о завсегдатаях. Степенная, интеллигентная и достаточно зажиточная публика вечером стекается к театру. Ложа в театре, швейцар, телохранитель – все это средства, применяемые ограничения доступа непосвященных. Их наличие предполагает, что только избранным доступно то место, которое они охраняют и контролируют.

Швейцар и телохранитель определяют, «имеет ли право» данный человек войти туда, куда он захочет. Любой, кому разрешается войти, должен доказать свое право находиться внутри. Причем весь груз доказательства ложится на того, кто хочет войти, а право решать, является ли это доказательство удовлетворительным, сосредоточено всецело в руках тех, кто контролирует вход. Билетер отсекает «чужих» и пропускает «своих». Критерии отбора бывают разные. В случае с ложей в театре самым важным критерием являются деньги, хотя билет на входе могут и не принять, если человек не удовлетворяет некоторым другим требованиям, например, приличный костюм или нужный цвет кожи. День нашей жизни в городе делится на отрезки времени, проводимые в такого рода охраняемых пространствах и затрачиваемые на перемещения между ними (мы едем из дома на работу, в институт, в клуб, в ресторан или в концертный зал, а потом назад – домой). Между закрытыми пространствами простирается обширная область свободного входа. Мы стараемся сократить время, проводимое в таких промежуточных областях, где мы находимся среди чужаков.

Театр, как и многие другие заведения, яркий пример запретной территории, отгороженной от чужаков особой системой пропусков. Кроме него вы, если хорошенько подумаете, можете привести немало примеров огороженных территорий. Огороженных, разумеется, не забором, а социальными фильтрами – особыми системами пропусков. Например, можете ли вы, не имея на то оснований, войти в здание Министерства финансов, крупный банк или академический институт? Хотите поэкспериментировать? В добрый путь. Не забудьте результаты своего исследования записать в рабочую тетрадь.

Конечно, в городе немало мест, куда доступ неограничен. Это улицы, площади, оптовые рынки, общественный транспорт, вокзалы и др. Карта города, таким образом, разделена не только

географическими и административными границами, но и социальными. В одних местах высокая плотность людей, в других их мало и проходят они по специальным пропускам. Можно представить себе некую социальную топографию города. Если взять реальную карту города и нанести на нее районы, где много специальных мест (с ограниченным доступом) и общедоступных районов, выделить на ней место проживания богатых и бедных либо «профессиональные» улицы, то вы получите великолепную и совершенно новую карту своего города, которую до вас, уверен, никто не делал.

Вы получили крайне неоднородное пространство города. Это хорошо. Неоднородным является и географическое пространство. Оно пересечено реками, равнинами, горами, лесными массивами. А чем пересечено социальное пространство?

В каком пространстве мы обитаем?

Общество, в котором мы живем, – городское: люди живут вплотную друг к другу, много передвигаются; выполняя свои повседневные дела, они вступают в самые различные пространства, населенные самыми разными людьми, переезжают из одного города в другой или из одной части города в другую. В течение дня мы встречаем так много людей, что не можем узнать их всех. И в большинстве случаев мы не можем быть уверены – разделяют они наши взгляды и ценности или нет. Такие же они как мы или отличаются настолько, что лучше с ними не связываться.

Город представляет собой не только зримое, разделенное улицами и площадями, но и незримое пространство. Его нельзя увидеть, дотронуться до него или перенести с одного места на другое. Но оно, называемое социальным пространством, как и физическое, имеет четкие границы, нарушение которых не поощряется, осуждается или наказывается. Всего можно выделить четыре невидимых пространства (их именуют также территориями), в которых приходится обитать горожанину:

- общественное пространство;
- домашнее пространство;
- личное пространство.

Общественная территория – это место в городской среде, доступное всем жителям: городские улицы и перекрестки, скверы и площади, железнодорожные и аэровокзалы, жилое здание и двор, лестничные пролеты, лифты, подъезды и многое другое. Это самая «зарегулированная» зона поведения. Общественная территория – это также внутридомовое помещение, двор, улица, клубные, кружковые, спортивные помещения.

Здесь человек согласует свое поведение с общепринятыми нормами и правилами, находится под пристальным контролем других людей. Такие правила ограничивают или запрещают либо проявление определенных действий (курение, распитие спиртного, выгул собак), либо появление в общественных местах определенной категории лиц,

например пьяных. В вечернее время городские улицы патрулируют милиция и дружинники. Они могут проверить паспорт у подозрительных лиц, призвать к порядку и доставить в участок нарушителей, заглянуть в любой потаенный уголок городского парка.

Домашняя территория – это область осуществления семейных интересов и удовлетворения личных потребностей. Здесь человеку предоставлена большая свобода действий. Дома мы восстанавливаем потраченные физические и моральные силы, отдыхаем от городской суеты, читаем, смотрим телевизор, беседуем, смеемся, прыгаем, делаем уроки и совершаем множество других, необходимых нам действий, которые невозможно сделать на общественной территории.

Личное пространство определяется как область с невидимыми для глаза границами, окружающая тело человека, и в которую никто не может вторгаться. Каждый из нас может вспомнить множество житейских примеров соблюдения личного пространства в наиболее посещаемых местах: в городском скверике посетители, даже при достаточном количестве свободных лавок и возможности выбора, рассаживаются, как правило, подалее друг от друга. Точно также ведут себя пассажиры метро и автобуса: они стараются сесть поодаль друг друга. Личное пространство в квартире – кабинет отца, детская комната, спальня родителей.

Общественное пространство – его начало – мысли вслух, если их услышали другие. Жест, слово, действие – атомы общественного пространства.

Личное пространство – замкнуто и закрыто. Его зона простирается на расстояние вытянутой руки. Дальше – от лукавого, от придумок либералов, ратующих за свободу личности.

Наиболее авторитетный член семьи – ее глава. Чаще всего им выступает отец. Он контролирует жизнедеятельность, распределяет «жизненное пространство» внутри семьи. Но нередко эту роль выполняет мать. В старые времена глава семейства имел больше личного пространства. Как правило, меньше всего площади достается детям и старикам. Так, во всяком случае, происходило раньше или происходит сейчас, когда не хватает жилья.

Общественное, домашнее и личное пространства весьма условны и часто они меняются местами. Квартира друзей (знакомых, родственников), любимое место в парке, рабочее место, кружок или клуб, куда часто ходишь, становятся близкими тебе. К ним привыкаешь, возникает интимная привязанность, теплые чувства. Они уже рассматриваются как элемент домашней территории. Здесь, как и у себя дома, индивид чувствует себя уверенно, спокойно, доверительно. Наоборот, ухудшение отношений в семье, склоки, конфликты и скандалы мгновенно превращают уютный и доверитель-

ный мирок в подобие вокзала или площади, т.е. в место, где собрались чужие друг другу люди. А с вами происходило нечто подобное?

Наиболее активно превращают общественную территорию в подобие домашней дети и подростки и в меньшей степени – взрослые. Дети осваивают пустыри и улицы, превращая их в игровые площадки, а заброшенные чердаки и подвалы, старые здания – в «военные штабы» и места для физических занятий, приключений. Подростки оккупируют в свою «собственность» лестничные клетки, темные аллеи в парках и скверах, подъезды и подворотни, превращая их в места общения (а иногда и недозволенных игр). В таких местах дети и подростки ведут себя открыто, не стесняясь взрослых, сбрасывают покровы общепринятых норм, стесняющих их движения. А вам знакомы такие места?

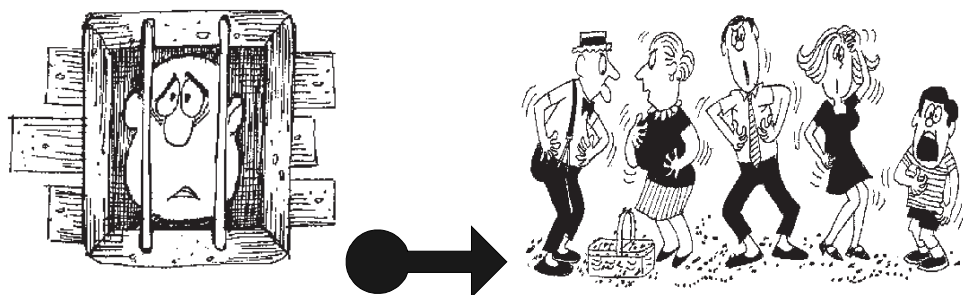

Рис. 2. Самые переуплотненные места обитания человека: тюрьма, казарма, общежитие, вокзал, стадион

Примечание. Переуплотненность помещения часто оборачивается конфликтами и скандалами.

Перенаселенное жилье многим европейцам напоминает «домашнему столпотворению». В США и Швеции перенаселенным считается квартира, где на одну жилую комнату приходится один человек. А если больше? А у многих народов, наоборот, чем больше людей живет в доме, тем веселее и интереснее. Города с высокой плотностью населения встречаются по всему миру; три самых густонаселенных города в мире – Манила, Патерос и Мандауйонг. Все три города находятся на Филиппинах.

Пример перенаселенности – нехватка пространства для занятий любимым делом, скажем работами по дереву, в современной городской квартире. В связи с этим возникает скрытая или явная форма неудовлетворенности жизнью. Она может быть так замаскирована, что сразу не поймешь, чем именно не доволен человек.

Не последнюю роль играет состав семьи. Так, например, контролировать и организовывать жизнь людей в многодетной семье все-таки сложнее, нежели во взрослой и бездетной. Впечатление о неуправляемости поведения детей усиливается, когда народу в доме очень много. В результате переуплотненность жилья выступает дополнительным раздражителем.

Давно замечено, что степень подвижности детей намного превышает степень их воспитанности, меру усвоения правил хорошего поведения.

Когда не хватает общественного, семейного или личного пространства, то возникает масса дополнительных проблем. И самая главная – переуплотненность. Это когда на квадратный метр людей приходится больше чем нужно. Перенаселенными бывают и города, и квартиры. Города напоминают тогда огромный муравейник, в котором человек всегда находится как бы в толпе незнакомых людей. То же самое можно сказать о квартире.

Сосуществование людей в ограниченном пространстве – возможно, самая сложная проблема. И уж, наверняка, это одно из самых тяжелых испытаний, выпавших на долю человека. Семейные драмы и конфликты, превращающие радость межличного общения в войну за выживание, разрушают наши чувства и связи с людьми (рис. 2).

Они входят без стука на взрослую половину, разбрасывают свои вещи по всей квартире, считая ее своей собственностью. Хорошие правила выступают важным средством контроля своего поведения, но усваиваются они детишками очень поздно. Поэтому взрослые в перенаселенных квартирах чувствуют себя неуютно. Ведь нормы и правила поведения детей – их помощник, своеобразная няня. И когда этой «няни» нет дома, взрослым приходится очень трудно.

Но и детям достается. Исследователи отмечают, что в перенаселенных семьях дети чаще падают духом перед решением трудных проблем, чем взрослые. Подмечено, что семьи, состоящие из близких родственников, более сплочены и у них более уважительные отношения.

Переуплотненность возрастает, когда к вам приезжают гости. Хорошо если ненадолго. Они посягают на часть личного пространства, как бы отнимают его у вас. Но ведь и гости себя чувствуют неловко, особенно если им показывать, что они здесь лишние. Трудное это дело – делить жизненное пространство с не-родственниками. Да и с дальними родственниками нелегко.

Литература

1. Алисова Д.А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997.

2. Благополучие городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск, 1990.
3. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
4. Вебер М. Город. Пг.: Наука и школа, 1923.
5. Высоковский А. Теоретические модели пространственной организации города. – URL: <http://www.udrf.ru/Projectold/N3N3.htm>
6. Жихаревич Б.С. Мировой опыт стратегического планирования городов и его использование при разработке стратегического плана Санкт-Петербурга. – URL: <http://citystrategy.leontief.ru>
7. Нестеров В. Будет ли во Владивостоке свой Беверли-Хиллс? // Золотой Рог. 1996. № 63. 13 августа.
8. Трущенко О. Аккумуляция символического капитала в пространстве столичного центра // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 3; Трущенко О. Городская сегрегация в пространстве столичного расселения // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 2.
9. Converging Cities: Why the Gap Between the Haves and Have-nots Is Getting Smaller. University of Oxford, 5 February 2019. – URL: <https://www.conted.ox.ac.uk/news/converging-cities>
10. Kotkin J. A leg up: world's largest cities no longer homes of upward mobility. – URL: <http://www.newgeography.com/content/002051-a-leg-up-worlds-largest-cities-no-longer-homes-upward-mobility>

THE CITY AS SOCIAL DIVERSITY AND SPATIAL HETEROGENEITY

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

People build houses, houses create people. People unite themselves and their homes into huge clusters called megacities. A metropolis is a superorganism like an anthill or a beehive. They are called humanites – a collective accumulation of small creatures that instinctively move along stone labyrinths and channels laid by someone. Town, city and metropolis are different scales of life of human communities.

The city is good as a comfort zone, a protected place where everything is nearby. There is no need to go to another village for a samovar or to see a doctor. A place outside the outskirts or city is

an unsafe place for a traveler: he could be robbed or killed, captured for ransom or into slavery. True, today an anonymous city with indifferent citizens resembles a desert, where a person can be quietly kidnapped in broad daylight, robbed, mutilated or killed with the silent consent of the crowd. In this sense, the city remains an indifferent crowd. In the city, people walk, figuratively speaking, over each other's heads. This is how multi-storey buildings and multi-level cities are designed.

A metropolis is a symbol of the global, a town is a symbol of the local. The metropolis is a densely populated area with a population of more than one million people. A metropolis is like a cancerous tumor, where due to crowding, density and overdevelopment, normal cells of the urban body degenerate into abnormal ones. He seems like a giant octopus, possessing incomprehensible stability and power. But this is appearance. A minor breakdown in the electronic networks turns it into a helpless pile of raw material with which you can do whatever you want. Management error, freezing rain, heat, radiation, youth rebellion will paralyze him for a short or long time. The negatives of life in megacities, where there is a chaotic mixing of different cultures, their fermentation and the formation of such cultural phenomena as cultural mixers and creolization: the disappearance of many cultures that could not be accepted; loss of distinctive cultural features; a departure from traditional beliefs and practices; lack of knowledge about their native language and their culture.

Keywords: city, metropolis, social stratification and differentiation, social stratification, urban space.

References

1. Alisova D.A. Urbanization and culture // Urban culture of Siberia: history and modernity. – Omsk, 1997.
2. Welfare of the urban population of Siberia: Problems of differentiation (experience of sociological study). Novosibirsk, 1990.
3. Weber M. City // Weber M. Favorites. The image of society. M.: Lawyer, 1994.
4. Weber M. City. Pg.: Science and school, 1923.
5. Vysokovsky A. Theoretical models of spatial organization of the city. – URL: <http://www.udrf.ru/Projectold/N3N3.htm>
6. Zhikharevich B.S. World experience in strategic planning of cities and its use in developing a strategic plan for St. Petersburg. – URL: <http://citystrategy.leontief.ru>
7. Nesterov V. Will Vladivostok have its own Beverly Hills? // Golden Horn. 1996. No. 63. August 13.
8. Trushchenko O. Accumulation of symbolic capital in the space of the capital's center // Russian Monitor: archive of modern politics. 1993. Vol. 3; Trushchenko O. Urban segregation in the space of capital settlement // Russian Monitor: archive of modern politics. 1993. Vol. 2.
9. Converging Cities: Why the Gap Between the Haves and Have-nots Is Getting Smaller. University of Oxford, 5 February 2019. – URL: <https://www.conted.ox.ac.uk/news/converging-cities>
10. Kotkin J. A leg up: the world's largest cities no longer homes of upward mobility. – URL: <http://www.newgeography.com/content/002051-a-leg-up-worlds-largest-cities-no-longer-homes-upward-mobility>

Медиа как инструмент формирования культурной идентичности среди молодежи Китая

Ли Юйхан,

магистрант, Белорусский государственный университет
E-mail: mzcu1999@gmail.com

В этом комплексном исследовании рассматриваются медиа как инструмент формирования культурной идентичности китайской молодежи, изучаются различные аспекты, включая влияние цифровых платформ, телевидения, кино и социальных сетей на молодежную культуру. Анализ начинается с исторической перспективы, прослеживая эволюцию медиапотребления в Китае и изучая, как медиа влияли на культурную идентичность молодых людей с течением времени. В исследовании подчеркивается роль медиа в продвижении как традиционных ценностей, так и современных глобальных тенденций, создавая уникальное культурное сочетание. Обсуждается влияние медиа на поведение молодежи, их устремления и социальные нормы, а также оценивается эффективность медиакомпаний в решении социальных проблем. Исследование также рассматривает потенциал программ медиаграмотности для обеспечения молодежи критическими навыками взаимодействия с медиаконтентом. Представляя тонкий анализ успехов и недостатков существующих медиавлияний, данное исследование призвано дать практические рекомендации для политиков, педагогов и медиа-практиков, стремящихся использовать медиа как позитивную силу в формировании культурной идентичности китайской молодежи.

Ключевые слова: влияние медиа, культурная идентичность, китайская молодежь, цифровые платформы, социальные сети, медиаграмотность, культурные тенденции, поведение молодежи.

Введение

Медиа играют важную роль в формировании и трансформации культурной идентичности, особенно среди молодежи. В современном обществе медиа выступают не только источником информации, но и мощным инструментом социализации и культурного влияния. Они помогают молодым людям формировать свои ценности, нормы и взгляды, а также создавать и поддерживать социальные связи. В эпоху цифровых технологий роль медиа становится еще более значимой, так как доступ к информации становится мгновенным и всепроникающим. Именно поэтому изучение влияния медиа на культурную идентичность молодежи является актуальным и важным для понимания современных социальных процессов.

Китайская молодежь находится на пересечении традиционных культурных ценностей и стремительно развивающихся глобальных трендов. В условиях динамичных социально-экономических изменений медиа играют ключевую роль в формировании их мировоззрения и культурной идентичности. С одной стороны, государственные медиа способствуют сохранению и распространению традиционных ценностей и норм. С другой стороны, доступ к международным медиа-ресурсам через интернет и социальные сети открывает молодежи новые горизонты и возможности для самоопределения. Исследование медиапотребления среди китайской молодежи позволяет выявить, как образом эти противоречивые влияния формируют их культурную идентичность и поведение.

История медиапотребления в Китае прошла несколько ключевых этапов, каждый из которых оказал значительное влияние на общество. В традиционном Китае основными источниками информации были печатные издания, такие как книги и газеты, которые играли важную роль в образовании и культурном воспитании. Культурные революции, такие как Великая китайская культурная революция, значительно изменили медийный ландшафт, усилив контроль государства над информацией и пропагандой. С переходом к цифровым технологиям и распространением интернета медиапотребление в Китае претерпело кардинальные изменения. Сегодня цифровые медиа и социальные сети стали основными источниками информации для молодежи, предоставляя им неограниченные возможности для получения знаний и общения.

Влияние различных видов медиа на культурную идентичность

Цифровые платформы и социальные сети

Социальные сети, такие как WeChat и Weibo, играют значительную роль в формировании культурной идентичности китайской молодежи. WeChat, будучи одной из самых популярных платформ в Китае, используется не только для общения, но и для распространения информации, включая новости и образовательные материалы. Молодые люди активно используют WeChat для поддержания социальных связей и обмена контентом, что способствует формированию их мировоззрения и культурных ценностей. Исследование показало, что китайские пользователи WeChat чувствуют себя более вовлеченными и стремятся к самосовершенствованию через взаимодействие на этой платформе (Chu, Lien, & Cao, 2019).

Weibo, аналог западного Twitter, также оказывает значительное влияние на молодежь, предоставляя платформу для выражения мнений и обмена информацией. Молодые пользователи Weibo активно участвуют в обсуждениях на политические и социальные темы, что способствует развитию их гражданской позиции и социальной активности. Исследование показало, что использование Weibo связано с формированием чувства принадлежности и активным участием в социальных и политических дискуссиях, что является важным аспектом формирования идентичности у молодежи (Fu, 2018).

Видеоплатформы, такие как Bilibili и Douyin, также играют важную роль в культурной жизни китайской молодежи. Bilibili, изначально созданная как платформа для обмена аниме и фанатским контентом, стала популярной среди молодежи благодаря уникальному формату взаимодействия с видео. Платформа позволяет пользователям комментировать видео в реальном времени, что создает ощущение сообщества и вовлеченности. Молодые пользователи Bilibili активно участвуют в создании контента, что способствует формированию их творческой идентичности и культурных предпочтений.

Douyin, международно известная как TikTok, стала глобальным феноменом и важной частью повседневной жизни китайской молодежи. Платформа предоставляет возможность создания коротких видеороликов, что позволяет молодым людям выражать себя и демонстрировать свои таланты. Douyin способствует формированию новых культурных трендов и модных веяний, а также оказывает влияние на повседневное поведение и стиль жизни молодежи. Популярность Douyin среди молодежи свидетельствует о значительном влиянии видеоконтента на формирование их культурной идентичности.

Телевидение и кино

Традиционные китайские телесериалы и их культурное значение

Традиционные китайские телесериалы играют важную роль в формировании культурной идентичности китайской молодежи, продвигая национальные ценности и культурное наследие. Эти сериалы часто основываются на исторических событиях, легендах и мифах, что позволяет молодежи лучше понять и оценить свою культурную идентичность. Сериалы, такие как «Династия Тан» или «Тайная история императрицы У», не только развлекают, но и образовательны, помогая молодежи узнать больше о своем прошлом и традициях. Традиционные телесериалы способствуют укреплению национальной гордости и поддержанию культурного единства среди молодежи (Xiao, 2012).

Влияние западных фильмов и сериалов на молодежь

Западные фильмы и сериалы оказывают значительное влияние на китайскую молодежь, способствуя изменению их взглядов и стиля жизни. Западные медиа-ресурсы, такие как американские и европейские фильмы, популярны среди китайской молодежи и часто становятся источником вдохновения и подражания. Эти фильмы и сериалы представляют западные культурные ценности, такие как индивидуализм, свобода и равенство, что может противоречить традиционным китайским ценностям, таким как коллективизм и уважение к старшим. Исследование показало, что китайская молодежь, смотрящая западные фильмы и сериалы, демонстрирует положительное отношение к западным странам и культуре, что может приводить к культурной путанице и изменению идентичности (Hu et al., 2018).

Печатные медиа и радио

Сохранение и трансформация печатных медиа в эпоху цифровизации

Печатные медиа в Китае продолжают играть значимую роль, несмотря на растущую популярность цифровых платформ. В эпоху цифровизации печатные издания адаптируются к новым реалиям, предлагая онлайн-версии своих материалов и активно развивая цифровые платформы для распространения контента. Этот процесс позволяет сохранять традиционные медиа и одновременно удовлетворять современные потребности аудитории. Исследование показывает, что читатели все чаще обращаются к цифровым версиям газет и журналов, что способствует сохранению популярности печатных изданий в изменяющейся медийной среде (Nazarov & Kovalev, 2017).

Печатные медиа обладают уникальными преимуществами, такими как более глубокий и аналитический подход к освещению новостей, что делает их важным источником информации для аудитории, стремящейся к качественному контенту. Однако, для сохранения своей актуальности, печатные медиа вынуждены интегрировать циф-

ровые технологии и активно развивать онлайн-платформы. Это включает создание мобильных приложений, использование социальных сетей для продвижения контента и внедрение интерактивных функций, таких как комментарии и обсуждения. В результате, печатные медиа не только сохраняют свою аудиторию, но и привлекают новых читателей, которые предпочитают потреблять информацию в цифровом формате.

Роль радио в современном медиапотреблении

Радио продолжает занимать важное место в медиапотреблении, особенно среди старшего поколения и в сельских районах. Радио предоставляет оперативную информацию и актуальные новости, а также служит платформой для обсуждения общественных и культурных вопросов. В условиях цифровизации радио адаптируется, предлагая онлайн-трансляции и подкасты, что расширяет его аудиторию и позволяет сохранять свою актуальность. Исследование показало, что, несмотря на общий спад в потреблении традиционных медиа, радио сохраняет стабильную аудиторию, особенно среди пенсионеров, которые предпочитают получать новости и информацию через этот медийный канал (Bergström, 2020).

Радио отличается от других медиа своей доступностью и возможностью потребления информации в режиме реального времени. В эпоху цифровых технологий радио трансформируется, предлагая не только традиционные радиопередачи, но и новые форматы, такие как подкасты и интернет-радио. Это позволяет привлечь молодую аудиторию, которая активно использует интернет и мобильные устройства для получения информации. Кроме того, радио играет важную роль в ситуациях чрезвычайных происшествий и кризисов, предоставляя оперативную информацию и поддержку населению. Это делает радио незаменимым медиа-каналом, способным адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям аудитории.

Медиа и социальные нормы, поведение и устремления молодежи

Влияние медиа на поведение молодежи

Как медиа формируют повседневные привычки и стили жизни

Медиа оказывают значительное влияние на формирование повседневных привычек и стилей жизни молодежи. Социальные сети, такие как Instagram¹ и TikTok, становятся основными источниками информации о моде, образе жизни и культурных трендах, что напрямую влияет на поведение и предпочтения молодежи. Молодые люди часто имитируют поведение популярных блогеров и знаменитостей, что отражается в их выборе одежды, диетах и даже

в повседневных ритуалах. Исследование показывает, что продолжительное использование медиа, особенно социальных сетей, связано с изменениями в повседневных привычках, таких как время приема пищи, режим сна и физическая активность (Sano et al., 2020).

Радио и телевидение также продолжают играть важную роль в формировании повседневных привычек, хотя их влияние несколько снизилось с ростом популярности цифровых медиа. Тем не менее, традиционные медиа остаются значимыми источниками новостей и развлечений для молодежи, особенно в регионах с ограниченным доступом к интернету. Телевизионные программы и радиопередачи могут влиять на выбор досуга, интересы и предпочтения молодых людей, создавая устойчивые модели поведения и образа жизни.

Влияние медиа на образовательные и карьерные устремления

Медиа также оказывают существенное влияние на образовательные и карьерные устремления молодежи. Социальные сети и другие цифровые платформы предоставляют молодежи доступ к огромному количеству информации о различных карьерных возможностях и образовательных программах. Молодые люди могут следить за успехами и карьерными достижениями своих кумиров, что может вдохновлять их на выбор определенных профессий и образовательных траекторий. Исследование показывает, что использование социальных медиа связано с формированием карьерных устремлений и стремлением к достижению высоких результатов в учебе и профессии (Vou-Namad, 2020).

Однако влияние медиа может быть и негативным, если они способствуют распространению нереалистичных ожиданий и стереотипов. Например, популяризация образа успешного блогера или инфлюенсера может создавать у молодых людей иллюзию легкого успеха без необходимости долгого и упорного труда. Это может приводить к разочарованиям и снижению мотивации к обучению и профессиональному развитию. Важно, чтобы медиа также предлагали положительные примеры и информацию о различных профессиональных путях, чтобы поддерживать реалистичные ожидания и вдохновлять молодежь на достижение своих целей.

Социальные нормы и культурные ценности

Медиа играют важную роль в продвижении традиционных китайских ценностей, таких как уважение к старшим, семейные связи и коллективизм. Государственные медиа часто акцентируют внимание на культурных и исторических аспектах, поддерживая традиционные ценности и укрепляя национальную идентичность. Традиционные ценности, такие как гармония, вежливость, честность и уважение к истории, активно продвигаются че-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

рез телевизионные программы, радио и печатные издания. Эти ценности помогают сохранить культурное наследие и передать его молодому поколению, формируя их мировоззрение и поведение (Hsu & Huang, 2016).

Глобальные культурные тенденции, проникающие через международные медиа, оказывают значительное влияние на китайскую молодежь, изменяя их взгляды и поведение. Западные фильмы, музыка, мода и социальные сети привносят новые культурные нормы, такие как индивидуализм, свобода самовыражения и равенство, которые могут конфликтовать с традиционными китайскими ценностями. Молодежь все чаще предпочитает западные стили одежды, пищевые привычки и формы досуга, что отражает влияние глобализации. Исследование показывает, что китайская молодежь, подвергаясь воздействию западных медиа, демонстрирует большее принятие западных культурных норм и ценностей, что приводит к изменению их идентичности и поведения (Shell, Newman, & Fan, 2010).

Как медиакомпании реагируют на социальные вопросы и проблемы

Медиакомпании играют важную роль в формировании общественного мнения и восприятия социальных вопросов. В последние годы многие из них активно реагируют на социальные проблемы, стремясь внести свой вклад в их решение.

Способы реагирования медиакомпаний следующие (табл. 1).

1. Освещение новостей и репортажей. Медиакомпании часто освещают важные социальные вопросы, такие как права человека, экологические проблемы, дискриминация и многие другие. Они предоставляют платформу для обсуждения и информирования широкой аудитории.
2. Социальные кампании. Медиакомпании проводят социальные кампании, направленные на привлечение внимания к определенным проблемам. Эти кампании могут включать в себя телевизионные ролики, статьи, подкасты и другие медиаформаты.
3. Поддержка благотворительных организаций. Медиакомпании часто сотрудничают с благотворительными организациями и фондами, предоставляя им рекламное пространство и ресурсы для продвижения их инициатив.
4. Создание контента с социальной направленностью. Многие медиакомпании создают фильмы, сериалы и документальные проекты, которые поднимают важные социальные темы и способствуют их обсуждению в обществе.

Таким образом, медиакомпании могут играть ключевую роль в привлечении внимания к социальным проблемам и способствовать их решению через различные формы медийной активности.

Таблица 1. Способы реагирования медиакомпаний на социальные проблемы

Способы реагирования	Описание	Примеры
Освещение новостей и репортажей	Предоставление платформы для обсуждения социальных вопросов и информирования широкой аудитории	Репортажи о правах человека, экологических проблемах, дискриминации и т.д.
Социальные кампании	Привлечение внимания к проблемам через телевизионные ролики, статьи, подкасты и другие медиаформаты	Кампании против домашнего насилия, за экологическую осознанность
Поддержка благотворительных организаций	Сотрудничество с благотворительными организациями, предоставление рекламного пространства и ресурсов для продвижения их инициатив	Партнёрства с фондами помощи детям, животным, поддержка экологических акций
Создание контента с социальной направленностью	Создание фильмов, сериалов и документальных проектов, поднимающих важные социальные темы	Документальные фильмы о социальных проблемах, сериалы о правах человека

Заключение

В современном обществе медиаграмотность становится критически важной для формирования здорового восприятия медиа и защиты культурной идентичности молодежи. Программы медиаграмотности играют ключевую роль в этом процессе, обеспечивая молодежь необходимыми знаниями и навыками для критического восприятия медийного контента. В Китае внедряются различные программы медиаграмотности, направленные на развитие критического мышления и осведомленности о влиянии медиа. Оценка этих программ показывает, что они способствуют более осознанному потреблению медийного контента и укреплению культурной идентичности.

Критическое восприятие медиаконтента является неотъемлемой частью медиаграмотности. Развитие навыков критического анализа медиа у молодежи помогает им понимать и оценивать информацию, что снижает влияние негативных медийных стереотипов и предвзятости. Образовательные учреждения и семьи играют важную роль в формировании этих навыков, обеспечивая поддержку и руководство в обучении медиаграмотности. Школы и университеты должны активно включать медиаграмотность в учебные программы, а родители должны поощрять критическое мышление у своих детей.

Будущие тенденции в медиапотреблении предполагают значительные изменения, которые могут повлиять на культурную идентичность молодежи. Технологическое развитие и глобализация продолжают трансформировать медийный ландшафт, предоставляя как новые возможности, так и вызовы для культурного самосознания. Политики, педагоги и медиа-практики должны сотрудничать для разработки стратегий, направленных на поддержку медиаграмотности и защиты культурной идентичности. Это включает в себя создание образовательных программ, которые адаптируются к быстро меняющимся медийным условиям, а также поддержку инициатив, способствующих культурному обмену и взаимопониманию.

Заключительные мысли о будущем медиа и культурной идентичности китайской молодежи подчеркивают необходимость постоянного внимания к развитию медиаграмотности. Важно продолжать исследования и разработки в этой области, чтобы обеспечить молодежи инструменты для успешной навигации в сложном медийном пространстве. Таким образом, медиаграмотность станет ключевым фактором в поддержании и укреплении культурной идентичности в условиях глобализирующегося мира.

Литература

1. Chu S., Lien C., & Cao Y. (2019). Electronic word-of-mouth (eWOM) on WeChat: examining the influence of sense of belonging, need for self-enhancement, and consumer engagement on Chinese travellers' eWOM. *International Journal of Advertising*, 38, 26–49.
2. Fu J. (2018). Chinese youth performing identities and navigating belonging online. *Journal of Youth Studies*, 21, 129–143.
3. Xiao F. (2012). The Impact of the Foreign Films and TV Series on the Cognition, Affect and Behavior of Chinese Rural Adolescents. *The Journal of International Communication*.
4. Hu X., Chen S., Zhang L., Yu F., Peng K., & Liu L. (2018). Do Chinese Traditional and Modern Cultures Affect Young Adults' Moral Priorities? *Frontiers in Psychology*, 9.
5. Sano M., Iwasa H., Nakayama C., Moriyama N., Katsuyama K., & Yasumura S. (2020). Relationship between prolonged media usage and lifestyle habits among junior and senior high school students. *Japanese Journal of Public Health*, 67(6), 380–389.
6. Bou-Hamad I. (2020). The impact of social media usage and lifestyle habits on academic achievement: Insights from a developing country context. *Children and Youth Services Review*, 118, 105425.
7. Hsu C. H. C., & Huang S. (2016). Reconfiguring Chinese cultural values and their tourism implications. *Tourism Management*, 54, 230–242.
8. Shell D., Newman I., & Fan X. (2010). The influence of cultural orientation, alcohol expectancies and self-efficacy on adolescent drinking behavior in Beijing. *Addiction*, 105(9), 1608–1615.

MEDIA AS A TOOL FOR THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY AMONG CHINESE YOUTH

Li Yuhang

Belarusian State University

This comprehensive study examines media as a tool for shaping the cultural identity of Chinese youth, examining various aspects including the influence of digital platforms, television, cinema and social media on youth culture. The analysis begins from a historical perspective, tracing the evolution of media consumption in China and examining how media has influenced young people's cultural identities over time. The study highlights the role of media in promoting both traditional values and modern global trends, creating a unique cultural mix. The influence of media on youth behavior, their aspirations and social norms is discussed, and the effectiveness of media companies in solving social problems is assessed. The study also examines the potential of media literacy programs to provide youth with critical skills to interact with media content. By presenting a nuanced analysis of the successes and shortcomings of existing media influences, this study aims to provide practical recommendations for policymakers, educators, and media practitioners seeking to use media as a positive force in shaping the cultural identity of Chinese youth.

Keywords: media influence, cultural identity, Chinese youth, digital platforms, social networks, media literacy, cultural trends, youth behavior.

References

1. Chu S., Lien C., & Cao Y. (2019). Electronic word-of-mouth (eWOM) on WeChat: examining the influence of sense of belonging, need for self-enhancement, and consumer engagement on Chinese travelers' eWOM. *International Journal of Advertising*, 38, 26–49.
2. Fu J. (2018). Chinese youth performing identities and navigating belonging online. *Journal of Youth Studies*, 21, 129–143.
3. Xiao F. (2012). The Impact of the Foreign Films and TV Series on the Cognition, Affect and Behavior of Chinese Rural Adolescents. *The Journal of International Communication*.
4. Hu X., Chen S., Zhang L., Yu F., Peng K., & Liu L. (2018). Do Chinese Traditional and Modern Cultures Affect Young Adults' Moral Priorities? *Frontiers in Psychology*, 9.
5. Sano M., Iwasa H., Nakayama C., Moriyama N., Katsuyama K., & Yasumura S. (2020). Relationship between prolonged media usage and lifestyle habits among junior and senior high school students. *Japanese Journal of Public Health*, 67(6), 380–389.
6. Bou-Hamad I. (2020). The impact of social media usage and lifestyle habits on academic achievement: Insights from a developing country context. *Children and Youth Services Review*, 118, 105425.
7. Hsu C. H. C., & Huang S. (2016). Reconfiguring Chinese cultural values and their tourism implications. *Tourism Management*, 54, 230–242.
8. Shell D., Newman I., & Fan X. (2010). The influence of cultural orientation, alcohol expectancies and self-efficacy on adolescent drinking behavior in Beijing. *Addiction*, 105(9), 1608–1615.

Налоговая мораль среди российских студентов

Палашенко Егор Викторович,

аспирант Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ypalashchenko@mail.ru

В статье проводится анализ влияния морали, доминирующей в обществе на уклонение от налогов. Также подчеркивается влияние стереотипов общества на когнитивные представления и поведенческие особенности (недоверие к власти, убеждение в несправедливости налогового бремени, уклонение от налогов не преступление и т.д.). Приводятся результаты исследования налоговой морали студентами вузов Сибири, где подтверждаются общие установки трансформации экономических представлений и притязаний и механизмы трансформации внутренних стереотипов восприятия допустимого девиантного налогового поведения, связанного с неуплатой налогов и легитимного соблюдения налогового законодательства через соблюдение налоговой морали.

Ключевые слова: налоги, мораль, стереотипы, установки, налоговая мораль, уклонение от уплаты налогов, поведенческая экономика, доверие, экономическая социология.

Вопросы морально-этических установок формируются как результат внешнего социального воздействия и внутренних личностных убеждений. Эти установки и убеждения формируют выбор налогоплательщиков легитимной или девиантной модели поведения. Поэтому, поведенческая социология предполагает изучение воздействия социальных норм, доминирующих в обществе в определенный социально-исторический период, которые влияют на жизненный выбор индивидов в пользу уклонения от налогов. Влияние личностных убеждений или социальных рамок давления – это пример дуального противопоставления выбора, который делает человек, находясь в конкретных социальных условиях.

На сегодняшний день не столь однозначно можно говорить о том, что только рациональный выбор определяет мысли и поведенческие реакции людей и целых сообществ. Зачастую субъективные установки и желания могут изменить ранее принятые решения и сформировать новую стратегию поведения в определенной социальной среде. Более того, ментальные особенности, существующие в конкретной стране, определяют будущее налогового поведения ее граждан.

Если говорить о методологии изучения вопросов уклонения от уплаты налогов, то стоит говорить о модели экономики преступности (Бейкер) и ее применение к вопросам соблюдения налогового законодательства (Алингхейм, Сэндмо). В рамках этой модели, люди платят налоги из-за страха наказания, если его поймут за неуплатой (т.е. угроза штрафов работает в полной мере). Но, как показывает экономика развитых стран, рост штрафов не приводит к росту уплаты налогов. Рациональный подход в данном вопросе не всегда дает достоверные ответы.

Другим подходом выступает теория ожидаемой полезности, в рамках которой вводилось объяснение необходимости удержания налогов работодателем, альтернативные штрафы, награды за честность, привлечение консультантов при заполнении налоговых документов и т.д. (Клевен, Йанив, Кучумова и т.д.). Результатом получаемых полезных преимуществ становится выполнение налогового законодательства.

Во всех теориях и подходах, описывающих уклонение от уплаты налогов, присутствует термин «налоговой морали» (т.е. уровень готовности платить налоги) и «соблюдение налогового законодательства» (реальные поведенческие стратегии). Принимается решение об уплате или неуплате.

плате налогов из-за внутренних мотивов (стыда, вины), воздействия социокультурных норм и стереотипов (мораль и нормы сообществ) или экономического расчета (вероятности того, что его не поймут или размером штрафа); представлений о справедливости, нормах альтруизма, доверия к органам власти, патриотизме, социальных нормах (неформальные нормы и правила поведения, побуждающие человека платить налоги без относительно штрафов) и проч. Мы под налоговой моралью понимаем внутреннюю мотивацию человека или его моральное обязательство платить налоги.

Безусловно, доверие к органам власти (Р.Г. Ардашев [1, 2]) или общий уровень и принцип доверия (О.А. Полюшкевич [13–19]), может опираться на процессы трансформации экономических ценностей и установок (П.А. Баев [3–6], В.А. Скуденков [22–26]), что соответствует новым социально-экономическим и историческим событиям современного общества. Без осознания этих базовых трансформаций – невозможно понять причины и последствия изменений налоговой морали. Частично данные положения нами изложены в более ранних публикациях (Е.В. Палащенко [8–10]) и могут служить основой апробации отдельных гипотез, объяснения неуплаты налогов россиянами и в исследованиях В.А. Молодых [7], В.В. Петухова [11], А.Н. Покида и Н.В. Зыбуновской [12], А. Г. Саниной [20, 21] и других.

Методика проведения исследования

Исследование проводилось в 2024 году, в нем приняли участие 1200 студентов, обучающихся в разных вузах Сибири (в таких городах как Иркутск, Ангарск, Красноярск, Братск, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень). Было опрошено 58% девушек и 42% юношей в возрасте от 18 до 24 лет (студенты бакалавриата).

Студентов попросили описать образ человека, не платящего налоги в пределах 100 слов. Затем, использовали метод контент-анализа и выявления ключевых коннотаций, определяющих отношение человека к исследуемому образу.

Затем они должны были указать образы, возникающие в результате спонтанных ассоциаций на словосочетание «неуплата налогов», опирающихся уже на существующие социальные представления (не более трех).

Для оценки роли менталитета в тяжести преступления уклонения от выплаты налогов мы попросили оценить уровень тяжести по 10 бальной шкале и указать факторы смягчающие и отягчающие данные преступления.

По тому же принципу оценивался уровень справедливости налоговой системы (по 10 бальной шкале), а также выделялись критерии справедливости или несправедливости данного распределения и доверие к органам власти – обеспечиваю-

щим легитимность налоговой системы или ее девиантные альтернативные варианты.

Анализ и интерпретация результатов исследования

В результате исследования мы выяснили, что юноши более лояльно относятся к неуплате налогов, чем девушки (56% и 44% соответственно). Они полагают, что возможность не платить налоги не является тяжким преступлением, скорее говорит о смекалке и находчивости в непростых условиях изменяющегося общества, чем о серьезном умысле с целью подрыва государственности и легитимности власти.

42% молодых людей и 33% девушек готовы к получению заработной платы в конверте – т.е. соглашаются с нарушением налоговых отчислений изначально. Готовы быть заняты неформально (работать в теневом секторе) согласны 30% юношей и 25% девушек.

Образ человека, который не платит налоги у студентов сибирских вузов опирается на такие коннотации как: *умный, креативный, рискованный, смелый, ответственный, готовый бороться за себя мужчина, старше 40 лет, думающий о своих сотрудниках человек*. Таким образом, мы видим очень сильную аффективную оценку, выраженную в разнообразных прилагательных (т.к. 80% нарративов о том, кто не платит, налоги состояли в описании эпитетов его личностных характеристик); выделился гендерный признак – так как в большей степени описанные черты, приписываются в нашей культуре именно мужчинам (66%); возрастной критерий – старше 40 лет, т.е. человек, получивший разный опыт (в том числе и полной уплаты налогов, но в силу жизненной мудрости – делающий выбор в пользу не уплаты налогов – 57%) – из-за положительной поведенческой характеристики – заботы о тех, за кого отвечает (53%).

Этот собирательный образ определяет в целом положительный образ человека, не платящего налоги (своего рода – герой нашего времени – П.А. Баев). Также косвенно это указывает на связь с ментальными установками и программами экономического поведения, экономических притязаний и норм, доминирующих в культуре и отражающихся в бессознательных стратегиях социального проявления самих себя (на уровне личности) и презентации социальной группы (позиционирование ее) – на уровне социума.

Используя транссимволический анализ при изучении ответов на вопрос о «неуплате налогов», мы получили положительные (62%) и отрицательные (38%) характеристики: *дань (54,2%), грабёж (53,2%), печаль (51,8%), безнадега (50,3%), безысходность (48,7%), обман (45,5%), норма (44,4%), правила (44,1%), важность (42,3%), справедливость (40,1%), хитрость (38,6%), трудолюбие (38,2%), ум (37,7%), ограничение свободы (37,1%),*

воровство (36,8%). Данные характеристики указывают на процессы реактивного сопротивления, позволяющие усиливаться как положительным, так и отрицательным моментам неуплаты налогов в современном обществе. Молодые люди воспринимают неуплату налогов как само собой разумеющуюся стратегию поведения, изменить это практически не возможно, можно только принять и понять.

Иными словами, неуплата налогов – это потеря личной свободы, которая происходит из-за того, что представители власти не реализуют свои обязанности в полной мере. На основе этого не стоит доверять власти (66% юношей и 50% девушек), которая принимает не эффективные управленческие решения; нельзя опираться на налоговое законодательство, так как оно не работает во благо для простых граждан (43% юношей и 33% девушек).

Вопрос о справедливости при неуплате или уплате налогов достаточно емко подчеркивает поведенческие стратегии студентов в отношении налоговой морали. Если кто-то может уйти от налогов – то это проблемы государства и его контрольно-надзорных органов (41% юношей и 30% девушек). Если последние не эффективны в силу коррупции и формальности работы, то побеждает тот, кто может не платить налоги и ему за это ничего не будет (41% юношей и 36% девушек), а также потому, что государство не может гарантировать и дать что-либо человеку взамен (32% юношей и 25% девушек).

В результате исследования мы видим доминирование социальных норм, закрепленных менталитетом и социокультурными программами над нормативным влиянием. Недовольство органами власти и повышенный уровень тревожности более сильно влияют на количество тех, кто придерживается неуплаты налогов. Зачастую установки и стереотипы используются при объяснении и оправдании налогового законодательства.

Влияние нормативного поведения социальных институтов все еще является более значимой чертой, чем личный выбор и индивидуальная ответственность молодых людей за соблюдение или нарушение налогового законодательства. При этом, студенты указывают на то, что они готовы соблюдать нормы той группы, в которую входят, с кем себя они ассоциируют. Соответственно, справедливость и активное просвещение вопросов необходимости соблюдения налогового законодательства становится основой легитимной государственной налоговой политики. При отсутствии этого – мы можем наблюдать стандартную форму уклонения от уплаты налогов.

Необходимо включать положительное подкрепление соблюдения налогового законодательства. Репрессивные меры работают локально и не долговечны (ко всему привыкает человек, и социальные группы в целом, адаптируются к любым усло-

виям). А система просвещения и положительного подкрепления может сформировать новые поведенческие модели (уплата налогов) и положительные нормы морали в отношении соблюдения налоговых законов Российской Федерации.

Положительное подкрепление может выражаться в следующем:

- повышение экономической грамотности населения (начиная с детского сада, заканчивая старшим поколением, находящимся на пенсии) через официальные программы (разработанные и внедренные в образовательных учреждениях страны, заканчивая работой некоммерческих организаций через просветительские информационные лекции, мастер-классы и практикумы);
- создание системы межсекторного взаимодействия (власть, бизнес, НКО, СМИ и т.д.) с целью общественного контроля соблюдения налогового законодательства на местах (в конкретных регионах);
- популяризация образа человека платящего налоги через фильмы и сериалы (формирование положительного образа героя нашего времени – соблюдающего налоговое законодательство и платящего налоги);
- неформальное подкрепление положительного образа человека соблюдающего экономические нормы и правила, существующие в стране и неформальное порицание тех, кто нарушает данные нормы (от публикации списков недобросовестных налогоплательщиков до неформального лоббирования таких организаций при взаимодействии с органами власти и другими представителями гражданского общества).

Таким образом, налоговая мораль опирается на социокультурные условия реакции на современные социально-исторические трансформации, позволяющие вырабатывать новые стратегии адаптации к меняющимся условиям, на основе положительного восприятия налогового законодательства, работы органов власти, установок на справедливое распределение налогов и роли каждого члена нашего государства во всеобщем благополучии и благосостоянии. Индивидуальные мотивы соблюдения налогового законодательства или ухода от уплаты налогов определяются личным опытом и индивидуальными стилями и стратегиями адаптации под новые условия жизни.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.

3. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
4. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.
5. Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
6. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
7. Молодых В.А. Готовы ли российские студенты быть законопослушными налогоплательщиками: вопросы налоговой морали // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 150–173.
8. Палашенко Е.В. Ментальные установки как причина неуплаты налогов // Социология. 2023. № 6. С. 35–41.
9. Палашенко Е.В. Теория социального действия Т. Парсонса: через призму неуплаты налогов и несоблюдения налогового контроля // Социология. 2023. № 3. С. 120–127.
10. Палашенко Е.В. Гражданская ответственность или страх наказания: мотивы уплаты налогов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 170–172.
11. Петухов В.В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 86–96
12. Покида А. Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99. DOI 10.31857/S013216250008327-2
13. Полюшкевич О.А. Борьба между правосудием и справедливостью в общественном сознании россиян // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 702–704.
14. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
15. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
16. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общест­венности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 84–89.
17. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
18. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
19. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
20. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов (опыт анализа социально-экономических практик с позиций системной теории Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2007. № 4 (276). С. 121–127.
21. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов как социальный феномен и проблема управленческой практики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 73–76.
22. Скуденков В.А. Изменение представлений об успехе и благосостоянии в сознании россиян (с 2014 по 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 118–122.
23. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
24. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
25. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
26. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.

TAX MORALITY AMONG RUSSIAN STUDENTS

Palashchenko E.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the influence of moral and ethical morality dominating in the society on tax evasion. The influence of society's stereotypes on cognitive perceptions and behavioral features (distrust to the authorities, belief in unfairness of tax burden, tax evasion is not a crime, etc.) is also emphasized. The results of the study of tax morality by students of universities in Siberia are given, where the general attitudes of transformation of economic perceptions and claims and mechanisms of transformation of internal stereotypes of perception of acceptable deviant tax behavior related to non-payment of taxes and legitimate compliance with tax legislation through compliance with tax morality are confirmed.

Keywords: taxes, morality, stereotypes, attitudes, tax morality, tax evasion, behavioral economics, trust, economic sociology.

References

1. Ardashev R.G. Irrational space of legal representations of Russians // *Mission of confessions*. 2020. T. 9. № 2 (43). C. 255–258.
2. Ardashev R.G. Irrationality of public opinion: fears of interaction with representatives of the authorities // *Mission of confessions*. 2020. T. 9. № 3 (44). C. 340–344.
3. Baev, P.A. Economic well-being of the world outlook attitudes of young people // *Sociology*. 2024. № 2. C. 57–64.
4. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia // *Sociology*. 2024. № 4. C. 83–89.
5. Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor orientations of youth: virtual conditions // *Sociology*. 2024. № 5. C. 31–38.
6. Baev P.A., Haustov D.S. Life in debt: moral attitudes of Russians // *Sociology*. 2023. № 6. C. 94–100.
7. Molodykh V.A. Are Russian students ready to be law-abiding taxpayers: issues of tax morality // *Economic Sociology*. 2019. T. 20. № 5. C. 150–173.
8. Palashchenko E.V. Mental attitudes as a reason for non-payment of taxes // *Sociology*. 2023. № 6. C. 35–41.
9. Palashchenko E.V. The theory of social action of T. Parsons: through the prism of non-payment of taxes and non-compliance with tax control // *Sociology*. 2023. № 3. C. 120–127.
10. Palashchenko E.V. Civil responsibility or fear of punishment: motives for paying taxes // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. C. 170–172.
11. Petukhov V.V. Readiness of Russians to assert their socio-economic rights in the “new crisis reality” // *Sociological Studies*. 2016. № 11. C. 86–96.
12. Pokida A. N., Zybunovskaya N.V. Legal values of modern Russians. V. Legal values of modern Russians: priorities and contradictions // *Sociological Studies*. 2020. № 1. C. 92–99. DOI 10.31857/S013216250008327–2
13. Polyushkevich O.A. Struggle between justice and fairness in the public consciousness of Russians // *Social injustice in the sociological dimension: the challenges of the modern world*. Collection of materials. 2018. C. 702–704.
14. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology*. 2021. № 2. C. 87–92.
15. Polyushkevich O.A. Trust in the institutions of law // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the I All-Russian scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2019. C. 96–103.
16. Polyushkevich O.A. Norms of law in public assessments // *State, civil society and law: theoretical and applied issues of correlation and development*. materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2019. C. 84–89.
17. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis of prosocial practices: expert analysis // *Expert institutions in the XXI century: civilizational and digital concepts of the changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. C. 126–129.
18. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // *The problem of the ratio of natural and social in society and man*. 2023. № 14. C. 101–106.
19. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // *Sociology*. 2024. № 2. C. 121–127.
20. Sanina, A.G. Tax evasion (experience of analyzing socio-economic practices from the perspective of the system theory of T. Parsons) // *Sociological Studies*. 2007. № 4 (276). C. 121–127.
21. Sanina, A.G. Tax evasion as a social phenomenon and the problem of management practice // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet n.a. A.I. Herzen*. 2006. T. 5. № 23. C. 73–76.
22. Skudencov V.A. Changes in the perceptions of success and well-being in the minds of Russians (from 2014 to 2017) // *Sociology*. 2018. № 2. C. 118–122.
23. Skudencov, V.A. The role of economic sanctions in changing the quality of life and socio-economic claims of Russians (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2018. № 3. C. 250–255.
24. Skudencov, V.A. Social symbols of cash in everyday life // *Sociology*. 2019. № 2. C. 280–283.
25. Skudencov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. № 1. C. 341–344.
26. Skudencov, V.A. Economic claims in the conditions of mobilization // *Sociology*. 2022. № 5. C. 80–87.

Общественное доверие и коррупция в современном обществе

Туркова Валентина Николаевна,

старший преподаватель кафедры юриспруденции Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования общественного генерализованного доверия и коррупционных практик. Подтверждается идея о том, чем выше уровень генерализованного доверия, тем ниже уровень коррупции и наоборот: чем ниже уровень общественного доверия, тем выше коррупционные практики в обществе. Рассматриваются особенности и механизмы развития коррупционных практик и понижения общественного доверия в современной России. Приводятся результаты исследования развития коррупции и снижения уровня общественного доверия.

Ключевые слова: доверие, обобщенное доверие, генерализованное доверие, коррупция, коррупционная практика, современное общество, социальные отношения, социальное взаимодействие.

Коррупция в современном обществе достаточно противоречива как социальное явление. Это противоречие рождается в зависимости от социальных общностей и знаковых персон кто в ее вовлечен или как-то характеризует или анализирует. Коррупция предполагает наличие того, кто предлагает и того, кто получает какие-либо блага за определенные действия, в обход существующего регламента или закона. Это можно назвать коррупционной практикой, предполагающей выгоду двух сторон в результате социального взаимодействия. Поэтому коррупцию и коррупционные практики можно рассматривать как социальные отношения, порождающие в обществе дезинтеграцию и понижение уровня доверия. Коррупционные практики выступают показателем разрушения морально-этических норм регулирования социальных интеракций.

Коррупция может быть тем элементом, что формирует систему под себя, извращая ее изнутри, формируя ложные правила и нормы, заставляя социальные институты работать не так как надо. Результатом этого становится разрушение социальных механизмов общественного воспроизводства и социального моделирования.

Коррупция сама по себе достаточно структура. Она не бывает только одного вида или формы. Она включает различные формы взяток, откатов, мошенничества и злоупотребления должностными полномочиями. Устраняя одну коррупционную схему – захватываешь другую. И так по цепочке до бесконечности.

Коррупционные практики максимально быстро встраиваются в социальные трансформации, они адаптируются к любым социальным переменам и находят новые возможности для реализации незаконных механизмов и схем. Это процессы социального изменения общественных устоев, без которых невозможно регулировать процессы социальной динамики и статики как в легитимном, так и нелегитимном ключе.

Коррупция опирается на ресурсы тех, кто обладает силой и властью (чаще бизнес и собственно власть). Коррупционные схемы включаются через их взаимодействие. Но и рядовые граждане также могут быть вовлечены в коррупционную схему, когда налицо сговор бизнеса и власти или же лоббирование интересов, или же бюрократизм системы. Тогда, коррупция для обывателя становится нормой.

Коррупция меняет морально-этическую картину мира для одного человека и всего общества, когда показывает успешную жизнь тех, кто явля-

ется коррупционером в фильмах, шоу, ТВ-передачах. Нет смысла осуждать коррупцию и коррупционеров если в СМИ и сети Интернет показывать успешных и счастливых коррупционеров. Но, увы, зачастую именно это мы и наблюдаем.

Для экономики коррупция фатальна. Она делает подмену реальных рыночных отношений, нивелирует ценность открытой борьбы и конкуренции, делает фиктивным социальное развитие, так как строится на ложных идолах. Экономика разрушается, изнутри наполняясь коррупционными схемами, так как становится фиктивной.

Коррупция не может быть устранена только в одной отрасли или везде и сразу. Но в тоже время борьба с коррупцией требует комплексного и системного подхода, основанного на четких ориентирах и способах борьбы с коррупционными практиками. Она строится на превентивных и репрессивных мерах, помогающих регулировать процессы социального взаимодействия на новом уровне.

Доверие работает как обратный механизм: оно порождает социальные практики партнерства, сотрудничества, эмпатии. Мы понимаем доверие как возобновляемый социально-экономический и культурно-политический ресурс и как социальный капитал, способный сохранить, воспроизвести и развить социальные связи и отношения (О.А. Полюшкевич [13–16]). Доверие как основа общества анализируется в классическом труде П. Штомпки [22] и понимается как базовый принцип развития любой социальной системы, определяется как форма социальных коммуникаций, основанная на безусловном принятии и эмпатии.

Одним из видов доверия является обобщенное (генерализированное) доверие, которое не имеет четких форм объекта доверия. Оно не является только личным состоянием, зачастую оно формируется как социальная реакция на происходящие во вне процессы. Так как обобщенное доверие предполагает, что большинству людей (даже незнакомых) можно доверять.

Существующая культура доверия общества определяет уровень социального благополучия, стабильности и развития общественных структур, соблюдения прав и обязанностей как со стороны граждан, так и со стороны государства. Результатом обобщенного доверия выступает накопленных в разных сферах социальный опыт. Зачастую обобщенное доверие определяется морально-этическими нормами современного общества, отраженными в экономических притязаниях, социальных ценностях и установках (П.А. Баев, Е.В. Зимица, Е.Г. Копалкина [6–8], В.А. Скуденков [17–19]) и выступает критерием социального здоровья общества, а также указывает на готовность населения взаимодействовать друг с другом и формировать социальную сплоченность общества (О.А. Полюшкевич [11, 12]). Чем выше уровень доверия в обществе, тем оно более устойчи-

во и стабильно, люди более счастливы и уверены в завтрашнем дне.

Системный анализ коррупции представлен в исследовании Э.В. Алехина и Е.В. Еремной [1]. Бессознательные стратегии антикоррупционной пропаганды представлены в работах Р.Г. Ардашева [1–4]. Коррупция, доверие и неравенство в современных обществах рассматриваются Я.А. Ардельяновой [5]. Доверие в нестабильном российском обществе изучается в работе П.М. Козырева и А.И. Смирнова [9]. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы рассматриваются в исследовании Ю.В. Латова [10]. Ценности и доверие как факторы отношения к коррупции изучаются в работе А.Н. Татарко и А.А. Мироновой [20]. Коррупция как социальное явление и направления совершенствования противодействия коррупции в системе государственной службы анализируется в работе Е.Л. Шахтаханова и Е.Н. Дмитриевой [21].

Общественное доверие выступает основой социальной безопасности, социального благополучия и открытости общества, а также позволяет более положительно оценивать социальное самочувствие населения. В аспекте взаимодействия с коррупционными практиками, социальное доверие выступает индикатором социальных настроений в обществе.

Коррупция выступает негативным фактором в формировании социального доверия, она его разрушает. Чем выше уровень коррупции – тем ниже уровень социального доверия и наоборот. Коррупция подрывает доверие общественности к работе всех социальных институтов. Дефицит доверия усиливается если в работе государственных институтов коррупция становится обычным инструментом решения вопросов. Недоверие государству в целом ставит под сомнение его легитимность и может привести либо к апатичности основных социальных групп, либо к революции.

Особенности исследования

Целью нашего исследования стало выявление связи общественного доверия и коррупционных практик.

Объектом исследования выступило население Иркутской области (n = 1400). Исследование было многоступенчатым, квотным (пол, возраст, место проживания). 55% женщин и 45% мужчин. Молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет – 30%, среднего возраста от 36 до 55 лет – 45%, старшего возраста от 56 лет и старше – 25%. Городских жителей – 56%, сельских – 44%. Уровень образования: высшее – 35%, среднеспециальное – 35%, среднее – 30%. Уровень дохода: высокий более 100 000 руб.; средний – 30 000–100 000 руб., низкий – до 30 000 руб. на одного члена семьи в месяц.

Оценка общественного доверия формировалась через 10-ти бальную шкалу, с критериями высокого уровня (8–10 баллов), среднего (4–7 баллов), низкого уровня (1–3 балла).

Особенности изучения коррупционных практик проводились через такие показатели как:

- бытовая коррупция (доля граждан, попавших хотя бы раз в жизни в коррупционную практику, вне зависимости от ее исхода и стороны участия (кто давал или, кто брал взятку);
- риск бытовой коррупции (доля вероятности вовлечения в коррупционную схему во время взаимодействия с органами власти);
- спрос бытовой коррупции (доля случаев, когда население дает взятку, оказавшись в коррупционной ситуации, когда официальным путем свой вопрос либо не решается, либо слишком долго решается).

Указанные показатели анализировались через предложенные кейсы взаимодействия с органами власти:

- муниципальные детские сады / школы / вузы;
- бесплатная медицинская помощь;
- социальные выплаты;
- военкомат;
- работа;
- судебные дела;
- работа разрешительных органов (пожарные, МЧС, санэпидемнадзор и проч.);
- полиция, ГИБДД;
- ремонт жилья / вывоз мусора и т.д.

Количественные показатели анализировались при помощи программы Statistics 23.0. Использовался сравнительный, частотный, регрессионный анализ.

Анализ результатов исследования

В результате исследования мы выяснили, что среди населения Иркутской области уровень общественного доверия – средний (62%), высокий – 21%, низкий – 17%. Отличия в уровне доверия между городским и сельским населением не выявлены. Выявлены отличия в уровне доверия между населением разного возраста ($x^2p < 0,005$). Молодые люди меньше доверяют кому бы о ни было – 22%, представители среднего возраста – 35%, и больше всех доверяют представители старшего возраста – 43%. Также женщины больше доверяют, чем мужчины ($x^2p < 0,05$) – 62% и 38% соответственно.

Достаточно негативным явлением является охват коррупционных практик – 73% указали, что когда-либо были участниками данного социального взаимодействия. Женщины в два раза чаще мужчин были участниками коррупционных практик на бытовом уровне ($x^2p < 0,05$). Жители городов в три раза чаще, чем жители деревень на бытовом уровне становились участниками коррупционного взаимодействия ($x^2p < 0,001$). Наибольшее количество бытовых ситуаций коррупционного поведения зафиксировано у представителей среднего поколения

При анализе рисков бытовой коррупции мужчины находятся в более опасной зоне, чем женщины

($x^2p < 0,05$) – 58 и 42% соответственно, более образованные граждане также в два раза чаще попадают в группу рисков бытовой коррупции, чем те, кто имеет более низкий уровень образования ($x^2p < 0,001$) 44 и 21% соответственно. Также, чем выше уровень дохода респондента, тем выше риск бытовой коррупции ($x^2p < 0,05$) – высокий доход 45%, средний – 30%, низкий – 25%.

Самый низкий показатель охвата коррупции обнаружен среди группы граждан с низким уровнем дохода – 12%, средним – 38%, высоким – 50%. Среди граждан с низким уровнем дохода, коррупция является результатом расхожих норм и социальных представлений (все так делают), среди граждан со средним достатком, коррупция это способ оптимизировать расходы и минимизировать риски. Среди граждан с высоким заработком, коррупция это способ сохранить то, что есть.

Среди самых распространённых видов коррупции выступает дача взятки инспектору ГИБДД – 16%, государственные инстанции и социальные выплаты – 14%, образовательные учреждения – 12%, медицинские учреждения – 10%.

Выводы

Высокий уровень общественного доверия формирует доверительные отношения, социальную идентичность и солидарность общества в целом. Это то, что усиливает связи между людьми и формирует социальные связи, позволяющие адаптироваться к любым внешним условиям. В Иркутской области общественное доверие находится на среднем уровне. Молодежь менее доверяет окружающим, а чем старше респондент – тем выше уровень доверия.

Большая часть опрошенных попадала в коррупционные практики когда-либо в жизни. Из видов коррупции доминирует дача взятки – каждый третий давал взятку кому-то в своей жизни.

Таким образом, нами выявлены взаимосвязи между уровнем общего доверия и проявлением коррупционных практик.

Коррупция – это системная болезнь общества. Если не делать ничего, то коррупция будет проникать во все сферы жизни, и это будет менять функционирование социальных институтов. Негативным последствием коррупции является то, что она будет нарушать базовые принципы доверия населения к этим институтам.

Для того, чтобы изменить эти условия, необходимо иначе относиться к тому, кто отвечает за коррупцию. И вина не только на органах власти лежит, но и на простых людях, которые включаются в коррупционные схемы. Они не менее ответственны за то, что происходит в стране. Если они не предлагают или не видят других вариантов решения своих вопросов, кроме как коррупционные схемы. То, иных путей и не будет.

Это мышление, это правовая культура, это морально этическая культура, которая определяет

то, что мы делаем, на что ориентируются наши ценности, взгляды, что им помогает, а что мешает выводить на новый уровень ту социальную проблематику, которая не решается через коррупционный вариант, а только временно откладывается решение этого вопроса. И здесь необходимо понимать, что нужны комплексные меры по борьбе с коррупцией и тогда будет результат. Иначе это будет игрой в одни ворота, где результат будет сомнителен.

Литература

- Алехин Э. В., Еремина Е.В. Коррупция в России: системный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 30–33.
- Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021. С. 15–19.
- Ардашев Р.Г. Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.
- Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 44–49.
- Ардельянова Я.А. Коррупция, доверие и неравенство в современных обществах // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 212–219.
- Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
- Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.
- Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
- Козырева П. М., Смирнов А.И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5 (28). С. 134–147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
- Латов Ю.В. Коррупция в зеркале общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (4). С. 40–60. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.040-060
- Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
- Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
- Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 96–103.
- Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабелных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
- Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
- Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Иркутск, ИГУ, 2019. 192 с.
- Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 2. С. 280–283.
- Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
- Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
- Татарко А. Н., Миронова А.А. Ценности и доверие как факторы отношения к коррупции // Психология в экономике и управлении. 2015. Том 7. № 2. С. 96–110. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(2).96-110
- Шахтаханов Е. Л., Дмитриева Е.Н. Коррупция как социальное явление и направления совершенствования противодействия коррупции в системе государственной службы // Столица науки. 2019. № 6 (11). С. 158–167.
- Штомпка П. Доверие – основа общества; пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.

PUBLIC TRUST AND CORRUPTION IN MODERN SOCIETY

Turkova V.N.
Irkutsk National Research Technical University

The article deals with the peculiarities of formation of public generalized trust and corruption practices. The idea that the higher the level of generalized trust is, the lower the level of corruption is, and vice versa: the lower the level of public trust is, the higher the level of corruption practices in society is confirmed. The article considers the specifics and mechanisms of development of corrupt practices and

lowering of public trust in modern Russia. The results of the study of the development of corruption and lowering of public trust are given.

Keywords: trust, generalized trust, generalized trust, corruption, corrupt practices, modern society, social relations, social interaction

References

1. Alekhin E.V., Eremina E.V. Corruption in Russia: system analysis // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2016. № 4. C. 30–33.
2. Ardashev R.G. Unconscious images of anti-corruption policy of Russia // *Practice of countering corruption: problems and achievements*. Materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. 2021. C. 15–19.
3. Ardashev R.G. Irrationality of urban consciousness // *Modern urbanistics: social well-being and digital transformation of the city*. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Minsk, 2024. C. 33–36.
4. Ardashev R.G. Irrational perceptions of young people about anti-corruption culture in Russia // *Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society*. Collection of articles. Edited by A.V. Petrov, O.P. Gorkova, Yin Shash, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020. C. 44–49.
5. Ardelyanova Ya.A. Corruption, trust and inequality in modern societies // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2014. № 2. C. 212–219.
6. Baev, P.A. Economic well-being of world outlook attitudes of young people // *Sociology*. 2024. № 2. C. 57–64.
7. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia // *Sociology*. 2024. № 4. C. 83–89.
8. Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor orientations of youth: virtual conditions // *Sociology*. 2024. № 5. C. 31–38.
9. Kozyreva P. M., Smirnov A.I. Trust in an unstable
9. Kozyreva P. M. M., Smirnov A.I. Trust in the unstable Russian society // *Polis. Political Studies*. 2019. № 5 (28). C. 134–147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
10. Latov Yu.V. Corruption in the mirror of public opinion of Russians: problems, contradictions, paradoxes // *Journal of Institutional Studies*. 2019. № 11 (4). C. 40–60. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.040-060
11. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology*. 2021. № 2. C. 87–92.
12. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // *Sociology*. 2024. № 2. C. 121–127.
13. Polyushkevich O.A. Trust in the institutions of law // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the I All-Russian scientific and practical conference. 2019. C. 96–103.
14. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis of prosocial practices: expert analysis // *Expert institutions in the XXI century: civilizational and digital concepts of the changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. C. 126–129.
15. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // *Problem of the ratio of natural and social in society and man*. 2023. № 14. C. 101–106.
16. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V. Ethical foundations of countering corruption. – Irkutsk, IGU, 2019. – 192 c.
17. Skudenkov V.A. Social symbols of cash in everyday life // *Sociology*. 2019. № 2. C. 280–283.
18. Skudenkov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. № 1. C. 341–344.
19. Skudenkov, V.A. Economic claims in the conditions of mobilization // *Sociology*. 2022. № 5. C. 80–87.
20. Tatarko A. N. N., Mironova A.A. Values and trust as factors of attitude to corruption // *Psychology in Economics and Management*. 2015. Vol. 7. No. 2. C. 96–110. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(2).96-110
21. Shakhtakhanov E. L., Dmitrieva E.N. Corruption as a social phenomenon and directions of improvement of counteraction to corruption in the system of public service // *Stolitsa nauki*. 2019. № 6 (11). C. 158–167.
22. Sztompka P. Trust – the basis of society. N.V. Morozova. – Moscow: Logos, 2012. – 440 c.

Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье анализируется отношение к труду и занятости, мотивации профессиональной реализации молодых людей. Выявляются факторы, которые определяют трудовое поведение молодежи. На основе проведенного социологического исследования выявляются основные ценности и ориентиры в трудовой сфере молодежи Иркутской области. Выделяются типы ценностей и новые ориентиры трудовой жизни молодых людей. Обозначены основные маркеры новых условий и форм социально-профессиональных ориентиров молодых людей в условиях цифровизации.

Ключевые слова: молодежь, региональная молодежь, трудовые ценности, трудовые ориентиры, трудовые установки, цифровизация.

Понимание того, что заставляет людей трудиться, формировать свой профессиональный выбор позволяет лучше понимать социально-исторические условия развития общества. Умение анализировать и манипулировать данными процессами приводит к регулируемой социально-экономической политике. Поэтому, эти процессы требуют особого внимания со стороны не только ученых, но и представителей власти, бизнеса, образования и многих других социальных институтов.

Современные процессы виртуализации и цифровизации существенно повлияли на представления и установки молодых людей о своем профессиональном будущем. Об этом говорят исследования Р.Г. Ардашева [2–4], И.А. Журавлевой [7–9], изменилась социальная идентичность и уровень доверия к социальным институтам молодых людей в условиях виртуализации (О.А. Полюшкевич [15–16]).

Трудовые ценности молодежи рассмотрены в работе Е.В. Андриановой, А.Н. Тарасовой и И.Ф. Печеркиной [1], Г.Б. Кошарной и Н.В. Корж [11], Т.А. Пакиной [13], А.А. Поплавской [16], В.В. Ретивинной [17], В.А. Скуденкова [19, 20], Т.А. Тереховой и Л.Г. Гаевской [21]. Преодоление стереотипов в бизнесе через трудовые ориентиры рассмотрены в работе С.Н. Мозулева, Л.В. Саниной и И.С. Шавкуновой [12], В.В. Полякова [18], вопросы карьерных ориентаций изучены в работе Н.С. Фонталовой и В.И. Рерке [24].

Вопросы дистанционной занятости в современном мире рассмотрены в исследовании О.Н. Бавевой и В.Н. Елшанской [5], особенности потребностей в рабочей силе рассмотрены в исследовании В.Г. Былкова [6], внутрифирменная трудовая мобильность изучена Е.П. Федоровой и Р.Т. Утаралиевой [23]. Вопросы содействия государства занятости молодежи изучены в работе О.В. Забелиной, А.В. Майоровой и Е.А. Матвеевой [10], глобализация трудовых рыночных ориентаций исследована в работе Е.А. Трофимова [22].

Изменение ценностей и мотивов трудовой деятельности становится очевидным состоянием для всех участников социального взаимодействия. Молодые люди все больше опираются на инструментальный характер выбора того или иного типа или сферы профессиональной реализации. Мотивация к труду связана в первую очередь с материальным достатком и социальной успешностью (построением карьеры), на втором месте находятся вопросы самореализации через трудовую сферу.

Будущее профессиональной сферы во многом зависит от того, какой карьерный и профессиональный выбор сделают уже сегодня молодые люди, так как то, будущее, которое наступит завтра – определяется реалиями настоящего. Многие предприятия нуждаются в высококлассных специалистах, но, чтобы таковыми стать – необходимо высшее образование, профессиональный опыт и желание реализовываться в том или ином виде профессиональной деятельности.

Но более половины современных молодых людей получают высшее образование не потому что хотят именно в этой сфере реализоваться, а потому что так «спокойнее родителям», «посоветовали друзья» и т.д. Это приводит к тому, что, закончив обучение, они не идут работать по специальности или же предпочитают вовсе работать на фрилансе или «быть блогером» или же искать свое призвание в новых (чаще цифровых) профессиях. В результате, реальные предприятия испытывают дефицит кадров [8, 9].

Современной молодежи нужен результат здесь и сейчас, а не когда-нибудь потом, через несколько лет. К этому подталкивает общество массового потребления. И предприятия вынуждены придумывать новые модели трудоустройства, обучения специалистов и т.д. Внешние условия рынка труда (уход отдельных специальностей из-за научно-технического прогресса и цифровизации, появление новых профессиональных ниш) заставляют по-новому заявлять о себе и искать не традиционные варианты построения карьеры и формирования профессиональной реализации. Но этого недостаточно, необходимы и новые схемы вхождения молодежи в социо-экономическую среду со стороны вузов, НКО и других институтов гражданского общества.

Изменение ценностного уровня молодежи неизбежно приводит к изменению трудовых ориентаций и профессиональных установок молодых людей. Региональные условия развития профессионально-производственных форм организации труда накладывает свой отпечаток.

Особенности исследования

Целью нашего исследования стало изучение трудовых ценностей и ориентиров региональной молодежи в условиях цифровизации.

Исследование проводилось при помощи анкетирования студентов Иркутской области в возрасте от 18 до 25 лет, 55% женщин и 45% мужчин (n = 1200). Анкетирование проводилось в онлайн формате на платформе опросов www.google.com. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и региону проживания.

Результаты обрабатывались в программе SPSS. В анализе данных использовался метод главных компонент, вращение Варимакс и нормализация Кайзера.

Анализ результатов исследования

Мы попросили респондентов поставить в приоритет тот или иной блок социально-экономических и личностных параметров развития и внутри каждого выделить приоритеты. В результате исследования мы выяснили, что студенческая молодежь Иркутской области на первое место ставит финансово-трудовые ориентиры: профессиональная реализация (20%), трудовая карьера (23%), интересная работа (27%), высокий доход (30%). На второе место вопросы самореализации: собственно самореализация (37%), быть на своем месте (30%), творческая реализация (33%). На третьем месте семья и здоровье: семейное благополучие (30%), личное здоровье (27%), здоровье членов семьи (23%), рождение детей (20%). На четвертом месте: общественно-полезная деятельность: волонтерская и добровольческая деятельность (42%), вовлеченность в социальный активизм (инициативные группы) – 38%, работа в некоммерческих организациях – 20%.

Цифровизация общества изменила каждый из выделенных блоков и придала новые смыслы и условия реализации молодых людей. Профессиональная реализация по получаемой профессии интересна и актуальна, они предполагают работать по специальности – 38% опрошенных молодых людей. Также 32% молодых людей участья для галочки, для родителей и т.д., формально получают высшее образование, не предполагая дальше работать по специальности. И 30% точно не могут сказать, будут или нет работать по специальности, так как особого энтузиазма в получаемом образовании не испытывают.

Две последние группы (62%) наиболее активно вовлечены в получение дополнительного образования в цифровом пространстве (через дополнительную специальность, переподготовку или как минимум мастер-классы). Свое профессиональное будущее они в 50% случаев связывают с цифровой сферой, а вторая половина, в цифровом обучении видит инструменты повышения собственного профессионализма и последующей реализации. Те же, кто намерен работать по специальности, цифровое обучение и цифровую работу воспринимают в полной мере как инструменты повышения квалификации и собственных компетенций. Их обучение идет в рамках получаемой специальности, для расширения знаний, навыков и умений. Цифровые инструменты повышения уровня собственных знаний и компетенций позволяют построить карьеру (27%), профессионально реализоваться (23%), получить интересную должность (20%) и высокий доход (30%).

Самореализация и творческая реализация для 54% молодых людей лежит в цифровой сфере, не связанная с профессиональной деятельностью, для 46% творчески реализоваться и освоить принципы самореализации в цифровом пространстве можно в профессиональной деятельности. На про-

фессиональную реализацию цифровые возможности уже сегодня достаточно сильно влияют, в будущем это воздействие будет еще более тотальным и всеобъемлющим.

Вопросы здоровья через виртуальную медицину готовы решать пока только треть опрошенных (31%), а вот строить личные отношения (знакомиться, общаться и создавать семью) в виртуальном пространстве в два раза больше – 62% опрошенных молодых людей. Это экономит время и создает дополнительные условия для профессиональной реализации.

Общественно-полезная деятельность через помощь кому-то в 55% случаев молодыми людьми осуществляется в виртуальном пространстве (начиная от перевода средств на карту, заканчивая голосованием, размещением материалов и т.д.). Полагаем, в будущем этот процент будет только расти. И общественное участие как форма социальной активности, которая также может помочь при профессиональной реализации, существенно изменяет формат и условия работы.

Цифровое пространство создает новые специальности и профессии, требует альтернативных навыков, которые не дает классическое образование. Также оно выступает еще одним рынком труда, где можно не только научиться чему-то, но и непосредственно работать.

От трудовой деятельности молодые люди ожидают разные важные ориентиры. Для большей части важны вполне рациональные вещи: жить спокойной и обеспеченной жизнью; продвигаться по службе, делать карьеру; добиваться высокого положения в обществе; хорошо зарабатывать; постоянно самосовершенствоваться; заниматься любимым делом; работать творчески.

Менее значимые критерии ожиданий находятся в том, чтобы работать по непосредственно получаемой в вузе специальности; заслужить уважение друзей и знакомых; общаться с людьми; быть полезным обществу; заниматься легкой не обременительной работой; свободно использовать рабочее время; быть полезным людям.

В таблице 1 отражены общие ориентиры молодых людей.

Цифровое пространство в обозначенных целях помогает усиливать наиболее значимые показатели и делает более нейтральными менее значимыми (позволяя формально их реализовывать). Но в целом, благодаря его развитию усиливается вариативность карьеры, многоуровневость и нелинейность. Трудовая занятость молодых людей в начале трудовой деятельности носит многовариантный характер, что изначально расширяет рамки и не позволяет двигаться только однажды выбранной карьере. Параллельно с этим, сама трудовая жизнь уходит в виртуальный мир, не предполагая традиционных форм и форматов трудоустройства.

Таким образом, у современных молодых людей все больше индивидуалистических ценностей

в сфере профессиональной реализации. Цифровизация мира еще больше усилила данные процессы, так как позволила расширить свои индивидуальные личные характеристики через возможность дополнительного обучения, а в последующем и удаленной работы в виртуальном пространстве. Трудовые ориентиры молодых людей существенно изменились и позволили определить новые условия развития личности, сообществ и общества в целом.

Таблица 1. Ожидания от трудовой деятельности (в %)

Критерии ожиданий	Процент
Жить спокойной и обеспеченной жизнью	8,3
Работать непосредственно по полученной в вузе специальности	3,9
Заслужить уважение знакомых и друзей	4,8
Видеть результаты своей работы	4,6
Совершенствовать свои навыки по специальности	6,4
Добиваться высокого положения в обществе	8,2
Хорошо зарабатывать	8,2
Общаться с людьми	3,4
Продвигаться по службе, делать карьеру	8,6
Постоянно самосовершенствоваться	8,4
Быть полезным обществу	4,3
Заниматься легкой, необременительной работой	4,4
Применять свои способности	5,8
Заниматься любимым делом	8,1
Свободно использовать рабочее время	2,3
Работать творчески	8,1
Быть полезным людям	2,2

Молодые люди готовы работать со всей силой и увлеченно, получая достойное вознаграждение и социальное признание, и это не обязательно должно быть по профилю образования и соответствовать интересам общества, важнее личные приоритеты. Цифровое пространство также усиливает тенденцию индивидуализации, усиливая черты личных заслуг, значимости не команд, а личности. Выделенные критерии ожиданий от профессиональной деятельности соответствуют ценностям, которые важны для современных молодых людей.

Использование факторного анализа позволило выделить пять групп индивидуальных трудовых установок современной молодежи в цифровом мире: творчески ориентированных, образовательно-ориентированных, социально-ориентированных, статусно-ориентированных, профессионально-ориентированных.

Творчески-ориентированные – ориентированы на вдохновение, легкость, ненормальность работы, свободно использование рабочего времени,

отсутствие рамок и ограничений. В 80% предпочитают удаленную работу в онлайн пространстве.

Образовательно-ориентированные – ожидают реализации от работы по специальности, полученной в вузе.

Общественно-ориентированные – предпочитают работу, направленную с общением с людьми, желают быть полезными обществу, вносить свой вклад в общий мир.

Статусно-ориентированные – предпочитают строить карьеру, хорошо зарабатывать, занять высокое положение в общества, а вместе с ним и уважение окружающих, жить спокойной обеспеченной жизнью.

Профессионально-ориентированных – заниматься любимым делом, постоянно самосовершенствоваться, видеть результаты своей работы.

На выбор той или иной специальности обучения влияют семья (34%), учителя (32%), встреча с профессионалами данной сферы (24%), друзья (10%). А на выбор работы влияют знакомые родителей (20%), помощь преподавателей вуза, их рекомендация (34%), личный социальный капитал (40%), 6% – иные условия. Цифровизация общества еще больше усиливает данные тенденции, доля их наиболее очевидными.

Выводы

Таким образом, ценности труда и трудовой деятельности (в виде профессиональной реализации, карьеры и высокой заработной платы) важны для современной молодежи. Но цифровизация существенно сместила ориентиры для профессиональной реализации для практически половины молодых людей. Цифровой мир дает возможность быстрее и качественнее получить новые знания и применить их в профессии (в реальном или виртуальном мире).

Границы рынка труда становятся более гибкими и поэтому, у молодых людей появляется в разы больше возможностей трудоустроиться. На основе этого формируется новая динамическая культура трудовой реализации молодежи в цифровом мире.

Выделенные пять типов трудовых установок молодежи на сегодняшний день выступают основой системы мотивации трудовой деятельности. Понимая особенности каждого типа, можно управлять трудовыми и профессиональными мотивами их участников. По нашему мнению, на эти типы должна быть направлена локальная государственная политика трудоустройства, т.к. универсальные механизмы не подойдут и не смогут помочь понять мотивы работников того или иного типа.

Литература

1. Андрианова Е. В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг обще-

ственного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.

2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 130–134.
3. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 76–79.
4. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 152–156.
5. Баева О.Н., Елшанская В.Н. Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // Baikal research journal. 2020. Т. 11, № 2. С. 10.
6. Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
7. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
8. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
9. Журавлёва И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
10. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
11. Кошарная Г. Б., Корж Н.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
12. Мозулев С.Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546.
13. Пакина Т.А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале со-

циологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>

14. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
15. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
16. Поплавская А.А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
17. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
18. Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // Baikal research journal. 2022. Т. 13, № 3. С. 39.
19. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
20. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
21. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
22. Трофимов Е.А. Глобализация рыночных процессов в трудовой сфере // Baikal research journal. 2012. № 3. С. 3.
23. Федорова Е.П., Утаралиева Р.Т. Внутрифирменная мобильность на российском рынке труда // Baikal research journal. 2017. Т. 8, № 3. С. 12.
24. Фонталова Н.С., Рерке В.И. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // Baikal research journal. 2015. Т. 6, № 3. С. 38.

LABOR VALUES AND ORIENTATIONS OF REGIONAL YOUTH IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Baev P.A.
Baikal State University

The article analyzes the attitude to labor and employment, motivation of professional realization of young people. The factors that determine the labor behavior of young people are revealed. On the basis of the conducted sociological research the main values and reference points in the labor sphere of young people of the Irkutsk region are revealed. The types of values and new benchmarks of young people's working life are identified. The main markers of new

conditions and forms of socio-professional orientations of young people in the conditions of digitalization are outlined.

Keywords: youth, regional youth, labor values, labor orientations, labor attitudes, digitalization.

References

1. Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherikina I.F. Motives and labor values of youth: paradoxes of development // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2018. No. 3. P. 324–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>.
2. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. Collection of scientific papers. – Irkutsk: ISU, 2021. – P. 130–134.
3. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vol NC RAS, 2021. – pp. 76–79.
4. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. – Irkutsk: ISU, 2021. – pp. 152–156.
5. Baeva O.N., Elshanskaya V.N. Methodological aspects of decision-making on the use of distance employment // Baikal research journal. 2020. Vol. 11, No. 2. P. 10.
6. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on Rosstat sample survey materials) // News of the Baikal State University. 2022. Т. 32, No. 1.
7. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma Mater (Bulletin of Higher School). 2019. No. 6. pp. 31–34.
8. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // Sociology. 2020. No. 1. pp. 279–286.
9. Zhuravleva I.A. Social framework of educational and labor prospects for Russian youth // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10. pp. 264–274.
10. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labor attitudes of Russian youth and state assistance in the development and implementation of their labor potential // Labor Economics. 2019. Vol. 6. No. 3. pp. 1093–1104. doi: 10.18334/et.6.3.41176
11. Kosharnaya G. B., Korzh N.V. Value orientations of student youth in the labor sphere // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2013. No. 2. P. 58–64. – URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on9213
12. Mozulev S.N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // Baikal research journal. 2023. Т. 14. No. 2. pp. 536–546.
13. Pakina T.A. Labor values and attitudes of modern students (based on sociological research) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2014. No. 3. pp. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131>
14. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. No. 2. pp. 121–127.
15. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // Sociodynamics. 2016. No. 10. pp. 37–44.
16. Poplavskaya A.A. Factors in the formation of internal and external labor values of students of Russian universities // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2022. No. 2. pp. 181–206. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2071>
17. Retivina V.V. Labor values and attitudes of modern student youth // Higher education in Russia. 2019. Т. 29. No. 1. pp. 57–63. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63>.
18. Sanina L.V., Mozulev S.N., Polyakov V.V. Study of entrepreneurial intentions of student youth in the Irkutsk region // Baikal research journal. 2022. Т. 13, No. 3. P. 39.
19. Skudenkov V.A. Transformation of the life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // Sociology. 2020. No. 1. pp. 341–344.

20. Skudencov V.A. Economic claims in conditions of mobilization // Sociology. 2022. No. 5. pp. 80–87.
21. Terekhova T.A., Gaevskaya L.G. The system of meaning-forming activity of the individual in the context of the metasystem approach // Baikal research journal. 2023. T.14. No. 2. pp. 680–689.
22. Trofimov E.A. Globalization of market processes in the labor sphere // Baikal research journal. 2012. No. 3. P. 3.
23. Fedorova E.P., Utaralieva R.T. Intracompany mobility in the Russian labor market // Baikal research journal. 2017. T. 8, No. 3. P. 12.
24. Fontalova N.S., Rerke V.I. The relationship between the career orientations of a future specialist's personality and their social effectiveness // Baikal research journal. 2015. T. 6, No. 3. P. 38.

Экспертная оценка эффективности политики импортозамещения в фармацевтической отрасли

Журавлев Артем Андреевич,

аспирант Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: artem.zhuravlev.38@internet.ru

В статье проводится анализ реализации политики импортозамещения в фармацевтической отрасли. Проводится формально-статистический анализ изменения показателей фарминдустрии в России с момента работы политики импортозамещения. В результате полуформализованного экспертного интервью (n=12), выявлены особенности современного этапа развития фармацевтической отрасли, проведена оценка эффективности политики импортозамещения в рассматриваемой отрасли, выделены существующие проблемы и обозначены перспективы развития фарминдустрии в России.

Ключевые слова: фармацевтическая отрасль, политика импортозамещения, экспертная оценка, эффективность политики, фарминдустрия, экономическая социология, социология производства, социология фарминдустрии.

Политика импортозамещения серьезно повлияла на рынок фармацевтической отрасли. В 2023 году около 70% всех лекарственных препаратов относится к отечественному производству. Хотя стоит отметить, что 60% субстанций для данных лекарств ввозится из-за рубежа.

Но сложности во внешнеполитической ситуации и экономические санкции все чаще ограничивают ввоз субстанций (из-за трудностей логистики, принципиальных позиций компаний разработчиков или невозможности не подчиниться существующим ограничениям). Например, доля поставок из Германии составляет 20%, Франции – 17%, Индии – 5%, Китая – 2%. Заменить данных поставщиков иногда просто невозможно. Есть особенности и по другим критериям, например в Индии закупаются субстанции химического синтеза, а в Китае – в основном органические субстанции и БА-Ды.

Поэтому, рынок фармацевтической отрасли наименее стабилен, но при этом показывает стабильный рост и развитие. В 2021 году он увеличился на 16%, в 2022 на 20%, в 2023 году на 25%. Это прирост выше среднего на общемировом уровне [14].

Сегодня государство активно поддерживает процессы импортозамещения в фармацевтической отрасли. Например, выдача субсидируемых оборотных кредитов или обнуление ввозной таможенной пошлины. Помимо этого, обсуждаются такие меры как:

- упрощение регистрационных процедур, которые позволяют быстрее выводить на рынок новые лекарства и медизделия, а также ускорят перерегистрацию лекарств, в которых изменены поставщики субстанций;
- финансовая поддержка новых производств, включающая субсидии и льготные инвестиционные кредиты;
- предоставление земельных участков на льготных условиях для строительства новых фармацевтических производств;
- разрешение азиатским производителям заходить на российский рынок не только со своими препаратами, но и со своими технологиями.

Развитие политики импортозамещения в фарминдустрии строится на макро- и мезоуровне.

На мезоуровне формируется и поддерживается социально-демографическая безопасность, опирающаяся на уровень и качество развития фарминдустрии в Российской Федерации (начиная

от качества лекарственных препаратов, заканчивая квалификацией врачей, медсестер, фармацевтов и проч.). В рамках «Стратегии лекарственного обеспечения населения до 2025 года» формируется задача по обеспечению населения лекарствами, созданными в России. Это должно повысить качество медицинской помощи, уровень удовлетворения россиянами своими условиями жизни и обеспечения здоровья и безопасности. Перспективы развития фармацевтической отрасли отражены в стратегии «Фарма-2030» [14].

На макроуровне формируется стратегия роста потребностей и возможностей их удовлетворения через лекарственные препараты осуществляется через рост объемов производства. Возникают вопросы о качестве и стоимости реализуемой продукции. Несмотря на выбранный государством курс на создание инновационных отечественных препаратов, на практике значительно упрощена процедура экспертизы и государственных закупок дженериковых препаратов, в то же время регистрация и продвижение оригинальных отечественных препаратов сталкиваются с большими трудностями.

В социально-экономических исследованиях достаточно мало работ, посвященных изучению последствий реализации политики импортозамещения на общество в целом и фарминдустрию в частности. Кроме собственных исследований [3, 4], можно указать работу Н.В. Кривенко, Д.С. Епанешникова [5], поднимающих вопросы связи политики импортозамещения и демографического воспроизводства региона. Другими исследователями внешние условия как факторы изменения политики импортозамещения рассматриваются значительно чаще. Например, В.А. Скуденков [8–10] рассматривает влияние экономических санкций и мобилизации на качество жизни, О.А. Полюшкевич [6, 7] вопросы социального управления и моделирования через новые механизмы политики импортозамещения, что также меняет повседневную жизнь россиян, Р.Г. Ардашев [1, 2] анализирует влияние информации о политике импортозамещения транслируемое через СМИ на общественное сознание и оценку происходящих социально-экономических перемен, П.А. Трескина о межсекторном партнерстве как необходимом условии реализации политики импортозамещения в России [11–13].

Особенности исследования

Мы провели экспертный опрос руководителей производственных фармацевтических компаний (n = 12), в возрасте от 30 до 65 лет, 60% мужчин и 40% женщин, занятых в фармацевтической отрасли пять и более лет. Экспертное интервью проводилось в виде полужурналистского гайда, который направлен был на выявление особенностей современного этапа развития фармацевтической отрасли,

оценке эффективности политики импортозамещения в рассматриваемой отрасли, существующих проблемах и перспективах развития фарминдустрии в России.

Анализ результатов исследования

Все эксперты отмечают медленность и неповоротливость реализации инновационных процессов, которые меняют условия и особенности работы фарминдустрии России. Более того, в три раза чаще эксперты фиксируют препятствия при реализации политики импортозамещения. Например, они говорят об отсутствии лицензий на доклинические и клинические испытания (32%); трудности и преграды в использовании их при лечении больных (33%); бюрократические процессы оформления документов, создании препарата и последующей реализации может затянуться на года (35%). Это все требует более активного вовлечения государства в виде контрольно-надзорных органов, помогающих ускорить и оптимизировать процесс внедрения новых лекарственных препаратов.

Сложности в эффективном и прогрессивном развитии фармацевтической отрасли имеют корни в системе российского государства, в бюрократии и формализме. Это разрушает принцип развития, быстрой адаптации к новым условиям и готовности рисковать для получения желанного результата. (Н.Ю., 47 лет, директор фармацевтической компании, Екатеринбург.)

Если быть честными и собирать все бумаги, то в России нет ни одной компании, которая по всем пунктам соответствовала всем тем требованиям, что предъявляет министерство к фармкомпаниям. И дело случая – когда вспомнят об одном или другом документе. Нет, это не говорит о политике двойных стандартов. Но это указывает на то, что, если захотеть – можно прикрыть любую, даже самую эффективную компанию в нашей отрасли. (М.А., 38 лет, директор фармацевтического производства, Калининград.)

Санкционированные процессы существенно осложняют процесс развития отрасли, но в то же время создают особые условия работы местных организаций. Хотя бюрократизм осложняет весь положительный эффект (62%). Эти же процессы усиливают эффекты межсекторного партнерства между властью, бизнесом и здоровьем населения региона или же общим уровнем системы здравоохранения (67%).

После внедрения политики импортозамещения фармацевтические компании были вынуждены искать новые точки соприкосновения с другими представителями общественности. Так называемое социальное партнерство или межсекторное взаимодействие становятся результатами работы и на практику выходят совершенно новые для фармотрасли проекты – по просвещению граждан, по популяризации вакцинации и прочие про-

екты направленные на поддержание здоровья, информации об этом и многом другом. Эти проекты реализуются вместе с некоммерческими организациями и благотворительными фондами. (Н.Е., руководитель фармацевтической научно-производственной компании, Новосибирск.)

Все эксперты указывают на рост отечественных лекарственных препаратов на рынке за последние десять лет от 4 до 12% (в разных препаратах). Стоит сказать, что аналитические отчеты по фармацевтической отрасли фиксируют те же процессы (за последние пять лет, объем продаж лекарств повысился в 3 раза из-за ограниченности доступа к заграничным ресурсам; по стоимости в 4–6 раз) [14].

Формальный показатель эффективности политики импортозамещения – это рост количества отечественных препаратов на рынке страны. И это достижение государства. (М.А., 38 лет, директор фармацевтического производства, Калининград.)

По словам экспертов, ценообразование достаточно проблемное поле РФ, не всегда работают общие схемы и механизмы, много непрогнозируемых и непредвиденных факторов, которые определяют итоговую цену. Не говоря уже о ввозимом из-за рубежа сырье – которое с учетом ограниченный также подорожало.

Цена на лекарственный препарат – притча во языцах: для населения дорого, для министерства здравоохранения критично, для производителей – убыточно. И это страшный сон любого управляющего или директора фармацевтической компании. Угодить всем сложно, но руководители успешных фармацевтических компаний с этим справляются. (О.В., 33 года, управляющая фармацевтического холдинга, Санкт Петербург.)

Важным шагом современных властей является компенсация ставок по кредитам на создание экспортоориентированной продукции. Это стало точкой отсчета для разработки и реализации более полумиллиона инновационных фармацевтических препаратов.

Вопросы кредитования, компенсации ставок – существенно облегчают динамику развития фармацевтического рынка. Это серьезный шаг представителей власти навстречу к фарм-отрасли. (Т.Т., управляющий фармацевтического завода, Псков.)

Отдельно эксперты выделяли значимые практические достижения российской фарминдустрии:

Благодаря реализуемой политике импортозамещения, Россия стала одной из передовых стран по количеству регистрируемых препаратов-биоаналогов (а их внедрение возможно только после большого цикла клинических исследований и качественной технической и технологической подготовки). (О.В., 33 года, управляющая фармацевтического холдинга, Санкт Петербург.)

Россия – единственная страна, которая производит рекомбинированные факторы крови (7, 8,

9), которые являются основой для производства кровоостанавливающих препаратов. (М.А., 38 лет, директор фармацевтического производства, Калининград.)

Наша страна на 70% за время политики импортозамещения смогла закрыть потребность в зарубежных лекарственных препаратах, отечественными аналогами. (Н.Ю., 47 лет, директор фармацевтической компании, Екатеринбург.)

Отдельно эксперты говорили о государственном венчурном фонде – как перспективе развития политики импортозамещения в фарминдустрии, который позволит максимально оптимизировать процесс научной разработки и реализации вакцины на рынке или любого другого лечебного препарата.

Наследием прошлого является длительный процесс – от научной разработки, проверки клиническими испытаниями и внедрения на рынок лекарства, поэтому венчурный фонд – это решение проблем многих компаний. Я надеюсь, что он реализуется в ближайший год-два. Тогда фарминдустрия России осуществит небывалый в мире скачок разработки, производства и реализации лекарств. (Н.Е., руководитель фармацевтической научно-производственной компании, Новосибирск.)

Также экспертами выделялась проблема разработки и внедрения в повседневную практику инновационных технологий на более качественном уровне. Для того чтобы результаты исследований в нашей стране могли быть сопоставимы с мировыми разработками. Это необходимо и для стратегического позиционирования государства, и для научного прогресса как сферы применения знаний и навыков современников.

Следствием этого положения становится внедрение идей и форм цифровизации в разработке лекарственных препаратов, отслеживании эффектов их воздействия, мониторинга и анализа данных, составления прогнозных моделей выздоровления и в целом обеспечения более доступной медицинской помощи, консультации врачей и т.д. Цифровизация – это основа научного прорыва во всех научных отраслях, но в фарминдустрии особенно. Облачные технологии и автоматизация процессов управления фарм-производством становятся необходимостью работы и соответствия современным технологиям научно-технического прогресса.

Цифровизация в фармацевтической отрасли только началась. Но она идет серьезными темпами, что показывает незаполненность данными технологиями нашей сферы. И тут множество вариантов развития и отдельных компаний и отрасли в целом. (Я.С., 42 года, управляющий фармацевтического завода, Москва.)

К сожалению, технологии блокчейн, smart-производство, а также видеоаналитика и машинное зрение являются наименее востребованными

технологиями среди фармацевтических компаний. Их внедрение проблематично для большинства фармацевтических компаний. На сегодняшний день, кто может себе это позволить это 10–15% от всех участников фармацевтического рынка. А этого недостаточно, чтобы говорить о полноценном вхождении в эпоху цифровых возможностей. Иными словами, цифровизация только становится перспективой для основного костяка фармацевтических компаний, хотя, конечно, определенные направления в этом вопросе делают все компании.

Многие современные технологии, касающиеся работы с большими данными, технологиями завтрашнего дня, начиная от блокчейн, заканчивая облачными технологиями для многих остаются неизвестной темой, осваивать которую не стремятся так как не знают, как использовать в работе. И тут надо не просто внедрять технологии, а расширять мировоззрение и навыки управленцев, чтобы они сами видели и хотели использовать цифровые технологии, так как именно в них видели бы перспективы развития компании и отрасли. (А.Г., 59 лет, директор группы фармацевтических компаний, Москва.)

Новые условия и возможности развития взаимодействия фармкомпаний, врачей и пациентов реализуются в основном в сфере Интернет (95%), достаточно много проектов взаимодействия и просто реализации товаров лекарственных осуществляется через форумы врачей и блоги (85%), онлайн-продажи безрецептурных препаратов, электронные рецепты, телемедицина (77%) становится все более востребованным инструментом для развития рынка.

Взаимодействие тет-а-тет становится все более не выгодной. Фарминдустрия не исключение. Телемедицина и онлайн продажи лекарств – это перспектива рынка реализации услуг и продуктов фармацевтических компаний. Это необходимость соответствия требованиям потребителей, так как мир перешел на цифровые коммуникации, и они предполагают и взаимодействие с врачом и фармацевтом через онлайн технологии, в режиме реального времени, а не личную встречу. (О.А., директор фармацевтической научно-производственной группы, Новосибирск.)

Таким образом, современный рынок фармацевтических услуг и продуктов разнообразен, благодаря политике импортозамещения стал более активен и мобилен. Полагаем, будущее позволит еще более активно расширить возможности и перспективы развития отечественной фармацевтической промышленности.

Выводы

Обобщая рассуждения экспертов, мы можем сказать, что импортозамещение в фарминдустрии достаточно быстро и эффективно меняет картину в лучшую сторону для российских производителей.

Благодаря реализации политики импортозамещения Россия:

- находится в зоне лекарственной безопасности;
 - система здравоохранения оптимизируется с учетом особенности реализации политики импортозамещения;
 - произошел замен зарубежных препаратов на отечественные аналоги;
 - открываются новые отечественные производства в разных фармацевтических направлениях;
 - регулируются процессы повышения качества человеческого капитала фармацевтических компаний;
 - повышается ресурсность и емкость регионов (присутствия фармацевтических компаний) по человеческим и производственным ресурсам.
- Полагаем, что дальнейшая реализация политики импортозамещения в фармацевтической отрасли позволит:
- получить более стабильные экономические показатели роста отрасли и развития регионов присутствия данных компаний;
 - стабилизирует социально-демографический и здоровье сберегающий потенциал регионов;
 - укрепит процессы национальной безопасности населения и общества в целом.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р.Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМОНОСОВ-2022. Материалы Международного молодежного научного форума. 2022.
3. Журавлев А.А. Политика импортозамещения в оценках представителей разных поколений // Социология. 2023. № 6. С. 280–286.
4. Журавлев А.А. Политика импортозамещения: конструирование общественного мнения через медиаресурсы // Социология. 2023. № 4. С. 86–92.
5. Кривенко Н. В., Епанешникова Д.С. Влияние процессов импортозамещения в фарминдустрии на повышение эффективности системы здравоохранения и социально-демографической безопасности региона // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 9 (99). Часть 1. Сентябрь. С. 180–186
6. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 343–345.

7. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
8. Скуденков В.А. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, Вол НЦ РАН, 2020. С. 254–257.
9. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
10. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
11. Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 345–354.
12. Трескин П.А. Экспертность межсекторного партнерства // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 354–358.
13. Трескин П.А. Межсекторное социальное партнерство // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 124–128.
14. Фармацевтическая промышленность: работа в условиях санкций, планы по развитию до 2030 года. – URL: <https://www.garant.ru/article/1634358/>

EXPERT ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY

Zhuravlev A.A.
Irkutsk State University

The article analyzes the implementation of import substitution policy in the pharmaceutical industry. The formal-statistical analysis of changes in the indicators of pharmaceutical industry in Russia since

the moment of import substitution policy implementation is carried out. As a result of semiformalized expert interview (n=12), the features of the current stage of development of the pharmaceutical industry are revealed, the effectiveness of the import substitution policy in the industry under consideration is assessed, the existing problems are highlighted and the prospects for the development of the pharmaceutical industry in Russia are outlined.

Keywords: pharmaceutical industry, import substitution policy, expert assessment, policy effectiveness, pharmaceutical industry, economic sociology, sociology of production, sociology of the pharmaceutical industry.

References

1. Ardashev R.G. Impact of mass media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ardashev, R.G. Irrationalization of mass consciousness and mass media // *Lomonosov-2022. Materials of the International Youth Scientific Forum*. 2022.
3. Zhuravlev, A.A. Import substitution policy in the assessments of representatives of different generations // *Sociology*. 2023. № 6. С. 280–286.
4. Zhuravlev A.A. Import substitution policy: constructing public opinion through media resources // *Sociology*. 2023. № 4. С. 86–92.
5. Krivenko N. V., Epaneshnikova D.S. Impact of import substitution processes in the pharmaceutical industry on improving the efficiency of the health care system and socio-demographic security of the region // *International Research Journal*. 2020. № 9 (99). Part 1. September. С. 180–186
6. Polyushkevich O.A. Social modeling by information-analytical data: truth in the flow or result? // *In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022. С. 343–345.
7. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022. С. 195–199.
8. Skudencov V.A. The role of economic sanctions against Russia in the life scenarios of young people // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the V international scientific and practical Internet conference*. In 2 parts. Vologda, Vol NTs RAS, 2020. С. 254–257.
9. Skudencov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. № 1. С. 341–344.
10. Skudencov, V.A. Economic claims in the conditions of mobilization // *Sociology*. 2022. № 5. С. 80–87.
11. Treskin, P.A. Intersectoral interaction of non-profit organizations of the Baikal region // *Bulletin of the Pacific State University*. 2017. № 4 (47). С. 345–354.
12. Treskin P.A. Expertise of intersector partnership // *Development of expert institutions in the XXI century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, 2024. С. 354–358.
13. Treskin P.A. Intersectoral social partnership // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. С. 124–128.
14. Pharmaceutical industry: work under sanctions, plans for development until 2030. – URL: <https://www.garant.ru/article/1634358/>

Межкультурная коммуникация: восприятие русских и иностранных предпринимателей через рисунки студентов

Журавлева Анастасия Андреевна,

магистр, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: artem.zhuravlev.38@internet.ru

В статье рассматриваются вопросы межкультурной коммуникации, сформированные в общественном сознании студентов через образы российского и иностранного бизнесмена. Выявляются четыре наиболее распространенные типа восприятия, выделяются содержательные и символические уровни смыслов анализируемых рисунков, показываются общие и уникальные черты восприятия российских и зарубежных предпринимателей.

Ключевые слова: предприниматели, межкультурная коммуникация, общественные образы, социальные установки, стереотипы, рисуночный тест.

Межкультурная коммуникация – это сфера формального и неформального взаимодействия представителей бизнеса, которая приводит к изменениям в той или иной сфере. Понимание образа предпринимателя делает процесс делового общения более продуктивным, создает и укрепляет межкультурные связи и социальные деловые практики.

Большая часть социальных стереотипов формируется через общественные установки и образы, позволяющие сформировать обобщенную картину всех предпринимателей. Зачастую, в повседневном пространстве мы опираемся на существующие стереотипы, чтобы остановить себя или наоборот – начать более интенсивно двигаться в желаемом направлении.

Предприниматель (бизнесмен) – это человек, который получает прибыль от продажи товаров или оказания услуг. В российском законодательстве нет понятия «бизнесмен», но есть понятие «предприниматель». Это одно и то же.

В законе предпринимателем, то есть бизнесменом, называют человека, который «получает систематическую прибыль от продажи товаров и услуг, от своего лица, на свой риск и за свой счёт». Под это определение подпадает и владелец небольшого шоурума с выручкой 100 тысяч рублей в месяц, и владелец нефтеперерабатывающего завода, приносящего миллиард рублей чистой прибыли в год.

Предприниматель зарабатывает на удовлетворении потребностей других людей. Например, он может открыть ресторан, чтобы удовлетворять потребность людей в еде, юридическую компанию для удовлетворения потребности в защите прав или онлайн-школу – для удовлетворения потребности в образовании.

В общественном сознании, предприниматели зачастую формируют особую нишу – успешных и процветающих людей, способных управлять собой и другими, добившихся материальных и социальных высот. В чем разница между иностранными и российскими предпринимателями?

В западном обществе всегда был приоритет семьи над общиной. Детей воспитывали в рамках довольно жестких семейных ценностей. И с самого начала развития предпринимательства главной целью было получение личной прибыли.

В нашей стране общинный интерес всегда был выше личного. Поэтому и российское предпринимательство зарождалось в совершенно других ус-

ловиях. Помните наш фольклор? «Вышел людей посмотреть, себя показать». Купцы возили свои товары, в первую очередь, чтобы показать, что есть у них, во-вторых, посмотреть, что в мире делается и, только, в-третьих, получить прибыль. Это все сохранилось в нас.

В Азии предпринимательство имеет черты, схожие и с нами, и с западом. Приоритет общественного над личным. В менталитете азиатов заложено трудолюбие – «стыдно плохо работать». С самого детства они много учатся и мало отдыхают. Все же помнят, что в Японии на уровне страны борются с трудоголизмом? А еще в Азии для того, чтобы выжить, очень развиты ценности копирования. Чужие технологии моментально перенимаются, дорабатываются и внедряются. Это одна из причин стремительного развития японской и китайской промышленности.

В нашей стране другой подход – не копировать, а себя показать, создать то, что до нас никто не делал. Поэтому у нас и не работают общепринятые западные технологии маркетинга, продаж, управления. Знать их нужно, но при внедрении стоит учитывать и ментальность.

Виктор Шепель, автор «Настольной книги бизнесмена и менеджера», провёл анализ опубликованных в прессе высказываний зарубежных предпринимателей о российских коллегах. В итоге обозначились восемь пожеланий, высказанных в их адрес.

1. Бизнес делается на экономико-этической основе. Недопустимо нарушать общепринятые правила предпринимательства и коммерции. Деловой риск не имеет ничего общего с нарушением закона. Порядочность – визитная карточка предпринимателя.

2. Незнание трёх «золотых правил» предпринимательства – причина многих неудач российских предпринимателей. Эти правила:

- рекламируя себя, не порочь своих соперников;
- потребитель – король;
- умей выбирать партнёра, не жги мосты общения с ним.

3. Главный показатель эффективного предпринимательства – практические результаты: получение прибыли, профессиональное удовлетворение, утверждение положительной репутации в обществе, среди партнёров, создание денежного фонда прочности фирмы (предприятия).

4. Морально-психологическая неподготовленность предпринимателей проявляется в их неуёмном стремлении к сиюминутным успехам, в патологическом отношении к деньгам, непонимании важности использования дохода на укрепление фирмы, для повышения её конкурентоспособности.

5. Мизерный объём маркетинговой информации. Нет справочников о фирмах, отсутствуют информационные механизмы нахождения партнёров. Неэффективная реклама. Невладение мето-

дами сбора информации о потребительском и покупательском спросе.

6. Незрелая технология деловых отношений. Незнание техники ведения переговоров. Несоблюдение делового протокола, этики коммерческого общения. Слабая ориентация в особенностях национальной и региональной психологии партнёров.

7. Языковые и терминологические трудности. Незнание иностранных языков. Отсутствие ясного понимания базовых понятий в области бизнеса, менеджмента, маркетинга, коммерции, банковского дела. Трудности в оформлении документации. Устарелость научно-технических терминов, которыми пользуются предприниматели и специалисты.

8. Самое трудное в общении с российскими предпринимателями – несовременное мировоззрение, закомплексованность их мышления, упрощённая деловая мотивация, стандартные подходы при решении хозяйственных, коммерческих и управленческих задач.

Все эти черты определяют особенности бизнес-коммуникации (А.А. Журавлева [5–7]), которые сформировались в нашем обществе и определяют рамки и формы социального моделирования межкультурной коммуникации. Образы, которые создает и транслирует современное массмедиа пространство в виде кинематографа (Р.Г. Ардашев [2]) только усиливают сложившиеся представления, отражаясь на ценностях и моральных авторитетах (П.А. Баев [3, 4]), которые заставляют вырабатывать межкультурные нормы и стратегии адаптации к новым условиям регионального развития (О.А. Полюшкевич [8, 9]).

Обобщая идеи авторов, можно сформировать несколько особенностей межкультурной коммуникации в бизнесе:

- строится универсальных образах и символах, существующих в культуре;
- опирается на социальные стереотипы;
- определяется социальными условиями реализации деловых межкультурных коммуникаций;
- зависит от личной харизмы участников деловой коммуникации.

Выделенные особенности носят общий характер, в каждом конкретном случае они приобретают уникальные черты и могут сформировать неповторимое поле возможностей. Перспективами, которым становятся реальные деловые коммуникации и формы социальной активности, способной повысить человеческий и социальный капитал, социальную ответственность компаний и их руководителей, выстроить новое пространство социального взаимодействия. Поэтому, изучение образов и символов, существующих в общественном сознании, поможет понять общие черты деловых коммуникаций в сфере бизнеса.

Особенности исследования

Изучение общественного сознания в сфере деловых коммуникаций и в частности, образа предпринимателя, мы начали с молодежи, так как именно эта социальная группа является наиболее открытой и вовлеченной в разнообразные социальные практики и может показать существующие стандарты и образы, доминирующие в конкретный социально-исторический период. Для этого, мы попросили студентов в возрасте 18–23 года нарисовать в течение 5 минут образ российского и зарубежного бизнесмена. В исследовании приняло участие 168 человек, 65% девушки и 35% юноши, все обучаются на социальных и гуманитарных специальностях в вузах города Иркутска.

Мы использовали наименее структурированный метод исследования – рисуночный. Мы опирались на этот метод потому, что он максимально не ограничивает респондентов и позволяет выявить наиболее актуальные и значимые образы в изучаемой сфере. А также в этом методе нет навязанного образа заведомо положительного или отрицательного изображения того, кого изучаем. Это усиливает эффект доверия к тому, что и как изображает участник исследования в течение пяти минут рисования темы задания.

Методология анализа данных строилась на исследованиях через рисунки М.А. Абрамовой [1], А.В. Пашкевич и Т.А. Сапрыкиной [8]. Анализ данных осуществлялся на содержательном и символическом уровне. Содержательный уровень раскрывался через повторяющиеся символы, что позволило нам типологизировать все рисунки. Символический уровень позволил определить ключевые образы, знаки и символы, присущие тому или иному типу рисунков, что дало возможность нам осуществить смысловое кодирование.

Результаты исследования

Все полученные рисунки мы смогли типологизировать и определить четыре группы межкультурной коммуникации и сформулировать четыре типа восприятия предпринимателей.

Группа 1. Внешние символы (35%).

В первой группе (рис. 1) на рисунках просто нарисованы два бизнесмена, которые слегка отличаются друг от друга, потому что студенты добавили им детали русской и иностранной культур, тем самым показав, что особого отличия русские и иностранные бизнесмены не имеют, они такие же люди, просто с отличающейся культурой.

Важным видится противопоставление (что определится разными типами культур) и символические предметы, указывающие на одни и те же символы (деньги, деловой костюм (имидж)), но разные по реализации и содержанию предметы. Он наиболее распространен в массмедиа, закреплён в общественном сознании через узнаваемых предпринимателей, их позиционирование

в СМИ и сети интернет и может условно называться «официальной стратегией» ведения деловых коммуникаций принятых в деловом мире.

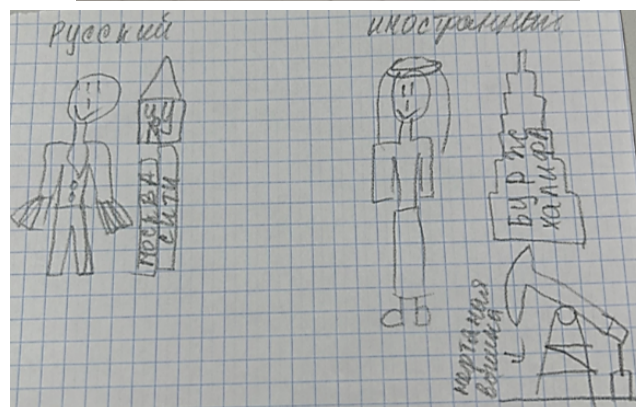
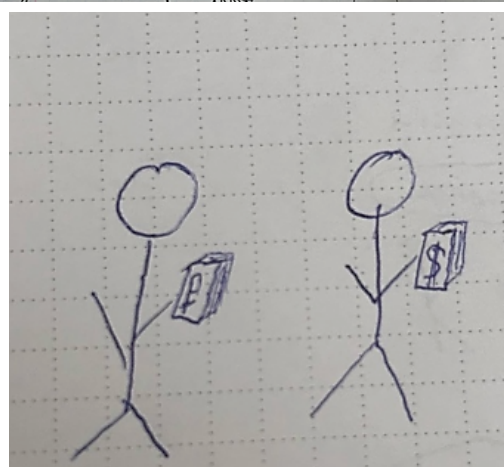
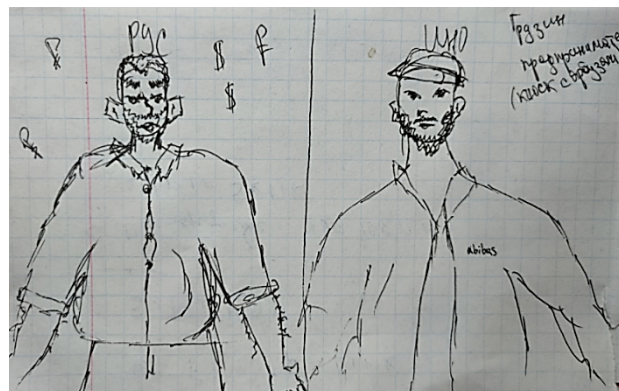

Рис. 1. Первый тип. Внешние символы

Группа 2. Дружеская невербальная коммуникация (пожатие руки) – 32%.

Во второй группе (рис. 2) бизнесмены показаны в некой дружественной позиции, потому что они взаимодействуют друг с другом, остаются на равных, пытаются как-то помочь друг другу, о чём-то договориться. Как мне кажется, это может говорить о том, что и сами художники хорошо относятся к иностранному бизнесу.

Этот тип опирается на универсальные символы доброжелательности, договоренности, приветствия, открытости друг другу и готовности вести диалог. Эти символы есть в любой культуре и могут фиксировать наше внимание на универсальных коммуникативных практиках. Этот тип строится на личных качествах, индивидуальных особенностях, личностных чертах, обаянии и харизме предпринимателей, участвующих в деловом взаимодействии. Благодаря личным чертам выстраиваются уникальные официальные или неформальные связи, помогающие решать любые вопросы делового характера («бизнес с человеческим лицом» – символическое название данного направления, несмотря на то, что на рисунках чаще всего изображены руки).

Рис. 2. Второй тип. Символ дружеской коммуникации (пожатие руки)

Группа 3. Разница культур, мировоззрения, ценностей – 23%.

В третьей группе (рис. 3) показаны полностью противоположные люди как бизнесмены разных стран. Виден их разный подход к своему делу и результатам, которые приносят оно. Сформировалась тенденция, что российские бизнесмены всегда выглядят так, будто готовы работать, всегда «при делах», в то время как иностранные боль-

ше времени уделяют отдыху и перечитыванию заработанных денег как результата бизнеса.

Этот тип опирается на локальные особенности, которые возникают как ответ на особые территориальные, социально-исторические, социокультурные особенности, которые влияют на мировоззрение, ценности, установки людей, занятых в сфере бизнеса. Он строится на уникальности черт и форм предпринимательства, особенностях его развития в реальных условиях.

Этот тип фиксирует отличия, он подчеркивает особые социокультурные черты, которые влияют на социальные коммуникации. Легче всего деловые коммуникации вести между представителями одной или схожих культур, чем больше отличий – тем сложнее «говорить на одном символическом языке».

Рис. 3. Третий тип. Разница культур, мировоззрения, ценностей

Группа 4. Ироничные межкультурные коммуникации – 10%.

Примеры рисунков этого типа (рис. 4) могут отражать шуточную ситуацию, подчеркивающую, что бизнесмены общаются на разном языке, из-за чего возникает недопонимание. Или же рисунок, отражающий иностранного бизнесмена в проигрышной позиции, в более худшем виде, нежели чем русский. Такой рисунок может говорить о сильной патриотичной позиции студента. Тем не менее, русский человек показан очень стереотипно, как обычно иностранцы и представляют стереотипного русского человека, который каждый день пьёт водку и живёт с медведем.

Юмор и ирония всегда подчеркивали наиболее злободневные явления нашего общества. Потому, умение шутить становится основой построения диалога между представителями бизнеса из разных государств, культур, религий и т.д. Это то, что создает новое пространство социальных коммуникаций и выводит на новый уровень деловые сделки и создает возможности для дальнейшего роста и развития предприятий и самих руководителей бизнеса.

Он строится на видении проблем и противоречий, которые заложены в самом обществе, и отдельные предприниматели эти противоречия не снимают и проблемы не решают, но могут изменить свое отношение к ним через юмор и иронию. Эта форма делового общения применима в сложных условиях кризиса, революции или общей нестабильности, существующей в обществе (когда общество уже изменилось (появились новые институты, формы коммуникации, работы, новые условия работы), а предприятия еще не смогли адаптироваться и подстроиться под новые условия работы).

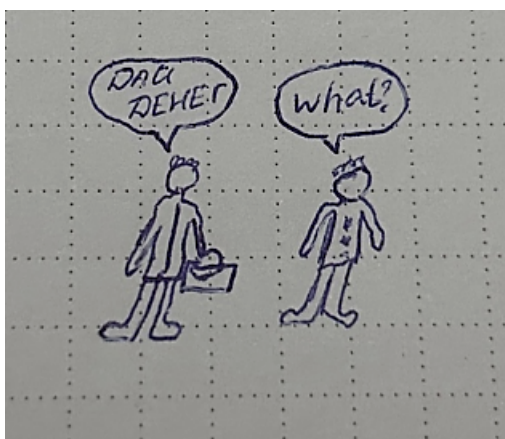

Рис. 4. Четвёртый тип. Ироничные межкультурные коммуникации

Выделенные типы формируют основное пространство социальных коммуникаций. Студенты, участвующие в рисуночном эксперименте по-разному видят русских и иностранных бизнесменов, нельзя выделить какой-то одной тенденции. Одни показывают их как равных, которые готовы взаимодействовать друг с другом, готовы пойти на помощь. Другие не показывают их сотрудничество,

а просто дают понять, как они видят разницу в ведении бизнеса в разных культурах. Третьи показывают русских более деловыми, будто они менее зациклены на деньгах, для них главное – работа. Это все указывает на разные коммуникационные стратегии, которые существуют в разных сообществах. Они формируются на основе социальных установок, стереотипов и представлений, доминирующих в обществе в целом или отдельных сообществах в частности.

Межкультурная коммуникация происходит в рамках этих же условий. Те стереотипы и образы, что отразились в рисунках студентов – являются прямым отражением тех установок и ожиданий, что сегодня формируют поле представлений россиян. Межкультурные практики выстраивания социально активной коммуникации помогают регулировать деловые отношения, укреплять формальные и неформальные связи с партнерами.

Данный метод позволяет выявить ключевые образы и тем самым показать ориентиры формирования целенаправленной политики по изменению образа бизнесмена в современном российском обществе. Учитывая бессознательные стратегии и символы, можно комплексно, продуманно и вдумчиво формировать деловые связи с партнерами разных культур и государств.

Литература

1. Абрамова М.А. Визуальная репрезентация образа «Счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 51–77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.04>
2. Ардашев Р.Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 197–201.
3. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
4. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
5. Журавлева А.А. Многополярность философии бизнеса Китая и России // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточ-

ный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 242–246.

6. Журавлева А.А. Солидарность бизнес-сообщества в цифровом мире // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, 2023. С. 165–167.
7. Журавлева А.А. Социальные угрозы межкультурной коммуникации в интернет-бизнесе // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 139–143.
8. Пашкевич А.В., Сапрыкина Т.А. Какая она, престижная работа? (реконструкция социальных представлений на основе прочтения рисуночных данных) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 74–91.
9. Полюшкевич О.А. Межкультурные отличия в восприятии нарушения социальных норм // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. материалы V Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. Иркутск, 2023. С. 341–345.
10. Полюшкевич О.А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Стратегические направления устойчивого развития Байкальского региона. материалы международной научно-практической конференции в 3-ех частях. Иркутск, 2010. С. 77–80.

INTERCULTURAL COMMUNICATION: PERCEPTION OF RUSSIAN AND FOREIGN ENTREPRENEURS THROUGH STUDENTS' DRAWINGS

Zhuravleva A.A.
Irkutsk State University

The article deals with the issues of intercultural communication formed in the public consciousness of students through the images of Russian and foreign businessmen. The four most common types of perception are revealed, the substantive and symbolic levels of

meanings of the analyzed drawings are distinguished, the common and unique features of perception of Russian and foreign entrepreneurs are shown.

Keywords: entrepreneurs, intercultural communication, public images, social attitudes, stereotypes, drawing test.

References

1. Abramova M.A. Visual representation of the image "Happiness" as a way of studying the socio-cultural archetype // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2020. No. 1. P. 51–77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.04>
2. Ardashev R.G. Cinema as a source of formation of irrational consciousness of Russians // Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022. P. 197–201.
3. Baev P.A. What is Russian youth proud of and what is it ashamed of // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 129–132.
4. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. P. 512–515.
5. Zhuravleva A.A. Multipolarity of business philosophy in China and Russia // Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. P. 242–246.
6. Zhuravleva A.A. Solidarity of the business community in the digital world // Consolidation of Russian society in new geopolitical realities. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Vologda, 2023. Pp. 165–167.
7. Zhuravleva A.A. Social threats to intercultural communication in Internet business // Methodology for preventing threats in the 21st century. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. Pp. 139–143.
8. Pashkevich A.V., Saprykina T.A. What is it, a prestigious job? (reconstruction of social representations based on reading the pictorial data) // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2015. No. 5. Pp. 74–91.
9. Polyushkevich O.A. Intercultural differences in the perception of violation of social norms // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. Irkutsk, 2023. Pp. 341–345.
10. Polyushkevich O.A. Potential for adaptation of residents of the region to modernization processes in the country // Strategic directions for sustainable development of the Baikal region. Proceedings of the international scientific and practical conference in 3 parts. Irkutsk, 2010. Pp. 77–80.

Политико-коммуникативные механизмы конструирования евразийской идентичности

Абдыкахаров Эламан Абдыкахарович,

аспирант, ведущий специалист отдела развития международных исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: Elaman_93_kg@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Качкынова Аида Турдубековна,

к.ф.н., доцент, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: kachkynova.aida@mail.ru

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Маратова Салкын Маратовна,

старший преподаватель НОУ УНПК «Международный Университет Кыргызстана»
E-mail: m_salkyn94@mail.ru

Статья посвящена исследованию политико-коммуникативных механизмов конструирования евразийской идентичности. Евразийское пространство представляет собой сложный геополитический и социокультурный регион, характеризующийся множественностью, динамикой и взаимодействием различных идентичностей. В работе анализируются ключевые дискурсивные стратегии и коммуникативные практики, задействованные политическими акторами в процессах формирования и трансляции евразийской идентичности. Особое внимание уделяется роли официальной риторики, медиаконтента, а также символической политики в конструировании образа Евразии и евразийской общности. Авторы раскрывают механизмы легитимации евразийской идентичности через апелляцию к общему историческому наследию, культурному родству народов региона, а также идее геополитического и геоэкономического единства. Рассматриваются противоречия и конфликты, возникающие в ходе данных процессов идентификации. Сделан вывод о том, что конструирование евразийской идентичности представляет собой многоуровневый политико-коммуникативный процесс, играющий ключевую роль в формировании новой региональной субъектности на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: евразийская идентичность; политический дискурс; политическая коммуникация; коммуникативные стратегии; символическая политика; геополитика; Евразия.

Введение

Проблема конструирования идентичности является одной из ключевых в современных социально-гуманитарных науках. Особую актуальность она приобретает в отношении таких сложных, многомерных и динамичных пространств, как Евразия. Распад Советского Союза и формирование новой геополитической реальности на постсоветском пространстве обусловили необходимость переосмысления и переопределения коллективной идентичности народов этого региона.

В этом контексте особую значимость приобретает изучение политико-коммуникативных механизмов конструирования евразийской идентичности. Данные механизмы включают в себя широкий спектр дискурсивных стратегий, коммуникативных практик и символических средств, задействованных политическими акторами в процессах формирования и трансляции образа Евразии и евразийской общности.

Вопросы формирования и воспроизводства идентичности в условиях глобализации и постиндустриального пространства рассматриваются в работах И.А. Гобозова, Е.В. Головневой, А.Н. Крылова, А.И. Токтосуновой [2; 3; 4; 7] и др.

Россия как евразийское государство становится центром прогресса, восстановления международного права и международной справедливости, суверенитета государств Востока. Она знает запросы и потребности мусульманского мира и становится культурно-политическим мостом между Востоком и Западом, Азией и Европой. Партнерство России с Востоком и Западом не только отвечает евразийскому характеру этой страны, но и ее исторически сложившемуся менталитету и религиозно-этническому составу (размышления мои. – Д. Б.).

Кризис Западной цивилизации, ее всеохватывающий, патологический приоритет частнособственнической, узко-индивидуалистической идеологии и психологии не дает возможности к широкому взаимному диалогу и взаимоадаптации с Восточными цивилизациями. Западный мир «болен» духом захватничества природных ресурсов и материальных богатств Востока. Изменить эту идеологию можно только при переходе на качественно новый тип социально-ориентированного общества как вглубь, так и вширь. Подлинный диалог цивилизаций может наступить только при приоритете общественных форм собственности,

влекущих за собой приоритет общественных интересов (размышления мои. – Д. Б.).

Опираясь на опыт Европы, можно с определенной долей уверенности сказать, что чем выше число мигрантов в регионе, чем сильнее их территориальная локализация, тем меньше у них желания, а где-то и необходимости принимать участие в интеграционных процессах, а тем более адаптироваться. Учитывая демографическую ситуацию на Западе в скором будущем численность мусульман-мигрантов может многократно превысить коренное население Европы, что может привести к качественному изменению традиционной Европы. В любом случае низкий уровень взаимoadaptации цивилизаций и нежелание большинства политической элиты стран Запада и Востока вести полицивилизационный диалог – это кризис современных международных отношений и политической идентичности (размышления мои. – Д. Б.).

Значимость категории идентичности в политической науке и коммуникации заключается в способности отражать одновременно «и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексивность их носителей» [6, с. 8; 8, с. 165]. Идентичность, таким образом, позволяет объединить индивидуальный и надывдивидуальный уровни политического сознания и поведения. На индивидуальном уровне идентичность формирует у человека чувство принадлежности к определенной группе, сообществу, ощущение своего «Я» через призму этой групповой идентичности. Она влияет на его политические взгляды, ценности, предпочтения.

В то же время идентичность имеет надывдивидуальное, коллективное измерение. Она объединяет людей в сообщества на основе общих черт, переживаний, культурного кода; формирует групповое политическое сознание и модели поведения. Таким образом, идентичность связывает индивидуальный и групповой уровни политической жизни. Она отражает настроения, предпочтения больших групп населения через призму личных убеждений индивидов, их самоидентификации. И наоборот, на коллективные представления влияют индивидуальные черты носителей идентичности. Так, идентичность позволяет анализировать динамику этих процессов, изменений в массовом сознании и поведении, а также осмысление людьми своей групповой принадлежности, что делает ее важнейшим концептом для политической науки и коммуникативных исследований.

Подчеркивая динамическую природу идентичности, исследователь глобальной политической экономики Дж. Лондон обоснованно рассуждает о том, что идентичность следует рассматривать как процесс (“as process”), а не как некую данность или «собственность» (“not a possession”) [10]. Так, идентичность – не нечто застывшее и статичное, что можно один раз обрести и всегда быть уверенным в его наличии, это динамичный процесс,

который постоянно развивается, видоизменяется, конструируется и реконструируется под влиянием множества факторов. На идентичность человека или группы влияют жизненный опыт, социальные взаимодействия, изменения в культурной, политической, религиозной и экономической средах. Идентичность формируется в процессе социализации, обучения, накопления новых знаний и впечатлений. Кроме того, один человек или группа могут иметь множественные идентичности – культурную, этническую, профессиональную, гендерную и др. Эти идентичности также находятся в постоянном взаимодействии, конфликте или же гармонии. Поэтому мысль о том, что идентичность – это не «собственность» (“not a possession”), которую один раз приобрел и навсегда в ней уверен, очень точно отражает непрерывный процесс самоопределения и поиска смыслов.

Рассмотрение идентичности как динамического процесса, а не статичной данности, делает крайне важным анализ процесса формирования идентичности именно в политическом контексте и через призму политической коммуникации. Формирование политической идентичности носит ярко выраженный процессуальный характер и протекает под влиянием множества факторов, прежде всего: 1) это государственная идеология, политические ценности и нарративы, транслируемые через СМИ, образование, официальный политический дискурс; 2) это исторические события и их последствия, опыт конфликтов, побед и поражений, формирующие групповую память и историческую идентичность; 3) это деятельность политических акторов – партий, лидеров, движений по конструированию определенных идентичностей; 4) это межгрупповые взаимодействия, столкновения разных идентичностей внутри общества – этнических, религиозных, территориальных; 5) это внешние угрозы, вызовы, противопоставление «своей» идентичности «чужой» через политическую риторику; 6) это влияние глобальных процессов, наднациональных идентичностей на локальном уровне.

Методы и материалы

В качестве основных материалов исследования следует рассматривать философские и социально-политические концепции идентичности и идентификации; научные труды по проблемам идентичности в контексте евразийского пространства. Комплексное применение данных подходов и использование широкого круга источников позволили всесторонне проанализировать конструирование идентичности в качестве сложного политико-коммуникативного процесса в евразийском пространстве.

Результаты и обсуждения

Деятельность политических акторов по конструированию идентичностей может быть направлена, как

было описано ранее, на формирование различных их типов. В контексте политико-коммуникационных процессов можно обозначить национальную, гражданскую, культурную, социальную типы идентичностей, становящиеся объектом целенаправленного конструирования. Отдельно выделяя политическую идентичность как особый тип социальной идентичности, связанный с самоотождествлением индивидов с определенными политическими идеями, движениями, партиями [5, с. 13], можно сказать, что она является, по сути, разновидностью более широкой социальной идентичности.

Для мобилизации общества различные политические силы стремятся сконструировать «свои» версии этих типов идентичностей, транслировать их с помощью информационных, образовательных, культурных и иных ресурсов. Процессы конструирования столь разнообразных идентичностей действительно составляют важную часть современной политической практики и борьбы за символическую власть между различными акторами.

Директор Центра политической мысли Эксетерского университета Д. Кастилионе (известен в Великобритании как исследователь, сравнивший теории Кьяра Корделли и Альберта Хиршмана. К. Корделли предлагает реформистский путь к «восстановлению общества», основанный на том, «на что разумно надеяться». По мнению Д. Кастилионе, это перекликается с тем, что Альберт Хиршман называет «поссибилизмом» или «страстью к возможному»: стремлением к морально оправданному возможному положению дел над тем, что просто вероятно (комментарий мой – Д. Б.)) вносит важные уточнения в понимание природы политической идентичности [9], акцентируя ее двойственный – социальный и исторический – конструктивистский характер.

1. Социальный конструкт. «Как социальный конструкт, она отражает институциональную природу политического сообщества». Политическая идентичность отражает институциональную организацию политического сообщества, его социальную структуру, нормы, ценности. Она формируется через взаимодействие индивидов в рамках существующих политических институтов и практик.

2. Исторический конструкт. Становление и эволюция политической идентичности неразрывно связаны с конкретным историческим контекстом, который Д. Кастилионе называет «исторической контингентностью» (“historical contingencies”). Речь идет об уникальном стечении исторических обстоятельств, событий, процессов, определивших особенности формирования идентичности. Здесь существенную роль играет то, «как конкурирующие нарративы и идеологии формируют самоощущение членов сообщества» [9, Р. 29], которые по-разному могут интерпретировать прошлое и настоящее политического сообщества. Они активно влияют на самоощущение и самоидентификацию членов этого сообщества.

Такая трактовка политической идентичности как социально-исторического конструкта подчеркивает ее укорененность в реальных общественных отношениях и институтах, но одновременно показывает значимость субъективного фактора – интерпретации прошлого, смыслов, транслируемых через господствующие нарративы и идеологии. Позиция Д. Кастилионе учитывает как объективные социальные детерминанты, так и субъективные дискурсивные измерения формирования политических идентичностей в их исторической динамике.

Концептуальные разработки представителей **постмодернистской парадигмы**, таких как британский социолог З. Бауман [1] и греко-британский политический теоретик Я. Ставракаки (его исследовательские интересы включают современную политическую теорию (психоаналитический и постструктуралистский подходы), анализ идеологии и политического дискурса в обществах поздней современности (с акцентом на изучение политической экологии, популизма и постдемократии) и культурно-политические аспекты художественных практик и театра (комментарий мой – Д. Б.)) [11], внесли существенный вклад в осмысление сложной, многогранной природы формирования идентичности как политико-коммуникативного процесса в современных условиях.

Ключевые идеи постмодернистов в контексте проблематики идентичности сводятся к пяти основополагающим положениям: в первую очередь, акцент на множественность, фрагментарность, текучесть идентичностей в противовес их единству и стабильности в прошлом. Во-вторых, связывание процессов конструирования идентичностей с феноменами глобализации, виртуализации, деконструкции традиционных ценностей и структур. В-третьих, критика упрощенного подхода к формированию идентичностей как результата целенаправленных усилий политических элит и институтов. В-четвертых, внимание к спонтанным, хаотичным процессам самоидентификации индивидов и групп в условиях социальных трансформаций. И, последнее, подчеркивание роли коммуникативных практик, дискурсов, нарративных стратегий в производстве смыслов идентичностей. Таким образом, постмодернистские концепции зафиксировали усложнение, рассредоточение, деиерархизацию процессов конструирования идентичностей в глобальном социокультурном и информационном пространстве под влиянием множества факторов. Они указали на невозможность сводить эти многоаспектные процессы лишь к целерациональным практикам субъектов власти, проблематизировав хаотично-спонтанные механизмы самоидентификации.

В частности, З. Бауман подчеркивает, что «формирование идентичности осуществляется в сложном и противоречивом социальном контексте, состоящем из несопоставимых между собой

культурных образований, центробежных политических тенденций, мультикультурных идентичностей и процессов нарциссического разложения целостного «эго» модерна» [1, с. 37]. Суть идей З. Баумана относительно характера формирования идентичности в современных условиях как сложного и противоречивого социального контекста, характеризуется через следующие конструкции.

1. Несопоставимость и разнородность культурных влияний, формирующих идентичность. В отличие от прошлого, когда идентичности складывались в более гомогенных культурных средах, сейчас они испытывают воздействие множества разнородных культурных потоков.

2. Центробежные политические тенденции, связанные с ростом локальных идентичностей, партикуляризма в противовес унифицирующим и гомогенизирующим устремлениям национальных государств в эпоху модерна.

3. Мультикультурный характер современных обществ и возникновение гибридных, смешанных, «креолизованных» идентичностей вместо прежних моноидентичностей.

4. Разложение, распад целостного «эго», унаследованного от эпохи модерна, на множественные ситуативные «Я», фрагментацию самоидентичности под влиянием плюрализма жизненных стилей и ценностей.

Таким образом, по З. Бауману, формирование идентичности в наши дни – не линейный и упорядоченный процесс, а результат сложного взаимодействия гетерогенных культурных, политических, социальных факторов, ведущих к децентрации, рассредоточению, мультиплицированию идентичностей.

Отсюда возникает необходимость провести глубокий и содержательный анализ факторов, детерминирующих процесс формирования идентичности как политико-коммуникативный процесс. В целом, можно разделить эти факторы на внутренние и внешние. К внутренним факторам следует отнести: а) характеристики акторов (субъектов), вовлеченных в конструирование идентичности: их цели, ресурсы, используемые технологии и т.д.; б) специфику самого политического процесса формирования идентичности: его логика, событийный контекст.

В качестве внешних факторов можно выделить: а) широкий политический, социокультурный, социально-экономический контексты, в которых разворачивается этот процесс; б) примордиалистские факторы – устойчивые социально-психологические черты, исторически присущие данной общности, структурные характеристики общества. Итак, формирование идентичности как сложный политико-коммуникативный феномен испытывает воздействие как субъективных факторов, связанных с самими акторами этого процес-

са, так и объективных внешних условий и обстоятельств.

Особенно важно учитывать **примордиалистские составляющие**, которые придают идентичности определенную устойчивость, базируясь на культурно-исторических корнях и коллективной психологии данной общности. Совокупность внутренних и внешних детерминант формирует уникальную конфигурацию каждого конкретного процесса конструирования идентичностей, что требует их тщательного анализа.

Заключение

В контексте евразийского пространства к особенностям процесса формирования идентичности можно дополнительно отнести многоэтничность и мультикультурализм региона Евразии, что создает сложную картину взаимодействия и пересечения различных этнокультурных идентичностей. Идентичности здесь часто принимают гибридные, синкретичные формы. Также необходимо выделить значимость цивилизационно-культурного фактора в формировании евразийских идентичностей, опора на глубокие пласты исторического наследия народов региона, который веками был контактной зоной больших цивилизаций. Влияние специфической геополитической ситуации на Евразийском пространстве – взаимодействия и конкуренции различных держав, центров силы, интеграционных объединений и их политик идентичности, также играет ключевую роль в политико-коммуникативном процессе формирования идентичности евразийского макрорегиона.

Противостояние центробежных и центростремительных тенденций – с одной стороны, актуализации локальных, этнических, региональных идентичностей, с другой – стремление выстроить общие наднациональные евразийские идентичности, и, как следствие, сложное переплетение идентичностей разных уровней и типов – этнических, религиозных, гражданских, региональных, цивилизационных и др., не могли не учесть значимый след, оставленный эпохой СССР, в плане формирования своеобразной «советской идентичности», её постепенной трансформации в новых независимых государствах.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? / И.А. Гобозов. – М.: Ленанд, 2019. – 200 с.
3. Головнева Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона): автореферат диссертации на соискание ученой сте-

- пени доктора философских наук: 09.00.13 / Е.В. Головнева; [Место защиты: Омский государственный педагогический университет]. – Екатеринбург, 2018. – 38 с.
4. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве / А.Н. Крылов. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИКАР, 2014. – 356 с.
 5. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам всерос. науч.-теор. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 13–29.
 6. Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 229 с. – С. 8–12.
 7. Токтосунова А.И. Идентичность и диалог культур как политический процесс в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / А.И. Токтосунова. – Бишкек, 2009. – 39 с.
 8. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 164–180.
 9. Castiglione D. Political identity in a community of strangers // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 29–51. – DOI:10.1017/CBO9780511806247.003.
 10. London J. Ways into the forest: Place, identity and resource access in California's northern Sierra Nevada / Jonathan London. – USA, University of California, Department of Environmental Science, Policy and Management, 1998. – 9 pp. This paper was presented at the Seventh Annual Conference of the International Association for the Study of Common Property, "Crossing Boundaries". – Vancouver. – 10–14 June 1998.
 11. Stavrakakis Y. Passions of Identification: Discourse, Enjoyment, and European Identity // *Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance* / edited by David Howarth and Jacob Torfing. – London: Palgrave Macmillan Ltd., 2005. – P. 68–92. – DOI: 10.1057/9780230523364_3.

POLITICAL AND COMMUNICATIVE MECHANISMS FOR CONSTRUCTING EURASIAN IDENTITY

Abdykharov E.A., Apsamatova E.D., Kachkynova A.T., Brusilovskii D.A., Maratova S.M.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsina, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, International University of Kyrgyzstan

The article is devoted to the study of political and communicative mechanisms for constructing Eurasian identity. The Eurasian space is a complex geopolitical and sociocultural region, characterized by the multiplicity, dynamics and interaction of various identities. The work analyzes the key discursive strategies and communication practices involved by political actors in the processes of formation and transmission of Eurasian identity. Particular attention is paid to the role of official rhetoric, media content, as well as symbolic politics in constructing the image of Eurasia and the Eurasian community. The authors reveal the mechanisms of legitimation of Eurasian identity through an appeal to the common historical heritage, cultural kinship of the peoples of the region, as well as the idea of geopolitical and geo-economic unity. The contradictions and conflicts that arise during these identification processes are also considered. It is concluded that the construction of Eurasian identity is a multi-level political and communication process that plays a key role in the formation of a new regional subjectivity in the post-Soviet space.

Keywords: Eurasian identity; political discourse; political communication; communication strategies; symbolic politics; geopolitics; Eurasia.

References

1. Bauman Z. Individualized society / Z. Bauman; lane from English edited by V.L. Inozemtseva. – M.: Logos, 2005. – 390 p.
2. Gobozov I.A. State and national identity: Globalization or internationalization? / I.A. Gobozov. – M.: Lenand, 2019. – 200 p.
3. Golovneva E.V. Construction of regional identity in modern culture (based on the material of the Siberian region): abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philosophy: 09.00.13 / E.V. Golovneva; [Place of defense: Omsk State Pedagogical University]. – Ekaterinburg, 2018. – 38 p.
4. Krylov A.N. Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space / A.N. Krylov. – 3rd ed., add. and processed – M.: ICAR, 2014–356 p.
5. Popova O.V. Development of the theory of political identity in foreign and domestic political science // *Identity as a subject of political analysis: collection. Art. according to the results of the All-Russian scientific-theor. conf. (MEMO RAS, October 21–22, 2010)*. – M.: IMEMO RAS, 2011. – P. 13–29.
6. Semenov I.S. Identity in the subject field of political science // *Identity as a subject of political analysis / resp. ed. I.S. Semenov, L.A. Fadeeva*. – M.: IMEMO RAS, 2011. – 229 p. – P. 8–12.
7. Toktosunova A.I. Identity and dialogue of cultures as a political process in the context of globalization: abstract. dis. ... Dr. Polit. Sciences: 23.00.01 / A.I. Toktosunova. – Bishkek, 2009. – 39 p.
8. Fadeeva L.A. Identity as a category of political science: research field and cognitive potential // *Political science*. – 2016. – No. 2. – P. 164–180.
9. Castiglione D. Political identity in a community of strangers // *European Identity* / ed. by J.T. Checkel, P.J. Katzenstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 29–51. – DOI:10.1017/CBO9780511806247.003.
10. London J. Ways into the forest: Place, identity and resource access in California's northern Sierra Nevada / Jonathan London. – USA, University of California, Department of Environmental Science, Policy and Management, 1998. – 9 pp. This paper was presented at the Seventh Annual Conference of the International Association for the Study of Common Property, "Crossing Boundaries". – Vancouver. – 10–14 June 1998.
11. Stavrakakis Y. Passions of Identification: Discourse, Enjoyment, and European Identity // *Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance* / edited by David Howarth and Jacob Torfing. – London: Palgrave Macmillan Ltd., 2005. – P. 68–92. – DOI: 10.1057/9780230523364_3.

Социальная безопасность в сознании сибиряков

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

В статье раскрываются вопросы социальной безопасности общества. Выявляются общие закономерности и уникальные черты социальной безопасности региона. Приводятся результаты исследования социальной безопасности в сознании жителей Сибири. Выявлены параметры социальной безопасности, которые опираются на социальное самочувствие и определяются уровнем удовлетворенности своей жизнью, социальными и экономическими притязаниями и возможностью их материализовать, наличием механизмов адаптации к меняющемуся миру, оценкой перспектив изменения своего будущего.

Ключевые слова: социальная безопасность, сознание сибиряков, сознание, иррациональность, общественная безопасность.

Вопросы социальной безопасности становятся все более актуальными и востребованными в современном обществе из-за внешних угроз (вызванных проблемами экономических санкций, военной операцией, цифровизацией и прочими процессами). Вся страна, да и каждый отдельный регион в отдельности испытывает на себе влияние общемировых процессов. При этом это влияние постоянно меняется, не стабильно проявляется, что приносит больше неопределенности и риска в общие социальные процессы.

Если говорить о социальной безопасности в целом, то она включает в себя слишком много элементов, направленных на регулирование социально-политических, экономико-культурных, религиозно-экологических, национально-этнических и многих других противоречий. Каждый из этих элементов требует особого подхода и внимания к рассмотрению.

В целом, социальная безопасность приводит к социальной стабильности и обеспечивает моделирование общественными процессами. Без социальной безопасности не будет общественного прогресса. Социальная безопасность на разных уровнях обеспечивает реализацию разных процессов.

Макроуровень – создает структуру функционирования различных социальных институтов, организующих пространство социального взаимодействия в легитимных и безопасных условиях. На этом уровне поддерживается религией и моралью, законами и нормами присущими представителям того или иного социокультурного уровня.

Микроуровень – обеспечивает техниками и технологиями воспроизводства социальной безопасности в отдельных сообществах и группах. На этом уровне обеспечивается локальными нормативно-правовыми актами, корпоративными нормами, морально-этическими кодексами, профессиональными кодексами.

Мезоуровень – обеспечивает индивидуальные формы и стратегии социальной адаптации к воспроизводству и сохранению личной безопасности в условиях неопределенности. На этом уровне подкрепляется личной философией и мировоззрением, личными установками и механизмами выживания в любых условиях.

В имеющейся научной литературе раскрываются вопросы социальной безопасности, связанные с конспирологическим мышлением и условием выбора стратегий социальной безопасности (Р.Г. Ардашев [1–6], Н.В. Маслодудова [7], Т.Т. Шамурзаев [8]), мировоззренческим выбором и вопросами национальных интересов (П.А. Баев [9–15]), ор-

ганизации социально безопасного пространства и безопасного мировоззрения (О.А. Полюшкевич [23–26]), вопросами безопасности регионального образования (А.В. Блинникова [16], И.А. Журавлева [17]), современных социальных и цивилизационных вызовов (Р.В. Иванов [18, 19], Е.А. Токарева [20]). Вопросы региональной социальной безопасности изучены в исследованиях С.Г. Максимовой, О.Е. Ноянзиной, О.В. Суртаевой [21], Д.А. Омельченко [22], Е.В. Пустоваловой, В.В. Нагайцева, Н.А. Стерлядовой [27] и других. Иными словами, они показывают многогранность вопросов социальной безопасности и социального развития в региональном социуме.

Особенности исследования

Исследование проводилось в виде стандартизованного опроса ($n = 1200$). Выборка квотная: по полу, возрасту и региону проживания (Иркутская область, Красноярский край, Новосибирская область, Тюменская область). В исследовании приняли участие 60% женщин и 44% мужчин в возраст от 18 до 75 лет. Уровень образования: высшее – 35%, среднеспециальное – 25%, среднее – 15%. Место проживания: город – 65%, село – 35%. Семейный статус: замужем/женат (гражданский и официальный брак) – 70%, в разводе/ вдовец(ва) – 30%.

Результаты обрабатывались при помощи пакета SPSS.

Результаты исследования

Социальная безопасность в первую очередь опирается на социальное самочувствие сибиряков, которое состоит из нескольких параметров: уровнем удовлетворенности своей жизнью, социальными и экономическими притязаниями и возможностью их материализовать, наличием механизмов адаптации к меняющемуся миру, оценкой перспектив изменения своего будущего.

Уровень удовлетворенности своей жизнью на высоком уровне только у 14% опрошенных, на среднем уровне у 36% и на низком у 50%. Когда мы попросили раскрыть из чего состоит уровень удовлетворенности, то 46% указывали на количество денег, т.е. экономический фактор, 30% на уровень комфорта и психологического давления (его отсутствия), т.е. психологический фактор, 24% указывали на политическую обстановку в стране, т.е. политический фактор. Мужчины в два раза больше удовлетворены своей жизнью, чем женщины (47% и 24% соответственно). Жители сел в три раза больше удовлетворены, чем жители города – 58% и 20% соответственно. Вероятно, из-за того, что у жителей городов больше соблазнов, но не у всех есть возможности их реализовать.

Отдельно изучали социальные и экономические притязания и возможности их материализа-

ции в жизни. Имеют краткосрочные материальные желания (реализуемые в течение года) – 85% опрошенных и только 15% планируют более дальние временные периоды. Чем младше опрошенный, тем больше он живет настоящим, тем старше – тем более дальними выступают его планы на социальное и экономическое изменение жизни. У жителей сел в два раза длиннее жизненные планы (55%), чем у жителей городов (23%) (время течет не одинаково и насыщенность жизни отличается).

Надо признать, что количество экономических притязаний в три раза выше у молодых людей, чем представителей старшего возраста, что, собственно, ожидаемо. Но вот то, что количество экономических притязаний также в три раза выше, чем количество социальных притязаний у молодых людей – настораживает, так как говорит об уменьшении амбиций и карьерных планов. То есть денег молодые люди хотят, но не хотят идти к ним длинным путем – здесь и сейчас, и никак иначе. Чем старше респондент, тем больше социальных притязаний в его жизни (помимо денег и в целом материальной стабильности, они хотят уважения, быть хорошим человеком, быть не хуже других и прочие социально одобряемые оценки поведения).

Также рассмотрели механизмы адаптации к меняющемуся миру. Для 42% это новые навыки мышления, стратегии принятия решений (то, что вписывается в soft skills). Причем, чем младше респондент, тем более значим этот показатель в его жизни. Для 30% это дополнительное обучение, которое позволит усилить свои позиции и дать стабильность. Стратегия обучения через всю жизнь находит все больше поддержки среди сибиряков. Для 28% это социальные связи и знакомства, которые помогают найти свою стезю и полностью там реализоваться. Первые два наиболее распространены среди горожан, последнее в обеих группах. Женщины больше рассчитывают на образование, а мужчины на социальные связи. Гибкие навыки одинаково значимы для мужчин и женщин.

В целом, возможностями своей жизни респонденты удовлетворены – 44%, не удовлетворены – 40%. Удовлетворенных мужчин на порядок больше, чем женщин (63% и 41% соответственно). Жители сел в три раза больше удовлетворены, чем жители городов (66% и 22% соответственно). Чем старше опрошенные, тем выше уровень удовлетворенности (молодежь удовлетворена – 26%, представители среднего возраста – 34%, старшего возраста – 48%).

Оценка перспектив изменения своего будущего позволяет увидеть дальние ориентиры и настрой на оптимистичный или пессимистичный взгляд на жизнь. Это дает понимание что ожидают жители Сибири, какие жизненные возможности и ориентиры они видят и могут использовать в своей жизни. Женщины оптимистичнее мужчин (46%

и 23% соответственно), жители сел оптимистичнее жителей городов (62% и 32% соответственно). Только четверть опрошенных (25%) рассчитывает сейчас и в будущем на себя, 46% рассчитывают на помощь государства, 29% рассчитывают на помощь родственников и друзей. Это зависимое положение от внешних условий или других людей является прямым следствием общей инфантилизации общества, социально стагнирующих процессов, которые отражаются и на поведении отдельных личностей и целых сообществ.

Безопасность – это защита от опасности. Безопасность предполагает наличие механизма, обеспечивающего защиту от негативного внешнего воздействия (такого воздействия, которое может нанести вред человеку или сообществу, явно или косвенно, открыто или скрыто). Себя в безопасности чувствуют только 32% опрошенных (жителей сел в три раза больше, чем жителей городов, которые себя чувствуют в безопасности). Мужчин и женщин примерно одинаково. Распределение по возрастам также примерно равномерно.

Другая сторона безопасности – чувство тревоги или прямой угрозы – ее испытывают 68% опрошенных. Но поводы для тревоги отличаются во всех категориях. Женщины больше беспокоятся о семье (48%), здоровье (55%) и материальном достатке чтобы хватало на все необходимое (62%), тогда как мужчины о политической ситуации (44%), военной операции (46%) и постоянной работе (52%).

Жители сел беспокоятся об урожае (73%) и постоянной стабильной работе – чтобы была (36%), а жители городов о высокооплачиваемой работе (66%), возможностях карьеры (51%), комфортном жилье (46%), инфраструктуре (41%), экологии (37%), экономике (35%) и политике (33%).

Молодежь (от 18 до 35 лет) тревожится о материальном достатке (58%) и незначимости и свободе (52%), самореализации (47%), интересной работе (45%). Представители среднего возраста (от 36 до 55 лет) беспокоятся о здоровье близких (64%), о стабильной работе (60%), о возможностях отдыха (54%) и переобучения (50%). Представители старшего возраста (от 56 лет) тревожатся о своем здоровье (58%), о перспективах пенсии (51%), о безопасности от военных угроз (44%).

Отдельно респонденты указывали на угрозу миру и стабильности (42%) как одно из направлений тревожности современников. Военная операция становится одной из основных тревожащих точек социального развития. С одной стороны, она активизирует патриотический настрой россиян, с другой стороны – военные действия всегда несут боль и опасность потери близких.

Социальную безопасность общества поддерживает социальная политика государства. Знают в чем особенности социальной политики только 11% опрошенных. Большая часть считает, что это политика государства для малоимущих (66%).

Ничего не знают о ней – 33%. По нашему мнению, социальная политика – основа регулирования социальной безопасности общества. Поэтому она должна быть – это, во-первых, во-вторых, она должна регулировать социальные отношения не только нуждающихся граждан страны, но и направлена должна быть на все социальные сообщества и группы.

В целом, чувствуют себя в безопасности в стране – 38% опрошенных, в относительной безопасности – 27%, 35% чувствуют себя в России в опасности (опасность идет от власти – 34%, от преступников – 30%, от экологических и техногенных катастроф – 20%, от самих людей – 16%).

Интересно, что в отношении оценки Сибири как региона ответы несколько отличаются: чувствуют себя в безопасности в Сибири – 45% опрошенных, в относительной безопасности – 25%, 30% чувствуют себя в Сибири в опасности.

В своем месте проживания (городе или селе) чувствуют себя в безопасности – 55% опрошенных, в относительной безопасности – 25%, 20% чувствуют себя в опасности в том месте, где проживают.

Эти данные указывают нам на эффект Малой Родины. Чем локальнее территория или сообщество людей – тем более знакомо и безопасно оно воспринимается. Вся страна – слишком большая, чтобы на ее просторах чувствовать себя в безопасности, а конкретный населенный пункт вполне можно охватить сознанием, понять, прочувствовать и включиться в поле социальной безопасности. Чем старше респондент – тем более значимо проявляется эта зависимость.

Выводы

Из обозначенных выше условий конструирования социальной безопасности мы можем выделить следующее:

- изменчивость социального самочувствия от внешних условий, до разного проявления среди представителей разных полов, возрастов и места проживания;
- трансформация общих процессов, характеризующих макро, микро и мезо уровни в разных регионах и в целом в стране;
- влиянием общества потребления на перекосы в ценностях и притязаниях граждан разных возрастов и социальных групп;
- повышенным уровнем социальных рисков, угроз и вызовов;
- повышенным уровнем тревожности разных социальных групп;
- не сформированность жизненных планов и перспектив для молодежи.

Существующие в Сибири проблемы, которые приводят к социальной напряженности и отсутствию социальной безопасности носят универсальный характер, хотя и имеют региональные

особенности проявления. Они требуют точечного подхода к решению на местах.

Вместе с этим, комплекс вопросов социальной безопасности общества должен решаться на государственном уровне через реализуемые программы и проекты, через открытый диалог с представителями гражданского общества и социального взаимодействия с населением страны.

Общими моментами, для стабилизации социальной безопасности могут быть следующие направления социальной политики государства в Сибири и стране в целом:

- стабилизация социально-экономических процессов;
- более открытая работа органов власти в социальной сфере;
- формирование кластеров социального партнерства и межсекторного взаимодействия для решения инфраструктурных, производственных и социальных задач в каждом регионе страны в отдельности, с учетом его географических, экологических, социальных, экономических, этнических, культурных особенностей;
- повышения уровня и качества жизни населения страны;
- повышение человеческого капитала жителей.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
2. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 308–311.
3. Ардашев Р.Г. Конспирологическое мышление современных россиян // Социология. 2023. № 3. С. 225–233.
4. Ардашев Р.Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 9–12.
5. Ардашев Р.Г. Роль социальных коммуникаций в развитии конспирологического мышления // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией О.Ф. Гаврилова, О.И. Жуковой, С.Н. Чируна. Кемерово, 2023. С. 236–240.
6. Ардашев Р.Г. Угрозы духовной безопасности в цифровую эпоху // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 9–13.
7. Ардашев Р.Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.
8. Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Обеспечение безопасности от террористических угроз на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 101.
9. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
10. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 48–52.
11. Баев П.А. Национальные интересы креативного развития регионов России // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 30–34.
12. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 39–43.
13. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
14. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.

15. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.
16. Блинникова А.В., Журавлева И.А. Предпосылки становления региональной образовательной безопасности // Studium IV. Материалы ежегодной научно-практической конференции, посвященной пятилетию образования факультета социальных наук ИГУ. Иркутск, ИГУ, 2003. С. 183–190.
17. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
18. Иванов Р.В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 12–15.
19. Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) // Социология. 2024. № 6. С. 36–46.
20. Иванов Р.В., Токарева Е.А. Анализ современных форм цивилизационного взаимодействия // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 240–244.
21. Максимова С. Г., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В. Факторы формирования субъективного ощущения безопасности населения (на примере Алтайского края) // Society and Security Insights. 2020. Том 3. № 1. С. 49–57.
22. Омельченко Д. А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Н. Восприятие социальной безопасности населением регионов азиатского приграничья России (на примере Алтайского края) // Society and Security Insights. 2020. Том 3. № 1. С. 13–36.
23. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 28–31.
24. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
25. Полюшкевич О.А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 119–120.
26. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 467–471.
27. Пустовалова Е. В., Нагайцев В.В., Стерляева Н.А. Факторы обеспечения социальной безопасности населения региона Сибири (на материалах исследований в Алтайском крае в 2018–2019 гг.) // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 2 (16). С. 63–77. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-63-77

SOCIAL SECURITY IN THE CONSCIOUSNESS OF SIBERIANS

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article reveals the issues of social security of the society. The general regularities and unique features of social security of the region are revealed. The results of the research of social security in the consciousness of Siberian residents are given. The parameters of social security are revealed, which are based on social well-being and are determined by the level of satisfaction with one's life, social and economic claims and the possibility to materialize them, the presence of mechanisms of adaptation to the changing world, the assessment of prospects for changing one's future.

Keywords: social security, consciousness of Siberians, consciousness, irrationality, public security.

References

1. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 8–11.
2. Ardashev R.G. Conspiracy theories as an indicator of social tension during the COVID-19 pandemic // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020. Pp. 308–311.
3. Ardashev R.G. Conspiracy thinking of modern Russians // Sociology. 2023. No. 3. Pp. 225–233.
4. Ardashev R.G. The Spread of Conspiracy Theories Under the Influence of Virtualization // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. Pp. 9–12.

5. Ardashev R.G. The Role of Social Communications in the Development of Conspiracy Thinking // *Social Communications: Philosophical, Political, Religious, Cultural and Historical Dimensions*. Collection of articles from the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. General editorship of O.F. Gavrilov, O.I. Zhukova, S.N. Chirun. Kemerovo, 2023. Pp. 236–240.
6. Ardashev R.G. Threats to Spiritual Security in the Digital Age // *Humanitarian Knowledge and Spiritual Security*. Collection of materials from the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020. Pp. 9–13.
7. Ardashev R.G., Maslodudova N.V. Sociocultural foundations for ensuring social security by law enforcement agencies of the Russian Federation // *Activities of law enforcement agencies in modern conditions*. Collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 361–363.
8. Ardashev R.G., Shamurzaev T.T. Ensuring security from terrorist threats at sports competitions // *Theory and practice of physical education*. 2024. No. 7. P. 101.
9. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. Pp. 69–76.
10. Baev P.A. National heroes of Russia in the virtual world // *Social reality of virtual space*. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. Pp. 48–52.
11. Baev P.A. National Interests of Creative Development of Russian Regions // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social and Cultural Spaces of the Region*. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. Pp. 30–34.
12. Baev P.A. National Foundations of Russian Statehood in a Multipolar World // *Ethnopsychological and Cross-Cultural Problems and Resources for the Formation of a Multipolar World (Eastern and Western Approaches)*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. Pp. 39–43.
13. Baev P.A. What is Russian youth proud of and ashamed of // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 129–132.
14. Baev P.A. Economic well-being of youth ideological attitudes // *Sociology*. 2024. No. 2. Pp. 57–64.
15. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023. Pp. 512–515.
16. Blinnikova A.V., Zhuravleva I.A. Prerequisites for the Development of Regional Educational Security // *Studium IV*. Proceedings of the annual scientific and practical conference dedicated to the fifth anniversary of the formation of the Faculty of Social Sciences of Irkutsk State University. Irkutsk, Irkutsk State University, 2003. Pp. 183–190.
17. Zhuravleva I.A. Social security in virtual educational strategies of youth // *Social security and social protection of the population in modern conditions: Proceedings of the Int. scientific and practical. conf.* / ed. A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 83–86.
18. Ivanov R.V. Criteria for social security against the background of modern social challenges in Russia // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 12–15.
19. Ivanov R.V. Patriotism policy: features of youth political organizations' work (using the Irkutsk region as an example) // *Sociology*. 2024. No. 6. Pp. 36–46.
20. Ivanov R.V., Tokareva E.A. Analysis of modern forms of civilizational interaction // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 240–244.
21. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Surtaeva O.V. Factors in the formation of the population's subjective sense of security (using the Altai region as an example) // *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 49–57.
22. Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.N. Perception of social security by the population of the regions of the Asian borderland of Russia (on the example of Altai Krai) // *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–36.
23. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 28–31.
24. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of pro-social practices // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.
25. Polyushkevich O.A. Social tension before and after the pandemic // *The influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia*. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2020. Pp. 119–120.
26. Polyushkevich O.A. Social risks of ideological security // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 467–471.
27. Pustovalova E.V., Nagaitsev V.V., Sterlyadeva N.A. Factors of ensuring social security of the population of the Siberian region (based on research in the Altai Territory in 2018–2019) // *Siberian Socium*. 2021. Vol. 5. No. 2 (16). P. 63–77. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-63-77

Искусственный интеллект как один из ключевых агентов цифровой социализации молодежи

Валитова Ника Эдуардовна,

аспирант, Уфимский государственный нефтяной технический университет

Социализация молодого поколения в эпоху искусственного интеллекта (далее – ИИ) представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий внимания к различным аспектам взаимодействия между человеком и технологией. Так, в данной статье рассматривается феномен ИИ и его возрастающее проникновение в различные сферы нашей жизни. Особое внимание уделяется роли ИИ в качестве агента социализации для современной молодежи, которая проводит значительную часть времени в цифровом пространстве, а так же использованию ИИ и чат-ботов в качестве инструментов для обучения и социализации детей и подростков. В работе представлены данные социологического исследования аналитического центра НАФИ совместно с АНО «Национальные приоритеты» на тему «Отношение к технологиям искусственного интеллекта», также показаны результаты различных международных исследований на тему влияния ИИ. Также, рассматриваются преимущества этих технологий, включая адаптацию учебных материалов, интерактивность и вовлеченность в процесс обучения. Также в работе обсуждаются потенциальные риски и этические аспекты применения ИИ в образовании.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая среда, социализация, молодежь, интернет, мессенджеры, искусственный интеллект.

Введение

Искусственный интеллект и новая волна социализации молодежи

Каждый день в цифровое пространство входит множество людей. Современная эра, ознаменованная прогрессирующими технологиями XXI века, делает компьютеризацию повседневной частью жизни людей и общества в целом. Глобализация тесно связана с расширением и интенсивным применением современных информационных и компьютерных технологий. Однако, вместе с положительными аспектами, этот процесс влечёт за собой и отрицательные последствия, включая развитие психологической зависимости от компьютеров и возможностей, которые они предоставляют пользователям в глобальной сети.

Обсуждение и результаты

Согласно статистике Росстата на начало 2022 года, в России проживало 145,5 миллиона человек, среди которых 11% составляли дети и подростки в возрасте от 10 до 18 лет. С 2014 года наблюдается рост этой возрастной группы после долгого периода её сокращения. Исследования Института исследования Интернета показывают, что к 2019 году общее количество пользователей детского сегмента рунета достигло 59,3 миллиона человек, что на 12% больше по сравнению с предыдущим годом [1]. Эти данные подчеркивают важность изучения проблем, с которыми сталкиваются подростки в цифровой среде.

Также аналитический центр НАФИ совместно с АНО «Национальные приоритеты» с июня по июль 2023 г. провел социологическое исследование на тему «Отношение к технологиям искусственного интеллекта».

Большинство респондентов (82%) согласны с тем, что ИИ сегодня – важен для развития самых разных сфер.

Наиболее часто респонденты ожидают внедрения технологий ИИ в сферах безопасности (31%), здравоохранения (29%) и освоения космоса (25%).

Большинство респондентов согласны с тем, что технологии ИИ приносят людям пользу (78%), необходимы обществу (73%) и не представляют опасности (63%).

Среди зарубежных исследований можно выделить американскую компанию Salesforce, проводившую исследование с мая по июль 2023 г. Вы-

борка составила 11 000 человек, цель исследования – изучение отношения к новым технологиям, таким как генеративный ИИ.

Почти три четверти опрошенных обеспокоены возможным неэтичным применением ИИ. 40% опрошенных уверены, что компании уже используют ИИ неэтично или негуманно.

Salesforce подчеркнула, что по сравнению с прошлым годом респонденты меньше используют ИИ-сервисы: если в 2022 году более 80% компаний и 65% простых пользователей были готовы использовать ИИ, то в 2023 этот показатель упал до 73% у компаний и 51% у пользователей.

Другое исследование, посвященное растущему недоверию населения к ИИ, было проведено в июле некоммерческой организацией MITRE и консалтинговой компанией Harris Poll. В опросе приняли участие 2 063 человека.

Согласно исследованию, только 39% американцев считают, что сегодняшние технологии ИИ безопасны и надежны, что на 9 пунктов меньше, чем в ноябре 2022 года.

Австралийская компания Roy Morgan совместно с ассоциацией Campaign for AI Safety в августе 2023 г. провела SMS-опрос среди 1 481 жителя Австралии старше 16 лет.

Значительное большинство опрошенных (57%) считают, что ИИ больше создает проблемы, чем их решает. Каждый пятый (20%) австралиец считает, что ИИ представляет угрозу исчезновения человечества в ближайшие два десятилетия [2].

По мнению Мануэля Кастельса, современный мир определяется тремя ключевыми историческими процессами: всеобщее распространение информационных технологий, кризис капитализма и государственности, а также развитие социальных движений, таких как либертарианство, феминизм, борьба за права человека и экологические инициативы. Эти процессы, начавшиеся в середине 20 века, достигли своего апогея в начале нового тысячелетия, что совпадает с рождением большинства современных подростков.

Системы искусственного интеллекта представляют собой совокупность технологических решений, предназначенных для воспроизведения когнитивных способностей человека. Они наделены функциями самообучения и нахождения решений без использования заранее определенных алгоритмов. При выполнении конкретных задач результаты работы таких систем, как минимум, сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человеческого разума, согласно официальному определению.

Технологии искусственного интеллекта обладают способностью автоматизировать многие процессы и осуществлять сверхбыструю обработку колоссальных объемов данных – в этом аспекте они превосходят человеческие возможности. Благодаря этому преимуществу, системы ИИ находят широкое применение во многих сферах, где тре-

буется анализ больших массивов информации: финансовой индустрии, маркетинге, здравоохранении, промышленном производстве, военной области, игровой индустрии. Даже в сфере внешней политики, как недавно заявили в Министерстве иностранных дел России, планируется задействовать возможности искусственного интеллекта для анализа деятельности на международной арене.

Наглядной иллюстрацией применения технологий искусственного интеллекта являются голосовые ассистенты, такие как Алиса, Siri, Google Assistant и другие. Они способны распознавать человеческую речь и предоставлять возможность осуществлять поиск информации в интернете посредством голосового ввода, управлять функциями смартфонов, планировать события и напоминать о них. Еще одной функцией ИИ является адаптация цифровой среды под конкретного пользователя, упрощение и повышение удобства ее использования. Для молодого поколения, чья социализация происходит преимущественно в цифровом пространстве, это особенно актуально.

В современном мире искусственный интеллект играет всё более значимую роль в жизни молодёжи. Он становится ключевым агентом цифровой социализации, влияющим на образование, здоровье, профессиональное развитие и межличностные отношения молодых людей. В связи с этим возникает необходимость изучения особенностей и последствий влияния ИИ на социализацию молодёжи.

Последние годы показали, насколько велико его влияние на различные секторы жизнедеятельности, включая образование, развлечения и социальные взаимодействия. Особенно значительно влияние ИИ ощущается среди молодёжи, которая является самой активной группой пользователей цифровых технологий.

В условиях глобальных потрясений особое значение приобретает создание культурно-образовательного пространства, интеллектуальное и духовно-нравственное развитие подростков. В эпоху повсеместного использования гаджетов и увлечения цифровыми технологиями это может стать вызовом для будущего страны.

Марк Пренски утверждает, что современные подростки, достигшие возраста поступления в колледж, проводят меньше времени за чтением – менее 5000 часов, в то время как на видеоигры уходит более 10000 часов их жизни. Он отмечает, что компьютеры, мобильные телефоны, игровые консоли и цифровые камеры стали неотъемлемой частью жизни подростков и используются ими для общения.

Искусственный интеллект уже не воспринимается как далекая футуристическая идея, но как активно используемая реальность, оказывающая влияние на развитие и социализацию молодёжи. ИИ используется в самых разных сферах – от образования до развлечений и соцсетей.

Влияние от присутствия ИИ уже были рассмотрены в работах отечественных авторов, например в работах Е.В. Блохина «Искусственный интеллект в образовании: современные тенденции и перспективы», «Биотехнологии и экология», «Гуманитарные науки», «IT-технологии и цифровые процессы».

Мониторинг процесса вовлечения молодежи в цифровую среду является ключевой задачей для основных институтов социализации, включая государственные органы, семьи и образовательные учреждения. Согласно исследованию, проведенному Лабораторией Касперского, примерно 56% молодых россиян посвящают большую часть своего досуга интернет-активностям. Отмечается рост числа молодых пользователей сети, а также увеличение времени, которое они проводят онлайн: около 80% из них находятся в сети приблизительно три часа ежедневно, и каждый седьмой превышает этот показатель, достигая более восьми часов [3].

Этические и психологические аспекты влияния ИИ

Социализации молодежи – это априори сложный и многогранный процесс, разделенный на многие этапы. В этой связи этические и психологические аспекты влияния ИИ на процесс социализации заслуживают особого внимания, так как они могут иметь долгосрочные последствия на развитие личности и общественные отношения.

С развитием ИИ возникают вопросы о сохранении персональных данных и приватности. Молодежь часто пользуется интернет-платформами, которые используют алгоритмы ИИ для анализа данных. Важно, чтобы пользователи были осведомлены о том, как и для каких целей их данные используются, и чтобы имелись надежные меры защиты личной информации. Так же Алгоритмы ИИ могут включать предвзятости, закодированные их создателями или возникшие из-за предвзятых данных, на которых они обучались. Это может привести к неравномерному распределению возможностей или дискриминации некоторых групп. Понимание и корректировка подобных предвзятостей – критически важная задача.

ИИ может обогатить образовательный процесс, предоставляя индивидуализированные учебные материалы и адаптивные методы обучения. Однако важно следить за тем, чтобы использование ИИ не заменяло важные аспекты человеческого взаимодействия в обучении, такие как поддержка и менторство учителей.

Искусственный интеллект имеет потенциал как положительного, так и негативного влияния на процесс социализации молодежи. Ответственное внедрение ИИ в социальные процессы, с учетом этических и психологических аспектов, может

помочь минимизировать риски и усилить положительный эффект привлечения ИИ.

Воздействие ИИ на образовательный процесс

Искусственный интеллект оказывает значительное влияние на образовательный процесс, преобразуя способы обучения и доступ к информации. Вот несколько способов, как ИИ совершенствует и развивает образовательную сферу.

Персонализация обучения. ИИ может анализировать стиль обучения и уровень знаний каждого ученика, предлагая учебные материалы, которые лучше всего подходят для их индивидуального темпа и способностей. Это помогает сделать обучение более эффективным и интересным для каждого студента.

Автоматизация задач. ИИ может автоматизировать рутинные задачи, такие как оценка тестов и домашних заданий, что позволяет учителям сосредоточиться на более важных аспектах обучения, таких как взаимодействие с учениками и разработка учебных материалов.

Виртуальные помощники. ИИ также может выступать в роли виртуальных помощников, которые могут помогать студентам с разъяснением сложных тем или предоставлением дополнительных ресурсов для изучения.

Интерактивное обучение. ИИ может делать обучение более интерактивным и занимательным с помощью интеллектуальных обучающих игр и симуляций. Это не только повышает интерес к обучению, но и помогает усвоению материала.

Доступность образования. С помощью ИИ становится возможным предоставить качественное образование студентам, которые находятся в удаленных или недостаточно обслуживаемых районах, благодаря онлайн-курсам и виртуальным классам.

Интеллектуальный анализ данных. ИИ может анализировать большие объемы данных о производительности студентов, что помогает образовательным учреждениям настраивать учебные программы и стратегии для улучшения образовательных результатов.

Эти преобразования ставят перед научно-академическим сообществом и образовательными учреждениями новые задачи и дает возможности. При этом особый акцент необходимо ставить на принятии инновационных подходов и разработке технологий для максимально эффективного использования потенциала искусственного интеллекта в образовании.

Воздействие ИИ на развлекательную индустрию

Не менее ощутимо потенциал развития усиливается посредством использования ИИ и в развлекательной индустрии, облегчая, систематизируя или вовсе преобразуя способы создания контента и взаимодействия с аудиторией. Вот несколько ключевых аспектов, как ИИ изменяет развлекательную сферу.

Персонализация контента. ИИ помогает создавать персонализированные рекомендации для пользователей на основе их предыдущих просмотров, интересов и поведения. Это улучшает пользовательский опыт и увеличивает вовлеченность, поскольку люди получают доступ к контенту, который им наиболее интересен.

Создание контента. ИИ используется для автоматизации некоторых аспектов создания контента, например, в видеоиграх, где ИИ может генерировать уровни, сценарии или даже целые игровые миры. В киноиндустрии ИИ может помогать в редактировании фильмов, создавая тизеры или трейлеры.

Распознавание образов и лиц. В развлекательных приложениях и на мероприятиях ИИ способен распознавать лица зрителей или элементы сцены для улучшения интерактивности и предоставления дополнительных услуг, например, адаптационных рекламных кампаний.

Виртуальные помощники и чат-боты. В развлекательных платформах часто используются чат-боты на основе ИИ, которые могут отвечать на вопросы пользователей, помогать навигации по сервису и даже управлять устройствами умного дома во время просмотра или прослушивания контента.

Анализ данных. Искусственный интеллект анализирует большие объемы данных, чтобы выявлять тренды и предпочтения аудитории, что позволяет создателям фильмов, сериалов и музыкальных произведений лучше понимать свою аудиторию и эффективно планировать новые проекты.

Таким образом, ИИ значительно расширяет возможности развлекательной индустрии, делая ее более инновационной, персонализированной и интерактивной.

Боты с искусственным интеллектом в роли спутников нового поколения

Детский мозг обладает высокой степенью пластичности, что позволяет им эффективно усваивать новую информацию на слух и визуально, даже когда они еще не умеют читать. В возрасте 5–7 лет у детей проявляется повышенный интерес к техническим устройствам, сервисам и приложениям. В этот период крайне важно направить детскую любознательность в нужное русло, создав условия для развития аналитических способностей, а не погрузить их в бесконечный поток контента.

Следует принимать во внимание, что технологии на основе нейронных сетей еще не достигли совершенства. Потребуется время и смена поколений специалистов в области искусственного интеллекта, прежде чем произойдет значительный качественный скачок в разработке более совершенных нейросетевых систем [4, 5, 6, 7].

В последние годы было разработано множество нейросетей и чат-ботов, которые активно ис-

пользуются для социализации и обучения молодежи. Вот несколько примеров.

Duolingo. Это популярное приложение для изучения языков использует ИИ для адаптации учебного процесса под индивидуальные потребности пользователя. Оно помогает в социализации, предоставляя возможность общения с носителями языка и участия в языковых клубах.

Replika. Это приложение создано как персональный собеседник, который может поддерживать разговоры на различные темы, помогая пользователям чувствовать себя менее одинокими и развивая коммуникативные навыки.

GPT-3 и его варианты. Различные версии GPT-3 используются для создания образовательных чат-ботов, которые могут помогать в домашних заданиях, обучении программированию, искусству, науке и многому другому.

Эти инструменты помогают улучшить образование и социализацию молодежи, предоставляя доступ к информации, новым навыкам и возможностям. Они облегчают процесс обучения, развивают критическое мышление и кругозор учащихся.

Команда сооснователей из Уфы воплотила в жизнь уникальный проект Чат-бота GPT Kids, который может оказать значительное влияние на образовательную сферу и социализацию детей. Создание бота с искусственным интеллектом, направленного на развитие и социализацию молодого поколения, является важным шагом в сторону интеграции технологий в повседневную жизнь.

Продукт, который они разрабатывают, представляет собой инновационное решение, которое может помочь детям и подросткам учиться взаимодействовать в социальном контексте, развивая при этом критическое мышление и эмоциональный интеллект. Бот может стать надежным помощником для родителей и учителей, предоставляя им инструмент для поддержки образовательного процесса и воспитания. Их работа по созданию безопасной и инклюзивной среды для обучения и развития является вдохновляющим примером того, как технологии могут быть использованы для улучшения качества жизни, образования и социализации.

Чат-бот GPTkids – это показательный пример того, как ИИ может способствовать цифровой социализации молодежи. Бот, разработанный командой, представляет собой тактичного помощника, который может играть ключевую роль в жизни детей и подростков. Он спроектирован так, чтобы быть не только технологически продвинутым, но и чутким к эмоциональным и социальным потребностям пользователей.

Чат-бот создан специально преимущественно для детей и содержит в себе различные разделы, которые помогают в обучении, развитии креативности и коммуникационных навыков.

Домашка. Этот раздел предназначен для помощи в освоении учебного материала. Чат-бот мо-

жет помогать ответами на вопросы, объяснением сложных тем и предоставлением дополнительных материалов для углубленного изучения предметов. Это способствует самостоятельному обучению и развивает навыки аналитики.

Примечательно, что в отличие от всех известных «Готовых домашних заданий», чат-бот GPT-kids не выдает готовых решений тех или иных задач, но поэтапно ведет пользователя к самостоятельному решению и консультирует на всех этапах.

Развивайка. В этом разделе уделяется особое внимание личностному росту и развитию различных навыков, таких как решение проблем, критическое мышление и эмоциональный интеллект. Интерактивные упражнения и задачи помогают повысить самооценку и мотивацию у детей.

Создатели разделили «Развивайку» на различные направления, чтобы пользователи-школьники могли предметно и по интересам углубляться в изучение той или иной науки.

Творческая. Это пространство для самовыражения, в котором чат-бот может предлагать идеи для рисования, интерактивные задания, писательские упражнения и многое другое. При этом взаимодействие может быть направлено как на полностью самостоятельную работу пользователя-школьника, так и на совместное творчество последнего с чат-ботом.

Такой подход способствует развитию творческих способностей и инновационного мышления.

Игровая. Игровой раздел включает в себя разнообразные игры, которые развивают логику, память, внимание и другие когнитивные функции. Игры также способствуют формированию стратегического мышления и учат работе в команде, если предусмотрена многопользовательская игра. В данном разделе удалось объединить развлекательное направление с подсознательным развитием ключевых умений и навыков человека.

Чат с персонажами. Здесь пользователи могут взаимодействовать с различными персонажами (литературные герои, известные люди прошлого и современности и прочие). Это не только увлекательное занятие, но и способ учиться через диалог, развивая коммуникативные навыки и расширяя кругозор.

Заключение

Необходимо признать, что на современном этапе развитие технологий искусственного интеллекта следует аккуратно направлять на путь, приносящий благо, а не причиняющий вред, при этом не тормозя научно-технический прогресс.

Формирование идентичности в подростковом возрасте представляет собой сложный психологический феномен, охватывающий уникальные черты личности, ценности, убеждения и самовосприя-

тие в окружающем мире. В этот период активного становления личности подросток изучает свои интересы и стремится найти свое место в социуме. Данный процесс часто сопровождается внутренними конфликтами и поиском смысла жизни. Технологии искусственного интеллекта и нейронные сети открывают беспрецедентные возможности для обучения и взаимодействия с окружающей средой.

Литература

1. Детский Рунет 2019. Отраслевой доклад// Институт исследования Интернета. – URL: <https://internetinstitute.ru/news/detskiy-runet-2019-otraslevoy-doklad/> (дата обращения: 10.05.2024).
2. Интернет- сайт Искусственный интеллект Российской Федерации. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2023-doverie_k_iskusstvennomu_intellektu_v_obschestve_analiz_sociologicheskikh_oprosov_iii_kvartala_2023_goda_ncrii/ (дата обращения: 11.05.2024).
3. 56% детей постоянно в Сети: Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлеченности // Kaspersky. – URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016-news-12-05-16> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Зачем дошкольникам знакомиться с искусственным интеллектом // РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/65cd-2b259a7947eed7033e0c?from=copy> (дата обращения: 12.05.2024).
5. Кинг Б., А., Лайтман, Дж., Рангасвами, П., Ларк, Э. (2018). Эпоха дополненной реальности: пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес. – 528 с. (дата обращения: 10.05.2024).
6. Подросток в цифровой среде: паттерны и риски // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-v-tsifrovoy-srede-patterny-i-riski/viewer> (дата обращения: 14.05.2024).
7. Шмидт Э., Коэн Дж. (2013). Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств: пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 368 с. (дата обращения: 12.05.2024).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS ONE OF THE KEY AGENTS OF DIGITAL SOCIALIZATION OF YOUTH

Valitova N.E.

Ufa State Petroleum Technical University

The socialization of the younger generation in the era of artificial intelligence (hereinafter – AI) is a complex and multifaceted process that requires attention to various aspects of the interaction between humans and technology. So, this article examines the phenomenon of AI and its increasing penetration into various spheres of our lives. Special attention is paid to the role of AI as an agent of socialization for modern youth, who spend a significant part of their time in the digital space, as well as the use of AI and chatbots as tools for teaching and socializing children and adolescents. The paper presents data from a sociological study by the NAFI analytical center in

conjunction with the ANO National Priorities on the topic «Attitude to artificial intelligence technologies», and also shows the results of various international studies on the impact of AI. The advantages of these technologies are also considered, including the adaptation of educational materials, interactivity and involvement in the learning process. The paper also discusses the potential risks and ethical aspects of the use of AI in education.

Keywords: digital technologies, digital environment, socialization, youth, Internet, messengers, artificial intelligence.

References

1. Children's Runet 2019. Industry report // Internet Research Institute. – URL: <https://internetinstitute.ru/news/detskiy-runet-2019-otraslevoy-doklad/> (date of access: 05.10.2024).
2. Internet site Artificial Intelligence of the Russian Federation. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2023_doverie_k_iskusstvennomu_intellektu_v_obschestve_analiz_sociologicheskikh_oprosov_iii_kvartala_2023_goda_ncrri/ (date of access: 05/11/2024).
3. 56% of children are constantly on the Internet: Russia is ahead of Europe and the USA in terms of Internet passion // Kaspersky. – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16 (access date: 05/10/2024).
4. Why should preschoolers get acquainted with artificial intelligence // RBC. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/65cd2b259a7947eed7033e0c?from=copy> (access date: 05/12/2024).
5. King, B., A., Lightman, J., Rangaswamy, P., Lark, E. (2018). The era of augmented reality: trans. from English – M.: Olimp-Business. – 528 p. (access date: 05/10/2024).
6. Teenager in the digital environment: patterns and risks // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-v-tsifrovoy-srede-patterny-i-riski/viewer> (access date: 05/14/2024).
7. Schmidt E., Cohen J. (2013). The new digital world: how technologies are changing people's lives, business models and the concept of states: trans. from English – M.: Mann, Ivanov and Ferber. – 368 p. (access date: 05/12/2024).

Особенности становления и развития отечественной социологии города в XIX – начале XX века

Гугуев Даниил Константинович,

аспирант кафедры современной социологии МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: daniilguguev@gmail.com

Истоки отечественной социологии города возникают еще в первой половине XIX века, когда социологическое знание о городской жизни формируется благодаря выводам, к которым приходят ученые на основе статистических обследований территорий Российской империи. Собственно отечественная социология города активно развивается во второй половине XIX века, особенно на рубеже XIX–XX столетий. К этому времени Россию с западными странами начинает объединять общий урбанистический контекст, связанный с ростом больших городов. Отечественная социология города на данном этапе своего развития находится в тесной связи и под влиянием западной социологии города, что объясняется схожей исследовательской ориентацией обеих. В статье также фиксируется наличие специфики в разработке урбанистической проблематики в нашей стране, что обуславливается влиянием идеологических и политических факторов, имеющих место в рассматриваемый период.

Ключевые слова: отечественная социология города, западная социология города, урбанизация, модернизация, большой город, антиурбанизм, город-сад.

С момента возникновения социологической науки в России сформировалось большое количество отечественных концепций, в которых осмысляются город и урбанизация на разных этапах развития российского общества. Однако этот значительный по объему теоретический материал, образующий отечественную социологию города, до сих пор не упорядочен на базе соответствующего историко-социологического анализа, что усложняет разработку урбанистической проблематики в российской социологии.

Отечественная социология города включает в себя широкую совокупность социологических исследований, охватить которую не представляется возможным в рамках одной статьи. Автор настоящей работы ограничивается выявлением особенностей становления и развития отечественной социологии города в XIX – начале XX века. Это важный период для отечественной социологии города, когда очерчивается ее предметная область, а также конструируются концепции, которые станут основой для дальнейшего изучения города и урбанизации в российском обществе.

Определение того, в какой момент началось становление отечественной социологии города, является одним из ключевых направлений историко-социологического анализа. Согласно общепринятой точке зрения, социология стала формироваться как особая наука в России в 60-е годы XIX века, когда возникли первые социологические труды русских ученых [1, с. 6]. В это время становление и развитие социологического знания шли в тесной связи с серьезными трансформационными процессами в различных сферах общественной жизни, которые во многом были обусловлены отменой крепостного права в 1861 году [2, с. 158].

Учет этого исторического события важен для понимания того, почему после 1861 года начинается интенсивно развиваться отечественная социология города как отдельная область социологических исследований. Дело в том, что крестьянская реформа поспособствовала капиталистической индустриализации и тем самым создала благоприятные условия для роста городов России, который особенно усилился на рубеже XIX и XX веков.

Однако с социологической точки зрения урбанизация представляет собой составляющую общего процесса модернизации общества. Так, в нашей стране модернизация стартовала еще в XVIII веке при Петре I и базировалась на создании соответствующей системы городов, сим-

волическим выражением чего служит воздвижение Санкт-Петербурга, который «заявил о себе и о России в целом как о части Европейского мира» [3, с. 32]. В связи с этим мы полагаем, что историко-социологический анализ отечественной социологии города должен соотноситься с реальным социально-историческим процессом урбанизации российского общества и, таким образом, не ограничиваться периодом, следующим после 1860-х годов.

В частности, существенный вклад в изучение городов Российской империи внесли статистики уже в начале XIX века. Хотя эти ученые не были социологами, их обобщения на основе богатого статистического материала являются ценным источником социологического знания о том, как протекала урбанизация в нашей стране.

В этом отношении представляется интересным творчество русского статистика К.И. Арсеньева, исследовавшего перемены в составе и числе российских городов, имевшие место на протяжении XVII–XVIII веков. Ученый указывает на то, что урбанизация обуславливалась серьезными изменениями в системе общего государственного управления. Особенно это было заметно по окраинным городам-укреплениям, которые могли исчезать и затем возникать уже на другом месте в результате установления новых границ Российской империи в ходе завоевательных мероприятий [4, с. 41–42].

Согласно К.И. Арсеньеву, процесс развития или упадка российских городов зависел от воли монарха, который прежде всего руководствовался геополитическими интересами. Так, Петр I, основав Санкт-Петербург, сделал его торговым центром для налаживания связей с национальными государствами Западной Европы. Государь создал для торговцев льготы в столице и пошлины в соседних городах, тем самым значительно снизив роль последних. Такая участь постигла Архангельск, до этого служивший важнейшим центром морской торговли [5, с. 10].

В произведениях К.И. Арсеньева получают освещение вопросы, которые затем станут основными для отечественной социологии города. В их числе: определение понятия города, типологизация российских городов, соотношение города и деревни.

По мнению К.И. Арсеньева, понятие города было весьма расплывчатым. Ученый довольно часто выражает недоумение по поводу того, почему те или иные города значились городами, поскольку таковыми они не являлись. На основе рассуждений статистика можно выделить как минимум два подхода к определению понятия города [6, с. 7–8].

1. *Юридический*. Это подход, которым руководствовалось правительство, официально признавая те или иные поселения городом, что приводило к изменению правового статуса его

жителей. Довольно распространенной была ситуация, когда городами назывались села.

2. *Социологический*. К.И. Арсеньев отмечает, что город обладает рядом признаков, такими как: людность; движение (речь идет о движении вперед по пути развития); промышленная деятельность. Иными словами, эти признаки характеризуют город как поселение, характеризующееся специфическими социальными связями и отношениями населяющих его людей и динамичностью социальной жизни.

Социологический подход не противопоставляется, а скорее дополняется юридическим. Урбанизация в Российской империи, как отмечалось ранее, была подчинена общему процессу управления страной, поэтому правовые аспекты находились в тесной связи с социальными. В частности, Жалованная грамота городам 1785 года [7], подписанная Екатериной II, имела социальное значение, поскольку утверждала особый статус городского сословия и городской жизни в целом. Все это во многом объясняет большой интерес российских мыслителей к вопросам управления российскими городами, которые освещаются в различных научных публикациях [8, 9].

Еще одной заслугой К.И. Арсеньева является выделение «по образу происхождения их и по особенному назначению и устройству» следующих типов российских городов, которые могли пересекаться между собой [5, с. 6].

1. *Города, основанные по видам управления*. Огромные территории создавали сложности, связанные с надзором за землями Российской империи, особенно за теми, что были значительно удалены от центра власти. По этой причине российские города выполняли функцию опорных пунктов управления.

2. *Города, учрежденные для ограждения государственной и народной безопасности*. В Российской империи постоянно нависала угроза кочевых набегов и вражеских нападений, поэтому воздвигались (зачастую на пограничных территориях) города-крепости, выполнявшие защитную функцию.

3. *Города, возникшие вследствие успехов народной промышленности или имеющие торговое назначение*. Торгово-промышленная деятельность является важнейшим фактором развития городов, согласно К.И. Арсеньеву. Однако до Петра I промышленность в стране была развита крайне слабо, что значительно тормозило рост городов в России по сравнению с Западом. Напротив, торговля являлась специализацией многих русских городов еще со времен Древней Руси (например, Новгород, Псков) [10, с. 150]. Как отмечает статистик, Петр I начал, а Екатерина II продолжила развивать различные виды промышленности (фабричная, мануфактурная, ремесленная), чтобы Россия могла конкурировать с западноевропейскими стра-

нами, в городах которых уже развивались промышленные центры.

К.И. Арсеньев проводит четкое различие между городом и деревней, соотношение между которыми впоследствии станет предметом многочисленных исследований в рамках отечественной социологии города [11, 12, 13]. По данному вопросу ученый выражает вполне конкретную позицию, в соответствии с которой для процветания России город должен иметь промышленную специализацию, тогда как деревня должна быть пространством для сельского хозяйства и кустарного производства: «Фабрики и мануфактуры имеют уделом своим города; города без мануфактур суть или крепости, или деревни с административными постами; конечно, много находится фабрик и в селениях, но это считать должно исключениями из правила, происходящими от местного положения; земледельческая промышленность со всеми ее отраслями есть естественная и исключительная мануфактура деревенских жителей; хотя справедливо то, что поселянин имеет много свободного времени, и может, пользуясь своим досужеством, заниматься некоторыми рукоделиями, но все рукоделия и промыслы, требующие большего времени и капиталов, должны быть предоставлены городам, куда будут стекаться люди, излишние в земледелии. Средние и малые города наиболее пригодны для фабричных учреждений, большие же города, имеющие преимущественно предметом своим торговлю, служат местами сбыта грубых произведений сельской промышленности и фабричных изделий малых городов» [14, с. 33–34].

Таким образом, становление отечественной социологии города началось еще в первой половине XIX века, однако здесь можно говорить лишь о ее истоках. Социологическое знание о городской жизни возникало благодаря выводам, к которым приходили ученые на основе статистических исследований территорий Российской империи, при этом на теоретическом уровне городская проблематика специальным образом еще не разрабатывалась.

Собственно отечественная социология города развивается во второй половине XIX столетия – немного позже, чем западная социология города. Это вполне закономерно, поскольку Россия значительно отставала от западных государств по темпу урбанизации. Так, с 1867 по 1911 год городское население России увеличилось с 10,6 до 13,7%, в то время как, например, в Англии в 1861 году городское население составляло 54,6%, а в 1911 году – 78% (см. таблицы 1 и 6) [15]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, хотя урбанизация в целом по России не была столь интенсивной, как на Западе, в отдельных городах, прежде всего, в столицах, ее масштабы были весьма значительными (особенно на рубеже XIX–XX веков). Так, в рейтинге крупнейших городов мира в 1908 году Санкт-Петербург (1310 тыс. человек) занял деся-

тое место, а Москва (1170 тыс. человек) – одиннадцатое (см. диаграмму № 21) [16].

Все это указывает на то, что к концу XIX – началу XX века Российская империя оказалась вовлечена в процесс урбанизации, уже тогда носивший мировой характер. Этот мировой процесс урбанизации включал в себя еще один процесс, который состоял в огромной концентрации населения в одних и тех же пунктах. Речь идет о росте больших городов [15, с. 2], происходившем во всем мире, в том числе в России.

Таким образом, Россию со странами Запада стал объединять общий урбанистический контекст, который требовал социологического осмысления. Вследствие этого, как мы увидим далее, отечественная социология города на данном этапе своего развития находится в тесной связи и под влиянием западной социологии города, что объясняется схожей исследовательской ориентацией, связанной с социологическим изучением больших городов.

Одним из первых в России проблематикой больших городов начал заниматься социолог А.А. Исаев в конце 1880-х годов. Исследователь отмечает, что развитие большого города того времени функционально и обусловливается необходимостью удовлетворения все более сложных потребностей и интересов, возникающих по мере усложнения общественных отношений [17, с. 11].

Фактически из рассуждений А.А. Исаева можно вычленил тезис о том, что большой город есть урбанистическая среда, в которой существует общество модерна с его характерными чертами – капиталистическим рынком, технически развитой промышленностью, демократией, Просвещением и т.д. [18, с. 242]. Так, согласно ученому, большой город способствует повышению изобретательности людей, появлению промышленных изобретений, развитию научной мысли, усвоению культуры. Все это обуславливает «притягательную» силу больших городов [17, с. 13–23].

Вместе с тем жизнь в большом городе, как отмечает А.А. Исаев, характеризуется большим разнообразием населения, а также различиями в имущественных средствах. Множественность потребностей и вкусов, вытекающая из наличия в большом городе богатого класса, требуют усложнения производства, что ведет к разделению труда [17, с. 18].

На эти же признаки городской жизни указывает позднее социолог М.М. Ковалевский, выделивший два противоположных типа населения – сельский и городской. Сельское население, согласно М.М. Ковалевскому, более или менее однообразно. Сельские жители занимаются земледелием, кустарным производством и мелкой торговлей. Городское население, напротив, характеризуется сильной дифференциацией занятий в области промышленности, торговли и кредита, а также со-

циальной дифференциацией, которая заключается в наличии бедности и богатства [19, с. XII].

Рассматривая социальную дифференциацию как отличительный признак городской жизни, социологи, в частности, А.А. Исаев и М.М. Ковалевский тем самым утверждают, что в основе социальных связей и отношений в большом городе лежит социальное неравенство. Это важное теоретическое допущение, позволяющее по-иному взглянуть на городскую жизнь, что, в свою очередь, задает различные векторы исследований в рамках отечественной социологии города.

А.А. Исаев отмечает, что большой город, несмотря на огромную роль в развитии современного общества, связан со множеством социальных проблем и противоречий, которые во многом объясняются неравным положением горожан в социальном пространстве. Ученый указывает на то, что в больших городах наблюдается острая нехватка жилищных ресурсов для большинства населения, которое вынуждено жить в условиях, не соответствующих базовым санитарно-гигиеническим нормам, что приводит к высоким показателям городской смертности. Указанная проблема, согласно А.А. Исаеву, обуславливается капиталистическими отношениями в большом городе, когда городская земля неравномерно распределяется в пользу богатых классов и является предметом спекулятивной деятельности людей, извлекающих прибыль путем скупки незастроенных участков, которые дорожают по мере роста города [17, с. 31–35].

С жилищной проблемой к концу XIX века столкнулись российские города, в числе которых были Санкт-Петербург и Москва. А.А. Исаев приводит статистику, а также мрачные описания петербургских врачей, по которым становится ясно, насколько остро стоял жилищный вопрос в больших городах России [17, с. 36–38].

Жилищный вопрос является частью рабочего вопроса, на осмысление которого ориентирована марксистская социология. Поэтому вполне закономерно, что изучением жилищных условий в больших городах занимались российские ученые, разделявшие взгляды марксистов, среди которых был не только А.А. Исаев, но и, например, Н.И. Зибер [20, 21]. Более того, в изучении жилищного вопроса в большом городе российские социологи опирались на достижения западной социологии города, что свидетельствует о влиянии последней на отечественную социологию города. В частности, А.А. Исаев ссылается на произведение Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [22], ставшее классическим социологическим исследованием рабочего вопроса, в том числе и жилищного.

А.А. Исаев пишет о том, что большой город может оказывать деморализующее воздействие, результатом чего становятся различные порочные наклонности городских жителей, среди которых самоубийство, преступность, проституция и т.д.

Социолог это объясняет наличием богатого меньшинства, пытающегося выделиться среди массы и заявить о себе в пище, жилище, одежде и т.п. Этот праздный образ жизни богатых идеализируется искусством и превращается в культурную норму, которой стремятся соответствовать средний и бедный классы. Однако последние в силу отсутствия финансовых возможностей не в состоянии этого делать, что рождает чувство зависти, ведущее к различным формам девиантного поведения [17, с. 51–56]. Нетрудно заметить, что во многом рассуждения российского социолога согласуются с теорией подражания Г. Тарда [23], а также с теорией праздного класса Т. Веблена [24].

Согласно А.А. Исаеву, городская жизнь по причине многолюдности обладает анонимным характером, в отличие от деревенской жизни, поэтому в больших городах, где нет естественного надзора друг за другом, более развращенная социальная среда. Помимо этого, А.А. Исаев пишет о чувстве одиночества, которое одолевает горожан, относящихся к разным социальным группам, между которыми мало общего [17, с. 57]. Эти же черты городской жизни несколько позднее фиксируются Г. Зиммелем, который указывает на взаимное безразличие городских жителей, обусловленное наличием психологических факторов, а также преобладанием интеллектуального характера общественной жизни и товарно-денежных отношений в большом городе [25, с. 125]. Таким образом, в западной и отечественной социологии города складывается общее исследовательское поле, в рамках которого осмысляются схожие социальные проблемы.

Ужасы жизни в большом городе приводили к появлению антиурбанистических воззрений в России. В частности, А.А. Исаев пишет про Л.Н. Толстого, который участвовал в московской переписи населения [26] и имел возможность наблюдать, насколько чудовищно положение городской нищеты. Это укрепило в Л.Н. Толстом «мысль, что жизнь в городе ужасна своей искусственностью, тем более ужасна, что человек, проникнутый любовью к людям, имеет гораздо меньше возможности помочь им в городе, чем в деревне» [27, с. 43].

Интересно, что критика урбанизации велась в России не только на личностном уровне, когда демонстрировалось негативное влияние города на человека, но также на идеолого-политическом уровне, связанном с общим отрицанием модерна как социокультурного явления, возникшего в условиях западной цивилизации. Соответственно, отрицались и составляющие модерна, в том числе урбанизация. Такой антиурбанизм, в частности, прослеживается в творчестве славянофилов, народников, указывавших на культурное и историческое своеобразие России [28]. А.А. Исаев пишет: «А наука во всех своих разновидностях и все стороны культуры, по преимуществу городской, явились в России исчужу. В этом море заимствова-

ний нельзя найти почти ничего, что было бы созданием русской жизни, русского духа. <... > При вдумчивом отношении к делу, оказывалось, что отрицалась не наука, как таковая, не культура, как таковая, а современные наука и культура: Запад – их родина; они привиты в России искусственно, как тепличные растения, а потому обречены на чахлый рост. А это еще более окрыляло надежной, что формы жизни, переживаемые Западом, не станут непременно уделом нашего отечества, что Россия сумеет миновать противоречия, испытанные нашими соседями, создаст своеобразный уклад и обогатит человечество новыми началами» [27, с. 44–45].

Тем не менее, несмотря на наличие антиурбанистических настроений в русской общественной мысли, социологическое изучение урбанизации продолжалось активным образом. В начале XX века отечественными социологами осуществляется научный поиск решений социальных проблем, вызванных ростом больших городов. В это время одним из направлений исследований становится анализ европейского опыта реформирования городского самоуправления, которое производилось социалистами из разных стран в интересах рабочего класса [29, 30, 31, 32].

Другое направление исследований в рамках отечественной социологии города ведется по линии осмысления социологических концепций, созданных проектировщиками городского пространства. Чрезвычайно важной для разработки городской проблематики в России оказалась работа 1902 года Э. Говарда «Города-сады будущего» [33], которая была переведена на русский язык в 1911 году [34]. Произведение Э. Говарда серьезным образом повлияло на развитие отечественной социологии города в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют многочисленные публикации российских ученых, в которых исследуется концепция «город-сад» [35, 36, 37, 38, 39, 40]. При этом Э. Говард, создавая свою концепцию, воспринял идеи П.А. Кропоткина [41], чьи работы в области социологии города получили признание со стороны европейских социологов [42, с. 216].

Указанные направления исследований велись в начале XX века, когда в России были активны политические партии, продвигавшие социалистические идеи. Это объясняет, например, популярность работы Э. Говарда, который фактически предложил социалистический проект преобразования общества на основе переустройства городского пространства. Таким образом, отечественная социология города служила той основой, опираясь на которую российские ученые имели возможность научного обоснования необходимости трансформации социального порядка.

Дальнейшее развитие отечественной социологии города характеризуется некоторой инерционностью. Революция 1917 года привела к разрушению прежних устоев общественной жизни, за-

пустив процесс социалистической модернизации российского общества. Однако вопросы, поднятые в отечественной социологии города в дореволюционное время (соотношение города и деревни, социальные последствия роста больших городов, конструирование города-сада и многие другие) продолжают осмысляться и далее, причем на базе ранее сформировавшихся идей и концепций. В частности, изучение всех этих проблем можно найти в работе 1928 года Л.А. Велихова «Основы городского хозяйства» [43], теоретико-методологической основой которой служат социологические концепции многих дореволюционных мыслителей. Тем не менее отечественная социология города в первые годы существования Советской России приобретает специфические черты, которые требуют дальнейшего историко-социологического анализа.

Литература

1. Осипова Н.Г. Прошлое, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 5–28.
2. Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап / Г.Е. Зборовский; гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»; Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2-е изд. испр. и доп. – Сургут; Екатеринбург: РИО СургГПУ, 2014. – 211 с.
3. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Проекты будущего Москвы: архитектурные дебаты 1920–1930-х годов // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 4. С. 30–44.
4. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия и донныне // Журнал МВД. 1832. Часть VII. № 7. С. 1–48.
5. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия и донныне // Журнал МВД. 1832. Часть VI. № 3. С. 5–28.
6. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия и донныне // Журнал МВД. 1832. Часть VI. № 4. С. 1–25.
7. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 года // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Законодательство периода расцвета абсолютизма /

- Отв. ред. Е.И. Индова. – М.: Юридическая литература, 1987. Т. 5. – С. 68–129.
8. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России: в 2 т. / И.И. Дитятин. – СПб.; Ярославль: Типография П.П. Меркульева: Типография Г.В. Фальк, 1875–1877.
 9. Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 492 с.
 10. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства: в 2-х ч. / К.И. Арсеньев. – СПб.: Типография Императорского Воспитательного дома, 1818. Ч. 1. О состоянии народа. – 245 с.
 11. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование / М.И. Туган-Барановский. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898. – 496 с.
 12. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории России / Н.А. Рожков. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. – 84 с.
 13. Семенов-тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России. Очерк по экономической географии / В.П. Семенов-тян-Шанский. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1910. – 212 с.
 14. Арсеньев К.И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия и доныне // Журнал МВД. 1832. Часть VII. № 9. С. 1–40.
 15. Загорский С.О., Шрейдер Г.И. Город // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». В 58-и Т. / Под ред. В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и др. 7-е изд., перераб. – М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1912. Т. 16. – С. 1–79.
 16. Всеобщий географический и статистический карманный атлас / А.Л. Гикман, А.Ф. Маркс; изд-е 3-е, испр. и доп. – СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркса, 1908. – 76 с.
 17. Исаев А.А. Большие города и их влияние на общественную жизнь / А.А. Исаев. – Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1887. – 75 с.
 18. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна / Ю.А. Кимелев, Н.Л. Полякова. – М.: ИИЦ «Праксис», 2017. – 492 с.
 19. Ковалевский М.М. Массовые перемещения жителей, прилив их в города и отлив в села. Этюд из области социальной динамики // Вандервельде Э. Деревенский отход и возвращение на лоно природы / Э. Вандервельде; пер.с фр. Ю. Стеклова. – Одесса: Издание Вл. Распопова, 1904. – С. V–XXIV.
 20. Зибер Н.И. Квартирный вопрос в больших городах (начало) // Юридический Вестник. 1886. Т. 21. № 1. С. 27–49.
 21. Зибер Н.И. Квартирный вопрос в больших городах (окончание) // Юридический Вестник. 1886. Т. 21. № 2. С. 269–290.
 22. Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigener Anschauung und authentischen Quellen / F. Engels. – Leipzig: Wigand, 1845. – 358 s.
 23. Tarde G. Les lois de L'imitation: étude sociologique / G. Tarde. – Paris: Félix Alcan, 1890. – 431 p.
 24. Veblen T. The theory of the leisure class. An economic study in the evolution of institutions / T. Veblen. – New York, London: The Macmillan Company; Macmillan & Co. Ltd, 1899. – 400 p.
 25. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. Сборник статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. – СПб.: Книгоиздательское Т-во «Просвещение», 1905. – С. 117–136.
 26. Толстой Л.Н. Из воспоминаний о переписи // Русское богатство. 1885. № 9. С. 129–143.
 27. Исаев А.А. Вопросы социологии / А.А. Исаев. – СПб.: Издание «Вестника Знания» (В.В. Битнера), 1906. – 240 с.
 28. Горнова Г.В. Урбанизм и антиурбанизм в русской философии // Вестник МГУКИ. 2010. № 3. С. 59–64.
 29. Исаев А.А. О социализме наших дней / А.А. Исаев. – Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf (G.M.B.H.), 1902. – 524 с.
 30. Данилов Ф.А. Взгляды социалистических партий на общественное самоуправление. Коммунальные программы немецких социал-демократов и французских социалистов. Проект коммунальной программы для русских городов / Ф.А. Данилов. – М.: Типография Ф.Я. Бурче, 1906. – 64 с.
 31. Загряцков М.Д. Социальная деятельность городского самоуправления на Западе. Вып. I. Проблемы муниципализации / М.Д. Загряцков. – Киев: Типография Имп. ун-та св. Владимира АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1906. – 68 с.
 32. Курчинский М.А. Муниципальный социализм и развитие городской жизни / М.А. Курчинский. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 110 с.
 33. Howard E. Garden cities of tomorrow / E. Howard. – London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 1902. – 167 p.
 34. Гоуард Э. Города будущего / Э. Гоуард; пер. с англ. А.Ю. Блоха; с предисл. автора и переводчика к русск. изд. и 5-ю диаграммами. – СПб.: Типография Т-ва «Обществ. Польза», 1911. – 176 с.

35. Протопопов Д.Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 18.
36. Енш А.К. Города-сады (города будущего) / А.К. Енш. – СПб.: Типография СПб. Градоначальства, 1910. – 49 с.
37. Семенов В.Н. Благоустройство городов / В.Н. Семенов. – М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912. – 184 с.
38. Дадонов В. Социализм без политики: города-сады будущего в настоящем / В. Дадонов. – М.: Типография литературного товарищества И.Н. Кушнерев и К., 1913. – 120 с.
39. Мижувев П.Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии / П.Г. Мижувев. – Пг.: Т-во А.С. Суворина «Новое время», 1916. – 496 с.
40. Ковалевский Г.П. Большой город и города-сады. Пособие для деятелей по гор. и зем. делу и студентов / Г.П. Ковалевский; с предисл. и под ред. Г.Д. Дубелира. – Киев: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1916. – 169 с.
41. Kropotkin P.A. Fields, factories, and workshops / P.A. Kropotkin. – Boston: Houghton, Mifflin & Co., 1899. – 315 p.
42. Вершинина И.А. Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века. Дисс. ... д-ра социол. наук. – М.: МГУ, 2022. – 437 с.
43. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства / Л.А. Велихов. – М., Ленинград: Гос. изд-во, 1928. – 468 с.
3. Vershinina I.A., Polyakova N.L. Projects for the future of Moscow: architectural debates of the 1920–1930s // Abyss (Questions of philosophy, political science and social anthropology). 2023. No. 4. pp. 30–44.
4. Arsenyev K.I. Hydrographic and statistical description of the cities of the Russian Empire, showing all the changes that occurred in the composition and number of them over two centuries, from the beginning of the 17th century to the present // Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1832. Part VII. No. 7. pp. 1–48.
5. Arsenyev K.I. Hydrographic and statistical description of the cities of the Russian Empire, showing all the changes that occurred in the composition and number of them over two centuries, from the beginning of the 17th century to the present // Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1832. Part VI. No. 3. P. 5–28.
6. Arsenyev K.I. Hydrographic and statistical description of the cities of the Russian Empire, showing all the changes that occurred in the composition and number of them over two centuries, from the beginning of the 17th century to the present // Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1832. Part VI. No. 4. pp. 1–25.
7. Certificate of rights and benefits to the cities of the Russian Empire. April 21, 1785 // Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 T. Legislation during the heyday of absolutism / Rep. ed. E.I. Indova. – M.: Legal literature, 1987. T. 5. – P. 68–129.
8. Dityatin I.I. Structure and management of Russian cities: in 2 T. / I.I. Dityatin. – St. Petersburg.; Yaroslavl: Printing house P.P. Merkulyeva: Printing house G.V. Falk, 1875–1877.
9. Gradovsky A.D. History of local government in Russia / A.D. Gradovsky. – St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1899. – 492 p.
10. Arsenyev K.I. Outlining the statistics of the Russian state: in 2 parts / K.I. Arsenyev. – St. Petersburg: Printing house of the Imperial Orphanage, 1818. Part 1. On the state of the people. – 245 p.
11. Tugan-Baranovsky M.I. Russian factory in the past and present. Historical and economic research / M.I. Tugan-Baranovsky. – St. Petersburg: Publishing house. L.F. Panteleeva, 1898. – 496 p.
12. Rozhkov N.A. City and village in Russian history. Brief outline of the economic history of Russia / N.A. Rozhkov. – St. Petersburg: Printing house I.N. Skorokhodova, 1902. – 84 p.
13. Semenov-tyan-Shansky V.P. Town and village in European Russia. Essay on economic geography / V.P. Semenov-tyan-Shansky. – St. Petersburg: Printing house V.F. Kirshbaum, 1910. – 212 p.
14. Arsenyev K.I. Hydrographic and statistical description of the cities of the Russian Empire, showing all the changes that occurred in the composition and number of them over two centuries, from the beginning of the 17th century to the present // Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1832. Part VII. No. 9. pp. 1–40.
15. Zagorsky S.O., Shrader G.I. City // Encyclopedic Dictionary of the T-va "Br. A. and I. Granat and Co." In 58 T. / Ed.V. Ya. Zheleznova, M.M. Kovalevsky, S.A. Muromtseva and others. 7th ed., revised. – M.: T-vo "Br. A. and I. Granat and Co., 1912. T. 16. – P. 1–79.
16. General geographical and statistical pocket atlas / A.L. Gikman, A.F. Marx; 3rd ed., rev. and additional – St. Petersburg: Publishing House A.F. Marx, 1908. – 76 p.
17. Isaev A.A. Big cities and their influence on public life / A.A. Isaev. – Yaroslavl: Printing house G.V. Falk, 1887. – 75 p.
18. Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. Modernity and the process of individualization: historical destinies of the modernist individual / Yu.A. Kimelev, N.L. Polyakova. – M.: IIC "Praxis", 2017. – 492 p.
19. Kovalevsky M.M. Mass movements of residents, their influx into cities and ebb into villages. A study from the field of social dynamics // Vandervelde E. Village departure and return to the bosom of nature / E. Vandervelde; lane With. fr. Yu. Steklova. – Odessa: Publishing house VI. Raspopova, 1904. – P. V–XXIV.
20. Ziber N.I. Housing issue in big cities (beginning) // Legal Bulletin. 1886. T. 21. No. 1. P. 27–49.
21. Ziber N.I. Housing issue in big cities (end) // Legal Bulletin. 1886. T. 21. No. 2. P. 269–290.

FEATURES OF RUSSIAN URBAN SOCIOLOGY FORMATION AND DEVELOPMENT IN XIX – EARLY XX CENTURY

Guguev D.K.

Lomonosov Moscow State University

Russian urban sociology origins arose in the first half of the XIX century, when sociological knowledge about urban life was formed by scientists carrying out statistical surveys of the Russian Empire territories. Russian urban sociology itself was actively developing in the second half of the XIX century, especially at the turn of the XIX–XX centuries. At this time, Russia shared with Western countries the common urban context associated with the growth of big cities. At this stage of its development, Russian urban sociology was closely connected with and influenced by Western urban sociology that is explained by the similar research orientation of both. The article also records that there was a specificity in the development of urban issues in our country, that was due to the influence of ideological and political factors taking place during the period under consideration.

Keywords: Russian urban sociology, Western urban sociology, urbanization, modernization, big city, anti-urbanism, Garden city.

References

1. Osipova N.G. Past, present and future of theoretical sociology in Russia // Bulletin of Moscow University. Episode 18: Sociology and political science. 2015. No. 2. P. 5–28.
2. Zborovsky G.E. History of sociology: the classical stage / G.E. Zborovsky; state education institution of higher education prof. education of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra "Surgut. state ped. University"; Ural. federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 2nd ed. corr. and additional – Surgut; Ekaterinburg: RIO SurGPU, 2014. – 211 p.

22. Engels F. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigener Anschauung und authentischen Quellen / F. Engels. – Leipzig: Wigand, 1845. – 358 s.
23. Tarde G. Les lois de L'imitation: étude sociologique / G. Tarde. – Paris: Félix Alcan, 1890. – 431 p.
24. Veblen T. The theory of the leisure class. An economic study in the evolution of institutions / T. Veblen. – New York, London: The Macmillan Company; Macmillan & Co. Ltd, 1899. – 400 p.
25. Simmel G. Big cities and spiritual life // Big cities, their social, political and economic significance. Collection of articles by prof. K. Bücher, G. Mayr, G. Simmel, G. Bentig, T. Petermann and D. Schäfer. – St. Petersburg: Publishing House "Enlightenment", 1905. – P. 117–136.
26. Tolstoy L.N. From the memory of the census // Russian wealth. 1885. No. 9. pp. 129–143.
27. Isaev A.A. Questions of Sociology / A.A. Isaev. – St. Petersburg: Publication of "Bulletin of Knowledge" (V.V. Bitner), 1906. – 240 p.
28. Gornova G.V. Urbanism and anti-urbanism in Russian philosophy // Bulletin of MGUKI. 2010. No. 3. P. 59–64.
29. Isaev A.A. About socialism of our days / A.A. Isaev. – Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf (G.M.B.H.), 1902. – 524 p.
30. Danilov F.A. Views of socialist parties on public self-government. Communal programs of German Social Democrats and French Socialists. Project of a communal program for Russian cities / F.A. Danilov. – M.: Printing house F. Ya. Burche, 1906. – 64 p.
31. Zagryatskov M.D. Social activities of city government in the West. Vol. I. Problems of municipalization / M.D. Zagryatskov. – Kyiv: Printing house Imp. University of St. Vladimir JSC furnace and ed. case N.T. Korczak-Novitsky, 1906. – 68 p.
32. Kurchinsky M.A. Municipal socialism and the development of urban life / M.A. Kurchinsky. – St. Petersburg: Brockhaus-Efron, 1907. – 110 p.
33. Howard E. Garden cities of tomorrow / E. Howard. – London: S. Sonnenschein & Co., Ltd. 1902. – 167 p.
34. Howard E. Cities of the Future / E. Howard; lane from English A. Yu. Flea; with a preface author and translator to Russian. ed. and 5 diagrams. – St. Petersburg: Printing house of the T-va "Society." Benefit", 1911. – 176 p.
35. Protopopov D.D. Cities of the future // Urban affairs. 1909. No. 18.
36. Ensh A.K. Garden cities (cities of the future) / A.K. Ensh. – St. Petersburg: St. Petersburg Printing House. City authorities, 1910. – 49 p.
37. Semenov V.N. Urban improvement / V.N. Semenov. – M.: Printing house P.P. Ryabushinsky, 1912. – 184 p.
38. Dadonov V. Socialism without politics: garden cities of the future in the present / V. Dadonov. – M.: Printing house of the literary partnership I.N. Kushnerev and K^o, 1913. – 120 p.
39. Mizhnev P.G. Garden cities and the housing issue in England / P.G. Mizhnev. – Pg.: T-vo A.S. Suvorin "New Time", 1916. – 496 p.
40. Kovalevsky G.P. Big city and garden cities. A manual for workers in the mountains. and earth business and students / G.P. Kovalevsky; with a preface and ed. G.D. Dubelira. – Kyiv: Printing house T-va I.N. Kushnerev and Co., 1916. – 169 p.
41. Kropotkin P.A. Fields, factories, and workshops / P.A. Kropotkin. – Boston: Houghton, Mifflin & Co., 1899. – 315 p.
42. Vershinina I.A. Western concepts of the city and urbanization in the sociology of the second half of the 20th – early 21st centuries. Diss. ... Doctor of Sociol. Sci. – M.: MSU, 2022. – 437 p.
43. Velikhov L.A. Fundamentals of urban management. General teaching about the city, its management, finances and economic methods / L.A. Velikhov. – M., Leningrad: State. publishing house, 1928. – 468 p.

Вопросы поддержки молодых семей в жилищной сфере (на примере Иркутской области)

Москвитина Наталья Владимировна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: nata.likm@mail.ru

В статье проводится анализ демографического воспроизводства в Иркутской области. На примере поддержки молодых семей в жилищной сфере реализуемой в разных регионах РФ, показывается связь с социальным и демографическим воспроизводством. Приводятся результаты исследования молодых семей, которые потенциально могут участвовать в программах поддержки молодых семей в Иркутской области. Анализируются причины их неучастия в данных программах. Формируются общие рекомендации по изменению программ поддержки молодых семей в жилье.

Ключевые слова: молодая семья, демография, поддержка семьи, жилье, жилищная сфера.

В России ежегодно снижается коэффициент рождаемости (2015 г. – 13,3, 2020 г. – 9,8, 2024 г. – 8,3 [1]) и Иркутской области (2015 г. – 15,3, 2020 г. – 11,3, 2024 г. – 9,4 [1]), в частности, а также причинами данной тенденции. Категорией населения, от которой в большей степени зависит данный показатель, выступает именно молодая семья, так как возраст граждан, относящихся к ней, варьируется от 18 до 35 лет. Другими словами, именно на данный период приходится наиболее благоприятный детородный возраст. К сожалению, не многие молодые люди спешат создавать семью и тем более рожать ребенка. Основной причиной данного фактора является несостоятельность молодежи в материальной обеспеченности. А именно отсутствие личного жилья и низкий уровень дохода для удовлетворения личных потребностей, не говоря уже об обеспечении будущего ребенка.

На сегодняшний день настоящая проблема является одной из приоритетных в социально-экономической политике развития Российской Федерации. Несмотря на то, что в нашей стране существует множество мер поддержки молодых семей, в том числе в жилищной сфере, тенденция спадающей рождаемости остается актуальной. Об этом также было упомянуто на одном из мероприятий Совета Федерации РФ, посвященном системе государственной поддержки молодых семей и ее совершенствованию [2]. Этот же вопрос был поднят и Президентом России в послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, где он также упомянул о новом национальном проекте, полностью посвященном институту семьи, реализация которого начнется с 2025 года [3]. Наряду с этим, 2024 год, согласно Указу Президента РФ от 22 ноября 2023 года № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», был объявлен в России годом семьи, что также подтверждает остроту вопроса демографического положения нашего государства и подчеркивает важность данного социального института и его существующих проблем [4]. При этом, на наш взгляд, решение вышеупомянутых задач нужно начинать именно на региональном уровне. И в нашем случае исследуемым субъектом является Иркутская область.

Экспертами Организации объединенных наций (ООН) понятие «семья» было определено в следующей интерпретации: «это группа, состоящая из двух или большего числа совместно проживающих лиц, ведущих общее хозяйство с целью обеспечения продовольствием или другими пред-

метами первой необходимости и определенным образом связанных кровным родством, усыновлением детей или брачными узами (включая гражданские браки)» [47, с. 8].

В законодательстве Российской Федерации, а именно в Семейном кодексе Российской Федерации, определение понятия «семья» не установлено, но имеется общее описание [3]. Чёткое определение «семьи» в законодательстве РФ дается в Федеральном законе от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». В соответствии с данным нормативно-правовым актом, семьей считаются лица, которые вместе проживают на одной жилой площади, ведут совместный хозяйский быт и связаны родственными узами и/или свойством. Исходя из нормативно-правовой базы России, мы можем сформулировать следующее определение: семья – это добровольный, равноправный брачный союз, заключенный между женщиной и женщиной и официально зарегистрированный в органах записи акта гражданского состояния (ЗАГС), согласно порядку, установленному законодательством Российской Федерации и который строится на взаимопонимании, любви и согласии, предполагает совместное воспитание детей и не допускает ограничения прав кого-либо из членов семьи [6].

Из упомянутых выше определений мы можем выделить законодательно установленные признаки семьи:

- 1) совместное проживание двух и более людей;
- 2) родственные связи / кровное родство;
- 3) официально заключенный в соответствующем государственном органе брачный союз мужчины и женщины;
- 4) совместное ведение хозяйства;
- 5) равноправие.

Раскроем термин «молодая семья». На территории России такое определение существует лишь с относительно недавних пор. Впервые в законодательстве Российской Федерации термин «молодая семья» было закреплено только в последнем десятилетии прошлого века. В Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 03 июня 1993 г. № 5090–1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» молодая семья обозначена как семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста, а также неполная семья с детьми, в которой мать или отец не достигли 30-летнего возраста.

Исходя из Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике», мы можем дать следующее определение «молодой семье»: к молодой семье относятся мужчина и женщина, заключившие официальный брачный союз в соответствии с законодательством Россий-

ской Федерации, в том числе те, у которых имеется один ребенок или более, либо один из родителей с ребенком (детьми), в возрасте до 35 лет включительно.

Следовательно, из данного определения мы можем вынести следующие признаки молодой семьи:

- 1) официально заключенный брачный союз или официально оформленная неполная семья с одним или несколькими детьми;
- 2) возраст супругов или родителя (усыновителя) в неполной семье не более 35 лет.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что единственным отличительным признаком молодой семьи является лишь возраст супругов или родителя в случае неполной семьи. Понятие «молодая семья», в понимании отечественных ученых, это одна из стадий становления семьи, обусловленных временными рамками в отношении продолжительности брака.

В вопросах теоретического осмысления поддержки молодых семей нет единства мнений. Среди трудностей демографического воспроизводства ряд авторов указывает на изменения в уровне иррациональности сознания современников (Р.Г. Ардашев [5, 6]), новых формах моральных авторитетов (П.А. Баев [7]), особых условиях демографического развития Восточной Сибири (Р.В. Иванов [8, 9]), особенностей семейной политики и демографического воспроизводства в целом (О.А. Полюшкевич [10–12]).

Реализация государственной поддержки молодых семей в вопросах обеспечения жилья и жилищных условий в субъектах Российской Федерации

Как уже было сказано ранее, тенденция снижающегося коэффициента рождаемости сохраняется в России уже на протяжении нескольких лет, а именно с 2015 года. Тем не менее, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, в некоторых субъектах за период с 2023 года по март 2024 года наблюдается повышение вышеуказанного коэффициента. В числе таких субъектов оказались Рязанская область (2023 г. – к.р. составил 5,8, в марте 2024 г. – 6,0), Астраханская область (2023 г. – к.р. составил 9,6, в марте 2024 г. – 10,1) и Хабаровский край (2023 г. – к.р. составил 8,8, в марте 2024 г. – 9,1). Для того чтобы сделать наиболее точные предположения относительно положительной динамики рассматриваемого коэффициента, проведем микроанализ данных регионов в рамках темы нашего исследования. Для сравнения предлагаем рассмотреть следующие показатели.

1. Общая численность населения субъекта – данный критерий позволит нам оценить масштаб расходов в социальной сфере.

2. Численность молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий и численность семей, которые смогли получить данный вид поддержки от государства – настоящий фактор позволит нам увидеть потребность региона в реализации государственной программы, направленной на решение вопросов жилищного обеспечения молодых семей, и провести сравнение с Иркутской областью в процентном соотношении.
3. Общий бюджет региона: собственные доходы, безвозмездные поступления – данный показатель позволит увидеть, насколько самостоятельным является рассматриваемый регион, а также провести сравнение с показателями Иркутской области.
4. Меры поддержки молодых семей в жилищной сфере, включая размер регионального материнского капитала – так мы сможем оценить, насколько равные усилия прилагаются со стороны региональной власти в решении вопроса рождаемости.

Сравнительный анализ будет проводиться по итогам 2022 года.

Начнем с Центрального федерального округа (ЦФО), а именно с Рязанской области. Численность населения данного субъекта приравнивается к численности города-миллионника и составляет всего 1 098 579 человек или 46,48% по отношению к показателям Иркутской области. При этом численность молодых семей, которые нуждаются в улучшении жилищных условий в 2022 году, составила 1577 семей, что составило 105,7% относительно 2021 года – данный факт может сказать нам об увеличении и коэффициента бракосочетаний, в том числе и среди молодежи – и 23,07% от численности молодых семей Иркутской области – безусловно, определяющую роль в такой разнице играет различие в численности населения, но если рассматривать данный фактор более углубленно, то можно предположить, что в Рязанской области большая часть молодых семей уже имеет благоприятные жилищные условия, включая личную жилплощадь, или же большая часть населения данного региона относится к категории, выходящей за рамки молодой семьи. Улучшить свои жилищные условия, по итогам того же года, смогли лишь 112 семей, что составило 7,1% от общего количества нуждающихся семей – что на первый взгляд кажется очень мало, но если мы рассмотрим бюджет данного субъекта, то поймем, что это достаточно хороший результат, – 106,67% к результатам 2021 года, а значит, что система рязанских органов власти модернизирует механизмы своей деятельности в социальном направлении, и 22,95% к такому же показателю региону Сибирского федерального округа (СФО) – при этом в сопоставлении одного и того же показателя, а именно процент семей, решивших вопрос жилищного обеспечения, от общей численности мо-

лодых, нуждающихся в этом, оба субъекта будут приблизительно равны – 7,1% (Р.о.) и 7,14% (И.о.) Так, мы можем увидеть положительную динамику ведения социальной политики Рязанской области в отношении молодых семей. А относительно Иркутской области, масштаб деятельности Рязанской значительно меньше, но лишь по численному критерию.

Далее рассмотрим доходную часть бюджета субъекта ЦФО. По итогам 2022 года бюджет Рязанской области составил 93 607 450 400 рублей – что более чем в 2 раза, меньше бюджета Иркутской области – из них безвозмездные поступления 29 621 537 200 рублей или 31,64% от всего дохода бюджета – бюджет нашего субъекта будет более самостоятельным, но лишь на 2,5%. Бюджет по результатам 2022 года был профицитным (2,94 млрд руб. или 4,59% от бюджета), как и в Иркутской области, но с разницей менее, чем в 1%.

Что касается мер поддержки, на территории Рязанской области в рамках государственной программы субъекта «Развитие образования и молодежной политики» с 2014 года действует подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей», выплату целенаправленных денежных средств для молодой семьи. Рамки использования такого пособия строго ограничены и действуют лишь для приобретения личной жилплощади. Расчет жилищной субсидии идет из количества членов семьи и средней стоимости жилого помещения площадью, положенной по нормам законодательства области, а именно 12 кв.м. на одного члена семьи. Вместе с этим действует подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей Рязанской области», реализуемая в рамках региональной программы «Реализация молодежной политики». Согласно данной программе, молодые семьи, не имеющие детей, но нуждающиеся в личном жилом помещении, могут получить государственную поддержку в виде социальной выплаты на приобретение жилья: размер субсидии для семей без детей равен 30%, в то время как размер субсидии для семей с детьми равен 35% от расчетной стоимости жилья. Стоит также отметить, что в нормативно-правовых актах реализуемых программ Рязанской области предусмотрено взаимодействие органов региональной власти с молодыми семьями реализации программы посредством деятельности органов власти муниципального уровня.

Также в Рязанской области действует региональный материнский (семейный) капитал, право на который семьи получают лишь после рождения третьего и последующих детей и размер которого в 2023 году составил 82 197,50 рублей, в то время, как в Иркутской области он равен в аналогичном году он был равен 130 438,24 рублям – почти в два раза больше, но вспомним, что бюджет Рязанской области составляет лишь треть от бюджета нашего субъекта, следовательно, данная выплата для

региона ЦФО является более ценной и значимой для региональной власти и самого бюджета.

Исходя из вышеизложенных данных, мы можем сделать вывод о том, что в пропорциональном соотношении деятельность органов власти Рязанской области, а также ее ресурсы по итогам 2022 года оказались примерно равными аналогичным показателям Иркутской области. Следовательно, и возможности по реализации государственной поддержки молодых семей в жилищной сфере также приблизительно равны, но при этом результат все же отличается: в регионе Сибири коэффициент рождаемости падает, в то время как в Рязанской области постепенно растет. Однако, не будем забывать, что в нашем регионе данный коэффициент составляет 9,4 человек на 1000 человек населения, а на территории региона ЦФО – 6,0 человек. На 1000 человек населения.

Далее перейдем к Дальневосточному федеральному округу, а именно к Хабаровскому краю. Как уже было сказано ранее, данный регион является одним из немногих, где коэффициент рождаемости имеет положительную динамику. Как и с предыдущим регионом, начнем с численности населения рассматриваемого субъекта. В 2022 году на территории Хабаровского края проживало 1 298 978 человек или 54,96% от численности населения Иркутской области к аналогичному периоду. При этом численность молодых семей, которым требуется помощь в решении жилищной проблемы, значительно меньше 1 230 семей или 17,99% от численности семей сибирского региона. В данном случае будут аналогичные предыдущему примеру предположения: 1 – материальное положение молодых семей в большей степени находится на высоком уровне, а потому они не нуждаются в государственной поддержке; 2 – процент молодежи от общей численности населения находится на достаточно низком уровне, а потому в данном крае меньше и численность молодых семей в целом; 3 – информированность граждан о реализуемых мерах поддержки в жилищных вопросах действует в достаточно узком кругу населения, а на коэффициент рождаемости действуют иные факторы. Однако, численность семей, которые смогли получить поддержку от государства в решении жилищного вопроса, выше предыдущего рассматриваемого субъекта и Иркутской области несколько больше чем в два раза – 203 семьи или 16,5% от общей численности нуждающихся. В данном случае мы можем предположить, что региональная политика Хабаровского края более ориентирована на развитие и поддержку молодой семьи, но для подтверждения данного суждения требуется исследование и других влияющих факторов. А также есть вероятность, что уровень этого критерия высок лишь из-за того, что общая численность молодых семей в регионе ниже средней, следовательно, и потребность на различные социальные выплаты тоже ниже, а потому

у представителей государственной власти субъекта имеется возможность направить средства именно на решение жилищных проблем молодых семей. Далее предлагаем рассмотреть бюджет Дальневосточного края. По результатам 2022 года доходная часть бюджета была исполнена в размере 160 140 099 050 рублей – это чуть больше половины от бюджета Иркутской области – 57,88%. Бюджет в прошедшем году также оказался профицитным (3,01 млрд руб. или 1,88% от бюджета), но почти ровно в два раза меньше, чем было в нашей области (3,79% от бюджета). Но, согласно бюджетной росписи, бюджет края на 2022 год ожидался быть дефицитным, но по итогу расходы оказались меньше запланированных, при этом расходы на социальные выплаты были несколько выше запланированных, следовательно, к данной сфере краевая власть подходит достаточно ответственно.

Рассмотрим меры поддержки молодых семей, осуществляемые в регионе ДФО. Как и на территории всей России, в Хабаровском крае реализуется государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», согласно которой действует краевая программа «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае». Условия участия в данной программе, а также ее цели абсолютно идентичны тем, что обозначены в государственной программе РФ, о которой мы уже говорили ранее. Единственное новшество, добавленное региональной властью, – это обязательное проживание семьи на территории определенного муниципального образования субъекта, где покупается или строится жилье. На данный момент прием заявлений на участие в программе приостановлен. Наряду с этим, в рассматриваемом субъекте предусмотрены краевые льготные ипотеки. Это следующее.

1. Семейная ипотека – 6% годовых и размер первоначального взноса не менее 15%, распространяется на жилье в новостройках, а также жилье вторичного рынка в сельской местности. Главное условие – наличие ребенка, дата рождения которого приходится на период с 01 января 2018 г. по 31 декабря 2023 г.
2. Сельская ипотека – до 3% годовых и не менее 10% первоначального взноса. Обязательное условие – жилье и постоянная регистрация на сельской территории.
3. Дальневосточная ипотека – до 2% годовых, и не менее 15% первоначального взноса. Обязательное условие – проживание на территории Хабаровского края. Однако, воспользоваться такой ипотекой могут лишь определенные категории граждан, включая молодые семьи и др.

Также на территории края действует программа «Дальневосточный гектар», согласно которой, граждане могут получить земельный участок для

строительства собственного дома. Первоначально участок выдается по пятилетнему договору безвозмездного пользования, а в дальнейшем он может быть приватизирован в собственность или взят в аренду на долгосрочный период.

Вместе с этим для жителей региона существует система налогового вычета при строительстве и чистовой отделки жилья, лимит которой составляет 13% от 3 миллионов рублей.

Возможно, благодаря такому обширному списку ипотечных программ, в Хабаровском крае полностью отсутствует такой вид поддержки, как региональный материнский (семейный) капитал. Но несмотря на это, коэффициент рождаемости находится почти на уровне коэффициента Иркутской области и при этом постепенно увеличивается.

Исходя из вышесказанного, мы можем сказать, что поддержка молодых семей Хабаровского края действует на достаточно высоком уровне. Также предположение о небольшой составляющей населения в возрасте от 18 до 35 лет (то есть потенциально относящейся к категории молодой семьи) может быть верным, поскольку многие программы направлены в том числе и на привлечение молодых специалистов на территорию края, включая учителей и медицинских работников. Также стоит отметить и высокую эффективность в деятельности по обеспечению молодых семей жильем, а именно по реализации соответствующих программ. Как уже было сказано ранее, процент численности семей, получивших государственную поддержку, от общей численности молодых семей, нуждающихся в этом, значительно выше, чем в двух других рассматриваемых регионах и в Иркутской области.

И напоследок предлагаем изучить меры государственной поддержки молодых семей в вопросах жилищного обеспечения Астраханской области. Также напомним, что коэффициент рождаемости в марте 2024 года в регионе Южного федерального округа составил 10,1 человек на 1000 человек населения, в то время как в Иркутской области он равен 9,4 человек на 1000 человек населения (буквально в прошлом году данный показатель был равен 10,2 чел./1000 чел.н.).

Общая численность населения Астраханской области в 2022 году не достигла даже уровня города-миллионника и составила всего 989 430 человек или 41,86% от численности населения Иркутской области [64]. Несмотря на такую разницу по населению с уже рассмотренными регионами, численность молодых семей, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, ненамного ниже аналогичного показателя Хабаровского края (90,73%), а именно 1116 семей или 91,7% от показателя предшествующего года и 16,33% от показателя Иркутской области. Вполне вероятно, что общая численность молодых семей в данном регионе в тот период была отно-

сительно стабильной, то есть численность нуждающихся в решении жилищных проблем семей уменьшалась за счет того, что новых семейных пар, которым была бы необходима данная поддержка, было меньше по отношению к тем, кто получал поддержку государства. Но возможно, что и просто молодые семейные пары покидали регион, а потому и на учет в качестве нуждающихся было гораздо меньше претендентов. Также численность семей, улучшивших свои жилищные условия, за тот период оказалась достаточно мала по отношению к другим регионам: всего 60 семей или 5,38% от общей численности нуждающихся в поддержке, и 12,3% от показателя нашей области. Полагаем, что в данном результате свою роль мог сыграть размер областного бюджета, а также направления и их приоритетность в реализации. Именно его предлагаем рассмотреть далее. Его размер по итогам 2022 года составил 81 246 039 999,02 рублей или 29,37% от бюджета Иркутской области. Даже в пропорциональном соотношении бюджет регионов Южного и Центрального ФО ниже, чем в регионах Дальневосточного и Сибирского ФО. Основная причина данного явления, безусловно, кроется в климатических условиях, которые преобладают на территории упомянутых регионов. Безвозмездные поступления так же, как и в предыдущих субъектах, составляют около трети бюджета – 32,33%. При этом бюджетный профицит в этом случае равен 9,44% от общей суммы, а именно 5,18 млрд руб. Уровень доходов оказался несколько выше запланированного, в то время как уровень расходов, напротив, оказался ниже запланированного почти на 10%. Расходы на социальную политику оказались исполненными на 96,4%, а значит, и отклонения были незначительными и, возможно, связанными с прогнозируемыми данными.

Что касается мер государственной поддержки молодых семей, то основной такой мерой является областная программа «Обеспечение жильем молодых семей», которая реализуется в государственной программе России «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», о которой уже неоднократно говорилось ранее. Условия участия в данной программе также соответствуют общероссийским. Также на территории Астраханской области с 2017 года отсутствует выплата регионального материнского (семейного) капитала.

Таким образом, мы можем предположить, что ключевым преимуществом Астраханской области является географическое положение с благоприятными климатическими условиями и, возможно, пониженные ценовые тарифы в сравнении с другими регионами, которые также могут зависеть от общей численности населения региона и его территории (размера и расположения).

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем сказать о том, что у каждого рассмотренного ранее региона имеется свое преимущество друг перед другом: Рязанская область находится вблизи нашей Российской столицы, что также может сказаться на привлечении населения в регион; Хабаровский край богат системой льготного ипотечного кредитования, а также он может быть привлекательным и возможностью высокого заработка за счет развития ресурсодобывающей промышленности; Астраханская область – достаточно маленький по своей населенности регион, находящийся в южной части России. В данном случае Иркутской области сложно конкурировать с перечисленными субъектами, потому как ее площадь и численность населения в разы больше, а значит и уровень расходов будет значительно выше. Также с учетом достаточно суровых климатических условий и относительно высоких тарифов и ценовой политики в продовольственной сфере сибирскому региону достаточно сложно привлечь молодежь и другие категории населения для постоянного проживания. Вместе с этим сложно и обеспечить достаточно благоприятные условия в социальной сфере, в том числе и для молодых семей, несмотря на реализацию различных мер государственной поддержки, рассчитывать на которую также могут далеко не все.

Результаты исследования поддержки молодых семей в Иркутской области

В рамках настоящего исследования было проведено анкетирование молодежи и граждан, несколько перешедших возрастной порог данной категории, направленное на уровень информированности населения о реализации государственной поддержки молодых семей в Иркутской области, включая подпрограмму «Молодым семьям – доступное жилье». Участие в анкетировании приняли 102 человека, что позволило нам получить более точную информацию. Так, согласно полученным результатам, 14,7% или 15 опрошенных были даже не знакомы с определением «молодая семья», что свидетельствует или о незаинтересованности этих людей в реализации существующей на территории России и Иркутской области семейной политике, или же о несовершенстве информационной системы органов государственной власти, отвечающих за связь с общественностью и информированием населения о ведении государственной политики.

Вместе с этим, в ответе на вопрос об определении «молодой семьи» около 90% опрошенных отмечали именно возрастные ограничения супругов, однако далеко не все знакомы с законодательно закрепленными возрастными границами. По результатам ответов, максимальный возраст, по которому семьи относятся к категории «молодая семья», варьировался от 28 до 40 лет. Лишь около 4% респондентов озвучили срок, прошедший по-

сле заключения брака (от 3 до 5 лет). Также были и те, кто не смог дать свое определение – 10 человек. Следовательно, мы можем сказать о низкой популяризации института молодой семьи, а также ее особенностей в обществе.

Из 102 человек опрошенных лишь 44,1% (45 человек) смогли отнести себя к категории «молодая семья», остальные респонденты либо не состоят в официальном браке (лишь 36,3% состоят в официальном брачном союзе), либо уже превысили возрастной порог в 35 лет (10,8%) двое опрошенных в настоящий момент еще не достигли возраста 18 лет.

О системе мер государственной поддержки молодых семей неосведомленными оказались 20,6% или 21 человек. Данный факт также может свидетельствовать о скептицизме молодежи в возможности получить какую-либо государственную поддержку, в следствие чего пропадает и необходимость в поиске информации подобного рода. Однако из перечисленных нами способов поддержки молодых семей самым популярным оказался федеральный материнский капитал: о нем оказалось известно 95 респондентам из 102. Несмотря на популяризацию данной меры поддержки, имеются граждане, которым о ней не известно. На втором месте оказалось единое пособие по беременности и родам, а также по уходу за ребенком – 61 человек. И на третьем месте оказались меры поддержки в приобретении жилья – 59 человек. Но оказались и такие, кто не слышал ни об одной из указанных мер – таких оказалось 4 человека. По результатам данного вопроса уже можно сказать о необходимости внедрения универсального способа информирования населения о реализуемой государственной политике в сфере поддержки молодых семей, включая вопросы жилищного обеспечения.

Как показало исследование, в данный момент универсального источника информирования на территории Иркутской области нет. В анкете были указаны источники и получены следующие результаты: открытая сеть «Интернет» – 32,6%, социальные сети – 24,3%, друзья или родственники – 22,5%, портал «Госуслуги» – 11,5%, сотрудники социальной службы – 3,2%, официальная рассылка на электронную почту – 2,8%, а также другие источники – 3,2% (среди них оказались знания, полученные в университете, опыт работы в соответствующей сфере и мимолетный разговор среди знакомых). Исходя из вышеприведенного анализа, мы можем обозначить проблему эффективности методов информирования населения о существующих методах социальной поддержки на федеральном уровне.

Также преобладающая численность опрошенных в данный момент не имеет детей, их доля составила 54,9%. Основной причиной настоящего факта является недостаточный уровень материальной обеспеченности опрошенных на сегодняш-

ний день, включая отсутствие личного жилья. При этом желание создания семьи и рождения ребенка у респондентов, не имеющих детей, присутствует, но пока лишь в долгосрочной перспективе. В данном случае мы можем говорить о такой проблеме молодежи, как низкий уровень доходов, не позволяющий обеспечить ребенка на должном уровне, а потому являющимся препятствием к созданию семьи на ранних этапах становления.

В ходе анкетирования также были выявлены причины, по которым, по мнению респондентов, молодежь не может воспользоваться предлагаемыми государством мерами поддержки. В первую очередь, это ряд критериев, под которые подходят далеко не многие представители данной категории граждан, несмотря на существование определенных проблем. Далее были названы бюрократические трудности, возникающие при оформлении какого-либо вида льгот, включая сроки, требуемые для получения уже оформленной меры поддержки, также обусловленными возможностями федерального и областного бюджетов. Также было выдвинуто предположение о том, что молодым семьям без детей практически невозможно получить какую-либо поддержку именно ввиду отсутствия ребенка. Говоря другими словами, проблемой для молодежи и молодых семей в том числе является сам процесс оформления предоставляемой государством поддержки (бюрократия в органах власти и наличие критериев, значительно сужающих круг семей, имеющих право на поддержку от государства).

Что касается программы Иркутской области «Молодым семьям – доступное жилье», то о ее реализации известно лишь 46,1% опрошенных или 47 респондентам. Основным источником информирования в данном случае стал интернет. В единичных ситуациях источниками стали Администрация города (без уточнения), открытые диалоги с государственными служащими и официальная рассылка. Основной причиной труднодоступности данной программы для молодых семей, по мнению участников анкетирования, является именно незнание о ее реализации, а также условиях участия в ней (см. Приложение 4). Так, мы можем выделить еще одну проблему, а именно систему оповещения граждан Иркутской области, в частности молодежи, об их возможностях, предоставляемых государством, на региональном и, в частности, на муниципальном уровне (основная задача предоставления информации о реализуемой программе лежит на органах местного самоуправления).

Вдобавок к этому, как нам показывает проведенный выше SWOT-анализ деятельности Министерства по молодежной политике Иркутской области в рамках вышеупомянутой программы, на региональном уровне практически отсутствует взаимодействие власти и молодых семей в вопросах жилищного обеспечения, что также явля-

ется одной из проблем, существующих в достижении цели повышения коэффициента рождаемости в области [30].

Подводя итоги, мы можем еще раз сказать о разнообразии мер государственной поддержки, осуществляемых на территории Иркутской области, но, несмотря на это, многие представители категории молодежи, включая молодые семьи, даже не знакомы с ними и не имеют ни малейшего представления о существовании таких мер и уж тем более об условиях участия в них. Это говорит о том, что в целях достижения определенных показателей, установленных концепцией социально-экономического развития региона и страны в целом, в дальнейшем необходимо несколько совершенствовать систему взаимодействия органов власти Иркутской области, включая аналогичную систему органов власти местного самоуправления, по взаимодействию с молодыми семьями и молодежью в целом, которая только готовится к созданию семьи.

Выводы

Начиная с 2007 года и по сегодняшний день, институт семьи является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации. Так, даже 2024 год был объявлен годом семьи. В целях улучшения демографического положения страны на федеральном уровне был разработан ряд государственных проектов и программ, направленных на поддержку института семьи, в том числе и молодых семей. На региональном уровне также были разработаны дополнительные меры в большинстве субъектов РФ.

В динамике коэффициента рождаемости по России и Иркутской области, в частности, данных мер недостаточно. В каждом регионе, и в нашем в том числе, существует ряд проблем, из-за которых государственная семейная политика не может быть реализована в полной мере и с высокой эффективностью. Тем не менее, есть регионы, отличившиеся положительной динамикой данного показателя, например, такие как Рязанская область, Хабаровский край и Астраханская область. Безусловно, нам сложно сравнивать с ними Иркутскую область как минимум по причине размера территории, численности населения (показатели выше в полтора-два раза) и климатическим условиям. Несмотря на это, исследование опыта указанных регионов позволит усовершенствовать социальную политику нашей области.

Формирование семейных ценностей в современном мире – это достаточно трудоемкий процесс, который займет не один год и наверняка даже не пять лет, но его результаты значительно улучшат демографическую ситуацию как в регионе, так и в стране, а также послужат развитию культуры нашего государства. Потому не внимание к данной социальной сфере не должно быть

стихийным. Стихийность каких-либо мер и решений способна дать и аналогичные результаты. Для достижения желаемых показателей следует разработать стабильную и постоянную систему поддержки населения, включая молодежь и молодые семьи, в частности. Также не стоит забывать и про такие простые аспекты, как информирование населения и взаимодействие с ним. Между государством и народом не должно быть большой дистанции, иначе установленные и так желаемые социальные показатели так и останутся недостижимыми.

Литература

1. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за март 2024 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03–2024.htm (дата обращения: 07.07.2024).
2. Совершенствование системы государственной поддержки молодых семей / Круглые столы // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. – 2024. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/143224/> (дата обращения: 07.07.2024).
3. Послание Президента Федеральному Собранию от 29.02.2024 года. – Москва. // Президент России: официальный сайт. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 07.07.2024).
4. О проведении в Российской Федерации Года семьи: указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
6. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
7. Баев П.А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 512–515.
8. Иванов Р.В. Муниципальный маркетинг как ресурс социально-демографического воспроизводства территории // Социально-демографические процессы в XXI веке: кризис, вызовы, стратегии безопасности. сборник научных трудов. Иркутск, 2017. С. 146–151.
9. Иванов Р.В. Социально-демографические результаты реализации проектов по пространственному освоению и развитию Восточной Сибири // Социальный опыт комсомола и его значение для модернизации России. Сборник научных трудов подготовлен в рамках мероприятий, посвященных 100-летию ВЛКСМ. Иркутск, 2018. С. 156–158.
10. Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 221–228.
11. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
12. Полюшкевич О.А. Современная семейная история в цифровом обществе и демографическое воспроизводство // III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Том 2. Секция 2–5. / отв. ред. Н.В. Яковенко. – Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия», 2024. – С. 601–604.

ISSUES OF SUPPORT OF YOUNG FAMILIES IN THE HOUSING SPHERE (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Moskvitina N.V.
Irkutsk State University

The article analyzes demographic reproduction in the Irkutsk region. On the example of support of young families in the housing sphere realized in different regions of the Russian Federation, the connection with social and demographic reproduction is shown. The results of the study of young families who can potentially participate in programs to support young families in the Irkutsk Oblast are given. The reasons for their non-participation in these programs are analyzed. General recommendations for changing the programs of support of young families in housing are formed.

Keywords: young family, demography, family support, housing, housing sphere.

References

1. Natural population movement in the context of the subjects of the Russian Federation for March 2024 // Federal State Statistics Service: official website. 2024. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03–2024.htm (date of reference: 07.07.2024).
2. Improving the system of state support for young families / Round tables // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. – 2024. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/143224/> (date of reference: 07.07.2024).
3. Message of the President to the Federal Assembly of 29.02.2024. – Moscow. // President of Russia: official website. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (date of circulation: 07.07.2024).
4. On holding the Year of the Family in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of November 22, 2023, No. 875.
5. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.

6. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // *Alma Mater (Herald of Higher Education)*. 2021. № 5. С. 31–34.
7. Baev P.A. Expert analysis of moral authorities of modern youth // *Expert institutions in the XXI century: civilizational and digital concepts of the changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, IGU, 2023. С. 512–515.
8. Ivanov R.V. Municipal marketing as a resource of socio-demographic reproduction of the territory // *Socio-demographic processes in the XXI century: crisis, challenges, security strategies*. collection of scientific papers. Irkutsk, 2017. С. 146–151.
9. Ivanov R.V. Socio-demographic results of the implementation of projects for the spatial development of Eastern Siberia // *Social experience of the Komsomol and its importance for the modernization of Russia*. Collection of scientific papers prepared as part of the events dedicated to the 100th anniversary of the Komsomol. Irkutsk, 2018. С. 156–158.
10. Polyushkevich O.A. Family history and identity // *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and positive image of small homeland*. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019. С. 221–228.
11. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // *Sociology*. 2019. № 3. С. 88–92.
12. Polyushkevich O.A. Modern family history in digital society and demographic reproduction // *III-th International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"*. Volume 2. Section 2–5. / ed. by N.V. Yakovenko. – Voronezh: Publishing House "Digital Polygraphy", 2024. – С. 601–604.

Фриланс как вид трудовой занятости на российском рынке труда: социологический анализ

Переселкова Зинаида Юрьевна,

к.и.н., доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет
E-mail: anizz@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформации фриланса как вида нестандартной занятости на российском рынке труда. Показан процесс институционализации фриланса, расширения сфер его применения, консолидация и объединение фриланс-сообщества в России. Развитие информационных и коммуникационных технологий, интернет-банкинга, существенно упростивших поиск и взаимодействие с заказчиками, а также расширение возможностей для быстрой переквалификации работников и освоению ими новых знаний, навыков через онлайн-обучение привели к существенному росту россиян, способных самостоятельно организовывать свой труд. Также можно отметить изменение роли фриланса в жизни его участников. Для большей его части фриланс сегодня является основной формой трудовой занятости, наблюдается устойчивая тенденция к оформлению ими своего юридического статуса.

Ключевые слова: фриланс, самозанятость, рынок труда, нестандартная занятость, интернет-биржа.

Состояние, условия функционирования, а также изменения на рынке занятости оказывают решающее влияние на образовательные и жизненные приоритеты современной молодежи. Новые формы трудовой занятости, возникшие вследствие развития постиндустриального общества и цифровизации социальных процессов, изменили возможности трудовой активности граждан, применения полученных знаний и навыков на практике, профессиональной мобильности и самореализации. Наемный труд по официальному трудовому договору активно замещается на рынке труда самозанятостью, удаленной и платформенной занятостью, фрилансом и аутсорсингом, расширяя прекарризацию труда. По данным ФНС России на середину 2023 года число граждан, оформивших специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (введенный с 1.01.2019 года для самозанятых) превысило 8,5 млн человек, заработано самозанятыми было более 800 млрд рублей, с уплатой налогов в госбюджет 35,5 млрд рублей. Необходимо понимать, что это только число самозанятых, которые официально платят налоги, а сколько из них еще находятся «в тени» подсчитать пока сложно.

Актуальность исследования развития фриланса на рынке труда в России обусловлена его наибольшей институционализацией среди иных форм нестандартной занятости, а также стремлением государства легализовать экономическую деятельность самозанятых граждан и учесть их доходы. Первая интернет-биржа, на которой можно было размещать предложение услуг и искать заказчиков, возникла в России еще в 2005 году (**Freelance.ru**). На ней можно было создать портфолио-визитку, описать свой опыт и приложить работы. Этими страничками фрилансеры активно делились в своих аккаунтах в социальных сетях для привлечения заказчиков. С начала работы биржи произошел рост регистрации фрилансеров с 2264 в 2006 году до 4 937 006 к концу 2021 года [7].

Сегодня поисковик Яндекса показывает свыше ста бирж для российских фрилансеров, происходит их разделение по специализации, создаются отдельные платформы отдельных фриланс-услуг: Dizkon для дизайнеров, Etxt.ru для переводчиков и копирайтеров, Хабр для IT-специалистов, программистов, а также отдельные подборки для новичков, студентов, блогеров и т.д. Исследования сервиса «Авто Услуги» показывают рост в России спроса на фрилансеров в 2023 году (на 399% вы-

росла востребованность у работодателей услуг SMM-специалистов, на 273% стали более востребованы маркетологи, на 129% дизайнеры). «Малый и средний бизнес все чаще обращается за услугами фрилансеров креативных специальностей. Многим предпринимателям может быть выгоднее привлечь специалиста на аутсорсе вместо найма в штат, если услуги таких специалистов нужны проектно, под отдельные задачи», – отмечает руководитель категории «Деловые и хозяйственные услуги» на «Авито Услугах» Александр Семочкин [3].

С 2019 года была организована общественная Национальная гильдия фрилансеров России. Она позиционирует себя как независимое сообщество внештатных экспертов, профессиональных фрилансеров в своих областях, целью деятельности которого является формирование и развитие цивилизованного рынка фриланса в России, консолидация и объединение фриланс-сообщества. На ее площадке организуется ежегодная профессиональная премия фрилансеров «Золотое копье», в рамках которой происходит оценивание работ как отдельных фрилансеров, так и виртуальных фриланс-команд, реализованных ими проектов. С 2020 года, для обмена опытом, проходит ежегодный фриланс-форум «Цифровые воротнички». С целью защиты интеллектуальной собственности и авторских прав на продукты фрилансеров, Национальная гильдия предлагает для создателей произведений интеллектуальной собственности услугу Депозитария, позволяющую при помощи выданного на сервисе свидетельства доказать свое авторство [9].

Большинство исследователей фокусируются на различных аспектах фриланс-деятельности, что позволяет описать характерные черты российского фриланса. Первый социальный портрет русскоговорящих фрилансеров был представлен в работе Стребкова Д.О. и Шевчука А.В., сформированный ими на основе опроса 2008 года. Авторы описали четыре основные категории занятых оказанием фриланс-услуг – штатные работники, студенты, предприниматели и домохозяйки, из которых «чистыми фрилансерами» являлись 22%, а остальные использовали его как форму подработки. В основном фриланс был распространен среди молодежи (79% это люди до 30 лет), среди не имеющих детей (83%) и не состоящих в браке (49%), а также среди людей с высоким уровнем образования (80% фрилансеров на момент опроса имели высшее или неоконченное высшее образование). Треть опрошенных проживала в столице, 11% в Санкт-Петербурге. Среди сфер деятельности лидировали дизайн и графика (43%), разработка и поддержка веб-сайтов (34%), копирайтинг и перевод (21%) [12].

За прошедшее время произошел расширение фриланса как вида трудовой занятости в России, изменились его характеристики. С марта 2020

по февраль 2024 года проводились анонимные опросы русскоговорящих фрилансеров, с привлечением ресурсов и пабликов российских бирж фриланса. В каждом опросе участвовали 1500 человек. Анализ ответов респондентов показал существенное изменение роли фриланса в жизни его участников. Если свое участие на бирже фриланс-услуг пользователи в 2020 году рассматривали преимущественно как форму подработки (75% выбрали этот вариант ответа), то в 2024 для 65% участников этой площадки фриланс уже является основным форматом заработка. Работники, оказывающие фриланс-услуги, за эти период в большей степени стремились к оформлению своего юридического статуса. Так, доля оформленных как самозанятых выросла на 36%, а физических лиц без юридического статуса снизилась на 41%. В 2024 году 35% фрилансеров указали на то, что доходы их выросли (в 2020 году рост доходов подтверждали только 16%) и у 23% они составляют сейчас более 100 тысяч рублей в месяц, в тоже время большинство из них зарабатывают в среднем до 60 тысяч рублей в месяц (62% опрошенных). Самыми распространенными сферами деятельности среди русскоговорящих фрилансеров, предлагающих свои услуги на фриланс-биржах, остаются графический дизайн (26%), IT и разработка (21%), копирайтинг и нейминг (15%). Тройка лидеров городов, которые чаще всего выбирают для жизни и работы российские фрилансеры, это Москва, Санкт-Петербург, Сочи [15].

Развитие и расширение фриланса, его новую направленность, связывают с процессами информатизации и применения цифровых технологий во всех сферах экономической деятельности. Трансформации современного российского рынка труда, под влиянием набирающей обороты цифровизации общества, исследуются в ряде работ отечественных авторов [1, 2, 5, 8]. Выделяют субъективные и объективные параметры, способствующие росту популярности фриланса как вида трудовой занятости. К субъективным можно отнести свободу в выборе места, средств и форм организации своего труда (социологические опросы показывают, что самым главным достоинством фриланса и мотивом перехода на такой вид работы для фрилансеров выступает возможность свободно распоряжаться своим временем и выбирать форму осуществления деятельности, согласно собственным предпочтениям). Объективные причины исходят из возможностей осуществления такого вида трудовой активности, возникших благодаря развитию новых цифровых и коммуникационных технологий во всех сферах общественной жизни (образовательной, производственной, финансовой, сферы услуг и т.д.).

В частности, за последние пять лет в разы выросла доступность получения виртуального (дистанционного) образования, а также профессиональной переподготовки и повышения квалифи-

кации. Самая популярная обучающая онлайн-платформа Skillbox сейчас организует одновременно 787 курсов, обучает 1058 тысяч человек вне зависимости от возраста и географии. С 2021 года Минтруд реализует масштабный проект «Содействие занятости» на портале «Работа в России» по оказанию помощи гражданам бесплатно в получении новой, востребованной профессии или повышении квалификации. Если посмотреть предлагаемые ими образовательные программы, то можно увидеть, что все они дают возможность работать на фрилансе (специалисты IT-сферы, аналитика, маркетинг, финансы, дизайн и т.д.). В результате открывшимся возможностям дистанционного, ускоренного обучения, современная молодежь выбирает не фундаментальное университетское образование, а краткосрочные онлайн-курсы, на которых быстро можно «прокачать необходимые скиллы» и начать работать на «себя». По данным исследования Аналитического центра НАФИ сегодня 74% российской молодежи уверены в том, что освоить новую профессию или получить специализацию без окончания вуза, колледжа или техникума можно, если пройти онлайн-курсы [10].

Ряд авторов выделяют период распространения пандемии Covid-19 в качестве ускорителя распространения фриланса [4, 11]. За два года пандемии и вынужденной самоизоляции российский бизнес научился работать удаленно, с внештатными сотрудниками и оценил их возможности при оказании услуг. Генеральный директор фриланс-биржи Fl.ru Михаил Сысуенков вспоминает, что во время самоизоляции, в 2020 году на бирже зарегистрировались около 1000 новых компаний-заказчиков и с тех пор сохраняется их стабильный прирост порядка 15% ежегодно [6]. Общий прирост фрилансеров за 2020 год составил 76%, заказчиков – 38%. Через год после начала пандемии и снятия ограничений опрос показал, что три четверти россиян не хотят возвращаться на работу в офлайн-режиме, из них половина заявила о желании «остаться на удаленке навсегда», другая половина выбрала гибридный формат [7].

Опрос ВЦИОМ 2022 года показывает самоопределение российскими фрилансерами себя, своего социального статуса. Большая часть относят себя к самозанятым (57%), называют себя бизнесменами 15%. Оценивая фриланс как форму трудовой занятости, россияне выделяют главным его достоинством свободу и независимость, а также возможность зарабатывать больше, чем на официальной работе. Однако ценой такой «свободной» занятости называется отсутствие стабильности и социальных гарантий, сложности с поиском заказов. В результате, половина опрошенных россиян не хотели бы работать на фрилансе (54%), и как привлекательную для себя форму занятости фриланс выбирает 25% [14].

Задача государства состоит в том, чтобы вывести фрилансеров «из тени», для использования его возможностей в минимизировании безработицы и получения стабильных налогов от самозанятых. Поскольку главный недостаток работы на фрилансе связан с нестабильностью, не гарантированностью заказов и доходов, отсутствием социальной защищенности, то устранить его можно только обеспечив на законодательном уровне фрилансерам поддержку, введя ряд гарантий для их труда, возможно через определенные льготы (платежеспособность при выдаче кредитов, учет трудового стажа, специализированные пенсионные фонды и т.д.). Член экспертного совета Гильдии фрилансеров, директор по развитию массовых сервисов QIWI Виктория Кияченко поясняет: «Сейчас государство и рынок сосредоточены на создании комфортной среды для внештатных специалистов через развитие льгот, субсидий, повышение доступности банковских кредитов и развитие других мер финансовой и нефинансовой поддержки. В вопросе социальных гарантий (оплате больничных, декрета) государство склоняется к их предоставлению на добровольной и страховой основе. Чтобы самозанятые чувствовали себя защищенными, бизнес должен развивать и собственные инициативы. Например, актуальна идея о создании негосударственного пенсионного фонда для самозанятых, в пользу которого гиг-платформы могли бы делать отчисления с согласия самозанятого» [13].

Проведенный анализ показал трансформацию фриланса на российском рынке труда из формы дополнительной, временной подработки в вид самостоятельной трудовой занятости. Произошел существенный рост россиян, способных самостоятельно организовывать свой труд, подстраиваться под запросы заказчика и быстро реагировать на спрос, создавая новые продукты и услуги. Этому способствовало развитие информационных и коммуникационных технологий, интернет-банкинга, существенно упростивших поиск и взаимодействие с заказчиками, устранив территориальные и временные границы, а также расширение возможностей для быстрой перекалфикации работников и освоению ими новых знаний, навыков через онлайн-обучение. Катализатором выступила пандемия и вынужденный масштабный уход наемных работников на дистанционную работу, адаптация к ней как самих работников, так и работодателей.

Вследствие льготной налоговой политики государства в отношении самозанятых, постепенно происходит легализация их деятельности, в которой заинтересованы обе стороны. Можно предполагать, что в ближайшие десять лет, малый бизнес, основанный на оказании краткосрочных услуг и самостоятельная занятость могут составить основную конкуренцию наемному труду и будут способствовать с одной стороны снижению уровня безработицы, а с другой стороны налагать на ра-

ботников требования, связанные с необходимостью быть мобильными, организованными, постоянно готовыми к изменениям форм, средств и видов своей трудовой деятельности в условиях негарантированной занятости.

Литература

- Абакумова А.В., Яковлева Е.Е., Альпидовская М.Л. Отчуждение труда в процессе цифровизации социально-экономической системы: проблемы и пути решения // Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. 2022. № 2. С. 93–102.
- Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
- В России почти вдвое вырос спрос на фрилансеров // Газета.ru. 30 ноября 2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/11/30/21824653.shtml> (дата обращения: 12.06.2024).
- Вольф К.В., Бархатов И.В. Фриланс как форма адаптации молодежи к рынку труда в условиях пандемии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10. С. 93–96.
- Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала // Экономика труда. 2019. Том 6. № 3. С. 1093–1104.
- Зарботки российских фрилансеров выросли // Ведомости. 13 ноября 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2023/11/13/1005428-zarabotki-rossiiskih-frilanserov-virosli> (дата обращения: 21.04.2024).
- Как развивался фриланс в России // Национальная гильдия фрилансеров. – URL: <https://www.fl.ru/freelance-history/> (дата обращения: 15.05.2024).
- Матвеева Н.С., Черкасова М.А. Перспективы развития фриланса в условиях современной России // Вестник университета. 2019. № 7. С. 18–25.
- Проекты гильдии // Национальная гильдия фрилансеров. – URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/#projects> (дата обращения: 11.06.2024).
- 74% молодых россиян считают, что онлайн-курсы позволяют освоить новую профессию // НАФИ: аналитический центр. – URL: <https://nafi.ru/analytics/74-molodykh-rossiyan-schitayut-chto-onlayn-kursy-pozvolayut-osvoit-novuyu-professiyu/> (дата обращения: 14.04.2024).
- Семенова Ю.А. Особенность трудовых практик фрилансеров в период пандемии COVID-19 // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4–6. С. 40–46.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 44–55.
- Фрилансер 2021. Цифры уходящего года // Национальная гильдия фрилансеров. – URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/post/issledovanie-frilanser-2021-cifry-uhodyaschego-goda-22> (дата обращения: 15.06.2024).
- Фриланс в России – больше, чем фриланс? // ВЦИОМ. 26 июля 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (дата обращения: 15.05.2024).
- Фриланс и фрилансеры 2020–2024. Цифры и динамика // Национальная гильдия фрилансеров. – URL: <https://гильдия-фрилансеров.рф/post/frilans-i-frilansery-2020-2024-cifry-i-dinamika-95> (дата обращения: 15.06.2024).

FREELANCING AS A TYPE OF EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Pereselkova Z.Yu.
Orenburg State University

The article is devoted to the analysis of the processes of transformation of freelancing as a type of non-standard employment in the Russian labor market. The process of institutionalization of freelancing, expansion of its fields of application, consolidation and unification of the freelance community in Russia is shown. The development of information and communication technologies, Internet banking, which significantly simplified the search and interaction with customers, as well as the expansion of opportunities for rapid retraining of employees and their development of new knowledge and skills through online training have led to a significant increase in Russians who are able to independently organize their work. It is also possible to note the changing role of freelancing in the lives of its participants. For most of it, freelancing is now the main form of employment, and there is a steady trend towards them registering their legal status.

Keywords: freelance, self-employment, labor market, non-standard employment, Internet exchange.

References

- Abakumova A.V., Yakovleva E.E., Alpidovskaya M.L. Alienation of labor in the process of digitalization of the socio-economic system: problems and solutions // Bulletin of SOGU named after K.L. Khetagurova. 2022. No. 2. pp. 93–102.
- Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor guidelines for youth: virtual conditions // Sociology. 2024. No. 5. pp. 31–38.
- In Russia, the demand for freelancers has almost doubled // Gazeta.ru. November 30, 2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/11/30/21824653.shtml> (access date: 06/12/2024).
- Wolf K.V., Barkhatov I.V. Freelancing as a form of youth adaptation to the labor market in a pandemic // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. No. 10. pp. 93–96.
- Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labor attitudes of Russian youth and state assistance in the development and implementation of their labor potential // Labor Economics. 2019. Vol. 6. No. 3. pp. 1093–1104.
- Earnings of Russian freelancers have increased // Vedomosti. November 13, 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2023/11/13/1005428-zarabotki-rossiiskih-frilanserov-virosli> (access date: 04/21/2024).
- How freelancing developed in Russia // National Guild of Freelancers. – URL: <https://www.fl.ru/freelance-history/> (date of access: 05/15/2024).
- Matveeva N.S., Cherkasova M.A. Prospects for the development of freelancing in the conditions of modern Russia // Bulletin of the University. 2019. No. 7. pp. 18–25.
- Guild projects // National Guild of Freelancers. – URL: <https://guild-freelancers.rf/#projects> (access date: 06/11/2024).

10. 74% of young Russians believe that online courses allow them to master a new profession // NAFI: Analytical Center. – URL: <https://nafi.ru/analytics/74-molodykh-rossiyan-schitayut-cto-onlayn-kursy-pozvolyayut-osvoit-novuyu-professiyu/> (date of access: 04/14/2024).
11. Semenova Yu.A. Peculiarities of labor practices of freelancers during the COVID-19 pandemic // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 4–6. pp. 40–46.
12. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Freelancers on the Russian labor market // Sociological studies. 2010. No. 2. pp. 44–55.
13. Freelancer 2021. Figures of the outgoing year // National Guild of Freelancers. – URL: <https://guild-freelancers.rf/post/issledovanie-frilanser-2021-cifry-uhodyaschego-goda-22> (access date: 06.15.2024).
14. Freelancing in Russia – more than freelancing? // VTsIOM. July 26, 2022. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans> (access date: 05.15.2024).
15. Freelancing and freelancers 2020–2024. Numbers and dynamics // National Guild of Freelancers. – URL: <https://guild-freelancers.rf/post/frilans-i-frilansery-2020—2024-cifry-i-dinamika-95> (access date: 06.15.2024).

Социальное воспитание как технология взаимодействия с подростками для уменьшения негативных форм поведения

Решетникова Екатерина Владимировна,

к.ф.н., доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: eresh80@mail.ru

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Статья подготовлена на основе теоретического анализа литературы о процессе социального воспитания и опыта его реализации в социальных учреждениях. В работе проводится анализ форм социального воспитания и технологий их реализации в отдельных учреждениях социальной сферы. Авторами даны предложения о включении общественных организаций в процесс взаимодействия взрослых и молодежи как актуального аспекта воспроизводства компонента социального воспитания.

Ключевые слова: социальное воспитание, активность молодежи, формирование личности.

Особенности современного развития общества, а также изменение государственной политики в отношении процесса воспитания вызывают необходимость проведения исследования социокультурного пространства, в котором осуществляются процесс социального воспитания, а также перечня организаций, осуществляющих эту деятельность. Необходимым является выявление сходства и различий между определением процесса воспитания и социализации, поскольку многие исследователи полагают, что процессы параллельны, либо интегрированы. В период последних двух десятилетий XX века происходит институционализация новых теорий среднего уровня, в том числе социологии воспитания и философии воспитания, что дает основание полагать о необходимости развития междисциплинарного подхода к изучению понятия «социальное воспитание», выявлению не только получаемых продуктов процесса, но и значимых других, а так же организаций и объединений, непосредственно выполняющих функции реализации социального воспитания наряду с институтами семьи и образования.

Анализ литературы показывает, что наиболее часто процесс социального воспитания представлен изучением форм, акторов и условий патриотического воспитания [4], воспроизводство форм патриотического воспитания [9], исследованием патриотического воспитания как части процесса социализации [5], реализация молодежных инициатив инструментами федеральной и региональной молодежной политики [5], выявление классических и новых форм девиации в молодежной среде и их профилактики [12, 13].

Роль педагогических теорий воспитания и социального воспитания как части этого процесса рассматривают многие исследователи педагогики и социальной педагогики [8]. Значительная часть определений также даются в педагогической литературе [7] и обозначают «целенаправленно управляемый процесс социального развития и формирования личности...» либо «взрачивание человека в специально созданных воспитательных организациях». Цели процесса в целом являются идентичными: позитивное развитие личности, нравственное воспитание, принятие и соблюдение норм общества.

Социальное воспитание как научный феномен является объектом исследования сравнительно недавно, как показывает исследование доступных источников. Процесс воспитания является преро-

гитивой педагогической науки в течение нескольких сотен лет, по мнению многих исследователей [например, см. 14]. Наиболее подробно этот феномен исследовал мэтр социальной педагогики А.В. Мудрик [8]. Ученый пояснил, что в педагогике понятие не является существующим. Он дал собственное определение социальному воспитанию, утверждая, что оно «представляет собою возвращение человека в процессе создания условий для его позитивного развития, ценностной ориентации и самоизменения...» [8]. Автор утверждает, что «социальное воспитание осуществляется в специально созданных воспитательных организациях (от домов ребенка до школ, вузов, учреждений дополнительного образования), а также во многих организациях, для которых функция воспитания не является ведущей, например, в армейских подразделениях, а нередко латентный характер, например, в корпорациях» [8]. А.В. Мудрик резонно заметил, что необходимо говорить о важнейшей составляющей социального воспитания – коллективе. Он пояснил, что выполняет несколько функций помимо социализационной, а именно:

- 1) является средством воспитания личности с момента своего создания;
- 2) незначительно нивелирует человека в аспекте приобщения к общественной культуре, становясь средой и инструментом развития индивидуальности;
- 3) он является местом накопления социального опыта и местом для самовыражения и самоутверждения личности [8].

Авторы полагают, что молодежь в качестве референтных групп, других акторов и институтов воздействия при выходе в социокультурное пространство рассматривают не только работников педагогической сферы в настоящее время. Нам видится необходимым расширить аудиторию и акторов применения технологий социального воспитания, в дальнейшем анализировать деятельность акторов воздействия и применяемые методы с целью выявления наиболее эффективных из них.

Необходимость применения технологий социального воспитания в группе подростков актуальна, поскольку, как показывает анализ статистических данных, численность группы в настоящее время незначительно снижается. Так, численность детей и подростков в возрасте до 18 лет, постоянно проживающих в России, в настоящее время составляет 23622,3 или 17,2% от общей численности населения. По состоянию на 01 января 2020 г. составила 24700 тыс. человек; по состоянию на 01 января 2016 г. – 24843,3 тыс. человек). По прогнозам Росстата, численность людей моложе трудоспособного возраста составит в 2027 году 21950,4 тыс. человек, а в 2030 году – 19841,3 тыс. чел. [15]. Следовательно, речь идет не только о том, какое количество в ближайшем будущем выйдет на рынок труда, но и о качествах этого поколения.

Нами было проведено исследование по методике «Письмо министру: аннотация проекта для реализации» среди 210 обучающихся Иркутского государственного университета очной и заочной формы обучения в возрасте от 18 до 43 лет с целью выявления основных социальных проблем настоящего времени в период с 2022 по 2023 год. Были названы проблемы девиаций среди населения, в том числе в молодежной среде (78%); выбор профессии и выход на рынок труда (41%); ведения здорового образа жизни (37%); иных вопросов благополучия (экономического, психического и субъективного) – 23%; экологической безопасности (17%) и реализации инициатив по адаптации молодежи, в том числе маломобильной (11%). В настоящее время достаточно большое количество инициатив может претендовать на различные формы поддержки, обучение технологии проектирования стало методом обучения. Авторы полагают, что это должно стать и частью социального воспитания. В задачи исследования нами были внесены выявление форм применения социального воспитания по отношению к воспитанникам социальных учреждений, а также выявление причин возникновения девиаций.

Для выявления экспертного мнения по профилактике негативных девиаций в подростковой аудитории нами был проведен опрос экспертов социальной сферы в форме полуструктурированного интервью. В опросе приняли участие 15 экспертов из числа социальных педагогов, психологов и специалистов по социальной работе, научных работников и преподавателей высшей школы.

Анализ полученных данных при ответе на полузакрытый вопрос о причинах возникновения таких девиаций, как употребление алкоголя и табака, показал, что влияние родителей и родственников оказывает наибольшее воздействие на формирование поведения и привычек (100%), и семейная обстановка вносит существенный вклад для многих (57,14%). Значительную роль играет влияние сверстников и друзей также (85,71%). Мода на употребление упомянутых продуктов, судя по представленным данным, оказывают меньше влияние на формирование поведения (14,28%). Трансляция в СМИ не является мотивом, по мнению специалистов (ответ выбрали лишь 8%).

Мы пришли к выводу, что наиболее часто возникновению девиаций способствуют взрослые, поскольку они представляют референтные группы. Более половины экспертов показывают, что к таковым относятся члены семьи, транслирующие определенные установки и стили воспитания, что вызывает ситуацию первой пробы, либо устанавливающие нормы поведения, либо они являются задающими биологических (наследственных) предпосылок к возникновению алкогольной, табачной и иных зависимостей. Кроме того, они являются акторами, вызывающими протестные формы поведения, либо создающие стрессовые ситу-

ации, которые неустоявшиеся в личностном плане молодые люди решают при помощи девиантного поведения.

Так же представителями референтных групп становятся сверстники, задающие норму поведения в ситуации приема алкогольной продукции, апеллируя к образу взрослого либо задающие моду на употребление, при этом тренды задаются не только реальными людьми, но и виртуальными друзьями, являющимися группой сравнения.

Небольшое число экспертов высказались об отсутствии выстроенной системы организации досуга/увлечений/хобби, то есть банальная скукота. Часто несовершеннолетние говорят об отсутствии желаний что-либо делать, о внутренней пустоте, об отрешенности. Фактически стиль активности сменился другими формами стилевого поведения.

Авторы ставили целью своего исследования выявить, каким образом формируется коллективное начало в детях, находящихся в трудной жизненной ситуации, зачастую оставшиеся вне семьи и получившие психологические травмы в раннем детстве.

Воспитание и социализация таких детей проводится в областных государственных казённых учреждениях социального обслуживания (далее – ОГКУ СО), где имеют возможность получать квалифицированную помощь в защите своих прав и интересов. Также в учреждении дети и подростки проходят социальную реабилитацию, чтобы представлять себя на равных в любых социальных группах и общностях.

Социальная сфера для работы с такими детьми выстраивалась постепенно, а коллектив, в который они были включены, являлся достаточно закрытым, поэтому важным становится выявить формы социального воспитания, в которых участвуют дети-сироты и дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Эмпирическую базу исследования составил анализ деятельности социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних города Иркутска и Иркутского района. Поскольку социальное воспитание включает возможности именно общественного развития, в задачи не входило выявление социально-бытовых сторон, форм трудовой активности и организационных элементов построения своей жизни в целях подготовки к самостоятельному проживанию после совершеннолетия. Авторы выявляли направления работы по включению участников таких коллективов во внешние проявления жизни социума.

Были выявлены следующие направления интеграции в общественную жизнь: патриотическое воспитание через участие в акциях и подготовка и проведение собственных; волонтерская деятельность; создание информационного поля для освещения деятельности воспитанников в разных мероприятиях; построение и поддержание межпоколенческих связей между подрастающим поколени-

ем и защитниками рубежей нашей Родины, участниками специальной военной операции, а также ветеранами труда и тыла. Для этого проводятся постоянные акции, ребята участвуют в различных проектах неформального образования для получения дополнительных навыков и занимаются тематическим творчеством. Очень большой спектр мероприятий проводится сотрудниками учреждений и ребятами для поддержания уровня социальной памяти и построению взаимопомощи между группами людей, нуждающихся в таковой.

Технологии социального воспитания, по мнению авторов, основаны на деятельностном подходе, на расширении участников диалога поколений и на формировании коллективов на основе получения навыков по интересам. Следовательно, важно проводить встречи на открытых площадках, с мастер-классами и совместными играми, где могут принимать участие не только семьи и классы, представители культурных, молодежных, этнических, спортивных и иных сообществ с последующим приглашением подростков в свои коллективы.

В коллектив любой индивид включается в детском или подростковом возрасте в системе формального образования, что дает возможность формировать личностные качества и увеличивать набор позитивных ценностных ориентаций. Далее в этот набор подключаются спортивные и общественные организации, в которых молодежи задаются не только векторы развития и возможности для самосовершенствования (что в современном обществе стало именоваться как прокачивание skill-ов), но и выстраиваются образовательные и профессиональные траектории развития. Увеличение занятости детей и молодежи помогает им применять свои способности и проверять свои личностные качества.

На наш взгляд, важно применять инновационную форму диалога, запущенную в нашей стране совсем недавно – «Разговоры о важном» [1]. Изначально проект проводился в школах, то есть формальных образовательных учреждениях, внеучебная жизнь которых достаточно насыщена мероприятиями по патриотическому воспитанию: уроками мужества, акциями в дни чествования служащих Вооруженных Сил РФ и ветеранов боевых действий, в первую очередь, ветеранов Великой Отечественной войны. По результатам приведенного в статье исследования становится видно расширение аудитории слушателей, которым не нравится навязывание тем для разговоров, а также отсутствие экспертных оценок. Полагаем, что изменение формата работы, внесение новых элементов в пространство взаимодействия, проведение бесед «на равных» будет давать больший эффект от такого необходимого в расширении информированности о происходящих событиях и умения давать собственную оценку им.

Нам видится, что необходимо в систему социального воспитания вносить проведение систе-

матических экологических акций, когда наряду с другими жителями молодежь могут участвовать в посадке кустов и деревьев [2, с. 108], в чем молодежь выражает готовность к участию, как в мероприятии, выполняющем несколько задач: расширение сети социальных контактов, выход в общении на несколько аудиторий разных поколений и профессиональных статусов, рост гордости за социально-значимый труд на благо территории. Более того, как отмечает А.Д. Карнышев [6, с. 42], на структуру формирующихся ценностных ориентаций молодежи оказывает фактор проживания в определенных социально-географических условиях, отражающихся на самоидентификации подрастающего поколения, что в сочетании с общественно-полезными инициативами помогает раскрыться личности подростка, улучшить его психологическое здоровье.

Немаловажно, что подростки из социальных учреждений могут принимать участие в мероприятиях, проводимых волонтерами, и сами будут становиться добровольцами, обретающими смысл жизни. Для этих целей в регионе работает немало общественных организаций [11]. Мы согласны с мнением П.А. Трескина о том, что такие организации играют ведущую роль в повышении просоциальной активности молодежи, способствуют ее личностному развитию и становлению их гражданских качеств. И эти организации могут способствовать в дальнейшей адаптации и интеграции в социум в определенной степени солидарности, а не противостояния молодежи, что является эффективным инструментом продолжения социального воспитания и построения социальной карьеры.

Выводы по исследованию. В современном обществе социальное воспитание становится важным процессом, который воздействует на становление личности участников подрастающего поколения. Социальное воспитание отличается от процесса социализации по степени воздействия со стороны общественных институтов, групп и отдельных личностей. Этот процесс участвует в сопровождении социальной адаптации, формирования молодежных общностей и солидаризации с другими поколениями, а также появлению и росту социальной активности молодежи из числа пассивных индивидов. Воспроизводство участников волонтерских организаций происходит за счет тех участников, кому становится интересно развиваться в своем коллективе, а уже позднее расширять социальные связи. Изучение факторов и форм социального воспитания важно сопровождать выявлением позитивных технологий, которые эффективно воспринимаются молодежью и могут ею реализовываться.

Литература

1. Журавлева И.А. «Разговоры о важном» как инструмент формирования патриотизма в образовательных учреждениях // Социология. – 2024. – № 3. – С. 35–43.
2. Заварзина Ю.В. Благоустройство территории в оценках общественного мнения // Социология. – 2024. – № 2. – С. 100–112.
3. Зайцева Н.В., Алексеев В.Б., Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Гасников В.К. Анализ влияния социально-демографических факторов на распространенность некоторых форм девиантного поведения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16985834> (дата обращения: 04.06.2024).
4. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. – 2023. – № 3. – С. 17–27.
5. Калинич В.С. Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодежи // Социология. – 2022. – № 5. – С. 5–13.
6. Карнышев А. Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Некоторые особенности динамики ценностных ориентаций молодежи в кризисных ситуациях (по исследованиям 2015 и 2020 г.г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. – 2022. – Т. 41. – С. 35–46. – DOI 10.26516/2304-1226.2022.41.35.
7. Манзула А.Е., Гуринович Л.А. Современные инструменты молодежной политики вуза и их применимость в процессе вторичной социализации / Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. – С. 316–320.
8. Мудрик А.В. О теории социального воспитания [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35575167_28046090.pdf (дата обращения: 02.06.2024).
9. Решетников В. А., Решетникова Е.В. Деятельностный патриотизм как социокультурный феномен // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. – 2020. – Т. 32. – С. 50–58.
10. Солнцев М. Н., Мартынова М.В. Методы социального воспитания в теории и практике социально-культурной деятельности: история и [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41518817> (дата обращения: 02.06.2024).
11. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей / П.А. Трескин // Социология. – 2024. – № 3. – С. 52–59.
12. Турчина Ж. Е., Бакшеев А.И., Андриенко О.В. Использование электронных сигарет в молодежной среде: современный взгляд, инновационные подходы к регулированию проблемы // Социология. – 2023. – № 3. – С. 206–213.

13. Троицкая Т.С., Несынова Е.Ю., Солодовник Е.В., Неймышев А.В., Пухир В.М. Девиантное поведение молодежи как показатель актуальных проблем современного общества (на примере выпускников школ) // Социология. – 2024. – № 3. – С. 266–273.
14. Угрюмова А.А. Сущностные признаки социального воспитания в современных социально-педагогических теориях [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44153045_95421121.pdf (дата обращения: 07.06.2024).
15. Численность населения по отдельным возрастным категориям [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm (дата обращения: 07.06.2024).

SOCIAL EDUCATION AS TECHNOLOGY OF INTERACTION WITH ADOLESCENTS TO REDUCE NEGATIVE BEHAVIORS

Reshetnikova E.V., Gurinovich L.A.

Irkutsk State University

The article was prepared on the basis of a theoretical analysis of the literature on the process of social education and experience of its implementation in social institutions. The work analyzes the forms of social education and technologies for their implementation through the means of individual institutions of the social sphere. The authors made proposals for the inclusion of public organizations in the process of interaction between adults and youth as a relevant aspect of the reproduction of the component of social education.

Keywords: social education, youth activity, personality formation.

References

1. Zhuravleva I.A. "Conversations about what is important" as a tool for the formation of patriotism in educational institutions // *Sociology*. – 2024. – No. 3. – P. 35–43.
2. Zavarzina Yu.V. Landscaping of the territory in public opinion // *Sociology*. – 2024. – No. 2. – P. 100–112.
3. Zaitseva N.V., Alekseev V.B., Lebedeva-Nesevrya N.A., Barg A.O., Gasnikov V.K. Analysis of the influence of socio-demographic factors on the prevalence of certain forms of deviant behavior [Electronic resource]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16985834> (access date: 06/04/2024).
4. Ivanov R.V. Fundamentals and foundations of the transformation of modern patriotism // *Sociology*. – 2023. – No. 3. – P. 17–27.
5. Kalinich V.S. Patriotic education as an element of socialization of modern youth // *Sociology*. – 2022. – No. 5. – P. 5–13.
6. Karnyshev A.D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Some features of the dynamics of value orientations of young people in crisis situations (according to studies of 2015 and 2020) // *News of Irkutsk State University. Psychology Series*. – 2022. – T. 41. – P. 35–46. – DOI 10.26516/2304–1226.2022.41.35.
7. Manzula A.E., Gurinovich L.A. Modern instruments of university youth policy and their applicability in the process of secondary socialization / *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and development vectors: collection of scientific works / FSBEI HE "ISU"; [scient. ed. T.I. Rake]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2023. – P. 316–320.*
8. Mudrik A.V. On the theory of social education [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35575167_28046090.pdf (access date: 06/02/2024).
9. Reshetnikov V. A., Reshetnikova E.V. Activity-based patriotism as a sociocultural phenomenon // *News of Irkutsk State University. Psychology Series*. – 2020. – T. 32. – P. 50–58.
10. Solntsev M. N., Martynova M.V. Methods of social education in the theory and practice of socio-cultural activities: history and [Electronic resource]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41518817> (access date: 06/02/2024).
11. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of citizenship, patriotism and moral values / P.A. Treskin // *Sociology*. – 2024. – No. 3. – P. 52–59.
12. Turchina Zh. E., Baksheev A.I., Andrienko O.V. The use of electronic cigarettes among young people: a modern view, innovative approaches to regulating the problem // *Sociology*. – 2023. – No. 3. – P. 206–213.
13. Troitskaya T.S., Nesynova E.Yu., Solodovnik E.V., Neymyshev A.V., Pukhir V.M. Deviant behavior of young people as an indicator of current problems of modern society (on the example of school graduates) // *Sociology*. – 2024. – No. 3. – P. 266–273.
14. Ugrumova A.A. Essential features of social education in modern socio-pedagogical theories [Electronic resource]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44153045_95421121.pdf (access date: 06/07/2024).
15. Population by individual age categories [Electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm (access date: 06/07/2024).

Социальные особенности предоставления стоматологической помощи инвалидам и людям пожилого возраста

Старикова Мария Михайловна,

к.с.н, доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: maria.starikova82@gmail.com

Ванин Эдуард Петросович,

врач-стоматолог, Пензенский государственный медицинский университет, ООО «ВЭЛАР»
E-mail: vanin.eduard@list.ru

Бурдик Виктор,

д.э.н., профессор, Луганский государственный педагогический университет

Цель исследования – рассмотреть социальные особенности предоставления стоматологической помощи инвалидам и людям пожилого возраста (на примере инвалидов пожилого возраста регионального центра социального обслуживания). *Задачи исследования:* отразить актуальность, практическую значимость и проблематику проводимого исследования; представить материалы и методы исследования; привести результаты социологического исследования инвалидов и лиц пожилого возраста на тему гигиены зубов и полости рта; выявить проблемы организации и предоставления стоматологической помощи инвалидам пожилого возраста; сформировать комплекс рекомендаций совершенствования процесса оказания стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста. *Методы исследования:* анализ теоретических источников академической литературы, систематизация, обобщение, сбор и обработка информационных данных, анализ статистических временных рядов, анализ практических кейсов, социологическое исследование (опрос): выборка участников – 61 человек, имеющие статус инвалида I–III групп инвалидности, достигшие возраста 60–70 лет. Социологическое исследование подразумевало анализ результатов по нескольким темам исследования: гигиена зубов и полости рта; анализ стоматологического статуса участников социологического исследования; потребность предоставления стоматологической помощи на территории ГУТО КЦСОН № 1; направления предоставления стоматологической помощи, требующие совершенствования, по субъективной оценке.

Результаты и выводы исследования: выявленные проблемы организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста позволили сформировать комплекс рекомендаций совершенствования процесса предоставления стоматологической помощи инвалидам и лицам пожилого возраста, в частности, было предложено создать и реализовать на практике для врачей-стоматологов реабилитационных центров и отделений социального обслуживания лиц пожилого возраста, инвалидов дополнительных образовательных программ при участии экспертов в области стоматологии, медицинского обслуживания лиц пожилого возраста, социально-психологической поддержки лиц, имеющих ограничения по трудоспособности и физическому состоянию здоровья; осуществлять психологические тренинги, ориентированные на объяснение психологических особенностей пациентов пожилого возраста, имеющих статус инвалида, с анализом практических кейсов, ситуационным анализом клинической практики.

Ключевые слова: предоставление стоматологической помощи; инвалиды; лица пожилого возраста; лица с ограничениями по состоянию здоровья; гигиена полости рта; потребности в стоматологической помощи.

Актуальность исследования

Инвалидность как социально значимая проблема в настоящее время охватывает деятельность сегмента мирового здравоохранения, в том числе стоматологической отрасли. В международном сообществе инвалидизированы около 1 млрд граждан или 15% от общей численности населения. Более 50% инвалидов достигли возраста свыше 60 лет, то есть пожилого возраста [1, с. 10]. В декларации, принятой ООН [2], отмечается, что инвалидом признается гражданин, который не может частично либо в полной мере обеспечивать удовлетворение собственных потребностей по причине приобретенного, либо врожденного недостатка функционирования организма.

В соответствии с действующими нормативными актами в РФ [3] инвалидом может быть признан человек, если:

1) физическое состояние его здоровья нарушено, при этом расстройство функций человеческого организма стойкое, так как определяется наличием заболеваний, дефектов либо следствием травматизации;

2) отмечается частичное либо полное ограничение в повседневной жизни, которое привело к невозможности реализации функций самообслуживания, самостоятельного передвижения, контроля поведения и внутренних эмоций, обучения, осуществления трудовой деятельности, ориентации в пространстве;

3) присутствует потребность в получении мер дополнительного социального обслуживания, в том числе абилитации и реабилитации после прохождения длительного лечения [4];

4) наблюдается утрата физического состояния здоровья ввиду полученного ранения либо увечья на фоне активного участия в военных действиях.

Тем не менее, для признания комиссией человека инвалидом наличие только одного из вышеобозначенных аспектов-оснований, как правило, недостаточно [5].

Установление инвалидности в современных российских условиях происходит с учётом профессионально-трудовых, общественно-бытовых, клинко-функциональных и психологических особенностей, обусловленных чёткими критериями, приведенными Минтрудом РФ [6].

На сегодняшний день выделяются три группы инвалидности, содержание которых отражено в табл. 1.

Таблица 1. Содержание групп инвалидности по степени трудоспособности и самообслуживания граждан [7]

Группа инвалидности	Содержание инвалидизации
I группа	Нетрудоспособны
	Не могут самостоятельно себя обслуживать
	Не могут самостоятельно передвигаться
	Присутствует полная зависимость человека-инвалида от иных лиц (близких людей, социальных работников, персонала по найму для обслуживания)
II группа	Временно нетрудоспособны
	Трудоспособны, но с ограничениями
	Сохраняются частичные способности к самостоятельному передвижению, обслуживанию, ориентации в пространстве, обучению, коммуникациям
III группа	Трудоспособны
	Преимущественно осуществление легкого труда

В настоящее время, рассматривая структуру инвалидов в РФ, преобладают граждане, имеющие II группу инвалидности. При этом к 2023 году численность людей-инвалидов II группы сократилась с одновременным более выраженным повышением граждан III группы инвалидности, что отражено на рис. 1.

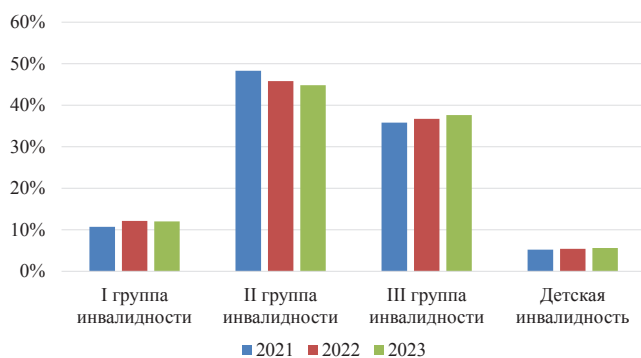

Рис. 1. Динамическое изменение структуры инвалидов в РФ (2021–2023), % [8]

Целесообразно отметить, что динамическое изменение численности инвалидов I группы и детей-инвалидов не было ярко выраженным по сравнению со II и III группами инвалидности. При этом за 2021–2023 гг. доля детской инвалидности повысилась: в 2023 году по сравнению с 2021 годом на 0,4%.

Дифференциация инвалидов, в общую численность которых также включены граждане, получающие пенсию, то есть люди пожилого возраста, наблюдается в разрезе федеральных округов. Сравнительный срез уровня инвалидности по федеральным округам РФ по итогам 2011 года и 2023 года проиллюстрирован на рис. 2.

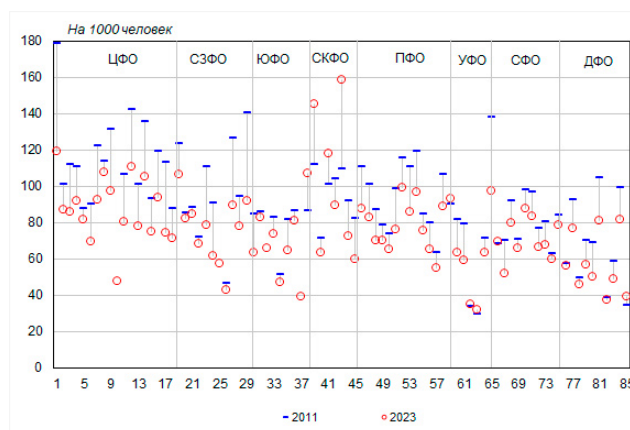

Рис. 2. Сравнительный срез уровня инвалидности по федеральным округам РФ по итогам 2011 года и 2023 года (численность на 1 тыс. граждан, постоянно проживающих на территории федерального округа) [9]

Примечание: ЦФО – Центральный федеральный округ; СЗФО – Северо-западный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; ПФО – Поволжский федеральный округ; УФО – Уральский федеральный округ; СФО – Сибирский федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ.

В разрезе российских регионов по уровню инвалидности выделяются г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан.

Материалы и методы исследования

Для того чтобы определить социальные особенности предоставления стоматологической помощи среди инвалидов и лиц пожилого возраста, был проведен ряд социологических исследований в форме опроса среди граждан I–III групп инвалидности в возрасте 60–70 лет, проходящих реабилитацию в ГУТО КЦСОН № 1 (Стационарное отделение для граждан пожилого возраста и инвалидов) [10]. Общая выборка составила 61 человек.

Социологическое исследование подразумевало анализ результатов по нескольким темам исследования.

1. Гигиена зубов и полости рта.
2. Анализ стоматологического статуса участников социологического исследования.
3. Потребность предоставления стоматологической помощи на территории ГУТО КЦСОН № 1.
4. Направления предоставления стоматологической помощи, требующие совершенствования, по субъективной оценке.

Социологическое исследование инвалидов и лиц пожилого возраста на тему гигиены зубов и полости рта

Одним из факторов необходимости получения стоматологической помощи инвалидами и лицами по-

жилого возраста является гигиена зубов и полости рта. Анализ проводился на базе взаимосвязи уровня

гигиены зубов и полости рта и параметра активности кариеса. Итоговый результат отражен в табл. 2.

Таблица 2. Анализ состояния зубов во взаимосвязи с гигиеной полости рта инвалидов и лиц пожилого возраста

Параметр	Частота чистки зубов				P
	менее одного раза в день		два раза в день		
	абс.	отн.	абс.	отн.	
Состояние зубов по уровню активности кариеса					
I степень активности кариеса	32	91,4	18	69,2	0,042**
II–III степень активности кариеса	3	8,6	8	30,8	
Параметр гигиены полости рта, зубной поверхности					
Уровень гигиены хороший	8	22,9	11	42,3	0,179
Уровень гигиены плохой или удовлетворительный	27	77,1	15	57,7	
Общий итог	35	100,0	26	100,0	–

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%); P – статистическая значимость различий; ** – статистическая значимость различий выявлена на уровне $P < 0,05$.

Источник: разработано автором.

Результаты показывают, что удельный вес инвалидов пожилого возраста, имеющих I степень активности кариозных проявлений на зубной поверхности, был крайне низким, если человек осуществлял чистку зубов не менее двух раз ежедневно, по сравнению с группой инвалидов пожилого возраста, которые осуществляли чистку зубов лишь один раз в течение суток. Вместе с тем уровень гигиены полости рта как хороший наблюдался у инвалидов пожилого возраста, если человек осуществлял чистку зубов не менее двух раз ежедневно. Тем не менее, это различие между инвалидами пожилого возраста в зависимости от уровня соблюдения гигиены зубной поверхности было статистически незначимым в отличие от сравнения участников выборки по активности кариозных поражений.

При выборе зубной пасты граждан, как правило, не руководствуются рекомендациями, выданными специалистом стоматологического кабинета, в основном прислушиваются к советам близкого окружения и доверяют рекламным кампаниям.

1. Около 9% участников социологического исследования руководствовались рекомендациями, выданными специалистом стоматологического кабинета.

2. Примерно 64% инвалидов пожилого возраста прислушались к советам близкого окружения.

3. Остальные граждане доверились увиденной по телевизору рекламе.

На рисунке 3 проиллюстрированы результаты социологического исследования, отражающие уровень доступности для инвалидов пожилого

возраста самостоятельного выбора средств гигиены зубов и полости рта.

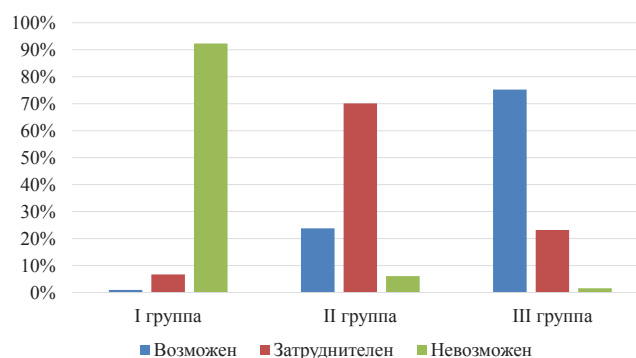

Рис. 3. Уровень доступности для инвалидов пожилого возраста самостоятельного выбора средств гигиены зубов и полости рта, %

Источник: разработано автором.

Основываясь на рисунке 3, более широкие возможности самостоятельного выбора средств гигиены зубов и полости рта имеют граждане пожилого возраста, имеющие III группу инвалидности, затруднителен выбор у пожилых людей-инвалидов II группы, максимально низкий уровень доступности имеют пожилые люди, обладающие I группой инвалидности.

Анализ стоматологического статуса участников социологического исследования

Стоматологический статус участников социологического исследования определялся, исходя из нескольких критериев.

1. Частота потребления сладкой пищи во взаимосвязи с активностью кариозных образований (табл. 3).

Таблица 3. Анализ активности кариозных образований во взаимосвязи с частотой потребления сладкой пищи, сахара инвалидов пожилого возраста

Частота потребления сладкой пищи, сахара	Уровень активности кариозных образований					
	I		II		III	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
1–3 раза в течение суток	11	73,3	4	26,7	0	0,0
Не более одного раза в течение суток	10	76,9	3	23,1	0	0,0
1–3 раза в течение недели	24	88,9	2	7,4	1	3,7
Общий итог	45	81,8	9	16,4	1	1,8

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%).

Источник: разработано автором.

Полученный результат показывает, что рост частоты потребления инвалидами пожилого возраста сахара и сладкой пищи сопряжен с достаточно высоким удельным весом участников социологического исследования, обладающих первой

и второй степенью кариозных образований в ротовой полости.

2. Индекс кариеса (К), количества запломбированных зубов (П), удаленных зубов (У) во взаимосвязи с индексом гигиены зубов и ротовой полости, потребностью в консультации профильного врача стоматологического кабинета – ортодонта (табл. 4).

Таблица 4. Результат индекса КПУ во взаимосвязи с индексом гигиены зубов и ротовой полости, потребностью в консультации профильного врача стоматологического кабинета – ортодонта

Параметр	Группа параметра	Частота показателя	
		абс.	отн.
КПУ	I уровень кариозных образований	50	82,0
	II уровень кариозных образований	9	14,8
	III уровень кариозных образований	2	3,3
Индекс гигиены зубов и ротовой полости	Хорошо	19	31,1
	Удовлетворительно	40	65,6
	Плохо	2	3,3
Потребность в консультации профильного врача	Присутствует	47	77,0
	Отсутствует	14	23,0

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%).

Источник: разработано автором.

Основываясь на результатах, обозначенных в таблице 4, можно отметить, что практически вся выборка участников (свыше 90%) имеет первый и второй уровень кариозных образований в ротовой полости. Распространённость кариеса среди лиц пожилого возраста достаточно высокая: у более 70% инвалидов, достигших 60–70 лет, отмечается крайне высокое значение показателя КПУ. При этом степень интенсивности кариозных образований средняя, поскольку индекс КПУ не превысил установленное нормативное значение [11].

Индекс гигиены зубов и ротовой полости показал, что у большинства участников социологического исследования присутствует удовлетворительный уровень гигиены зубов и ротовой полости, плохой уровень зафиксирован только у двух

инвалидов пожилого возраста. При этом отмечается потребность в консультации профильного врача стоматологического кабинета – ортодонта (77% инвалидов пожилого возраста).

3. Частота обращений инвалидов пожилого возраста за стоматологическими услугами на платной основе во взаимосвязи с проявлением дентофобии (страха перед врачом-стоматологом). Результат отражен в табл. 5.

Данное исследование было проведено среди 56 инвалидов пожилого возраста, поскольку пять человек из общей выборки затруднились ответить относительно проявлений дентофобии.

Итоговый результат позволяет отметить, что при значительном проявлении у инвалида пожилого возраста дентофобии он пользовался преимущественно стоматологическими услугами на плат-

ной основе. Тем не менее, таких инвалидов в общей выборке пять человек. Большинство из тех,

которые отметили наличие дентофобии, пользуются стоматологической помощью по полису ОМС.

Таблица 5. Результаты исследования частоты обращений инвалидов пожилого возраста за стоматологическими услугами на платной основе во взаимосвязи с проявлением дентофобии

Присутствие дентофобии	Стоматологические услуги на платной основе		Стоматологическая помощь по полису ОМС	
	абс.	отн.	абс.	отн.
Присутствие	5	29,4	12	70,6
Отсутствие	4	10,3	35	89,7
Общий итог	9	16,1	47	83,9

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%).

Источник: разработано автором.

Потребность предоставления стоматологической помощи на территории ГУТО КЦСОН № 1

Оценка параметров предоставления стоматологической помощи инвалидам пожилого возраста включала также исследование потребности участников социологического исследования в подобных услугах (табл. 6).

Таблица 6. Оценка параметров предоставления стоматологической помощи инвалидам пожилого возраста на основе их потребности в стоматологическом лечении

Параметр	Количество ответов	Частота показателя	
		абс.	отн.
Обращение к стоматологическим услугам, предоставляемым платно	61	10	16,4
Частота профилактических обращений:	54	10	18,5
		27	50,0
		17	31,5
Присутствие дентофобии:	56	39	69,6
		4	7,1
		13	23,2
Уровень потребительской удовлетворенности стоматологической помощью:	59	23	39,0
		32	54,2
		2	3,4
		2	3,4

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%).

Источник: разработано автором.

В соответствии с представленными результатами в таблице 6 следует отметить, что в подавляющем количестве случаев оказываемые инвалидам стоматологические услуги проходили в медицинских учреждениях (поликлиниках) или профильном кабинете реабилитационного центра по полису ОМС. Более 80% участников социологического исследования удовлетворены предоставленной стоматологической помощью.

Проблемы организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста

Полученные результаты социологического исследования позволили выделить проблемы организации и предоставления стоматологических услуг

инвалидам пожилого возраста, которые аналогичны указанным в исследованиях [12], [13].

1. Отсутствие персонифицированного подхода к предоставлению стоматологической помощи лицам-инвалидам, достигшим пожилого возраста.

2. Как правило, врачи-стоматологи при оказании соответствующего лечения не учитывают психологические особенности пациентов пожилого возраста, имеющих статус инвалида.

3. Низкий уровень качества профилактического осмотра и стоматологического лечения (отметили 59% участников социологического исследования).

4. Неудовлетворительное отношение врачей-стоматологов к инвалидам пожилого возраста (отметили 16,4% участников социологического исследования).

5. Проблемы дистанционной записи на приём к врачу-стоматологу (отметили 14,8% участников социологического исследования).

6. Достаточно низкий уровень качества сервисного обслуживания пациентов (отметили 6,6% участников социологического исследования).

7. Использование плохого оборудования, наличие плохого интерьера в медицинском учреждении (отметили 4,9% участников социологического исследования).

Результат субъективной оценки проблем организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста представлен в табл. 7.

Таблица 7. Субъективная оценка проблем организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста

Проблема	Количество ответов	
	абс.	отн.
Низкий уровень качества профилактического осмотра и стоматологического лечения	36	59,0
Неудовлетворительное отношение врачей-стоматологов к инвалидам пожилого возраста	10	16,4
Проблемы дистанционной записи на приём к врачу-стоматологу	9	14,8
Достаточно низкий уровень качества сервисного обслуживания пациентов	4	6,6
Использование плохого оборудования, наличие плохого интерьера в медицинском учреждении	3	4,9

Примечание: Абс. – абсолютное значение параметра (численность граждан); Отн. – относительное значение параметра (%).

Источник: разработано автором.

Рекомендации совершенствования процесса предоставления стоматологической помощи инвалидам и лицам пожилого возраста

В соответствии с выявленными проблемами организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста целесообразно использовать нижеследующие рекомендации.

1. Формирование и практическое осуществление для врачей-стоматологов реабилитационных центров и отделений социального обслуживания лиц пожилого возраста, инвалидов дополнительных образовательных программ при участии экспертов в области стоматологии, медицинского обслуживания лиц пожилого возраста, социально-психологической поддержки лиц, имеющих ограничения по трудоспособности и физическому состоянию здоровья.

2. Реализация психологических тренингов, ориентированных на объяснение психологических особенностей пациентов пожилого возраста, име-

ющих статус инвалида, с анализом практических кейсов, ситуационным анализом клинической практики.

3. Установление современных технических средств и аппаратного комплекса, позволяющих поддерживать устойчивое Интернет-соединение для своевременной записи на приём к врачу-стоматологу.

4. Совершенствование комплекса оборудования стоматологического лечения.

5. Своевременное проведение ремонтных работ внутри помещений стоматологического обслуживания для увеличения удобства получения услуг инвалидами пожилого возраста.

Выводы

Результаты проведенного социологического исследования показали, что для эффективного обслуживания инвалидов пожилого возраста врач-стоматолог должен учитывать психологические и социальные особенности таких людей, поскольку в их повседневной жизни на постоянной основе присутствуют ограничения физиологического и психологического здоровья.

Выявленные проблемы организации и предоставления стоматологических услуг инвалидам пожилого возраста позволили сформировать комплекс рекомендаций совершенствования процесса предоставления стоматологической помощи инвалидам и лицам пожилого возраста.

Литература

1. Рахимова Р.И. Инвалид и инвалидность в международном праве // International Law Journal. – 2023. – Т. 6. – № 1. – С. 9–13.
2. Декларация о правах инвалидов (принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 27.07.2024).
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 27.07.2024).
4. Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 588 (ред. от 28.11.2023) «О признании лица инвалидом» (вместе с «Правилами признания лица инвалидом») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413991/ (дата обращения: 27.07.2024).
5. Кравченко В.Д. и др. Обзор проблемы инвалидности среди медработников и взрослого населения республики Башкортостан // Синтез

- науки и образования как инструмент решения глобальных проблем. – 2023. – № . 2. – С. 222.
6. Приказ Минтруда России от 09.08.2023 № 652н «Об утверждении порядка организации сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.10.2023 N 75721) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460486/71820f82fae0bd991f89bb4d00fa557a4ab31784/ (дата обращения: 27.07.2024).
 7. Сaitмуратов М.Ф. и др. Особенности первичной инвалидности у лиц разного возраста // Евразийский журнал медицинских и естественных наук. – 2023. – Т. 3. – № . 1. – Part 2. – С. 34–37.
 8. Волков С.В., Махова А.В. Динамика количества и состояния инвалидов в Российской Федерации в 2017–2022 гг. // Экономика и социум. – 2023. – № . 4–2 (107). – С. 533–540.
 9. На начало 2023 года в России учтено 10,9 миллиона человек с инвалидностью, что составляет 7,5% от общей численности населения страны [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php> (дата обращения: 27.07.2024).
 10. ГУТО КЦСОН № 1: официальный сайт учреждения [Электронный ресурс]. – URL: https://cson-tula.ru/?page_id=456 (дата обращения: 27.07.2024).
 11. Степанова Ю.С. и др. Результаты анализа динамики стоматологического статуса у женщин, вступающих в пожилой возраст // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2023. – № . 2. – С. 13–18.
 12. Королев М.А. Новые подходы в организации межведомственного взаимодействия при оказании медико-социальной помощи гражданам старшего поколения // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2023. – № . 4. – С. 61–66.
 13. Мартыненко А.В. Социальная работа и социальное образование в охране здоровья граждан: состояние и проблемы // Медико-социальная работа: теория, технологии, образование. – 2023. – С. 3–13.

SOCIAL FEATURES OF PROVIDING DENTAL CARE TO DISABLED AND ELDERLY PEOPLE

Starikova M.M., Vanin E.P., Burdick V.

Bauman Moscow State Technical University, Penza State Medical University, Lugansk State Pedagogical University

The objective of the study is to consider the social features of providing dental care to disabled people and the elderly (using disabled elderly people of the regional social services center as an example). *Research objectives*: to reflect the relevance, practical significance and problems of the study; to present the materials and methods of the study; to provide the results of a sociological study of disabled people and the elderly on the topic of dental and oral hygiene;

to identify the problems of organizing and providing dental care to disabled elderly people; to formulate a set of recommendations for improving the process of providing dental services to disabled elderly people. *Research methods*: analysis of theoretical sources of academic literature, systematization, generalization, collection and processing of information data, analysis of statistical time series, analysis of practical cases, sociological research (survey): sample of participants – 61 people with the status of disabled person of groups I–III disability, who have reached the age of 60–70. The sociological study implied the analysis of the results on several research topics: dental and oral hygiene; analysis of the dental status of the participants in the sociological study; the need to provide dental care on the territory of the State Institution of Health Care of the KTSON No. 1; areas of dental care that require improvement, according to subjective assessment.

Results and conclusions of the study: the identified problems in the organization and provision of dental services to disabled elderly people made it possible to formulate a set of recommendations for improving the process of providing dental care to disabled people and the elderly, in particular, it was proposed to create and implement in practice for dentists of rehabilitation centers and departments of social services for the elderly, disabled additional educational programs with the participation of experts in the field of dentistry, medical care for the elderly, social and psychological support for persons with disabilities and physical health; to carry out psychological trainings aimed at explaining the psychological characteristics of elderly patients with disabled status, with an analysis of practical cases, a situational analysis of clinical practice.

Keywords: provision of dental care; disabled persons; elderly persons; persons with health limitations; oral hygiene; dental care needs.

References

1. Rakhimova R.I. Disabled Person and Disability in International Law // International Law Journal. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – P. 9–13.
2. Declaration on the Rights of Disabled Persons (adopted by General Assembly resolution 3447 (XXX) of December 9, 1975) [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (date of access: 27.07.2024).
3. Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ “On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation” (latest revision) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (date of access: 27.07.2024).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 05.04.2022 No. 588 (as amended on 28.11.2023) “On recognizing a person as disabled” (together with the “Rules for recognizing a person as disabled”) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413991/ (date of access: 27.07.2024).
5. Kravchenko V.D. et al. Review of the problem of disability among health workers and the adult population of the Republic of Bashkortostan // Synthesis of science and education as a tool for solving global problems. – 2023. – No. 2. – P. 222.
6. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 09.08.2023 No. 652n “On approval of the procedure for organizing accompanied labor activity of disabled persons” (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 25.10.2023 N 75721) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460486/71820f82fae0bd991f89bb4d00fa557a4ab31784/ (date of access: 27.07.2024).
7. Saitmuratov M.F. et al. Features of primary disability in persons of different ages // Eurasian Journal of Medical and Natural Sciences. – 2023. – Vol. 3. – No. 1. – Part 2. – P. 34–37.
8. Volkov S.V., Makhova A.V. Dynamics of the number and condition of disabled people in the Russian Federation in 2017–2022 // Economy and Society. – 2023. – No. 4–2 (107). – P. 533–540.
9. At the beginning of 2023, 10.9 million people with disabilities were registered in Russia, which is 7.5% of the total population of the country [Electronic resource]. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php>

- oscope.ru/weekly/2023/0989/barom01.php (date of access: 07/27/2024).
10. GUTO KTSON No. 1: official website of the institution [Electronic resource]. – URL: https://cson-tula.ru/?page_id=456 (date accessed: 27.07.2024).
 11. Stepanova Yu.S. et al. Results of the analysis of the dynamics of the dental status in women entering old age // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko. – 2023. – No. 2. – P. 13–18.
 12. Korolev M.A. New approaches to organizing interdepartmental interaction in providing medical and social assistance to older citizens // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko. – 2023. – No. 4. – P. 61–66.
 13. Martynenko A.V. Social work and social education in protecting citizens' health: status and problems // Medical and social work: theory, technology, education. – 2023. – P. 3–13.

Гендерное равенство в китайских университетах: анализ текущих тенденций и вызовов

Чжан Бовэнь,

магистрант, Белорусский государственный университет
E-mail: 2233574829@qq.com

В этом комплексном исследовании рассматривается гендерное равенство в китайских университетах, изучается целый ряд аспектов, включая соотношение численности студентов, должности преподавателей и роли руководителей, которые освещают гендерную динамику в этих учебных заведениях. Анализ начинается с исторической перспективы, прослеживая эволюцию гендерных ролей в китайском высшем образовании и изучая, как на эти роли влияли политические, социальные и экономические изменения с течением времени. В исследовании подчеркивается неравномерность прогресса в различных академических областях, причем в предметах STEM наблюдается большее гендерное неравенство по сравнению с гуманитарными и социальными науками. Обсуждаются институциональные барьеры, с которыми сталкиваются женщины, такие как дискриминационная практика найма, неравная оплата труда и ограниченные возможности для продвижения по службе, которые усугубляются традиционными гендерными нормами и ожиданиями. В работе оценивается эффективность текущей политики, направленной на обеспечение гендерного равенства, и предлагаются новые механизмы, которые могли бы более эффективно решать эти проблемы. Рекомендации включают в себя создание четких механизмов подотчетности, продвижение программ наставничества и повышение уровня подготовки администраторов и преподавателей по вопросам гендерной чувствительности. Кроме того, оценивается роль студенческого активизма и международного сотрудничества в формировании гендерной политики. Представляя тонкий анализ успехов и недостатков существующих инициатив, данное исследование призвано дать практические рекомендации для политиков, преподавателей и активистов, стремящихся к продвижению гендерного равенства в сфере высшего образования Китая.

Ключевые слова: гендерное равенство, высшее образование, реализация политики, гендерные предубеждения, академическое лидерство, культурные влияния, гендерный паритет, институциональная реформа.

Введение

Гендерное равенство в высшем образовании является важной глобальной проблемой, поскольку доступ к образованию и возможности академического роста являются ключевыми для продвижения социальной справедливости и экономического развития. В мире достигнуты значительные успехи в сокращении гендерного разрыва в высшем образовании, но сохраняются различия, особенно в доступе к руководящим должностям и в определенных областях, таких как STEM (наука, технология, инженерия и математика). В Китае вопрос гендерного равенства в высшем образовании особенно актуален. Несмотря на значительные улучшения в доступе женщин к образованию за последние десятилетия, остаются проблемы. Китайские университеты отражают более широкие социальные нормы и культурные ценности, делая стремление к гендерному равенству в этих учреждениях микроскопом более широкой борьбы за гендерное равенство в китайском обществе.

Исторически образование в Китае было преимущественно мужским, с конфуцианскими ценностями, подчеркивающими мужское доминирование и женскую домашнюю роль. Женщины в значительной степени были исключены из формального образования, что укрепляло традиционные гендерные роли и ограничивало их социальное и экономическое участие. XX век принес значительные изменения, включая создание Китайской Народной Республики в 1949 году, которая продвигала гендерное равенство как часть своей социалистической программы. Были введены политики для увеличения количества женщин, поступающих в школы и университеты, что привело к постепенному изменению гендерных ролей и образовательных возможностей. Экономические реформы конца XX века также повлияли на гендерную динамику в образовании. Хотя либерализация рынка привела к большим образовательным и трудовым возможностям для женщин, она также принесла новые вызовы, такие как усиленная конкуренция и социально-экономические неравенства. Усилия по продвижению гендерного равенства в высшем образовании продолжаются, хотя и с разной степенью успеха (Luo, Guo, & Li, 2021).

Государственные политики сыграли ключевую роль в формировании гендерного равенства в китайском высшем образовании. Инициативы, направленные на сокращение гендерных различий,

включают программы позитивных действий, стипендии для студенток и политику предотвращения гендерной дискриминации в академических и профессиональных кругах. Социально-экономические факторы значительно влияют на гендерные роли в академической среде. Женщины из сельских и низкодоходных семей часто сталкиваются с дополнительными барьерами при доступе к высшему образованию по сравнению с их городскими и более богатыми сверстниками. Эти различия подчеркивают необходимость целевых политик для поддержки уязвимых групп. Культурные взгляды на гендерные роли продолжают эволюционировать в Китае. Традиционные взгляды, которые приоритизируют мужское образование и лидерство, постепенно оспариваются более прогрессивными перспективами, которые выступают за гендерное равенство. Эти культурные изменения важны для создания среды, в которой женщины могут процветать академически и профессионально (Yeung, 2013) (Zhao & Jones, 2017).

Современное состояние гендерного равенства в академических кругах

Гендерная динамика в поступлении и академическом участии

Гендерное равенство в академической среде все еще сталкивается с множеством вызовов, особенно в таких областях, как STEM (наука, технология, инженерия и математика), где женщины значительно менее представлены по сравнению с мужчинами. Статистический анализ показывает, что гендерные соотношения среди студентов сильно различаются в зависимости от дисциплины. В таких областях, как гуманитарные и социальные науки, женщины составляют большую часть студентов, что способствует более равномерному распределению гендерных ролей и возможностей. Однако в STEM-дисциплинах женщины часто сталкиваются с многочисленными барьерами, включая гендерные стереотипы и недостаток ролевых моделей, что негативно сказывается на их академической успеваемости и карьерных перспективах (Bowman et al., 2022). Исследования также указывают на то, что присутствие женщин среди преподавателей STEM-дисциплин положительно влияет на академическую успеваемость всех студентов, особенно женщин, что подчеркивает важность гендерного разнообразия среди преподавательского состава.

Гендерное распределение в различных академических дисциплинах свидетельствует о значительных различиях в участии мужчин и женщин. В гуманитарных и социальных науках женщины чаще достигают успехов и занимают ведущие позиции, что способствует более сбалансированному гендерному представлению. В STEM-дисциплинах гендерные различия более выражены, и женщины значительно реже выбирают эти направления

для обучения и карьеры. Интересно, что в странах с высоким уровнем гендерного равенства разрыв в академических способностях и стремлении к изучению STEM-дисциплин становится более заметным. Это парадоксально, но объясняется тем, что в таких странах женщины имеют больше возможностей для выбора, что позволяет им следовать своим интересам, даже если они не связаны с STEM (Stoet & Geary, 2018). Это подчеркивает необходимость разработки целевых политик и инициатив, направленных на поддержку женщин в STEM, включая создание благоприятной среды, устранение стереотипов и предоставление ролевых моделей для повышения вовлеченности женщин в эти области.

Должности преподавателей и руководящие роли

Гендерные различия в академических назначениях и повышениях остаются серьезной проблемой в высших учебных заведениях по всему миру. Женщины часто сталкиваются с большими трудностями в достижении высоких академических позиций и продвижении по карьерной лестнице. Исследования показывают, что женщины реже занимают должности профессоров и других высоких академических званий по сравнению с мужчинами. Например, в исследовании, проведенном в 50 ведущих университетах Северной Америки, было обнаружено, что женщины составляют лишь 23,8% президентов/канцлеров и 36,3% вице-президентов/вице-канцлеров, тогда как мужчины занимают подавляющее большинство этих позиций (Azizi et al., 2021).

Представительство женщин в руководящих должностях университетов также остается низким. Исследования показывают, что женщины значительно менее представлены на высших руководящих должностях, таких как деканы, вице-президенты и президенты университетов. Даже когда женщины занимают руководящие должности, они часто сталкиваются с гендерными предвзятостями и стереотипами, которые мешают их профессиональному росту и успешному выполнению обязанностей. В исследовании, проведенном в Северной Америке, было установлено, что женщины чаще занимают должности помощников декана (63,8%), но значительно реже – должности деканов (38,5%) и вице-президентов (36,3%) по сравнению с мужчинами (Azizi et al., 2021).

Препятствия на пути к гендерному равенству

Гендерное неравенство в академических учреждениях часто связано с дискриминационными практиками в найме и оплате труда. Женщины нередко сталкиваются с непропорционально низкими зарплатами и ограниченными возможностями для продвижения по карьерной лестнице. Исследования показывают, что женщины, занимающие аналогичные должности с мужчинами, часто получают меньшую зарплату и имеют меньше возможностей для повышения. Такие дискриминационные практики

укрепляют существующие гендерные стереотипы и усугубляют неравенство. Например, анализ интервью с 80 женщинами-преподавателями в крупном исследовательском университете показал, что несмотря на увеличение числа женщин на руководящих должностях, дискриминация сохраняется и проявляется в виде занижения статуса и власти женщин на этих позициях (Monroe et al., 2008).

Традиционные культурные нормы также играют значительную роль в сохранении гендерного неравенства в академической среде. В обществах с консервативными гендерными ролями женщины часто сталкиваются с дополнительными барьерами, связанными с ожиданиями относительно их семейных обязанностей и ролей. Эти культурные нормы могут ограничивать возможности женщин для академического и профессионального роста. Например, в исследовании, проведенном среди женщин-академиков в Чехии, было обнаружено, что сочетание консервативной гендерной культуры и неолиберальных реформ в сфере академической работы создает значительные препятствия для карьерного роста женщин на ранних этапах их карьеры (Vohlídalová, 2020). Эти культурные барьеры усиливают неравенство и создают дополнительные сложности для женщин, стремящихся к академическим достижениям.

Анализ политики и инициатив по обеспечению гендерного равенства

Обзор существующих политик в области гендерного равенства

Национальные и институциональные политики играют ключевую роль в продвижении гендерного равенства в университетах. В разных странах принимаются разнообразные подходы к решению проблемы гендерного неравенства в академической среде. Например, политика, основанная на возможностях, была предложена для разработки и реализации гендерного равенства в высшем образовании в Южной Африке. Этот подход направлен на создание равных возможностей для личного и профессионального развития для всех полов через формирование политики, учитывающей возможности и функции, важные для студентов (Loots & Walker, 2015).

Университеты, внедряющие успешные политики гендерного равенства, демонстрируют значительный прогресс в сокращении гендерного разрыва. Например, политика «Афина SWAN» в Великобритании, направленная на повышение гендерного равенства в академической медицине, показала, что внедрение принципов этой политики создает социальное пространство для обсуждения и решения проблем гендерного неравенства. Тем не менее, исследование также выявило, что женский персонал часто несет несоразмерную нагрузку по внедрению этой политики, что может негативно сказываться на их карьерном росте (Caffrey

et al., 2016). Этот пример подчеркивает важность не только разработки, но и справедливого распределения обязанностей по реализации гендерных программ для достижения долгосрочного успеха.

Эффективность текущих мер

Текущие меры по улучшению гендерного равенства в высшем образовании оказывают положительное влияние на сокращение гендерного разрыва в ряде аспектов. Политики и программы, направленные на повышение участия женщин в академической среде, такие как квоты на прием и продвижение, создание гендерно-чувствительных рабочих условий и поддержка карьерного роста женщин, способствовали увеличению числа женщин в академических и руководящих должностях. В университетах, которые активно внедряют подобные меры, наблюдается рост женского представительства на различных уровнях академической иерархии.

Несмотря на достигнутые успехи, текущие меры имеют свои ограничения и пробелы. Во-первых, многие инициативы сталкиваются с сопротивлением на институциональном уровне, что замедляет их внедрение и уменьшает эффективность. Во-вторых, гендерные стереотипы и культурные нормы по-прежнему влияют на восприятие и поведение, что ограничивает возможности женщин для карьерного роста. Например, даже при наличии гендерных квот, женщины могут сталкиваться с предвзятым отношением со стороны коллег и руководства.

Кроме того, некоторые программы страдают от недостатка ресурсов и институциональной поддержки, что затрудняет их долгосрочную реализацию и мониторинг. Отсутствие четких механизмов оценки и отчетности также усложняет определение эффективности мер и необходимость их корректировки. Для более полного и успешного достижения гендерного равенства необходимы системные изменения, включающие регулярную оценку результатов, более эффективное распределение ресурсов и более активное привлечение всех участников академического процесса к решению проблемы гендерного неравенства.

Предлагаемые рамки для улучшения гендерного равенства

Для достижения значительного прогресса в гендерном равенстве в высшем образовании необходимо внедрить несколько ключевых стратегий и реформ. Во-первых, важно разработать и внедрить политики, направленные на устранение структурных барьеров, с которыми сталкиваются женщины. Это может включать программы наставничества, которые обеспечат поддержку и руководящие указания для женщин на всех этапах их карьерного пути. Во-вторых, необходимо установить четкие и справедливые процедуры найма и продвижения, чтобы гарантировать, что женщины имеют равные возможности для карьерного роста.

Также важно проводить регулярные тренинги и образовательные программы для повышения осведомленности о гендерных вопросах среди всех сотрудников и студентов университетов. Такие программы могут помочь устранить стереотипы и предвзятости, которые мешают женщинам достигать успехов. Введение гибких графиков работы и поддержка баланса между работой и личной жизнью также могут способствовать более равномерному распределению обязанностей и возможностей для карьерного роста.

Эффективная реализация гендерных политик требует четких механизмов подотчетности и прозрачности. Университеты должны внедрять системы мониторинга и отчетности, чтобы отслеживать прогресс в достижении гендерного равенства. Регулярные оценки и публикация данных о гендерном составе сотрудников и студентов помогут выявить области, требующие улучшений, и позволит корректировать стратегии в реальном времени.

Прозрачность процессов найма, продвижения и распределения ресурсов также является ключевым элементом успешной реализации гендерных политик. Университеты должны обеспечивать доступ к информации о критериях и процедурах, используемых для принятия решений, чтобы избежать дискриминации и обеспечить справедливое отношение ко всем кандидатам.

Кроме того, важно создавать независимые комитеты или комиссии по гендерному равенству, которые будут осуществлять надзор за выполнением политик и рекомендаций. Эти комитеты должны состоять из представителей различных уровней и подразделений университета, чтобы обеспечить всесторонний подход к решению гендерных вопросов.

Будущее гендерного равенства в китайском высшем образовании

Студенческий активизм и движения на местах играют важную роль в продвижении гендерного равенства в китайском высшем образовании. Инициативы, возглавляемые студентами, часто служат катализаторами для изменений в политике, так как они поднимают важные вопросы и привлекают внимание общественности и администрации университетов. Например, студенческие кампании за создание гендерно-инклюзивных пространств на кампусах привели к введению гендерно-нейтральных туалетов в некоторых китайских университетах. Эти инициативы показывают, как коллективные усилия студентов могут влиять на институциональные изменения и продвижение гендерного равенства.

Международное сотрудничество и использование глобальных лучших практик являются важными элементами в продвижении гендерного равенства в китайском высшем образовании. Обмен опытом с университетами, которые достигли значительного прогресса в гендерном равенстве, может помочь китайским учреждениям внедрить

эффективные стратегии и программы. Например, партнерства с университетами в странах, где уже реализованы успешные гендерные политики, могут способствовать адаптации этих практик к местным условиям. Такие международные взаимодействия также могут включать участие в глобальных инициативах и конференциях, что позволяет обмениваться знаниями и развивать совместные проекты, направленные на улучшение гендерного равенства.

Для достижения долгосрочных результатов в области гендерного равенства в китайском высшем образовании необходимы стратегические направления и конкретные действия для всех заинтересованных сторон. Политики должны сосредоточиться на создании и поддержке гендерно-инклюзивных образовательных и рабочих условий, а также на обеспечении прозрачности и подотчетности всех процедур. Образовательные учреждения должны внедрять программы наставничества и профессионального развития, направленные на поддержку женщин в их карьерном росте. Активисты и общественные организации могут играть роль в мобилизации поддержки и повышении осведомленности о гендерных проблемах.

Заключение

Достижение гендерного равенства в китайском высшем образовании требует комплексного подхода, включающего активизм студентов, международное сотрудничество и стратегическое планирование. Совместные усилия всех заинтересованных сторон могут способствовать созданию более справедливой и инклюзивной академической среды, которая поддерживает и поощряет гендерное равенство. В долгосрочной перспективе это приведет к значительным социальным и экономическим выгодам как для образовательных учреждений, так и для общества в целом.

Литература

1. Luo Y., Guo F., & Li R. (2021). Гендерное равенство и расширение высшего образования: проверка теории эффективно поддерживаемого неравенства на примере Китая. *International Journal of Educational Research*.
2. Yeung W. J. (2013). Расширение высшего образования и социальная стратификация в Китае. *Chinese Sociological Review*, 45(4), 54–80.
3. Zhao J., & Jones K. (2017). Женщины и лидерство в высшем образовании Китая: дискурс и дискурсивное построение идентичности. *Administrative Sciences*, 7(3), 21.
4. Bowman N. A., Logel C., LaCrosse J., Jarratt L., Canning E.A., Emerson K.T. U., & Murphy M. (2022). Гендерное представительство и академическая успеваемость среди студентов, заинтересованных в STEM, на курсах STEM в кол-

- ледже. *Journal of Research in Science Teaching*, 59, 1876–1900.
5. Stoet G., & Geary D. (2018). Парадокс гендерного равенства в образовании в области науки, технологии, инженерии и математики. *Psychological Science*, 29, 581–593.
 6. Azizi H., Abdellatif W., Nasrullah M., Ali S., Ding J., & Khosa F. (2021). Гендерное неравенство в руководстве пятидесяти лучших североамериканских университетов: Тематический анализ под теоретической линзой. *Postgraduate Medical Journal*, 98, 705–709.
 7. Monroe K., Ozyurt S., Wrigley T., & Alexander A.C. (2008). Гендерное равенство в академической среде: плохие новости с полей и некоторые возможные решения. *Perspectives on Politics*, 6, 215–233.
 8. Vohlídalová M. (2020). Ранние этапы карьеры женщин-академиков: между неолиберализмом и гендерным консерватизмом. *Sociological Research Online*, 26, 27–43.
 9. Loots S., & Walker M. (2015). Формирование политики гендерного равенства в высшем образовании: какие человеческие возможности важны? *Gender and Education*, 27, 361–375.
 10. Caffrey L., Wyatt D., Fudge N., Mattingley H., Williamson C., & McKeivitt C. (2016). Программы гендерного равенства в академической медицине: реалистичный подход к процессам Афины SWAN. *BMJ Open*, 6.

GENDER EQUALITY IN CHINESE UNIVERSITIES: ANALYSIS OF CURRENT TRENDS AND CHALLENGES

Zhang Bowen

Belarusian State University

This comprehensive study scrutinizes gender equality in Chinese universities, exploring an array of dimensions including enrollment ratios, faculty positions, and leadership roles that illuminate the gender dynamics within these institutions. The analysis begins with a historical perspective, tracing the evolution of gender roles in Chinese higher education and examining how these roles have been influenced by political, social, and economic changes over time. The research highlights the uneven progress in different academic fields, with STEM subjects showing greater gender disparities compared to humanities and social sciences. It discusses the institutional barriers that women face, such as discriminatory hiring practices, une-

qual pay, and limited opportunities for advancement, which are exacerbated by traditional gender norms and expectations. The paper evaluates the effectiveness of current policies aimed at promoting gender equality and proposes new frameworks that could potentially address these issues more effectively. The recommendations include establishing clear accountability mechanisms, promoting mentorship programs, and enhancing gender sensitivity training among administrators and faculty. Additionally, the role of student activism and international collaborations in shaping gender policies is assessed. By presenting a nuanced analysis of the successes and shortcomings of existing initiatives, this study aims to provide actionable insights for policymakers, educators, and activists seeking to advance gender equality in the realm of Chinese higher education.

Keywords: Gender Equality, Higher Education, Policy Implementation, Gender Bias, Academic Leadership, Cultural Influences, Gender Parity, Institutional Reform.

References

1. Luo, Y., Guo, F., & Li, R. (2021). Gender equality and the expansion of higher education: Testing the theory of effectively maintained inequality in the case of China. *International Journal of Educational Research*.
2. Yeung W. J. (2013). The expansion of higher education and social stratification in China. *Chinese Sociological Review*, 45(4), 54–80.
3. Zhao J., & Jones K. (2017). Women and leadership in Chinese higher education: Discourse and the discursive construction of identity. *Administrative Sciences*, 7(3), 21.
4. Bowman N. A., Logel C., LaCosse J., Jarratt L., Canning E.A., Emerson K.T. U., & Murphy M. (2022). Gender representation and academic performance among students interested in STEM in college STEM courses. *Journal of Research in Science Teaching*, 59, 1876–1900.
5. Stoet G., & Geary D. (2018). The paradox of gender equality in science, technology, engineering and mathematics education. *Psychological Science*, 29, 581–593.
6. Azizi H., Abdellatif W., Nasrullah M., Ali S., Ding J., & Khosa F. (2021). Gender inequality in leadership at top fifty North American universities: A thematic analysis through a theoretical lens. *Postgraduate Medical Journal*, 98, 705–709.
7. Monroe K., Ozyurt S., Wrigley T., & Alexander A.C. (2008). Gender equality in academia: Bad news from the field and some possible solutions. *Perspectives on Politics*, 6, 215–233.
8. Vohlídalová M. (2020). The early careers of female academics: between neoliberalism and gender conservatism. *Sociological Research Online*, 26, 27–43.
9. Loots, S., & Walker, M. (2015). Policymaking for gender equality in higher education: What human capabilities matter? *Gender and Education*, 27, 361–375.
10. Caffrey L., Wyatt D., Fudge N., Mattingley H., Williamson C., & McKeivitt C. (2016). Gender Equity Programs in Academic Medicine: A Realistic Approach to Athena SWAN Processes. *BMJ Open*, 6.

Влияние социальных установок молодых людей на меры профилактики наркомании

Чистякова Екатерина Анатольевна,

Московский государственный областной университет,
Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации
E-mail: Alex1678779@yandex.ru

Цель исследования – предложить рекомендации регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи на основе анализа влияния социальных установок молодых людей на потребление наркотических средств. *Задачи исследования:* обозначить актуальность и практическую значимость проблемы влияния социальных установок молодёжи на потребление наркотических средств и развитие явления наркотизма; проанализировать статистические данные по гражданам, вставшим впервые на диспансерный учёт в наркологические учреждения на территории г. Москвы; уточнить информационную и методологическую основу проводимого социологического исследования; отразить результаты проводимого исследования; на основе результатов сформировать рекомендации регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи. *Методы исследования:* анализ теоретических источников академической литературы, систематизация, обобщение, анализ статистических временных рядов, сбор и обработка информационных данных, социологическое исследование молодых людей, проживающих на территории г. Москвы и Московской области, возраст – 18–25 лет. Выборка была разделена на две группы: экспериментальную (у молодых граждан присутствует опыт потребления наркотических средств) и контрольную (у молодых людей отсутствует опыт потребления наркотических средств).

Результаты и выводы исследования: Обнаруженные в ходе проведения исследовательской работы социальные установки молодых граждан свидетельствуют о том, что в современных отечественных условиях нет чётких границ потребления наркотических средств в социуме. Не сформирована целостная и действенная система профилактики наркомании в молодёжной среде. Поэтому в данной работе были предложены рекомендации регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи, которые могут быть использованы в системе профилактики наркотизма среди российской молодёжи.

Ключевые слова: профилактика наркомании; молодые люди; социальные установки; явление наркотизма; потребление наркотических средств; особенности социализации; социальный риск; регулирование процессов потребления наркотических средств.

Введение

Применение в современном обществе наркотических средств насчитывает свыше 7 тыс. лет [1, с. 73]. Однако, если раньше мотивация людей к потреблению наркотических средств определялась религиозными и социокультурными аспектами, то в настоящее время распространение наркомании взаимосвязано с другими социальными установками.

Предупреждение и борьба наркотической зависимости среди молодёжи представляются наиболее актуальными областями современных исследовательских работ. Одновременно с этим стоит подчеркнуть, что действенная программа профилактики потребления наркотических средств в отечественных условиях с институциональной точки зрения отсутствует. Эта программа замещена применением репрессивных мер юридической ответственности, которые потенциально не могут положительно образом влиять на молодых людей и ориентированы на борьбу с криминальной составляющей потребления наркотических средств. Тем не менее, социокультурные факторы, которые также воздействуют на распространение явлений потребления наркотических средств, специфические черты современного этапа национального развития, социальные установки молодёжи преимущественно опускаются при анализе и освещении ситуаций наркомании.

Грамотная профилактика отрицательных проявлений общества, в частности, наркомании, должна быть обязательной функцией современных социально значимых институтов. На сегодняшний день возникли новые наркотические средства и препараты, которые меняют классическое представление о приобщении молодёжи к потреблению наркотических средств. Эти трансформации присутствуют и в сфере социальных установок: существенная численность молодых людей, потребляющих наркотические средства, – это подростки и молодые граждане до 25 лет, которые развивались в условиях идеологизации процессов в обществе потребления и глобализации. В данную эпоху ключевыми ценностями были личные свободы, права и максимальная потребительская удовлетворенность.

С учётом достаточно высокой степени латентности потребления наркотических средств в молодёжной среде имеющиеся статистические данные по российским регионам могут не раскрывать в полной мере масштабность этих отрицательных проявлений современного общества.

Следует различать наркотизм и наркоманию. Если последнее относится к заболеваниям, то наркотизм представляет собой потребление наркотических препаратов конкретным сегментом проживающего в стране населения, что способствует появлению общественно значимых проблем. Наркотизм, выступающий в качестве социального явления, подразумевает совокупность параметров, его определяющих: распространённость потребления наркотических средств и препаратов, методы и структура потребления наркотических средств, демографический состав и социальный статус граждан, употребляющих наркотические средства, востребованность конкретных наркотических средств среди молодых граждан, формы общественного контроля [2, с. 12].

Содержание исследования социального проявления наркотизма можно расширить на фоне объединения социокультурных и институциональных факторов. В данном случае социокультурными факторами являются глобализация наркотической зависимости среди молодежи, популяризация наркотических препаратов и средств, институциональными – условия социализации молодых граждан, социальные риски и регулирование работы социальных институтов. основополагающая задача исследовательской работы, посвященной поднимаемой в статье проблеме, – определение условий потребления наркотических средств и формирование комплекса мероприятий, сокращающих воздействие факторов риска потребления.

Материалы и методологическая основа исследования

Информационную базу проводимого исследования составили доступные статистические данные по диспансерному наблюдению молодых граждан в целом по РФ и в разрезе АО на территории г. Москвы, научно-исследовательские работы в области социологии и психологии, развития и социальных установок молодежи в современном мире [3–10].

Методологическая основа определяется традиционными концепциями социальных установок в современном сообществе, которые были предложены М. Смитом, М. Фишбайном, Г. Олпортом,

В. Ядовым; теориями аномии по взглядам Р. Мертона и Э. Дюркгейма; концепциями развития молодежных субкультур, основываясь на работах Т. Селлина и Э. Сатерленда; теорией общественного контроля Т. Хирши; концепцией построения и развития социального пространства, представленной Э. Гидденсом и П. Бурдьё.

Для того чтобы увеличить эффективность системы профилактики потребления среди молодежи наркотических средств, на педагогическом и социальном уровнях целесообразно решить задачу определения факторов социального риска наркотических проявлений в обществе. Поэтому внимание было обращено на концептуальные положения, изложенные У. Томасом и Ф. Знанецким [11], в рамках которых опыт молодых людей в сфере потребления наркотических средств воздействует на их отношение к общественным нормам и принятым ценностям.

Данная работа базируется на результатах социологического обследования молодых граждан, которые проживают в г. Москве и Московской области, их возраст – 18–25 лет. Общая численность участников – 225 человек.

Для анализа процессов потребления наркотических средств среди молодежи во взаимосвязи с социальными установками общая численность участников была распределена на две группы.

1. Контрольная группа: молодые люди не имеют опыт потребления наркотических средств, ни разу не пробовали наркотические препараты, доля в общей численности участников – 49,3%.
2. Экспериментальная группа: молодые люди имеют опыт потребления наркотических средств, доля в общей численности участников – 50,7%.

По двум группам участников был проведен факторный анализ с выделением по каждому из аспектов главной компоненты, основываясь на концепции Барлетта. Все участвовавшие молодые люди указали внутреннее отношение к потреблению наркотических средств.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице 1 отражены результаты факторного анализа по экспериментальной группе молодых людей.

Таблица 1. Результаты факторного анализа социальных установок молодых людей экспериментальной группы

№ п/п	Содержание фактора	Уровень главной компоненты
1	Легитимация потребления наркотических средств (дисперсия – 22%)	
1.1	Человек имеет право употреблять наркотические средства	0,859
1.2	Наркотическую зависимость можно избежать, если человек контролирует уровень потребления наркотических средств	0,833
1.3	Наркотические вещества представляют собой способ мироосознания, самореализации	0,827
1.4	В современном мире существуют наркотические средства, которые не приносят человеку вреда	0,798

№ п/п	Содержание фактора	Уровень главной компоненты
1.5	Наркотические средства позволяют уменьшить внутреннее напряжение, легко пережить стресс	0,769
1.6	Современное общество без наркотических средств нормально функционировать не сможет	0,716
1.7	Решение человека о потреблении наркотических средств зависит от их типа	0,614
2	Социальный риск (дисперсия – 14%)	
2.1	В РФ присутствует неравенство социальных возможностей по самореализации, что стимулирует приобщение молодых людей к потреблению наркотических средств	0,942
2.2	Молодые люди не уверены в своём будущем, что способствует потреблению наркотических средств	0,906
2.3	Внутренняя неудовлетворенность рабочим местом стимулирует потреблять наркотические средства	0,568
3	Особенности социализации (дисперсия – 11%)	
3.1	Социальное окружение молодых людей воздействует на их внутреннее отношение к наркомании	0,781
3.2	Стиль семейного воспитания воздействует на внутреннее отношение людей к наркотическим проявлениям в обществе	0,672
4	Доступность и распространённость потребления наркотических средств (дисперсия – 9%)	
4.1	В РФ наркотические средства доступны	0,799
4.2	Распространённость потребления наркотических средств крайне высокая	0,679
5	Популяризация в регионе наркотических средств и препаратов (дисперсия – 8%)	
5.1	Наркотические средства вызывают любопытство у молодых людей	0,801
5.2	Потребление наркотических средств – современная мода в молодёжной среде	0,566

Примечание: главная компонента – интегральная характеристика, диапазон изменения – от нуля до единицы.

Источник: авторская разработка.

Основываясь на таблице 1, укрупнённо анализировались пять факторов.

1. Легитимация, воздействующая на социальные установки молодых граждан, которые обладают опытом потребления наркотических средств. В первую группу фактора вошли параметры социальной поддержки наркотического потребления.
2. Социальный риск отражает институциональные установки в наркотизированной молодёжной среде. Были выявлены условия социальных процессов у молодых людей.
3. Особенности социализации также отражали институциональные установки молодых граждан, однако анализ основывался на результатах воздействия внешнего окружения на отношение молодёжи к наркомании.
4. Доступность и распространённость потребления наркотических средств.
5. Популяризация наркотических препаратов. Четвёртый и пятый факторы позволили понять социокультурное пространство молодых людей.

Стоит отметить, что социальный и демографический портрет экспериментальной и контрольной групп существенно не отличались. Кроме того, отношение молодых людей к ценностям, например,

к состоянию своего здоровья, к работе, к дружбе, к духовному развитию, к свободе, к семейному счастью, у экспериментальной и контрольной групп достаточно высокий – по пятибалльной шкале средний балл более 4 баллов. Однако в экспериментальной группе молодых людей значение приверженности молодых граждан общественно значимым целям меньше по сравнению с контрольной группой на 0,42 балла (рис. 1).

Молодые люди экспериментальной группы в процессе социологического обследования продемонстрировали крайне высокую степень информационной осведомленности в сфере наркомании, утверждали, что существуют безопасные типы наркотических препаратов, которые не приносят значительного вреда. Это также подтверждается результатами в таблице 1.

1. Решение человека о потреблении наркотических средств зависит от их типа – 61,4%.
2. В современном мире существуют наркотические средства, которые не приносят человеку вреда, – 79,8%.
3. Наркотическую зависимость можно избежать, если человек контролирует уровень потребления наркотических средств, – 83,3%.

Была обнаружена стремительная динамика потребления наркотических средств: свыше 60% молодых граждан экспериментальной группы нара-

щивали свой наркотический опыт, а также употребляли несколько типов наркотических веществ.

Потребление наркотических средств представляет собой особое явление современной среды, поэтому ключевую роль в решении потреблять наркотики играют люди внешнего окружения. Степень вероятности создания у молодёжи положительных социальных установок в области потребления наркотических средств крайне высокая, если внешнее окружение толерантно относится к наркотизму либо одобряет данное явление (рис. 1).

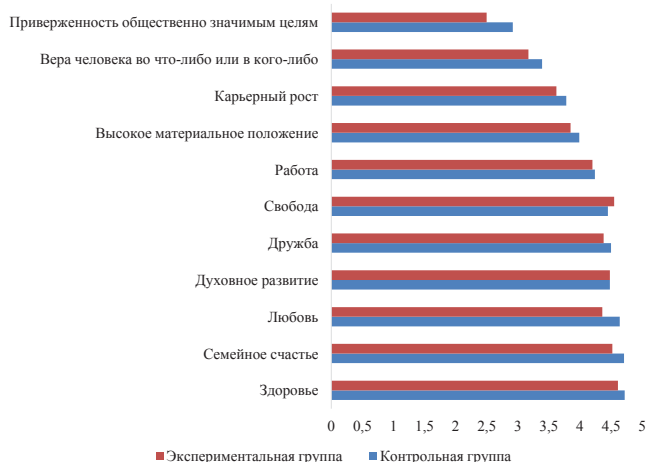

Рис. 1. Иерархическая структура ценностей молодых граждан экспериментальной и контрольной групп (средний балл)

Источник: авторская разработка.

Результаты экспериментальной и контрольной групп, выявленные в ходе социологического обследования, также подтверждают следующее.

1. Друзья употребляют наркотические средства: экспериментальная группа – более 85% участников, контрольная группа – не более 25% участников.
2. Родственники или члены семьи употребляют наркотические средства: экспериментальная группа – менее 20% участников, контрольная группа – не более 7% участников.
3. Коллеги по работе или сверстники по месту обучения употребляют наркотические средства: экспериментальная группа – свыше 45% участников, контрольная группа – не более 20%.

Если эффективное воздействие на молодых людей со стороны социальных институтов семьи и образовательных организаций отсутствует, то друзья являются основополагающей фундаментом создания социокультурного потенциала молодёжи [12, с. 86]. Основываясь на концепции Т. Парсонса [13], учебная среда выступает одним из факторов создания и осуществления социальной установки на отказ от приобщения к явлениям наркотизма. Тем не менее, даже студент высшего учебного заведения находится в зоне риска потребления наркотических средств, что также отражают результаты настоящего исследования.

Принятие молодёжью решения о том, потреблять или не потреблять наркотические средства, обусловлено мотивами поведения. В частности, для экспериментальной группы намерение употреблять наркотические средства определяется компенсаторной функцией этих веществ.

1. Молодые люди не уверены в своём будущем, что способствует потреблению наркотических средств, – 90,6%.
2. В РФ присутствует неравенство социальных возможностей по самореализации, что стимулирует приобщение молодых людей к потреблению наркотических средств, – 94,2%.
3. Внутренняя неудовлетворенность рабочим местом стимулирует потреблять наркотические средства – 56,8%.

Следовательно, на социальные установки молодых граждан экспериментальной группы воздействуют внешнее окружение и текущая социальная обстановка, существование опыта потребления наркотических средств стимулирует к осуществлению повторного использования этих веществ.

Отношение молодёжи к профилактике наркомании сформировалось, исходя из открытых информационных данных, а также существующего опыта. В соответствии с таблицей 2 экспериментальная группа молодых людей включала в себя преимущественно представителей либеральной стратегии профилактики наркомании, а контрольная группа – представителей репрессивной стратегии профилактики рассматриваемого явления.

Таблица 2. Субъективная оценка молодых людей регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи, %

Утверждение	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Наркотические средства можно применять в медицинских целях	87,1	60,0
Государственные органы должны осуществлять дифференцированную стратегию для борьбы с наркоманией	78,2	34,2
Запрещенные наркотические средства и легализация алкогольных напитков – противоречие в реализации национальной политики	76,9	43,1
Человек имеет право употреблять наркотические средства	68,9	26,2
Посещение клубов в ночное время не сократит объём потребления наркотических средств	64,0	36,9
Нецелесообразно введение уголовной ответственности за потребление наркотических средств	60,9	20,9
Наркологическое лечение должно быть добровольным	52,9	30,2

Окончание

Утверждение	Экспериментальная группа	Контрольная группа
При легализации наркотического рынка объём потребления не возрастёт	32,9	14,2
Потребление наркотических средств представляет собой значительную проблему современного общества	58,2	84,9
При решении употреблять наркотические средства присутствует значительный социальный риск	58,2	87,1
Активное антинаркотическое движение в молодёжной среде может сократить объём потребления наркотических средств в современном обществе	48,9	68,0
Потребление наркотических средств противоречит принятым ценностям и нормам современного общества	44,9	80,0
Информационные данные о вреде наркомании, размещённые на официальном сайте государственных органов, обоснованы	27,1	52,9

Примечание: результат представлен по респондентам, которые отметили, что они согласны с представленным утверждением.

Источник: авторская разработка.

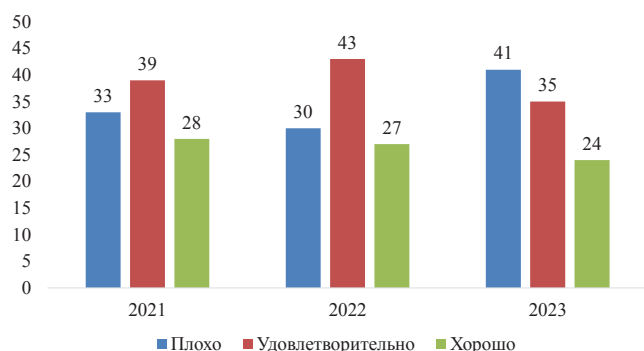

Рис. 2. Отношение молодых людей

к предпринимаемым в стране репрессивным мерам при выявлении потребления наркотических средств, %

Источник: составлено автором по данным официальной статистики в РФ.

В национальной системе профилактика наркомании направлена на определение, наказание, постановку на диспансерный учёт молодых людей, которые потребляют наркотические средства. Тем не менее, подобная репрессивная стратегия профилактики наркотических средств обладает крайне низким уровнем результативности, так как не влияет на причины распространения изучаемого негативного явления. Более 30% молодых людей в 2023 году плохо относятся к предпринимаемым в стране репрессивным мерам в отношении

граждан, потребляющих наркотические средства (рис. 2).

Поэтому нужно сформировать систему рекомендаций регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи.

Рекомендации регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи

Основываясь на результатах осуществлённого исследования, мы предлагаем следующие рекомендации.

1. Ослабление проводимой репрессивной стратегии профилактики наркомании среди молодых граждан. Целесообразно перейти к политике ограничений потребления наркотических средств с использованием здоровьесберегающего подхода.
2. Введение грантовой поддержки на региональном уровне на развитие системы профилактики наркомании в молодёжной среде.
3. Увеличение эффективности функционирования образовательных организаций при помощи повышения психологических компетенций педагогов, навыков применения ими действенных методов профилактики потребления наркотических средств, формирования и реализации прогрессивных педагогических методик борьбы с наркотизмом.
4. Отслеживание социокультурных изменений в молодёжной среде, на базе чего будут формироваться и осуществляться инновационные способы профилактики наркомании с учётом зарубежного опыта борьбы с наркотизированными социальными группами.
5. Формирование базовых условий для самореализации молодых людей, обеспечения спортивных занятий и физических нагрузок, осуществления досуговой деятельности в различных формах, исключая потребление наркотических средств.

Практическое осуществление представленных рекомендаций подразумевает реализацию комплексного подхода в образовательных организациях, а также справедливое и честное государственное регулирование социальных процессов.

Выводы

Результативность профилактики потребления наркотических средств по-разному воспринимается субъектами, которые реализуют антинаркотические мероприятия. Преимущественно их эффективность сводится к выявлению позитивного тренда в параметрах статистики по наркотической зависимости населения внутри страны. Однако для самих граждан обладают крайне высокой значимостью изменения, происходящие во внешнем окружении, что

формирует уровень их доверия к предпринимаемым действиям профилактики наркомании.

Обнаруженные в ходе проведения исследовательской работы социальные установки молодых граждан свидетельствуют о том, что в современных отечественных условиях нет чётких границ потребления наркотических средств в социуме. Не сформирована целостная и действенная система профилактики наркомании в молодёжной среде. Поэтому в данной работе были предложены рекомендации регулирования процессов потребления наркотических средств среди молодёжи, которые могут быть использованы в системе профилактики наркотизма среди российской молодёжи.

Литература

1. Брюн Е.А. Введение в антропологическую наркологию // Вопросы наркологии. – 1993. – № 1. – С. 72–93.
2. Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1998. – 120 с.
3. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодёжи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № . 2 (91). – С. 89–105.
4. Милёхин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А. Психолого-педагогические условия первичной профилактики наркомании в студенческой среде // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № . 4. – С. 111–125.
5. Мартынова О.Ю. О реализации задач государственных программ по формированию у детей и обучающейся молодёжи ценностных ориентаций и навыков здорового образа жизни // Достижения науки и образования. – 2022. – № . 3 (83). – С. 62–70.
6. Куприяничик Т.В., Ермякина Н.А. К вопросу о содержании профилактики наркомании в школьной среде (по материалам Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании) // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. – 2020. – С. 41–45.
7. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Профилактика употребления психоактивных веществ в молодёжной среде // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № . 9–1. – С. 46–50.
8. Криксин А.М. Об эффективности оценки профилактики наркоугрозы в молодёжной среде // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № . 1 (50). – С. 47–52.
9. Заева О.В., Артамонова Е.Г., Алагуев М.В. Планирование и организация системной работы с обучающимися по профилактике раннего вовлечения в незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ // Образование личности. – 2021. – № . 1–2. – С. 97–122.
10. Чикаева Г.С., Власова В.Н., Ковров В.В. Девиантное поведение молодёжи: социальные факторы, его детерминирующие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № . 1. – С. 263–268.
11. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. – Vol. 1 Second edition. – New York, 1927.
12. Александров Р.Ю. Социально-философские аспекты развития молодёжной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № . 5. – С. 85–88.
13. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998. – 270 с.

THE INFLUENCE OF SOCIAL ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE ON DRUG ADDICTION PREVENTION MEASURES

Chistiakova E.A.

Moscow State Regional University

The purpose of the study is to offer recommendations for regulating drug use among young people based on an analysis of the influence of young people's social attitudes on drug use. Objectives of the study: to identify the relevance and practical significance of the problem of the influence of social attitudes of young people on the consumption of narcotic drugs and the development of the phenomenon of drug addiction; analyze statistical data on citizens who are registered for the first time in drug treatment institutions in Moscow; clarify the information and methodological basis of the ongoing sociological research; reflect the results of the research; Based on the results, formulate recommendations for regulating drug use among young people. Research methods: analysis of theoretical sources of academic literature, systematization, generalization, analysis of statistical time series, collection and processing of information data, sociological study of young people living in Moscow and the Moscow region, age – 18–25 years. The sample was divided into two groups: experimental (young people have experience of using drugs) and control (young people have no experience of using drugs).

Results and conclusions of the study: The social attitudes of young citizens discovered during the research work indicate that in modern domestic conditions there are no clear boundaries for the use of narcotic drugs in society. A holistic and effective drug addiction prevention system among young people has not been created. Therefore, in this work, recommendations were proposed for regulating the processes of drug consumption among young people, which can be used in the drug prevention system among Russian youth.

Keywords: drug addiction prevention; young people; social attitudes; the phenomenon of drug addiction; drug use; features of socialization; social risk; regulation of drug consumption processes.

References

1. Bryun E.A. Introduction to anthropological narcology // Issues of narcology. – 1993. – No. 1. – P. 72–93.
2. Keselman L.E. Social coordinates of drug addiction. – St. Petersburg: St. Petersburg branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1998. – 120 p.
3. Zubok Yu.A., Berезutsky Yu.V. Social activity of young people: ideological foundations of self-regulation // Power and administration in the East of Russia. – 2020. – No. 2 (91). – P. 89–105.
4. Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Psychological and pedagogical conditions for primary prevention of drug addiction among students // Psychology and Law. – 2020. – V. 10. – No. 4. – P. 111–125.
5. Martynova O. Yu. On the implementation of the objectives of state programs for the formation of value orientations and

- healthy lifestyle skills in children and students // Achievements of science and education. – 2022. – No. 3 (83). – P. 62–70.
6. Kupriyanchik T. V., Ermyakina N.A. On the content of drug addiction prevention in the school environment (based on the materials of the European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction) // Counteracting the drug threat at the present stage: legal and socio-humanitarian aspects. – 2020. – P. 41–45.
 7. Sadykov R. M., Bolshakova N.L. Prevention of psychoactive substance use among young people // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2021. – No. 9–1. – P. 46–50.
 8. Kriksin A.M. On the effectiveness of assessing the prevention of drug threats among young people // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1 (50). – P. 47–52.
 9. Zaeva O. V., Artamonova E.G., Alaguev M.V. Planning and organizing systematic work with students on the prevention of early involvement in the illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances // Personality education. – 2021. – No. 1–2. – P. 97–122.
 10. Chikaeva G. S., Vlasova V.N., Kovrov V.V. Deviant behavior of young people: social factors that determine it // State and municipal administration. Scientific notes. – 2022. – No. 1. – P. 263–268.
 11. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. – Vol. 1 Second edition. – New York, 1927.
 12. Aleksandrov R. Yu. Social and philosophical aspects of the development of youth subculture // Humanitarian and socio-economic sciences. – 2008. – No. 5. – P. 85–88.
 13. Parsons T. The system of modern societies. – M., 1998. – 270 p.

Скулшутинг в школьной образовательной среде и факторы его детерминации. Типология участников скулшутинга

Васильев Владислав Владиславович,

аспирант, кафедры «Социологии и работы с молодежью»
Института гуманитарных и социальных наук Уфимского
университета науки и техники
E-mail: dr.vladislav2011@gmail.com

Данная научная статья комплексно исследует проблему массовых расстрелов в учебных заведениях, известную как «скулшутинг», и факторы, определяющие ее возникновение. Скулшутинг – это акт вооруженного нападения, совершаемый в пределах учебного заведения, направленный против учащихся и преподавателей. В работе подробно анализируются ключевые понятия «детерминация» и «факторы детерминации» в социологическом контексте, что позволяет глубже понять природу данного социального явления. Авторы дают четкое определение «скулшутинга», описывают его характерные признаки, такие как предварительное планирование, использование широкого спектра оружия, связь преступника с образовательным учреждением и цель нанести ущерб неопределенной группе людей. На основе статистического анализа случаев скулшутинга в России за период 2014–2023 гг. выявлены регионы с наибольшим количеством инцидентов, что позволяет сделать вывод о географической зависимости распространения данной проблемы, которая может быть связана с доступностью оружия и ограниченностью профилактической работы в отдаленных районах. В работе подробно рассматриваются различные факторы, способствующие возникновению скулшутинга. К ним относятся индивидуальные (психические расстройства, травмы, буллинг), семейные (домашнее насилие, неблагоприятная среда), образовательные (отсутствие поддержки, низкая самооценка), социальные (влияние СМИ, доступ к оружию, социальная изоляция) и средовые (бедность, безработица, ограниченность психологической помощи). Авторы опираются на исследования ведущих зарубежных и российских ученых в этой области. Особое внимание уделено типологии участников скулшутинга. Выделены такие типы, как «мстители», «жаждущие славы», «психотики» и «самоубийцы», каждый из которых характеризуется специфическими мотивами, поведением и психологическим профилем. Комплексный подход к изучению проблемы скулшутинга, представленный в данной статье, имеет важное значение для разработки эффективных профилактических мер и стратегий предотвращения таких трагических инцидентов в образовательной среде. Авторы предлагают комплекс мер, включающих усиление контроля за оборотом оружия, повышение безопасности образовательных учреждений, создание системы раннего реагирования, повышение психологической грамотности населения и развитие служб медиации. Решение проблемы скулшутинга требует консолидированных усилий всех заинтересованных сторон – государственных органов, правоохранительных структур, образовательных учреждений, семей и общества в целом. Только совместные действия позволят создать безопасную образовательную среду и предотвратить подобные трагедии.

Ключевые слова: скулшутинг, детерминация, факторы, профилактика, предотвращение, географические тенденции, образовательная среда.

Введение

Рассматривая проблему возникновения такого явления, как «скулшутинг» обозначим для полного понимания картины вводные определения «детерминация» и «факторы детерминации» для более глубокого понятия и раскрытия проблемы «скулшутинга».

Понятие «детерминации» является ключевым в социологической науке, оно позволяет понять причинно-следственные связи, лежащие в основе социальных явлений и процессов. Детерминация представляет собой процесс, посредством которого одни факторы или события обуславливают возникновение, развитие и изменение других факторов или событий.

В социологии детерминация рассматривается как механизм, определяющий социальное поведение индивидов и групп, а также формирование и трансформацию социальных структур [1].

Факторы детерминации в социологии – это широкий круг причин, условий и обстоятельств, которые включают в себя социально-экономические условия, политические, культурные, демографические, географические и экологические факторы, которые оказывают влияние на социальные явления.

Необходимость типологизации личности преступника возникает в связи с систематизацией описания разнообразия личностных характеристик преступника в целях построения на их основе некоторых идеальных моделей.

Важную роль играет структурирование и формирование типологии скулшутера и описание его общего портрета.

Обсуждение

Американский ученый и журналист Глен Мачерт вывел термин «school shooting» (далее – скулшутинг) после изучения случаев массовых расстрелов в образовательных организациях [2], а по мнению Ньюмана К.С. Фокса К., Хардинга Д., Мехта Дж., Рота У. скулшутинг – это стрельба на территории школы или во время школьного мероприятия, совершенная учеником или группой учеников, в результате которой погибло два или более человек, включая случайных жертв [3].

Фокс Д.А. выявил следующие тенденции: число скулшутинга растет, большинство скулшутинга совершается учащимися мужского пола, большинство скулшутинга происходит в средних школах [4].

По данным открытых источников информации, демонстрируются рост количества случаев скулшутинга в России, так в период с 2014 по 2023 год зафиксировано 34 случая скулшутинга в 21 регионах, что показывает тенденцию к увеличению ко-

личества преступлений, совершенных в образовательных организациях [5]. На данный момент нам удалось собрать и зафиксировать в таблице 1 все случаи скулшутинга в России.

Таблица 1. Преступления, совершенные в образовательных организациях за период с 2014 по 2023 г.

Регионы и города	Года										
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	
Москва	1			1							
Московская область	1			1				1		1	
Томская область	1	1									
Саратовская область			1				1				
Приморский край				1							
Иркутская область					1						
Пермский край						1		3			
Республика Бурятия						1					
Курганская область						1					
Республика Башкортостан						1					
Новосибирская область						1		1			
Республика Крым						1					
Красноярский край							1		1		
Республика Татарстан							1	1			
Ненецкий АО							1				
Амурская область							1				
Ульяновская область									1		
Удмуртская область									1	1	
Санкт-Петербург										1	
Ростовская область										1	
Брянская область										1	

Представленные данные позволяют говорить о том, что количество случаев скулшутинга в различных регионах варьируется. В одних наблюдается увеличение подобных прецедентов, например, Москва и Московская область, Пермский край, Республика Татарстан, в этих регионах случаи скулшутинга встречаются чаще. Выделяется зависимость от географического распределения случаев скулшутинга, так в рост числа случаев в Московской области, Пермском крае, и республике Татарстан за несколько лет показывает остроту развития проблемы, а случаи произошедшие в отдаленных или менее обитаемых регионах, таких как Ненецкий автономный округ могут указывать на распространение проблемы в регионах с ограниченным доступом оружию.

Исследователи выявили факторы, способствующие развитию проблемы скулшутинга.

Лангман П., указывает что психические заболевания, такие как депрессия, тревога, биполярное расстройство и шизофрения, а также личностные расстройства, такие как антисоциальное расстройство личности, пограничное расстройство личности и нарциссическое расстройство, а также опыт травмы или пренебрежения, могут увеличить риск совершения насильственных действий. Кроме того, опыт травмы, издевательств или пренебрежения может привести к развитию гнева, обиды и желания отомстить [6].

Первомайский Л.М. и Кондратьев А.А. изучали психологические портреты скулшутеров и выявили следующие их особенности: замкнутость, необщительность, низкая самооценка и чувство неполноценности, агрессивность и жестокость, склонность к суицидальному поведению [7].

Верлинден С., Херсен М., Томас Дж., выделяют наличие насилия в семье, неблагоприятная семейная среда и отсутствие родительского контроля могут способствовать агрессивному поведению и увеличить риск совершения насильственных действий [8].

Ньюман К.С. Фокс К., Хардинг Д., Мехта Дж. и Рот У., выделяли, что образовательная среда, характеризуется издевательствами, отсутствием поддержки со стороны сверстников и учителей, а также низкой самооценкой, может создать условия, способствующие насилию [3].

Левин Дж. и Мэдфис Э., подчеркивают, что влияние средств массовой информации, пропагандирующих насилие, а также доступ к оружию могут увеличить риск совершения насильственных действий. Кроме того, социальная изоляция и отсутствие позитивных социальных связей могут привести к чувству безнадежности и отчаяния [9].

Рок М. указывает, что сообщества с высоким уровнем бедности, отсутствие доступа к услугам психического здоровья и поддержки, безработицы и преступности могут создать среду, способствующую насилию [10].

Мамедов Ш.Г. анализирует сущность данного явления и основные характеристики и предлагает пять ключевых признаков: предварительное планирование и подготовка к нападению, использование широкого спектра оружия, совершение преступления непосредственно на территории образовательного учреждения, связь нападавшего с этим учреждением, а также цель причинения смерти неопределенной группе людей [11].

Помимо основных характеристик преступников-скулшутеров выделяются индивидуальные факторы.

Суходольская Ю.В. выделяет индивидуальные факторы такие как: психологические трудности или расстройства, чувство социального одиночества, вовлеченность в культурный сценарий, где насилие и оружие рассматриваются как способ решения проблем, а также отсутствие системы выявления потенциальных массовых убийц в школе [12].

Верлинден С., Херсен М., Томас Дж., выделяли два фактора: история насилия или жестокого обращения и злоупотребление психоактивными веществами [8].

Левин Дж. и Мэдфис Э. как фактор указывают социальную изоляцию и отсутствие позитивных социальных связей [9].

Вяткина Н.В., Щукина Р.И., Федотова П., Гаджиева М.Т., выделяли три основных фактора скулшутинга: психологический фактор, социальный фактор, а также роль СМИ в сенсационализме случаев скулшутинга [13].

Участников скулшутинга можно разделить на несколько типов в зависимости от их мотивов, поведения и психологического профиля.

Лангман П., выделяет три типа участников скулшутинга: мстители, искатели славы, психотики [6].

Верлинден С., Херсен М., Томас Дж., выделяют тип участников скулшутинга таких как самоубийцы [8].

Первомайский Л.М. и Кондратьев А.А. выявили следующие их особенности: замкнутость, необщительность, низкая самооценка и чувство неполноценности, агрессивность и жестокость, склонность к суицидальному поведению [7].

Суходольская Ю.В. выделяет среди мотивов желание привлечь внимание, добиться признания или совершить самоубийство [12].

Основными причинами криминализации образовательной среды Мамонтова Е.А. называет: трансформацию школьного и профессионального образования детей и молодежи в рутинную образовательную услугу, снижение авторитета личности учителя, отсутствие централизованной государственной системы профилактики и противодействия преступности в образовательных учреждениях России, недоразвитость системы противодействия буллингу, а также свободный доступ подростков к депрессивно-агрессивному и около суицидальному контенту в Интернете [14].

Лукашкова И.А, Яценко А.А. выделяли как причину: негативная семейная и школьная обстановка (жестокость, насилие, несправедливость): социальный остракизм, буллинг, разочарование в значимых людях, дистанцированность, эскейп-реакции, субкультуризация общества, пропаганда вооруженного насилия в молодежных субкультурах [15].

Цыкора А.В., отмечает, что скулшутинг имеет «заразительный эффект» и может распространяться среди молодежи независимо от территориальной, расовой или социальной принадлежности [16].

Кроме того, Борум Р., Корнелл, Д. Г., Модзелевский, В., и Джимерсон отмечают, что большинство стрелков сообщают о своих намерениях до совершения нападения [17].

Клейберг Ю.А. подчеркивает важность обеспечения безопасности, обучения методам противостояния, внедрения медиативных технологий и своевременного выявления детей с тревожными признаками [18].

Заключение

Скулшутинг является актуальной проблемой и требует комплексного подхода к ее решению. Проведенное исследование показывает, что возникновение скулшутинга обусловлено целым рядом взаимосвязанных детерминант, включающих индивидуальные, семейные, образовательные, социальные, экономические и политические факторы.

К индивидуальным факторам относятся наличие психических расстройств, особенности личности, а также опыт травм, буллинга и пренебрежения. Семейные факторы связаны с наличием домашнего насилия, неблагоприятной семейной средой и недостатком родительского контроля. Образовательные факторы включают буллинг, отсутствие поддержки со стороны сверстников и учителей, а также низкую самооценку. Социальные факторы охватывают влияние СМИ, пропагандирующих насилие, доступность оружия и социальную изоляцию. Экономические и политические факторы ассоциируются с высоким уровнем бедности, безработицы, преступности, а также ограниченным доступом к услугам психического здоровья.

Согласно исследованиям, участников скулшутинга можно разделить на несколько типов в зависимости от их мотивов, поведения и психологического профиля. Это «мстители», «жаждущие славы», «психотики» и «самоубийцы».

Для предотвращения подобных трагических событий необходимо принятие комплексных мер, включающих усиление контроля за оборотом оружия, повышение безопасности образовательных учреждений, создание системы раннего реагирования, повышение психологической грамотности населения и развитие служб медиации в образовательных организациях.

Решение проблемы скулшутинга требует согласованных усилий всех заинтересованных сторон – государственных органов, правоохранительных структур, образовательных учреждений, семей и общества в целом. Только совместные действия позволят создать безопасную образовательную среду и предотвратить подобные трагедии.

Динамика роста случаев скулшутинга и их серьезное влияние на общество подчеркивают необходимость координированных усилий в сфере образования, охраны психического здоровья и социальной защиты для предотвращения и противодействия этому явлению. Важно продолжать исследования, разрабатывать программы профилактики и создавать поддержку для жертв и их семей.

Литература

- Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 2010. – 680 с.
- Казанцева А.Р. Феномен скулшутинга и стилистика его медийного освещения (на примере публикаций о трагедии в Казани) // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: статьи 21-й Международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2022. – С. 241–248.
- Ньюман К.С. Фокс К., Хардинг Д., Мехта Дж. и Рот У. Буйство: социальные корни школьных перестрелок. – Хашетт, Великобритания, 2008.
- Фокс, Дж. А. (2021). Стрельба в школах в Соединенных Штатах: эпидемиологическое исследование. Журнал уголовного правосудия, 73, 101782.
- Нападения на учебные заведения в России / [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нападения_на_учебные_заведения_в_России (дата обращения: 27.05.2024).
- Лангман П. (2009). Почему дети убивают: мысли школьных стрелков. Пэлгрейв Макмиллан.
- Первомайский Л.М., Кондратьев А.А. (2023). Психологические портреты школьных стрелков. Психологический журнал, 44(5), 5–18.
- Верлинден С., Херсен М., Томас Дж. (2000). Факторы риска при стрельбе в школах. Обзор клинической психологии, 20 (1), 3–56.
- Левин Дж. и Мэдфис Э. (2009). Массовое убийство в школе и кумулятивное напряжение: последовательная модель. American Behavioral Scientist, 52 (9), 1227–1245.
- Рок М. (2012). Исследование массовых беспорядков в школах: исследования, теория и политика. Журнал социальных наук, 49 (3), 304–313.
- Мамедов Ш.Г. Понятие вооруженных нападения в образовательных организациях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 145–155.
- Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен / Ю.В. Суходольская // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 3(77). – С. 117–120. – EDN CPENAT.
- Вяткина Н.В., Щукина Р.И., Федотова П., Гаджиева М.Т. Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-vzglyad-na-problemu-issledovateley-i-obyvateley> (дата обращения: 14.03.2024).
- Мамонтова Э.А. Возникновение и динамика развития феномена скулшутинга в России / Э.А. Мамонтова // Право: история и современность. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 71–81. – DOI 10.17277/pravo.2023.01.pp.071–081. – EDN ORJFVA.
- Лукашкова И.Л., Яценко А.А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-skulshutinga-prichiny-i-profilaktika> (дата обращения: 13.03.2024).
- Цыкора А.В. Понятие и основные характеристики «скулшутинга» / А.В. Цыкора // Наука и мир. – 2021. – № 2. – С. 26–30. – DOI 10.26526/2307–9401–2022–2021–2–26–30. – EDN KTCQLM.
- Борум Р., Корнелл, Д. Г., Модзелевский, В., и Джимерсон, С.Р. Что можно сделать о школьной стрельбе? A review of the evidence // Educational Researcher. – 2010. – Т. 39. – № 1. – С. 27–37.
- Клейберг Ю.А. Шуттинг как психолого-девиантологический феномен // Вестник экспериментального образования. 2020. № 1 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shutting-kak-psihologo-deviantologicheskii-fenomen> (дата обращения: 20.03.2024).

SCHOOLSHOOTING IN THE SCHOOL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND THE FACTORS OF ITS DETERMINATION. THE TYPOLOGY OF SCHOOLSHOOTING PARTICIPANTS

Vasiliev V.V.

Ufa University of Science and Technology

This scientific article comprehensively examines the problem of mass shootings in educational institutions, known as “schoolshooting”, and the factors determining its occurrence. Schoolshooting is an act of armed attack committed within an educational institution, directed against students and teachers. The paper analyzes in detail the key concepts of “determination” and “factors of determination” in

a sociological context, which allows a deeper understanding of the nature of this social phenomenon. The authors give a clear definition of “schoolshooting”, describe its characteristic features, such as pre-planning, the use of a wide range of weapons, the criminal’s connection with an educational institution and the goal of harming an unspecified group of people. Based on the statistical analysis of schoolshooting cases in Russia for the period 2014–2023. The regions with the largest number of incidents have been identified, which allows us to conclude that the geographical dependence of the spread of this problem, which may be related to the availability of weapons and limited preventive work in remote areas. The paper examines in detail the various factors contributing to the emergence of schoolshooting. These include individual (mental disorders, trauma, bullying), family (domestic violence, unfavorable environment), educational (lack of support, low self-esteem), social (media influence, access to weapons, social isolation) and environmental (poverty, unemployment, limited psychological assistance). The authors rely on the research of leading foreign and Russian scientists in this field. Special attention is paid to the typology of schoolshooting participants. There are such types as “avengers”, “glory seekers”, “psychotics” and “suicides”, each of which is characterized by specific motives, behavior and psychological profile. The comprehensive approach to the study of the problem of schoolshooting presented in this article is important for the development of effective preventive measures and strategies to prevent such tragic incidents in the educational environment. The authors propose a set of measures including strengthening control over arms trafficking, improving the safety of educational institutions, creating an early response system, improving psychological literacy of the population and developing mediation services. Solving the problem of schoolshooting requires the consolidated efforts of all stakeholders – government agencies, law enforcement agencies, educational institutions, families and society as a whole. Only joint actions will create a safe educational environment and prevent such tragedies.

Keywords: school shooting, determination, factors, prevention, prevention, geographical trends, educational environment.

References

1. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – M.: Publishing group INFRA M – NORM, 2010. – 680 p.
2. Kazantseva A.R. The phenomenon of school shooting and the style of its media coverage (using the example of publications about the tragedy in Kazan) // *Modern media environment: traditions, current practices and trends. The view of young researchers: articles of the 21st International Conference of Students, Masters and Postgraduates.* – SPb.: St. Petersburg. state univ., 2022. – pp. 241–248.
3. Newman, K. S., Fox, K., Harding, D., Mehta, J., and Roth, W. Rampage: The Social Roots of School Shootings. – Hachette, UK, 2008.
4. Fox, J. A. (2021). School shootings in the United States: An epidemiological study. *Journal of Criminal Justice*, 73, 101782.
5. Attacks on educational institutions in Russia / [Electronic resource] // Wikipedia: [site]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Attacks_on_educational_institutions_in_Russia (date of access: 05/27/2024).
6. Langman P. (2009). *Why Children Kill: Thoughts of School Shooters.* Palgrave Macmillan.
7. Pervomaisky L.M., Kondratyev A.A. (2023). Psychological profiles of school shooters. *Journal of Psychology*, 44(5), 5–18.
8. Verlinden S., Hersen M., Thomas J. (2000). Risk factors for school shootings. *Clinical Psychology Review*, 20(1), 3–56.
9. Levine, J., & Madfis, E. (2009). School massacres and cumulative stress: A sequential model. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1227–1245.
10. Rock M. (2012). Research on school riots: Research, theory, and policy. *Journal of Social Sciences*, 49(3), 304–313.
11. Mamedov Sh.G. The concept of armed attacks in educational organizations // *News of the South-Western State University. Series: History and Law.* – 2023. – T. 13. – No. 3. – pp. 145–155.
12. Sukhodolskaya Yu.V. School shooting as an independent criminological phenomenon / Yu.V. Sukhodolskaya // *Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation.* – 2020. – No. 3(77). – pp. 117–120. – EDN CPENAT.
13. Vyatkina N.V., Shchukina R.I., Fedotova P., Gadzhieva M.T. Schoolshooting in Russia: a look at the problem of researchers and ordinary people // *Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences.* 2023. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-vzglyad-na-problemu-issledovateley-i-obyvateley> (access date: 03/14/2024).
14. Mamontova E.A. The emergence and dynamics of development of the phenomenon of school shooting in Russia / E.A. Mamontova // *Law: history and modernity.* – 2023. – T. 7, No. 1. – P. 71–81. – DOI 10.17277/pravo.2023.01.pp.071–081. – EDN ORJFVA.
15. Lukashkova I.L., Yashchenko A.A. The phenomenon of school shooting: causes and prevention // *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2021. No. 2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-skulshutinga-prichiny-i-profilaktika> (date of access: 03/13/2024).
16. Tsykora A.V. The concept and main characteristics of “school shooting” / A.V. Tsykora // *Science and World.* – 2021. – No. 2. – P. 26–30. – DOI 10.26526/2307–9401–2022–2021–2–26–30. – EDN KTCQLM.
17. Borum, R., Cornell, D. G., Modzelewski, W., and Jimerson, S.R. What can be learned about school shootings? A review of the evidence // *Educational Researcher.* – 2010. – T. 39. – No. 1. – pp. 27–37.
18. Kleiberg Yu.A. Shutting as a psychological and deviantological phenomenon // *Bulletin of experimental education.* 2020. No. 1 (22). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shutting-kak-psihologo-deviantologicheskij-phenomen> (date of access: 03/20/2024).

Оценка социологических решений проблемы управления отходами

Горбунова Ирина Юрьевна,

д.х.н., профессор, заведующий кафедрой технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: Giy161@yandex.ru

Давидьянц Никита Григорьевич,

инженер кафедры технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: nekit199dav@gmail.com

Кравченко Татьяна Петровна,

к.т.н., главный специалист кафедры технологии переработки пластмасс РХТУ им. Д.И. Менделеева
E-mail: kravchenkopolimer@gmail.com

Юцкова Екатерина Валерьевна,

к.м.н., заведующий отделением неврологии ГКБ № 1 им. И.М. Сеченова, Первой Градской больницы
E-mail: yutskova@gmail.com

Счастье и благополучие людей, удовлетворенность экономической и социальной системой страны и собственным восприятием экономических условий становятся предметом оценки социального поведения общества. Решение социальных проблем, возникающих в результате производства отходов и обращения с ними, требует комплексного подхода на национальном уровне. Социальная ответственность по рекуперации различных видов отходов стали частью жизнеспособной политики управления ресурсами, они должны основываться на внедрении закрытой системы утилизации производства различных типов материалов.

Ключевые слова: социальная озабоченность, последствия, экологические проблемы, развитие технологий, рост индустриализации.

Ключевое отличие современности и нового общественного миропорядка от прежних вариантов мироустройства заключается в распространении рисков во всех сферах жизни человека и их постоянное умножение. Анализируя современное общество России, связанное с переходными трансформациями, необходимо отметить существование многих нерешенных социальных проблем, которые проецируются на социально-экономическое развитие страны и оказывают влияние на качество жизни населения. В противоречивых и проблемных ситуациях социального развития под действием неблагоприятных социальных факторов и условий возникает необходимость комплексного или ситуативного преобразования общества [1].

Сегодня обращение с отходами представляется одной из главных забот человечества. Их сбор и утилизацию усложняет увеличение объема и разнообразие отходов. В крупных городах утилизация отходов является проблемой с растущими последствиями, которые, помимо очень высоких затрат на их сбор, транспортировку и переработку, могут повлечь за собой очень серьезные социальные и экологические риски для любой страны.

Развитие городов, рост населения, индустриализация, изменение моделей потребления, рост знаний и технологий привели к обеспечению потребительскими товарами в большом разнообразии упаковок, изготовленных из синтетических материалов, и к увеличению количества и качества отходов [2]. Средства массовой информации способствовали чрезмерному потреблению этих товаров путем рекламы и внедрения их на рынок. Таким образом, урбанизация, рост грамотности и совершенствование технологий, применение средств массовой информации – все это привело к неизбирательному использованию товаров и производству отходов, а также к изменениям в поведении потребителей в целом [3].

Необходимо эффективное расходование ресурсного потенциала в государственной политике, технологиях, «зеленых финансах» и институциональных механизмах для продвижения инфраструктуры и услуг по управлению отходами в направлении реализации «ресурсосберегающего и безотходного общества», от которого зависит благополучие граждан [4].

В последние десятилетия экономический рост стал ключевым направлением и главной целью экономического развития социума, которое, однако, не обязано ограничиваться только рядом количественных изменений, но должно включать и качественные изменения. При этом сосредото-

ченность на материальных потребностях человека при пренебрежении социальными факторами была причиной, из-за которой концепция экономического развития не работала. Более того, непрерывное использование физических и материальных ресурсов в сочетании с разрушением и деградацией окружающей среды в процессе их добычи, приводит к неустойчивому развитию экономики [5].

Управление отходами, в связи с важностью экологических проблем, уже давно принимается во внимание правительством и городскими чиновниками. Но пренебрежение социальными последствиями увеличения количества отходов и отсутствие всестороннего исследования по выявлению социальных аспектов и слабых сторон данной проблемы не улучшает текущую неблагоприятную социальную ситуацию. Решение социальных проблем, возникающих в результате производства отходов и обращения с ними, требует комплексного подхода на национальном уровне по улучшению и продвижению существующей культуры от индивидуальных и локальных, до региональных и национальных уровней [6].

Программа развития Организации Объединенных Наций – глобальная сеть, созданная в 1990-х годах с целью помощи государствам, представила концепцию развития человеческого потенциала в качестве основной цели, которая ставит людей в центр повестки дня в развитии общества. Многие социологи рассматривают социальное развитие как крупные структурные изменения в политических, экономических и культурных аспектах жизни, которые осуществляются в рамках целенаправленных действий по преобразованию общества. Большая часть дискуссий о социальном развитии, включая определения данного понятия, была сосредоточена на физических и материальных аспектах жизни человека и общества, таких как питание, жилье, здравоохранение, справедливость и равный доступ к ключевым услугам и образованию, сохранению природных ресурсов и утилизации образующихся неконтролируемых отходов. Важно уточнить, что социальное развитие происходит путем уравнивания эволюции гражданского общества, где такое развитие приведет к созданию процветающей окружающей среды [1, 5].

Охрана здоровья является неотъемлемой частью растущей потребности в создании экологически чистой окружающей среды. Жить в безопасной и здоровой окружающей среде – это фундаментальное право каждого человека.

Примерами, которые придают большое значение объяснению отношения социума к окружающей среде, могут служить необходимость избегать ее загрязнения, влияние подходящих практик на улучшение качества жизни в городах, целесообразность сокращения производства отходов путем принятия соответствующих природоохранных

подходов и модификации стилей потребления, вдохновленных этими актуальными подходами, а также важная взаимосвязь между экологическими подходами и областями потребления [7].

Окружающую среду можно классифицировать как природные, искусственные и культурные типы. Очевидно, что эти типы не являются исключительными и под влиянием действия человека они обрели взаимную связь. Искусственная и культурная среды непосредственно отражают различные аспекты человеческого отношения, а природная среда на протяжении всей истории менялась благодаря влиянию многих видов деятельности человека, таких как сельское хозяйство, индустриализация и урбанизация. Эти изменения, некоторые из которых проявляются в форме деградации и загрязнения, происходят во всем мире и даже в регионах, где никогда не жил человек [3].

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что окружающая среда и ее разрушение оказываются объективными и наблюдаемыми явлениями, а окружающая среда как социальная проблема (и не только как объективное явление) выступает проблемой новообретенной.

Социологические теории имеют множество пересечений с проблемой отходов. Процесс образования отходов связан с массовым представлением о чистоте и гигиене, которые в соответствии с определенными условиями и доступным качеством жизни трансформируются в экологически ориентированное бытовое поведение, что стало предметом изучения социальных наук [4].

В контексте меняющихся экономических и геополитических обстоятельств во всем мире существует ряд основных фактов и вопросов, которые необходимо пересмотреть: отношение к процессам, происходящим в производстве и потреблении в различных сферах деятельности человека; в состоянии ли сообщества играть долгосрочную роль в своем собственном развитии; способны ли существующие базовые социальные институты и системы эффективно реагировать на основные потребности в развитии человеческого потенциала; в каких областях социальной деятельности правительства могут быть наиболее результативными; какова ценность социальных инноваций, которые воспроизводятся в различных культурных условиях; насколько осуществимы целостные подходы к науке и использованию знаний; как можно повысить продуктивность развития; и каковы социальные издержки и воздействие, например, новых экологических догм. В разгар всемирного процесса экономической глобализации развивающиеся страны продолжают бороться за укрепление капитальной базы для создания конкурентоспособных моделей индустриализации, которые могли бы предоставить им возможности для расширения участия населения в процессе принятия решений и достижения большей социальной справедливости в контексте разумного управления окружаю-

щей средой. Растет ощущение, что социальная политика и программы, разработанные преимущественно с экономической точки зрения и без должного учета человеческого развития, не увенчались успехом в борьбе с кризисными проблемами деятельности человека по эффективной борьбе с отходами [8].

В последнее время простое бессистемное выбрасывание отходов, образующихся в обществе, стало проблемой не только из-за увеличения объема и их разнообразия, но и в результате того, что граждане становятся все более осведомленными о негативных последствиях безудержного развития технологий и повсеместного роста экономики. Эстетические соображения, оценка социальных издержек, озабоченность долгосрочными последствиями и усилия по разработке иногда необоснованной политики в области природных ресурсов усложнили комплексное управление отходами. Таким образом, растет осознание того, что отходы должны быть признаны потенциальными ресурсами, и вся технология, которая сейчас направлена на их утилизацию, уничтожение или захоронение, должна быть перенаправлена на более подходящие методы переработки [9].

Очевидно, для того чтобы решения по удалению отходов деятельности человека стали частью жизнеспособной политики управления ресурсами, они должны основываться на целях сохранения, которые требуют, насколько это возможно, внедрения закрытой системы утилизации материалов, в рамках которой отходы извлекаются, перерабатываются и повторно употребляются. Огромный объем отходов и попытка разработать замкнутую систему повторного использования в контексте эстетической гармонии и в соответствии с культурными традициями окружающие сообщества предполагают технологические решения и организационные альтернативы, мотивированные философией сохранения всего живого на Земле.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что почти все, что человек делает или планирует сделать на Земле, имеет последствия для окружающей среды, экономики или общества и для дальнейшего существования и благополучия человеческой расы при правильном применении концепций, содержащихся в сферах устойчивого развития в реальных ситуациях. На социальном уровне устойчивость подразумевает содействие развитию людей, сообществ и культур, чтобы помочь достичь осмысленной жизни, опираясь на надлежащее медицинское обслуживание, образование, мир и стабильность во всем мире. При этом выигрывают все, потому что природные ресурсы сохраняются, окружающая среда защищена, экономика процветает и устойчива, в социуме соблюдается мир и уважение прав человека [10].

В настоящее время существует большое количество видов отходов в зависимости от их происхождения: бытовые, строительные, промышлен-

ные, органические, отходы химической промышленности, отходы минералов и руд и другие [11]. Решение проблемы переработки различных видов отходов может быть достигнуто путем сопоставления и восстановления баланса между двумя основными аспектами: производством и утилизацией. Открытые свалки и неконтролируемые полигоны, в частности, твердых бытовых отходов (ТБО), являются прямым источником выбросов парниковых газов. Другой экологической проблемой, связанной с открытыми свалками органических отходов, выступает потенциал глобального потепления (ПГП) из-за анаэробного разложения отходов. Газообразный метан – побочный продукт захоронения ТБО.

Уже давно было выявлено множество препятствий на пути реализации комплексной схемы, связанной, скорее, с целым рядом экономических и институциональных факторов, чем с технологиями, которые, как представляется, в настоящее время находятся в относительном изобилии. В частности, в литературе [12] неоднократно указывалось, что мощные экономические сдерживающие факторы для рекуперации и вторичной переработки наносят ущерб усилиям по сбыту вторичных материалов. Вся социально-экономическая структура, по-видимому, делает рекуперацию и повторное использование довольно трудным делом.

Несмотря на экологическую осведомленность о быстром истощении конечных природных ресурсов, существует мало стимулов или общественных признаний, поощряющих повторное применение переработанных материалов. Неэкономичность производства и распределения, перегруженность земли отходами и безразличие к конечным последствиям чрезмерной нагрузки на экосистему кажутся несовместимыми с более привлекательными аспектами экологического движения [13].

Проблема производства и утилизации должна решаться таким образом, который предполагает возобновляемость ресурсов, понимание ответственных социальных сил, которые не будут стремиться усугублять истощение ограниченных ресурсов, неуклонно решать проблему загрязнения окружающей среды и сохранения общественного здравоохранения [14].

Высокотехнологичные отходы – одна из самых быстрорастущих групп отходов. Увеличение количества высокотехнологичных отходов привлекает все большее внимание правительств, исследователей и частных лиц из-за их воздействия на окружающую среду и здоровье человека.

Проблему усложняет тот факт, что объем высокотехнологичных отходов растет во всем мире. Согласно некоторым исследованиям, только от компьютеров, мобильных телефонов и телевизоров к 2024 году ожидается выброс 980 млн т отходов. Несмотря на то, что объем электронных отходов постоянно увеличивается, в российском законодательстве нет понятия «высокотехнологичные отхо-

ды» или термина с аналогичным значением. Высокотехнологичные отходы не относятся ни к одной из этих групп, и ясно, что необходимо классифицировать их в другую категорию, поскольку их объем и глобальное воздействие на экосистемы стремительно растут. В большинстве случаев утилизация таких отходов ничем не отличается от утилизации обычных твердых бытовых отходов. Чем скорее процедура переработки таких отходов будет утверждена на федеральном уровне, тем скорее утилизация старого оборудования станет привычной, и количество отходов снизится [15].

Счастье и благополучие людей, удовлетворенность экономической и социальной системой страны и собственным восприятием экономических условий становятся предметом оценки социального поведения общества. Для координации внутренней и внешней политики и содействия внедрению ряда мер в области социальной политики, образования, здравоохранения, окружающей среды и т.д., в рамках Евростата была разработана Программа Международных Сопоставлений (ПМС) для предотвращения этих негативных последствий и регулярного и оперативного предоставления сопоставимых данных о валовом внутреннем продукте и его расходных компонентах, в том числе в области управления отходами. ПМС представляет собой партнерство статистических организаций 199 стран, которое позволяет получить сопоставимые на международном уровне показатели цен и объема валового внутреннего продукта. Повышенные расходы на утилизацию отходов означают лучшее социальное благосостояние и большую уверенность в будущем, отражающие соответствующий уровень ценностей и значительные устремления, приносящие огромные социальные и индивидуальные выгоды для каждой страны [16].

Для снижения рисков, связанных с окружающей средой, доступны различные стратегии и инструменты, которые могут быть использованы на уровне правительств не только развитых стран. При надлежащем соблюдении законов об отходах значительная часть рисков, связанных с неправильным обращением с ними, будет снижена. Другой подход заключается в продвижении и повышении осведомленности общественности. Средства массовой информации играют важную роль в освещении актуальных вопросов обращения с отходами для просвещения общественности [17].

Для сравнения были оценены выбросы парниковых газов при захоронении отходов в зависимости от типа места окончательного захоронения: открытая свалка, обычные свалки с рекуперацией энергии и свалки, на которые поступают отходы с низким содержанием органического углерода. Результаты показали, что около 1000 кг CO₂-экв. т⁻¹ образуется на открытой свалке, 300 кг CO₂-экв. т⁻¹ – на обычной свалке смешанных отходов и 70 кг CO₂-экв. т⁻¹ – на свалках отходов с низким содер-

жанием органического углерода. Если сравнить с выбросами, связанными с поставкой энергии и материалов на свалку, которые оцениваются в 16 кг CO₂-экв. т⁻¹, то можно констатировать, что открытая свалка вызывает ПГП по меньшей мере в 50 раз выше, чем в общей системе управления ТБО. Например, в столице Китая Пекине [18], где более 60% отходов утилизируется на санитарных свалках, оценка воздействия на окружающую среду показала, что выброс метана является наиболее доминирующим фактором ПГП, его годовой объем составляет 55000 т; наибольший вклад в потенциальное воздействие вносят свалки, главным образом, за счет выбросов метана. В Индии [19] большая часть ТБО утилизируется путем захоронения на открытых свалках, при этом образуется большое количество метана. На национальном уровне было подсчитано, что выбросы метана при захоронении ТБО варьируются от 265 т в 1980 году до 800,460 т в 2019 году, быстро увеличиваясь с каждым годом.

Считается, что для стран с разным уровнем доходов фракции образования отходов различны, так как чем ниже уровень жизни, тем меньше труднодоступных для переработки отходов образуется. Если для стран с высоким уровнем жизни основная проблема – количество образования отходов, то для стран со средним уровнем – проблемы организации схемы управления при достаточном объеме мусорных масс, пригодных для переработки. Страны с низким уровнем жизни испытывают недостаточность мощностей производства, утилизации и организации отходов внутри государств, являясь мишенью нелегального импорта отходов более обеспеченных стран [4].

В России с 2019 года началась так называемая «мусорная реформа», призванная значительно сократить захоронение отходов и повысить объем переработки отходов, оптимизировав систему обращения с ТБО. Внедрение новых систем осуществляется в соответствии с ФЗ № 89 «Об отходах производства и потребления» [20]. Вся цепочка обращения с ТБО (сбор, транспортировка, утилизация и пр.) будет передана региональным операторам – специализированным организациям, которые заключают договор на оказание услуг с собственниками ТБО, которые образуются и места накопления которых находятся в зоне деятельности регионального оператора. До 2019 года ответственность за отходы лежала на руководителях предприятий, которые самостоятельно выбирали компанию по вывозу мусора на свалки. При этом лишь 3% ТБО в среднем перерабатывается по стране, в то время как остальные 97% отправляются на свалки. Изменения, предлагаемые «мусорной реформой», предполагают повысить утилизацию отходов до 36% к 2024 году [21].

В период до 2030 года планируется организовать обязательный повсеместный отдельный сбор отходов, ввести строгие санкции за непра-

вильную утилизацию и запрет на захоронение отходов, подлежащих вторичной переработке.

Твердые бытовые отходы могут быть не только муниципальными. Существуют различные фракции, опасные для окружающей среды и здоровья населения, с которыми, как правило, плохо обращаются в развивающихся странах. Одной из таких фракций являются все медицинские отходы, образующиеся в медицинских учреждениях. В дополнение, сюда входят те же типы отходов из второстепенных и разрозненных источников, включая отходы, образующиеся при оказании медицинской помощи на дому. От 75 до 90% медицинских отходов сопоставимы с ТБО, поэтому они считаются неопасными. Оставшиеся 10–25% медицинских отходов опасны и могут представлять различные риски для окружающей среды и здоровья людей [22].

Коэффициент образования отходов растет во всем мире. В 2016 году в городах мира было произведено 2,01 млрд т мусора/ТБО, что равно 0,74 кг на человека в день. С ростом населения, урбанизацией и индустриализацией образование отходов, вероятно, будет увеличиваться на 70% в год по сравнению с уровнем 2016 года – до 3,40 млрд т к 2050 году [8].

На данный момент необходима осведомленность широкой общественности, владение высокими технологиями, достаточные ресурсы, выполнение необходимых действий и оценка социологических решений по более ответственному отношению к проблеме окружающей среды. Главная задача ученого – создать как можно больше удобных и безопасных методов утилизации отходов, и это нужно сделать как можно быстрее, потому что количество отходов увеличивается с каждым днем.

Таким образом, в дополнение к общим чертам социального развития: общему развитию общества, благосостоянию людей, социальным преобразованиям и улучшению качества жизни людей, другой, не менее важной, чертой является то, что социальное развитие представляет собой справедливое распределение ресурсов, направленность потенциала людей постоянно работать на благо общества и улучшение процессов структурных изменений при решении экологических проблем в области рекуперации отходов.

Литература

1. Актуальные проблемы современного общества: социальный аспект и тенденции развития / А.В. Ковалева, Е.С. Фокина, О.Е. Потапова, И.В. Положенцева, С.В. Олейников // Социология. 2023. № 1. С. 227–232.
2. Gutberlet J. Waste in the City: Challenges and Opportunities for Urban Agglomerations // *Urban Agglomeration* / ed. by Ergen M. InTech, 2018. P. 191–208.
3. Shadi Alipour, Fatemeh Sadat Rahmati, Mina Akbarbeyki The role of citizenship education and participation in waste management // *Cumhuriyet University Faculty of Science Journal*. 2015. Vol. 36. № 3. P. 3918–3935.
4. Ермолаева Ю.В. Глобальные схемы управления отходами: социологический подход // *Научный результат. Социология и управление*. 2017. Т. 3. № 3. С. 61–76. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-61-76
5. Ali Adam, Mustafa Omar Mohammed A Critical Analysis of Social Development: Features, Definitions, Dimensions and Frameworks // *Asian Social Science*. 2020. Vol. 16. № 1. P. 14–21.
6. Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Социально-экологическое неравенство в контексте проблемы утилизации отходов // *Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»*. – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – С. 1813–1821.
7. Alizaman D. Gamon, Mariam S. Tagoranao Legal and Social Issues in the Development of Waste Management in Malaysia // *International Journal of Innovative Research in Engineering & Management*. 2016. Vol. 3. № 3. P. 180–183.
8. Daniel A. Morales-Gomez. The social challenge in development. from economic to social policies // *IDRC Research Results*. 1993. 22 p.
9. Hassan Lone, Fatima Buchh, Naila Irshad Shah Social Causatums of Improper Waste Management // *Innovative Waste Management Technologies for Sustainable Development*. 2020. P. 1–17.
10. Justice Mensah Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action: Literature review // *Cogent Social Sciences*. 2019. Vol. 5. 1653531. 21 p.
11. Юльметова Р.Ф., Сергиенко О.И. Теория и практика обращения с отходами: учебно-методическое пособие. – СПб.: Университет ИТМО, 2022. – 118 с.
12. Dickey J.W., Glancy D.M., Jennelle E.M. Technology Assessment: Its Application to the Solid Waste Management Program of Urban Governments. – Lexington, Mass. Lexington Books, 1973. – 194 p.
13. Marc E. Pratarelli Social Pressure and Recycling: A Brief Review, Commentary and Extensions // *Surveys and Perspectives Integrating Environment and Society*. 2010. Vol. 3. № 1. P. 1–9.
14. Evan Vlachos Social aspects of solid wastes development and management: refuse, recovery, and reuse // *Water, Air and Soil Pollution*. 1975. № 4. P. 293–301.
15. Батраков Н.В. Оценка проблем, связанных с утилизацией и переработкой отходов // *Инновации в науке и практике: Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Уфа, 10 января 2023 года*. Уфа: Общество с ограниченной от-

- ветственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки»», 2023. С. 306–312.
16. Hana Vykolalova Economic development and individual and social behavior // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 109. P. 1116–1119.
 17. Elizabeth Roby Sociological Approaches to Waste as a Social Problem: Environmental Burden, Race, Class, and Place [Электронный ресурс] // *Academia.edu*. – URL: https://www.academia.edu/8520721/Sociological_Approaches_to_Waste_as_a_Social_Problem_Environmental_Burden_Race_Class_and_Place
 18. Environmental impact assessment of solid waste management in Beijing City, China / Y. Zhao, T.H. Christensen, W. Lu, H. Wu, H. Wang // *Waste Management*. 2011. Vol. 31. Issue 4. P. 793–799.
 19. Estimation method for national methane emission from solid waste landfills / S. Kumar, S.A. Gaikwad, A.V. Shekdar, P.S. Kshirsagar, R.N. Singh // *Atmospheric Environment*. 2004. Vol. 38. Issue 21. pp. 3481–3487.
 20. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901711591>
 21. Порошин О.С., Храмов А.Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 12 (154). С. 51–55.
 22. Navaro Ferronato, Vincenzo Torretta Waste Mismanagement in Developing Countries: A Review of Global Issues // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. № 16. 1060.

ASSESSMENT OF SOCIOLOGICAL SOLUTIONS TO THE PROBLEM OF WASTE MANAGEMENT

Gorbunova I.Y., Davidyants N.G., Kravchenko T.P., Yutskova E.V.

RKhTU im. D.I. Mendeleev, City Clinical Hospital No. 1 named after Sechenov, First City Hospital

Happiness and well-being of people, satisfaction with the economic and social system of the country and their own perception of economic conditions become the subject of assessment of social behavior of society. Addressing the social problems arising from waste production and management requires a complex approach at the national level. Social responsibility for the recovery of various types of waste has become part of a viable resource management policy, they should be based on the introduction of a closed recycling system for the production of various types of materials.

Keywords: social concern, consequences, environmental problems, technology development, industrialization growth.

References

1. Current problems of modern society: social aspect and development trends / A.V. Kovaleva, E.S. Fokina, O.E. Potapova, I.V. Polozhentseva, S.V. Oleynikov // *Sociology*. 2023. No. 1. pp. 227–232.
2. Gutberlet J. Waste in the City: Challenges and Opportunities for Urban Agglomerations // *Urban Agglomeration* / ed. by Ergen M. InTech, 2018. P. 191–208.
3. Shadi Alipour, Fatemeh Sadat Rahmati, Mina Akbarbeyki The role of citizenship education and participation in waste management // *Cumhuriyet University Faculty of Science Journal*. 2015. Vol. 36. No. 3. P. 3918–3935.
4. Ermolaeva Yu.V. Global waste management schemes: a sociological approach // *Scientific result. Sociology and management*. 2017. T.3. No. 3. pp. 61–76. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-61-76
5. Ali Adam, Mustafa Omar Mohammed A Critical Analysis of Social Development: Features, Definitions, Dimensions and Frameworks // *Asian Social Science*. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 14–21.
6. Vershinina I.A., Martynenko T.S. Socio-ecological inequality in the context of the problem of waste disposal // *Materials of the XXII International Conference in memory of Professor L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research."* – Ekaterinburg: UrFU, 2019. – P. 1813–1821.
7. Alizaman D. Gamon, Mariam S. Tagoranao Legal and Social Issues in the Development of Waste Management in Malaysia // *International Journal of Innovative Research in Engineering & Management*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 180–183.
8. Daniel A. Morales-Gomez. The social challenge in development. from economic to social policies // *IDRC Research Results*. 1993. 22 p.
9. Hassan Lone, Fatima Buchh, Naila Irshad Shah Social Causes of Improper Waste Management // *Innovative Waste Management Technologies for Sustainable Development*. 2020. P. 1–17.
10. Justice Mensah Sustainable development: Meaning, history, principles, pillars, and implications for human action: Literature review // *Cogent Social Sciences*. 2019. Vol. 5. 1653531. 21 p.
11. Yulmetova R.F., Sergienko O.I. Theory and practice of waste management: educational and methodological manual. – St. Petersburg: ITMO University, 2022. – 118 p.
12. Dickey J.W., Glancy D.M., Jennelle E.M. Technology Assessment: Its Application to the Solid Waste Management Program of Urban Governments. – Lexington, Mass. Lexington Books, 1973. – 194 p.
13. Marc E. Pratarelli Social Pressure and Recycling: A Brief Review, Commentary and Extensions // *Surveys and Perspectives Integrating Environment and Society*. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 1–9.
14. Evan Vlachos Social aspects of solid wastes development and management: refuse, recovery, and reuse // *Water, Air and Soil Pollution*. 1975. No. 4. P. 293–301.
15. Batrakov N.V. Assessment of problems associated with waste disposal and recycling // *Innovations in science and practice: Collection of scientific articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 10, 2023. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science"*, 2023. pp. 306–312.
16. Hana Vykolalova Economic development and individual and social behavior // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 109. P. 1116–1119.
17. Elizabeth Roby Sociological Approaches to Waste as a Social Problem: Environmental Burden, Race, Class, and Place [Electronic resource] // *Academia.edu*. – URL: https://www.academia.edu/8520721/Sociological_Approaches_to_Waste_as_a_Social_Problem_Environmental_Burden_Race_Class_and_Place
18. Environmental impact assessment of solid waste management in Beijing City, China / Y. Zhao, T.H. Christensen, W. Lu, H. Wu, H. Wang // *Waste Management*. 2011. Vol. 31. Issue 4. P. 793–799.
19. Estimation method for national methane emission from solid waste landfills / S. Kumar, S.A. Gaikwad, A.V. Shekdar, P.S. Kshirsagar, R.N. Singh // *Atmospheric Environment*. 2004. Vol. 38. Issue 21. pp. 3481–3487.
20. Federal Law of June 24, 1998 No. 89-FZ "On Production and Consumption Waste" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901711591>
21. Poroshin O.S., Khramtsov A.B. Problems and prospects for implementing garbage reform in the regions of Russia // *Theory and practice of social development*. 2020. No. 12 (154). pp. 51–55.
22. Navaro Ferronato, Vincenzo Torretta Waste Mismanagement in Developing Countries: A Review of Global Issues // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. No. 16. 1060.

Формирование институциональных механизмов управления социальным развитием макрорегионов: аспекты концептуального конструирования инновационного пространства

Павлова Мария Павловна,

к.э.н., доцент кафедры журналистики и социологии
Тольяттинского государственного университета
E-mail: levinamp@mail.ru

Утвержденная Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. вызвала трансформацию структуры объектов управления в социально-экономической системе страны, а именно, введение нового объекта – макрорегиона. Это определило начало масштабного процесса совершенствования системы управления территориями. Автор, опираясь на научные исследования в области экономики и социологии управления, предлагает модернизировать существующую систему управления территориями, вводя новый субъект управления – куратора макротерритории и новый уровень управления – медиоуровень. Автор отмечает, что в сегодня в условиях инновационной экономики предложенная система управления обеспечит перспективное концептуальное конструирование инновационного пространства макротерритории в связи с ускорением процесса трансляции опыта инновационной деятельности на территории, опыта использования инноваций, влияющих на улучшения качества жизни общества.

Ключевые слова: система управления макротерриторией, куратор территории, институт кураторство, инновации.

В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации, разработанной до 2025 года (далее Стратегия) выделено территориальное экономическое образование – макрорегион, который включает в себя несколько территориальных единиц и характеризуется межрегиональными взаимодействиями и кооперациями, инфраструктурными связями, производственным и ресурсным потенциалами [5].

Макрорегион как социально-экономическая система

Исследования на базе системной методологии позволили сделать выводы, что макрорегион представляет собой взаимосвязанные разноуровневые системы, образующие в своем взаимодействии определенное пространство, которое обеспечивает непрерывность функционирования этих систем, сохраняя их целостность [3]. Эта сложная устойчивая социально-экономическая система, где посредством взаимодействия элементов экономической и социальной сферы формируется такое социально-экономическое пространство, которое обеспечивает жизнедеятельность человека через производство, распределения и воспроизводство материальных и социальных благ. Поэтому макротерритория насыщена административными функциями, мультикультурными ценностями, интеллектуальными ресурсами, информационными связями, физическими материальными объектами, природно-ресурсным потенциалом, которые образуют хозяйственную корпорацию, регулирующую формирования естественных условий повседневной жизни людей в условиях мегаполисности, когда происходит слияние городских агломераций, включенных в границы макротерритории.

Дальнейшие исследования макротерритории как социально-экономической системы привели к тому, что макрорегион необходимо рассматривать как нелинейную социально-экономическую систему. Опираясь на основы теории бифуркации, скачок в развитии система делает в точки бифуркации (точки изменения направления развития). Здесь система неустойчива, что предполагает множество вариантов развития, при этом процесс развития системы необратим и продолжается до состояния устойчивости. Принцип нелинейности системы позволяет нам определить такие

свойства социально-экономической системы макрорегиона как самоорганизации, самосовершенствования, цикличности, открытости и сложности. Макрорегион как динамичная система за счет постоянного взаимодействия не только с внешней средой, но и другими системами, с которыми она вступает в контакт. При этом непрерывность процесса функционирования обеспечивает ее жизнедеятельность [3].

Макрорегион как новый объект управления

Система управления инновационным пространством макротерритории представляет собой сложную систему, где множество взаимодействующих между собой элементов, деление системы на подсистемы, разветвленная информационная сеть с интенсивными потоками информации, наличие корреляционной зависимости от внешней среды и функционирования в условиях форс – мажора [3]. В этом случае целесообразно рассматривать управленческую активность как последовательный процесс реализации управленческих функций (концепция А. Файоля), выделяя в управлении четыре основные функции: планирования, организация, мотивация, контроль. Следует отметить, что в планировании уже учтена функция постановки целей, так как управление, само по себе, это целенаправленный процесс воздействия субъекта управления на объект управления. Для этой системы управления характерна вертикальная форма контроля и пирамидальная форма подчинения, когда обеспечивается подчинения низшего уровня более высокому [4].

Организационная структура системы управления макрорегионом представляет собой соподчинённость множества субъектов управления, выделенных в иерархические уровни управления и выполняющие функции менеджмента на своем уровне – макроуровне, медиоуровне, мезоуровне, микроуровне.

Автором, дополнительно концентрируются новый уровень в системе управления макротерриториями – *медиоуровень* (от лат. *medium* – *середина*). Этот уровень рассматривается как связующее звено между макроуровнем, где сложные коллаборационные социально – экономические процессы и мезоуровнем, где частота взаимодействия в этих процессах существенно снижена, а интеграционные процессы ограничены территорией региона, который рассматривается как начальное пространство для формирования масштабных взаимодействий.

Зонирование территории РФ, согласно Стратегии, позволило сформировать новый объект в системе управления – макрорегион как медиосоциально-экономическая структура. При этом, с одной стороны, она представляет собой генератор институтов, которые упорядочивают и обеспечивают мультиагентное взаимодействие, форми-

руя правила, формы и нормы их поведения в условиях мегаполисности, а с другой стороны выступает как стабилизатор поступательных и сбалансированных социально-экономических процессов в обозначенных границах территории. Объектами медиоуровня с определенной степенью условности можно рассматривать как сетевые структуры, комплексы с вертикально интегрированными процессами обеспечивающие устойчивые экономическое мультиагентное взаимодействия, а социальные взаимоотношения поддерживаются за счет формирования мультикультурных ценностей.

Куратор в системе управления макротерриториями

Сейчас на территории РФ сформированы 12 макрорегионов, которые расположены или в границах федерального округа (например: границы Урало-Сибирский федеральный округ совпадают с границами Урало-Сибирского макрорегиона), или являются частью федерального округа (например: Приволжский федеральный округ разделен на два макрорегиона Волго-Камский, Волго-Уральский).

На макроуровне управления территориями субъект управления представлен с одной стороны, полномочным представителем Президента РФ (полпред), а с другой стороны, курирующим заместителем председателя Правительства РФ (куратор округа), которые реализовывают свои полномочия во взаимодействии с Госсоветом и Советом по стратегическому развитию. Дублирование их функций исключается, так как полпред отвечает за исполнение решений федеральных органов власти и реализацию кадровой политики Президента РФ, а куратор округа обеспечивает социально-экономическое развитие территории через эффективное и оперативное взаимодействие с главами регионов для обеспечения единства политики регионального развития и достижение общенациональных целей и результатов.

Следующий уровень управления – медиоуровень. Субъект управления на этом иерархическом уровне не выделен документально в структуре управления. Автор предлагает спроецировать институт кураторства и на этом уровне управления, реализуя комплексный подход в управлении макротерриториями.

Институт кураторства федеральных территорий был введен в систему управления в 2021 году как итог ее трансформации на федеральном уровне с целью укрепления единства, проводимой в стране политики регионального развития и дополнительного контроля. Использование такого вспомогательного современного инструмента в управлении территориями обеспечивает эффективную реализацию поставленных Президентом РФ национальных целей развития страны до 2030 года за короткий срок. По словам Президента РФ, практика кураторства российских тер-

риторий оправдала себя и в дальнейшем эта работа будет углублена «Договорились, что люди будут курировать отдельные территории. Контакт с территориями, погружение будут более прочными, постоянными, и, надеюсь, это приведет к тому, что решения центра будут доводиться более осмысленно и точно», – сказал Путин В.В. [1]. Намерения продолжить развития института кураторства в системе управления территориями отражены в поручении Правительства Российской Федерации от 25 марта 2024 г.

Таким образом, кураторы макротерритории обеспечат комплексное социально-экономическое развитие макрорегиона, инвестиционную привлекательность и результативность бюджетных расходов за счет разработки и реализации инвестиционных, национальных проектов необходимых на вверенной им территории. Социально-экономические взаимодействия и взаимосвязи макрорегионов между собой на мезоуровне обеспечивают результативные показатели развития целого федерального округа. Куратор макротерритории представляет собой стратегический более высокий уровень управления, чем губернаторы регионов, обеспечивает руководство макротерриторией, определяя общее направление развития макротерритории в соответствии со Стратегией.

Предложенный автором этот новый субъект управления (куратор макротерритории) является логическим продолжением эффективной трансформации в системе управления территориями, в результате которого сформировался новый объект управления – макрорегион.

Далее, на мезоуровне управления территориями, представлен региональный субъект управления – администрация региона, а на микроуровне – администрация муниципального образования. Объекты управления, характерные для каждого этого иерархического уровня, объединены между собой информационными, экономико-производственными, социокультурными связями, обеспечивая целостное, динамическое и прогрессивное развитие территории муниципалитета/региона, а также формирование социокультурного локума, необходимого для приоритетного развития творчества и креативности у индивидов на территории.

Система управления макротерриториями

В период трансформационных социально-экономических изменений и построения инновационного общества, как результат изменения социальной системы в регионе, использование «синтетических» теорий управления организационными структурами является объективно обоснованным. Во-первых, сам процесс трансформации ориентирован на создания некоего универсального, рационального типа управления, который определяется и задается более развитой новой социальной сис-

темой. Во-вторых, универсальный тип управления ориентирован на мобилизацию потенциала общества в иной социокультурной среде с учетом механизмов саморегулирования и гомеостазиса.

Автор предлагает рассмотреть возможную трансформацию системы управления макротерриториями с использованием «синтетической» теории управления в условия инновационного сценария развития социально-экономических процессов, опираясь на принципы системного подхода, обозначенные в работах Э. Янч, С.Л. Оптнер, С. Черчмен фундаментальные принципы форсайт – моделирования и основные паттерны синергетического подхода [2, 7, 8].

Принципы форсайт – моделирования обеспечивают теоретико-концептуальную и социально-практическую основу регулирования управленческой деятельности, а именно непосредственную связь прогностики с процессом управления. Принципы системного подхода, позволяют определить взаимосвязи между объектами и субъектами управления. Использование принципов синергетического подхода в управлении макротерриториями основывается на формировании процесса самоорганизации и саморазвитии таких сложных социально-экономических систем. Их взаимодействия с внешней средой, согласованность между элементами этой системы, организация сложной иерархической системы характеризуют основные паттерны синергетического подхода. При этом следует отметить, что важный процесс бифуркации в синергетическом подходе позволяет логически обосновать циклическое, спиралеобразное развитие социально-экономической системы макрорегиона на основе инновационных преобразований и проследить момент объективно – необходимого спиралевидного витка в развитии общества в целом.

Учитывая результаты работ Н.Ю. Ютанова, можно определить последовательность организации управленческого процесса. 1. Прогностика / прогнозирования будущего. 2. Управление будущим. 3. Конструирование будущего. В результате чего моделируются возможные сценарные модели управления развитием сложных социально-экономических процессов на макротерритории в условиях инновационного развития. Следует отметить, что информатизация процесса управления, а именно, получение достоверной и своевременной информации, позволит определять динамику развития системы управления макротерритории [4].

Следовательно, макрорегион представляет собой целостную социально-экономическую систему, а дополнительно выделенный мезоуровень позволяет более корректно конструировать систему управления макротерриториями с учетом «синтетической» теории управления, включающую технологию форсайт – моделирования и принципов системного подхода в условиях инновацион-

ной экономики. При этом на базе усовершенствованной системы управления макротерриториями появится возможность перспективного концептуального конструирования инновационного пространства макротерритории в связи с ускорением процесса трансляции опыта инновационной деятельности, опыта использования инноваций, влияющих на улучшения качества жизни общества.

Литература

1. Кураторы территории: эффективная или избыточная мера. – URL <https://regcomment.ru/regions/rossiya/kuratory-territorij-effektivnaya-ili-izbytochnaya-mera> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Оптнер С. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем / С. Оптнер. – М.: Советское радио, 1969.
3. Павлова М.П. Макрорегион как устойчивая социально-экономическая система // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 76–79.
4. Слинков А.М. Мониторинг как управленческий процесс: принципы, методы, функции. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 2(223). С. 63–70.
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Стратегия учитывает положения Основ государственной политики регионального развития на период до 2025 года, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13.
6. Черкасов П.С. Регион как социально-экономическая система / Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов // ПСЭ. 2013. С. 212–214.
7. Черчмен, У. Введение в исследование операций / У. Черчмен и др. – М.: Наука, 1968.
8. Янч, Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974.

FORMATION OF INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR MANAGING THE SOCIAL DEVELOPMENT OF MACROREGIONS: ASPECTS OF THE CONCEPTUAL DESIGN OF THE INNOVATION SPACE

Pavlova M.P.

Togliatti State University

The approved Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025 caused the transformation of the structure of management objects in the socio-economic system of the country, namely, the introduction of a new object – a macro-region. This determined the beginning of a large-scale process of improving the system of territorial management. The author, based on scientific research in the field of economics and sociology of management, proposes to modernize the existing system of management of territories, introducing a new one the subject of management is the curator of the macro-territory, and the new level of management is the media level. The author notes that today, in the conditions of an innovative economy, the proposed management system will provide a promising conceptual design of the innovative space of the macro-territory in connection with the acceleration of the process of broadcasting the experience of innovative activities in the territory, the experience of using innovations that affect the improvement of the quality of life of society.

Keywords: macro-territory management system, curator of the territory, institution of supervision, innovations.

References

1. Territory curators: an effective or redundant measure. – URL <https://regcomment.ru/regions/rossiya/kuratory-territorij-effektivnaya-ili-izbytochnaya-mera> (date of access: 06/20/2024).
2. Optner S. System analysis for solving business and industrial problems / S. Optner. – M.: Soviet radio, 1969.
3. Pavlova M.P. Macroregion as a sustainable social and economic system // Karelian scientific journal. 2020. T. 9. No. 4 (33). pp. 76–79.
4. Slinkov A.M. Monitoring as a management process: principles, methods, functions. // Scientific bulletins of Belgorod State University. 2016. No. 2(223). pp. 63–70.
5. The spatial development strategy of the Russian Federation for the period until 2025 was developed in accordance with the Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation”. The strategy takes into account the provisions of the Fundamentals of State Policy for Regional Development for the period until 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No. 13.
6. Cherkasov P.S. Region as a socio-economic system / Economic problems of regions and industry complexes // PSE. 2013. pp. 212–214.
7. Churchman, W. Introduction to operations research / W. Churchman et al. – M.: Nauka, 1968.
8. Jantsch, E. Forecasting scientific and technological progress. – M.: Progress, 1974.

Функциональная диагностика личностных характеристик на этапе профессионального отбора в отряд космонавтов

Резников Михаил Юрьевич,
независимый исследователь
E-mail: reznikov2008@yandex.ru

На сегодняшний день психологический отбор кандидатов в отряд космонавтов, включает в себя клинико-физиологические эксперименты, которые не в полной мере дают представление о типе мышления испытуемого. Безусловно, актуальным является возможность объективной оценки типа мышления кандидата в отряд еще на этапе отбора. На основе математической обработки записей электрической активности головного мозга специально сформированных групп участников, с целью уменьшения влияния на эксперимент гормонального фона возраста 9–11 лет, был предложен новый качественный параметр, характеризующий вид мышления испытуемого. На его основе предполагается осуществлять первичную объективную оценку типа мышления с целью профессионального отбора специалистов космической инфраструктуры, связанных с оперативным решением сложных и нестандартных задач, в частности кандидатов в отряд космонавтов, изначально готовых учитывать сложные сетевые и динамические изменения обстановки, что предполагает наличие способности к особому мышлению и максимального использования различных сторон своего интеллектуально-личностного потенциала.

Ключевые слова: электрическая активность головного мозга, вызванные потенциалы, мышление, интуиция, метод отбора специалистов.

На сегодняшний день психологический отбор кандидатов в отряд космонавтов, включает в себя клинико-физиологические эксперименты, которые не в полной мере дают представление о типе мышления испытуемого. Безусловно, важным является возможность объективной оценки типа мышления кандидата в отряд еще на этапе отбора. В свою очередь, представляется возможным ввести новый качественный параметр оценки личностной характеристики, который позволит отбирать кандидатов, которых будет проще подготовить к решению сложных и нестандартных задач, возникающих в процессе полета, что является актуальным и для сотрудников наземной инфраструктуры, специалистов по надежности пилотируемых космических кораблей и станций, так как все вышеуказанные профессионалы должны обладать необходимыми компетенциями для оперативного решения нестандартных ситуаций [1].

В практической части работы с целью отсутствия влияния гормонального фона на данные эксперимента [2], а также минимизацию личностного интеллектуального влияния на результаты когнитивных тестов [3], экспериментальная группа была сформирована из детей возраста 9–11 лет в количестве 44 человека. В контрольную группу вошли 10 участников. Испытуемая группа прошла когнитивный тест. Вопросы специально были подобраны исходя из уровня образования и эрудиции испытуемых, предполагалось, что ответы на эти вопросы они не знали, но понимали, о чем идет речь, так как по мнению большинства ученых чаще всего пользоваться интуицией можно только в случаях, когда человек уже имеет начальный опыт [4].

Надо отметить, что среди испытуемых не было участников, которые бы значительно выделялись уровнем эрудиции или образования. По результатам теста, небольшое количество испытуемых дало очень мало правильных ответов, что может говорить о том, что они в большей степени используют логический метод мышления, основанный на рациональном методе проб и ошибок, когда предполагается построение пути решения, основанного на систематическом анализе ситуации. В свою очередь, несколько испытуемых смогли дать очень большое количество правильных ответов, что может свидетельствовать о применении ими эвристического метода решения задач, основанного на использовании вспомогательных приемов, обходных путей движения к цели. Этот метод строится на предположении, т.е. интуиции. Для

продолжения эксперимента были выделены участники, которые смогли дать экстремально большое и экстремально малое количество правильных ответов [5]. Для исключения статистической ошибки с отобранными участниками был проведен дополнительный когнитивный тест, на основе которого была сформирована окончательная экспериментальная группа в количестве 6 человек – по три человека с приоритетом рационального и интуитивного мышления.

В результате теста были получены следующие статистические данные (данные представляют собой количество правильных ответов испытуемых; испытуемые упорядочены по присвоенным номерам).

Всего 44 человека, вопросов – 30.

13, 9, 13, 25, 9, 13, 10, 11, 13, 10, 13, 13, 9, 9, 10, 12, 7, 12, 7, 7, 7, 5, 8, 5, 13, 15, 13, 9, 15, 15, 12, 13, 13, 12, 10, 11, 13, 9, 7, 14, 13, 11, 15, 12.

Сделаем предварительный анализ полученных данных. Воспользуемся программой *gretl* для получения описательной статистики. При этом были рассмотрены результаты описательной статистики и выводы теста Чоу. Выводы друг другу не противоречат. Поэтому либо данные нормальны, либо отклонение не значительно для целей работы.

Описательная статистика, использованы наблюдения 1–44 для переменной *correct_answers* (44 наблюдений).

Таблица 1

Среднее	Медиана	Минимум	Максимум
11,250	12,000	5,0000	25,000
Ст. откл.	Вариация	Асимметрия	Эксцесс
3,4380	0,30560	1,1087	4,0969
5% Проц.	95% Проц.	IQ range	Пропущенные наблюдения
5,5000	15,000	4,0000	0

На основе полученной таблицы (табл. 1) можно сделать ряд предварительных выводов: 1. Порядка 5% испытуемых дали менее 5.5 правильных ответов, порядка 95% испытуемых дали менее 15 правильных ответов (из 4 испытуемых с 15 правильными ответами половина относится к «типичным» значениям, а половина – к верхним 5%); 2. Наименьшее количество правильных ответов составляет 5, наибольшее – 25; 3. Медиана равна 12, что дает грубую, но устойчивую оценку количества правильных ответов «среднего» испытуемого.

Используя инструмент «коробчатая диаграмма» программы *gretl*, получаем, что порядка 25% испытуемых дали не более 9 правильных ответов и что порядка 75% испытуемых дали не более 13 правильных ответов (из 12 испытуемых с 13 правильными ответами половина относится к «типичным» значениям, а половина – к верхним 25%; из 6 испытуемых с 9 правильными ответами половина

относится к «типичным» значениям, а половина – к нижним 25%).

Таким образом, предварительный анализ показывает, что испытуемых с не менее 9 и не более 13 правильными ответами можно отнести к общей массе; испытуемых с 5 правильными ответами и с 25 правильными ответами следует считать или исключительно хорошо угадавшими правильные ответы, или наоборот – имеющими очень небольшое количество верных ответов. Испытуемые с количеством правильных ответов 7 или 8 и, соответственно, 14 или 15 на основании предварительного анализа не могут уверенно быть отнесены к группе испытуемых с «типичным» количеством правильных ответов или же к группе Испытуемых с исключительно большим или исключительно малым количеством правильных ответов.

Для проверки и уточнения выводов, полученных на основе описательной статистики, проведем серию тестов Чоу на однородность данных с помощью программы *gretl*.

Тест 1. Из имеющихся данных выбросим тех испытуемых, количество правильных ответов которых меньше 8 или, наоборот, больше 14, сохранив естественную упорядоченность испытуемых по алфавиту. Всего 32 человека, вопросов – 30.

13, 9, 13, 9, 13, 10, 11, 13, 10, 13, 13, 9, 9, 10, 12, 12, 8, 13, 13, 9, 12, 13, 13, 12, 10, 11, 13, 9, 14, 13, 11, 12.

Проведем с помощью *gretl* тест Чоу для проверки однородности полученных данных, разделив данные пополам. Для использования теста Чоу сначала с помощью *gretl* была построена модель линейной регрессии методом наименьших квадратов, где в качестве объясняющей переменной использовано количество правильных ответов 32 отобранных испытуемых, а в качестве регрессоров – только константа, равная выборочному среднему.

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1–32

Зависимая переменная: *correct_answers_new*
Коэффициент Ст. ошибка t-статистика P-значение

const 11,4062 0,307367 37,11 2,95e-027 ***
Среднее зав. перемен 11,40625 Ст. откл. зав. перемен 1,738731

Сумма кв. остатков 93,71875 Ст. ошибка модели 1,738731

R-квадрат 0,000000 Испр. R-квадрат 0,000000
Лог. правдоподобие –62,59903 Крит. Акаике 127,1981

Крит. Шварца 128,6638 Крит. Хеннана-Куинна 127,6839

Тест Чоу для структурных изменений в точке 16
Нулевая гипотеза: нет структурных изменений
Тестовая статистика: $F(1, 30) = 0,688658$
p-значение = $P(F(1, 30) > 0,688658) = 0,413176$

Мы получили достаточно высокое р-значение: вероятность неправильно отклонить гипотезу однородности равна 0,413176, а потому у нас нет оснований считать рассматриваемые данные неоднородными. Это подтверждает и уточняет предварительные выводы на основе описательной статистики: испытуемые с не менее 8 и не более 14 правильными ответами можно отнести к общей массе.

Тест 2. Из имеющихся данных выбросим тех испытуемых, количество правильных ответов которых меньше 8 или, наоборот, больше 15, сохранив естественную упорядоченность испытуемых по алфавиту. Всего 36 человек, вопросов – 30.

13, 9, 13, 9, 13, 10, 11, 13, 10, 13, 13, 9, 9, 10, 12, 12, 8, 13, 15, 13, 9, 15, 15, 12, 13, 13, 12, 10, 11, 13, 9, 14, 13, 11, 15, 12.

Проведем с помощью gretl тест Чоу для проверки однородности полученных данных, разделив данные пополам. Для использования теста Чоу сначала с помощью gretl была построена модель линейной регрессии методом наименьших квадратов, где в качестве объясняющей переменной использовано количество правильных ответов 36 отобранных испытуемых, а в качестве регрессоров – только константа, равная выборочному среднему.

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1–36

Зависимая переменная: correct_answers_new1
Коэффициент Ст. ошибка t-статистика
Р-значение

const 11,8056 0,332903 35,46 5,05e-029 ***
Среднее зав. перемен 11,80556 Ст. откл. зав. перемен 1,997419
Сумма кв. остатков 139,6389 Ст. ошибка модели 1,997419
R-квадрат 0,000000 Испр. R-квадрат 0,000000
Лог. правдоподобие –75,48152 Крит. Акаике 152,9630
Крит. Шварца 154,5466 Крит. Хеннана-Куинна 153,5157

Тест Чоу для структурных изменений в точке 18
Нулевая гипотеза: нет структурных изменений
Тестовая статистика: $F(1, 34) = 5,98525$
р-значение = $P(F(1, 34) > 5,98525) = 0,0197515$

Мы получили небольшое р-значение: вероятность неправильно отклонить гипотезу однородности равна 0,0197515, а потому рассматриваемые данные можно считать неоднородными. Это подтверждает и уточняет предварительные выводы на основе описательной статистики: испытуемых с не менее 15 правильными ответами следует отнести к группе исключительно хорошо угадавших правильные ответы.

Тест 3. Из имеющихся данных выбросим тех испытуемых, количество правильных ответов которых меньше 7 или, наоборот, больше 14, сохра-

нив естественную упорядоченность испытуемых по алфавиту. Всего 37 человек, вопросов – 30.

13, 9, 13, 9, 13, 10, 11, 13, 10, 13, 13, 9, 9, 10, 12, 7, 12, 7, 7, 7, 8, 13, 13, 9, 12, 13, 13, 12, 10, 11, 13, 9, 7, 14, 13, 11, 12.

Проведем с помощью gretl тест Чоу для проверки однородности полученных данных, разделив данные пополам (но так как количество нечетно, то разделим сначала по 18 и 19, а потом, соответственно, по 19 и 18). Для использования Чоу сначала с помощью gretl была построена модель линейной регрессии методом наименьших квадратов, где в качестве объясняющей переменной использовано количество правильных ответов 37 отобранных испытуемых, а в качестве регрессоров – только константа, равная выборочному среднему.

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1–37

Зависимая переменная: correct_answers_new2
Коэффициент Ст. ошибка t-статистика
Р-значение

const 10,8108 0,365226 29,60 7,26e-027 ***
Среднее зав. перемен 10,81081 Ст. откл. зав. перемен 2,221584
Сумма кв. остатков 177,6757 Ст. ошибка модели 2,221584
R-квадрат 0,000000 Испр. R-квадрат 0,000000
Лог. правдоподобие –81,52800 Крит. Акаике 165,0560
Крит. Шварца 166,6669 Крит. Хеннана-Куинна 165,6239

Тест Чоу для структурных изменений в точке 19
Нулевая гипотеза: нет структурных изменений
Тестовая статистика: $F(1, 35) = 0,0542737$
р-значение = $P(F(1, 35) > 0,0542737) = 0,817144$
Тест Чоу для структурных изменений в точке 18
Нулевая гипотеза: нет структурных изменений
Тестовая статистика: $F(1, 35) = 0,105608$
р-значение = $P(F(1, 35) > 0,105608) = 0,747136$

Мы получили достаточно высокое р-значение: вероятность неправильно отклонить гипотезу однородности равна 0,817144 для разделения на 19 и 18 и 0,747136 – для разделения на 18 и 19, а потому у нас нет оснований считать рассматриваемые данные неоднородными. Таким образом рассматриваемые данные можно считать однородными.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Испытуемых с количеством правильных ответов от 8 до 14 включительно следует считать общей массой – данный вывод согласуется с описательной статистикой и не опровергается тестом Чоу.

2. Испытуемых с количеством правильных ответов от 15 и выше следует отнести к группе испытуемых, исключительно хорошо угадавших правильные ответы – данный вывод согласуется

с описательной статистикой и подтверждается тестом Чоу.

3. Испытуемых с количеством правильных ответов не более 5 следует отнести к группе испытуемых с исключительно малым количеством правильных ответов – данный вывод подтверждается описательной статистикой, при этом проводить тест Чоу нет необходимости.

4. Испытуемых, давших 7 правильных ответов, на основании данных описательной статистики нельзя однозначно отнести ни к общей массе, ни к группе с исключительно малым количеством правильных ответов – данный вывод не опровергается тестом Чоу. Тем не менее, учитывая, что 7 правильных ответов находится на расстоянии 5 от медианы (которая равна 12 правильным ответам), а это больше расстояния равного 3 между 15 правильными ответами и медианой, можно либо рекомендовать провести повторное исследование для испытуемых с 7 правильными ответами с целью окончательного принятия решения, либо все же отнести их к группе с исключительно малым числом правильных ответов.

Далее всем участникам эксперимента была проведена рутинная запись электрической активности головного мозга (ЭЭГ) (по схеме 10/20 с заземлением с пробой открыть/закрыть глаза) в специально экранированном помещении [6]. На рутинных записях ЭЭГ никаких отклонений и особых различий у участников эксперимента выявлено не было. После чего проводились регистрация слуховых вызванных потенциалов с когнитивным тестом (СВП), идентичным первому и второму тестам, которые применялись для отбора кандидатов в экспериментальную группу. Время на ответ отводилось не более 5 секунд. Испытуемые мысленно отвечают на вопросы, ничего не записывая и не говоря вслух. Моменты ответов на вопросы отмечались на записи ЭЭГ [7]. На следующем этапе все данные были обработаны при помощи комплекса программного обеспечения IBM Watson. Рассматривались все характеристики регистрации ЭЭГ во временном интервале 5 секунд после каждого вопроса [8]. Программным комплексом был выявлен параметр X – индикатор множества функций, который позволяет сказать, что конкретные записи электрической активности имеют между собой зависимость. X при этом является переменной величиной, отражающей координату точки в конкретную единицу времени, на графике ЭЭГ определенной частоты. Исходя из того, что такой параметр описан конкретной подобранной функцией выдвинута гипотеза о том, что у любого человека, использующего интуитивное мышление запись ЭЭГ будет иметь тот же самый индикатор именно с таким описанием (функцией). При этом какая-либо подобная зависимость отсутствовала у участников, использующих логическое мышление. Дальнейшее тестирование участников контрольной группы в количестве 10 человек ме-

тодом СВП и дальнейшей обработкой результатов программным комплексом выявил искомую зависимость у двух человек из контрольной группы. Когнитивный тест подтвердил их предрасположенность к интуитивному мышлению. Для проверки полученных результатов и возможности применения методики на практике была создана еще одна контрольная группа из участников возраста 25–48 лет в количестве 20 человек. У двух человек после проведения СВП была выявлена искомая зависимость на ЭЭГ, подтвержденная когнитивным тестом.

В результате с помощью полученной математической зависимости можно будет достаточно оперативно, без серьезных экономических затрат, а также подготовки отдельных специалистов проводить подобные исследования личностных характеристик в рамках существующих профессиональных отборов, в частности кандидатов в отряд космонавтов.

Изучению нейробиологических основ интуиции посвящены немногочисленные экспериментальные исследования с незначительным количеством перекрестных ссылок между ними [9]. Кроме того, в этих исследованиях использованы разные сложные подходы, начиная от нейропсихологических и нейроанатомических методов до современных методов магнитно-резонансной томографии, поэтому результаты этих исследований чрезвычайно разнятся и с трудом поддаются сравнению [10]. Кроме того, нужно отметить, что все вышеуказанные исследования чрезвычайно дорогостоящие, осуществлялись на громоздком оборудовании, и для интерпретации результатов требовалось большое количество времени [11].

Перспективой применения на практике разработанной инновационной методики будет являться максимально эффективный инструментальный отбор кандидатов в отряд космонавтов, что позволит уменьшить количество часов психологической подготовки, связанной с типами мышления и принятия решений в сложных экстремальных условиях, а также отобрать в отряд людей, изначально готовых учитывать сложные сетевые и динамические изменения обстановки, что предполагает наличие способности к особому мышлению и максимального использования различных сторон своего интеллектуально-личностного потенциала. Также введение нового метода психологического отбора сотрудников наземной инфраструктуры, которые должны обладать необходимыми умениями для оперативного определения путей и возможности устранения ошибок управления, определения причин отказов и нестандартных ситуаций пилотируемых космических кораблей и станций с учетом деятельности операторов центра управления полетами и космонавтов, позволит более эффективно решать поставленные задачи, что, безусловно, положительно отразится на эффективности космической деятельности в целом.

Литература

1. Крючков Б.И., Саев В.Н., Орешкин Г.Д., Долгов П.П., Виноградов Ю.А., Каспранский Р.Р. Профессиональные стандарты для специалистов в области пилотируемой космонавтики. Научный журнал «Пилотируемые полеты в космос», № 1 (22). ФГБУ «НИИ ЦПК имени Ю.А. Гагарина (Звездный городок). С. 127–133, 2017.
2. Epstein S. et. al. Individual differences in intuitive-experiential and analytical-rational thinking styles // *J. Person, and Soc. Psychol.* 1996. V.71s. № 2. p. 390–405.
3. Lieberman M.D. Intuition: a social cognitive neuroscience approach // *Psychological bulletin.* – 2000. – Т. 126. – № 1. – С. 109.
4. Шереметьев К.П. Феноменальный интеллект. Искусство думать эффективно / Под ред. Э.А. Салыхова. – М.: Эксмо, 2015.
5. Berry D.C., Broadbent D.E. On the relationship between task performance and associated verbalizable knowledge // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A.* – 1984. – Т. 36. – № 2. – С. 209–231.
6. Резников Д.Ю. Регистрация электрической активности головного мозга в условиях урбанизированных территорий при влиянии искусственных электромагнитных излучений // *Экология урбанизированных территорий.* – 2012. – № 3. – М.: Изд. Дом «Камертон». – С. 19–21.
7. McCraty R., Atkinson M., Bradley R.T. Electrophysiological evidence of intuition: Part 1. The surprising role of the heart // *The Journal of Alternative & Complementary Medicine.* – 2004. – Т. 10. – № 1. – С. 133–143.
8. McCraty R., Atkinson M., Bradley R.T. Electrophysiological evidence of intuition: Part 2. A system-wide process? // *The Journal of Alternative & Complementary Medicine.* – 2004. – Т. 10. – № 2. – С. 325–336.
9. Logothetis N.K. et al. Neurophysiological investigation of the basis of the fMRI signal // *Nature.* – 2001. – Т. 412. – № 6843. – С. 150.
10. Рагозинская В.Г. Нейронаучный подход к интуиции: обзор современных исследований // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион.* – 2016. – № 3. – С. 151–165.
11. Frantz R. Herbert Simon: Artificial Intelligence as; a Framework for Understanding Intuition. *Journal of Economic Psychology.* Vol. 24. 2003. P. 265–277.

FUNCTIONAL DIAGNOSTICS OF PERSONAL CHARACTERISTICS AT THE STAGE OF PROFESSIONAL SELECTION FOR COSMONAUT CORPS

Reznikov M.Y.

Independent researcher

To date, the psychological selection of candidates for cosmonaut corps includes clinical and physiological experiments that do not fully give an idea of the type of thinking of the subject.

Of course, the possibility of an objective assessment of the type of thinking of a candidate for the corps at the stage of selection is relevant.

A new quality parameter that characterizes the type of thinking of the subject was introduced, based on the mathematical processing of the records of the electrical activity of the brain of specially formed groups of the children aged 9–11, which allowed reducing the effect of endocrine profile on the experiment.

On its basis, there is an implication of possibility to execute the objective initial assessment of types of thinking in order to professionally select specialists, involved in prompt solutions of the complex and non-standard tasks, for the space infrastructure, in particular, candidates for the groups of cosmonauts that are prepared to take into account complicated network and dynamic changes in the situation, which implies being able to think differently and use to the maximum extent various facets of their intellectual and personal potential.

Keywords: electrical activity of the brain, evoked potentials, thinking, intellect, method of selection of specialists.

References

1. Kryuchkov B.I., Saev V.N., Oreshkin G.D., Dolgov P.P., Vinogradov Yu.A., Kaspransky R.R. Professional standards for specialists in the field of manned astronautics. Scientific journal "Manned Space Flights", No. 1 (22). Federal State Budgetary Institution "Research Institute of Cosmetic Training Center named after Yu. A. Gagarin (Star City)". pp. 127–133, 2017.
2. Epstein S. et. al. Individual differences in intuitive-experiential and analytical-rational thinking styles // *J. Person, and Soc. Psychol.* 1996. V.71s. No. 2. p. 390–405.
3. Lieberman M.D. Intuition: a social cognitive neuroscience approach // *Psychological bulletin.* – 2000. – Т. 126. – No. 1. – P. 109.
4. Sheremetyev K.P. Phenomenal intelligence. The art of thinking effectively / Ed. E.A. Salyakhova. – М.: Eksmo, 2015.
5. Berry D.C., Broadbent D.E. On the relationship between task performance and associated verbalizable knowledge // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A.* – 1984. – Vol. 36. – No. 2. – pp. 209–231.
6. Reznikov D. Yu. Registration of electrical activity of the brain in urban areas under the influence of artificial electromagnetic radiation // *Ecology of urban areas.* – 2012. – No. 3. – М.: Publishing house. House "Kamerton". – pp. 19–21.
7. McCraty R., Atkinson M., Bradley R.T. Electrophysiological evidence of intuition: Part 1. The surprising role of the heart // *The Journal of Alternative & Complementary Medicine.* – 2004. – Т. 10. – No. 1. – pp. 133–143.
8. McCraty R., Atkinson M., Bradley R.T. Electrophysiological evidence of intuition: Part 2. A system-wide process? // *The Journal of Alternative & Complementary Medicine.* – 2004. – Т. 10. – No. 2. – pp. 325–336.
9. Logothetis N.K. et al. Neurophysiological investigation of the basis of the fMRI signal // *Nature.* – 2001. – Т. 412. – No. 6843. – P. 150.
10. Ragozinskaya V.G. Neuroscientific approach to intuition: a review of modern research // *News of higher educational institutions. Ural region.* – 2016. – No. 3. – pp. 151–165.
11. Frantz R. Herbert Simon: Artificial Intelligence as; a Framework for Understanding Intuition. *Journal of Economic Psychology.* Vol. 24. 2003. P. 265–277.

Реализация корпоративной социальной политики в системе высшего образования: обобщение опыта РУДН им. П. Лумумбы

Стенько Ирина Александровна,

независимый исследователь, директор центра дошкольного образования «Бэби-Клуб»

E-mail: irinastenkosocial@mail.ru

Предметом исследования данной работы является реализуемая в РУДН им. П. Лумумбы система социальной политики, которая, кроме прочего, позволила вузу в июне 2024 г. улучшить свой рейтинг в ежегодно публикуемом агентством Quacquarelli Symonds списке наиболее эффективных высших учебных заведений мира. Цель работы – обобщение и систематизация отечественных и зарубежных теорий социологии управления, концептуально-методологические положения которых составляют основу изучения социальных отношений в ключевых сферах жизнедеятельности общества, а, в прикладном плане, применяются для интеграции инструментов социальной политики в работу вузов. В исследовании использованы общенаучные и специальные методы: обобщение и классификация, дедукция и индукция, анализ административно-нормативных документов. Новизна работы заключается в проведении анализа арсенала имеющихся у РУДН инструментов социальной поддержки. Практическая значимость работы сводится к предоставлению возможностей для российских вузов по использованию материалов исследования в реализации собственной социальной политики с прицелом на обеспечение непрерывного развития высшего образования, повышение качества образовательных услуг и стимулирование экспорта отечественного образования за рубеж в текущих, вызванных внешними геополитическими факторами, невыгодных конкурентных условиях деятельности российских вузов на глобальном рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: корпоративная социальная политика, социальная ответственность, меры социальной поддержки, социальная политика вуза, международные рейтинги университетов, социология управления.

Введение

В июне 2024 г. одно из трех наиболее авторитетных в глобальной сфере высшего образования рейтинговое агентство Quacquarelli Symonds (QS) опубликовало очередной ранжированный список лучших университетов мира. В обновленный рейтинг QS вошли более 1500 вузов из 105 стран [1]. В Топ-10 нового рейтинга включены вузы из таких государств, как США (Массачусетский технологический институт, первое место рейтинга), Великобритания (Имперский колледж Лондона, второе место), Швейцария (Высшая техническая школа Цюриха, седьмое место) и Сингапур (Национальный университет Сингапура, восьмое место). В данном списке в текущем году фигурируют 47 российских вузов – на один меньше, чем годом ранее. Наиболее высокие показатели в рейтинге QS исторически сохранил за собой МГУ им.М.В.Ломоносова, хотя и снизил позицию с 75-го места двумя годами ранее и 87-го места в прошлом году до нынешнего 94-го места.

Важно отметить, что в рассматриваемом ранжировании серьезно усилили позиции МГТУ им. Н.Э. Баумана (на 22 строчки – с 319-го в прошлом году на 298-е место) и, особенно, РУДН им. П. Лумумбы (на 26 строчек – с 342-го на 316-е место). При анализе такого достаточно впечатляющего прогресса РУДН в рейтинге QS целесообразно учитывать тот факт, что наряду с наиболее «традиционными» характеристиками эффективности высших школ (прежде всего, цитируемость научных публикаций и академическая репутация) агентство Quacquarelli Symonds в своей методологии уделяет серьезное внимание экологической и социальной ответственности вузов, причислив с 2024 г. этот показатель к девяти основным критериям оценки университетов [2]. Как следствие, РУДН удалось продемонстрировать весомый прирост рейтинга, в том числе по причине того, что в фокусе управленческой стратегии университета традиционное ведущее место занимает задача развития корпоративной социальной политики в отношении как учащихся, так и, в первую очередь, сотрудников и профессорско-преподавательского состава.

В данной статье рассмотрены ключевые отечественные и зарубежные теории социологии управления, лежащие в основе исследования социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека. Проводится анализ при-

кладного применения выявленных таким образом концептуальных и методологических положений в целях интеграции инструментов социальной политики в работу высших учебных заведений. В фокусе отдельного внимания – изучение и детализация опыта РУДН им. П. Лумумбы в развитии собственной социальной стратегии, ключевые аспекты которой могут быть использованы в деятельности других российских вузов, в том числе в целях повышения их показателей в международных и национальных рейтингах.

Теоретические основы корпоративной социальной политики в вузах

К наиболее значимым разработчикам теоретической основы социального управления как самостоятельного направления научного знания принято относить таких зарубежных ученых, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Парето, Г. Спенсер, А. Шюц и др. [3, 4]. Отдельное выдающееся место в этом ряду занимают американские социологи XX века Р. Мертон и Т. Парсонс, внесшие основополагающий вклад в современную теорию социального управления. В этом контексте, в частности, Т. Парсонс подчеркивает, что удовлетворение потребностей человека должно находиться в основе деятельности любых социальных институтов, вплоть до государства. Для решения этой задачи должны повсеместно создаваться различные социальные структуры (организации, учреждения), наделенные специальным и четко определенным функционалом и – через созданный таким образом инструментарий – решающие задачи удовлетворения потребностей индивидов [5].

Деятельность вузов при обеспечении социальной ответственности представляется обоснованным рассматривать в рамках пласта научных работ по корпоративной социальной политике, исследование которой находится в фокусе внимания как иностранных специалистов, так российских ученых. Значительный вклад в развитие представлений о корпоративной социальной политике внесли такие западные исследователи, как: Ч. Бернард, Дж. Марч, Э. Мейо, А. Файоль, Ф. Ротлисбергер, Г. Саймон, Л. Урвик, У. Эшби и другие. В отечественной социологии данной теме уделено внимание в трудах Е.М. Бабосова, Д.М. Гвишиани, В.Н. Иванова, Н.А. Крутикова, Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова, О.И. Шкаратана [6]. Обобщая их работы, можно констатировать, что в широком смысле термин социальной политики подразумевает под собой деятельность государства, общественных организаций и благотворительных фондов, связанная с удовлетворением потребностей граждан и осуществляемая через социальную сферу. В то же время В.И. Жуков предлагает понимать под корпоративной социальной политикой регулируемую государством, но разрабатываемую и реализуемую зарегистрированными в уста-

новленном законом порядке юридическими лицами систему управленческих воздействий, которые главным образом направлены на оптимизацию взаимодействия общества и отдельно рассматриваемого предприятия, а также обеспечение социальных гарантий внутри предприятия [7].

Социальная политика в учреждениях высшей школы в качестве объектов своей деятельности определяет студентов, преподавателей и сотрудников вуза, которым оказывается различная адресная или комплексная социальная поддержка. Таким образом, государство (если вуз является государственным), а также непосредственно администрация образовательного учреждения (особенно, если вуз частный) в рамках собственной стратегии развития реализует социально-экономическую помощь, предоставляет социально-бытовые, медико-социальные, правовые и другие услуги учащимся и работникам [8].

В случае с педагогическим составом и административными сотрудниками вуза (которые в данной работе, а также в контексте проблемы повышения эффективности образовательного учреждения рассматриваются как основной объект реализации социальной поддержки со стороны вуза), по мнению Ю.Н. Исайчевой, социальная политика учреждения высшего образования должна быть нацелена на формирование условий для обеспечения граждан работой, охрану наемного труда, обеспечение прожиточного минимума для работников, заботу об образовании, семье и здравоохранении [9].

М.Г. Масилова в своих исследованиях приходит к выводу, что предназначение корпоративной социальной политики в вузе не ограничивается исключительно оказанием социальной поддержки сотрудникам через развитие системы социальных льгот и гарантий. Не менее важно в этом плане и такое направление, как создание условий для самообеспечения сотрудников, стимулирование для них возможностей для самостоятельного решения своих социальных проблем. В связи с этим социальная политика в вузе должна быть сфокусирована не только на удовлетворении нужд работника, которые появились в результате его жизни и трудовой деятельности, но и на формировании у него соответствующих социальных потребностей. К ним в первую очередь стоит относить стремление к самореализации научно-педагогического и личностного потенциала, потребность в развитии активной жизненной позиции, заинтересованность в постоянном повышении и поддержании своего социального статуса, а также регулярно повышающиеся требования при определении оптимальной планки индивидуального благосостояния [10].

Следуя этой логике, корпоративную социальную политику в вузе можно четко отделить от, на первый взгляд, дублирующей ее по функционалу кадровой политики. Корпоративная социальная

политика должна обязательно предусматривать пути и механизмы реализации сотрудником своих способностей, запросов и компетенций. В то же время кадровая политика преимущественно концентрируется на задачах определения наиболее эффективного и рационального задействования работников для достижения целевых показателей эффективности высшего учебного заведения. Если не уделять достаточно внимания проблеме формирования благоприятных социальных условий в трудовом коллективе, его участники не смогут полноценно решать прямые профессиональные задачи. Как следствие, чем благоприятнее условия для реализации человеком его способностей, тем больше отдача от его труда, тем эффективнее его работа, а значит больше возможностей для экономического, социального, психологического и нравственного роста [10].

Особенности реализации социальной политики в вузе

На указанной основе, а также по итогам анализа социальных практик различных российских вузов очевидным становится вывод о том, что поэтапная работа по созданию системы управления корпоративной социальной политикой является неотъемлемой составной частью управления высшим учебным заведением [11].

Опираясь на общеуправленческую концепцию К.Э. Лайкама, можно прийти к заключению, что разработка и реализация социальных программ в вузах должна представлять из себя детальный, тщательно проработанный, поэтапный процесс. Вузовские социальные программы, в том числе учитывая преимущественно творческий и креативный характер личности основной части персонала, целесообразно максимально ориентировать на решение социальных проблем, связанных как с материальными, так и социально-статусными потребностями отдельных категорий сотрудников или штата работников в целом. Социальная политика будет тем эффективнее, чем полнее в ней будут учитываться жизненные и социально значимые потребности сотрудников вуза [12].

Первоочередное значение при разработке (а в дальнейшем и при реализации) в вузе социальной политики имеет ее нормативно-регуляционный аспект, то есть формирование всеобъемлющей системы специализированных локальных нормативно-правовых актов. основополагающим документом в этом контексте способен, например, стать Коллективный договор или Социальный кодекс вуза. Его подготовка администрацией учреждения и последующее принятие собранием всех работников можно рассматривать через призму социального партнерства как важный способ интеграции и взаимовыгодной корректировки приоритетов руководства вуза и ключевых интересов сотрудников, а также как будущую базу для раз-

решения способных возникнуть в перспективе противоречий путем компромиссного достижения согласия, стимулирования настроя на взаимопомощь и взаимную ответственность [10].

Ввиду выявленного разнообразия форм социальных потребностей членов трудового коллектива вуза не менее важной задачей является определение оптимальных механизмов реализации корпоративной социальной политики. Как представляется, в каждом учебном заведении высшей школы – в зависимости от его объективных особенностей (бюджет организации, организационно-штатная структура, число сотрудников и так далее) – целесообразно создавать самостоятельное профильное подразделение (департамент/управление/отдел) социальной политики. Эти оргштатные структуры должны тесно взаимодействовать со специализированными государственными органами и отраслевыми профессиональными союзами. Также логичной выглядит прицельная кадровая работа администрации по набору в социальные подразделения специально подготовленных специалистов-менеджеров по управлению соответствующими программами, обладающих знаниями международных и национальных практик такой деятельности.

Отдельные направления реализации социальной политики в РУДН

Концепция «Социальной ответственности» значится среди официальных жизненных ценностей РУДН им. П. Лумумбы, отражающих специфику и стратегию развития университета. В ряду выделенных в Концепции профильных задач фигурируют обязательства перед обществом в целом и коллективом преподавателей, сотрудников и обучающихся, нацеленность на реализацию значимых внутренних и внешних социальных программ, направленность на здоровье и благополучие людей, приверженность общечеловеческим моральным принципам инклюзивности, а также помощь социально незащищенным группам и забота об окружающей среде [12].

Главными основополагающими документами, регулирующими социальную корпоративную политику РУДН, являются Устав РУДН и Коллективный договор ФГАОУ ВО «РУДН» на 2022–2025 гг. Кроме того, к ним относится регулярно дорабатываемое Положение о работе Комиссии по социальной поддержке обучающихся и сотрудников РУДН, а также текущие приказы и распоряжения руководства университета [13, 14].

В соответствии с данной нормативной базой в вузе действуют различные программы материальной и нематериальной поддержки сотрудников. Так, предоставляется частичная компенсация медицинских услуг клинично-диагностического центра (КДЦ). Согласно пункту 4.3.11. Коллективного договора на 2022–2025 годы, университет возмещает 20% от стоимости медицинских услуг КДЦ,

оплаченных работниками – членами Профсоюза РУДН, но не более 10 тысяч рублей в год; работникам, имеющим почётное звание «Ветеран РУДН», Профсоюз возмещает 25% от стоимости оплаченных ими медицинских услуг, но не более 15 тысяч рублей в год.

Другим примером служит частичная компенсация услуг физкультурно-оздоровительного комплекса РУДН (ФОК). Речь идет о возмещении 20% от стоимости услуг ФОК, оплаченных работниками – членами Профсоюза РУДН, но не более 10 тысяч рублей в год. Работникам, имеющим почётное звание «Ветеран РУДН», возмещается 25% от стоимости оплаченных ими услуг, но не более 15 тысяч рублей в год.

В этом же ряду – скидка на обучение в Автошколе РУДН. Всем сотрудникам предоставляется скидка в размере 10%, а членам Профсоюза – дополнительная скидка 10% (совокупно 20%) [15].

Дополнительные расширенные меры социальной поддержки в соответствии с отдельными приказами университета установлены для таких категорий работников, как сотрудники, обладающие статусом родителя из многодетной семьи или воспитывающие ребенка-инвалида.

Также в рамках социальной поддержки сотрудников с детьми в вузе с 2023 г. действует игровая комната для кратковременного пребывания (до 3,5 часов в день) детей работников. Кроме того, университет предоставляет частичную компенсацию оплаты летнего отдыха несовершеннолетних родственников сотрудников – членов Профсоюза [15].

Отдельного анализа заслуживают разнонаправленные программы социальной поддержки студентов, обучающихся по очной форме. Эти меры не ограничиваются «классическими» выплатами стипендий и материальной помощи [16], но зачастую носят также нефинансовый характер. Например, студенты, являющиеся детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, зачисляются на полное государственное обеспечение до завершения обучения, в соответствии с Федеральным законом от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [17].

При предоставлении обучающимся академического отпуска по медицинским показаниям, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет на весь период данных отпусков выплачивается государственная социальная стипендия (для детей-сирот сохраняется полное государственное обеспечение), а находящимся в отпуске по беременности и родам – дополнительные пособия в размере государственной академической стипендии, установленной в Университете.

В рамках программы «Доступная среда» обучающиеся из числа детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов с детства обеспечивают

ся техническими средствами, необходимыми для освоения образовательных программ.

Для студентов также организуются бесплатные экскурсии по Москве, Подмосковию и городам «Золотого кольца» России, в Парк Патриот [17].

Реализация всех направлений социальной политики РУДН осуществляется двумя самостоятельными подразделениями в структуре вуза – Управлением социального развития во взаимодействии и Профсоюзным комитетом университета.

Заключение

Продолжающиеся с 2022 г. геополитические процессы в мире и связанные с ними комплексные политико-экономические ограничения оказывают серьезное негативное воздействие на развитие российского высшего образования. К настоящему времени де-факто прекращено сотрудничество отечественных вузов с зарубежными университетами, международными рейтинговыми агентствами и образовательными электронными платформами. Как подчеркивают Ю.Н. Эбзеева и Л.Н. Гишкаева, для укрепления фундамента высшего образования и повышения конкурентоспособности России на мировой арене в данной ситуации необходимо направить силы на поиск новых векторов развития в разных сферах жизнедеятельности вузов и повышения конкурентоспособности российского образования, учитывая существующие возможности и в целях привлечения новых [18]. В этом контексте, как показывают последние успешные (вопреки сдерживающим внешним факторам) рейтинги РУДН им. П. Лумумбы в международных системах ранжирования, важную роль играет планомерное развитие корпоративной социальной политики в высшей школе. Накопленный в РУДН им.П.Лумумбы и обобщенный в данной работе опыт реализации принципов социальной ответственности вузов может быть использован другими российскими образовательными учреждениями в целях обеспечения доступного и непрерывного высшего образования в России, повышения качества образовательных услуг и стимулирования экспорта отечественного образования за рубеж.

Литература

1. Международный рейтинг лучших университетов на 2025 г., составленный агентством Quacquarelli Symonds [электронный ресурс] // topuniversities.com 2024. – URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Методологические разъяснения по рейтингу лучших университетов на 2025 г., составленные агентством Quacquarelli Symonds [электронный ресурс] // qs.com 2024. – URL: <https://support.qs.com/hc/en-gb/articles/4405955370898>

- QS-World-University-Rankings/ (дата обращения: 10.07.2024).
3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; под ред. Ю. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 805 с.
 4. Ковалев В.Н. Социология управления социальной сферой: учеб. по-соб. для вузов. – М.: Академический Проект, 2003. – 240 с.
 5. Parsons T. *Essays on Sociological theory* / T. Parsons. – N. Y., 1964.
 6. Долгорукова И.В. Корпоративная социальная политика современных российских предприятий: модели и практики. – М., 2011. – 329 с.
 7. Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М.: РГСУ, 2012. – 895 с.
 8. Абросимов В.Н. Профессиональные качества преподавателя высшей школы // Стандарты и мониторинг образования. 2001. № 6. С. 61–64.
 9. Исайчева Ю.Н. Социальная политика социального государства; под общ. ред. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород, 2002.
 10. Масилова М.Г. Корпоративная социальная политика управления вузом как фактор эффективности управления персоналом. – Новосибирск. 2006. С. 46–73.
 11. Лайкам К.Э. Модели социальной политики // Общество и экономика. 2000. № 8. С. 19–26.
 12. Жизненные ценности РУДН им. П. Лумумбы [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – URL: https://vote.rudn.ru/media/main_page_documents/Жизненные_ценности_РУДН.pdf/ (дата обращения: 10.07.2024).
 13. Коллективный договор ФГАОУ ВО «РУДН» на 2022–2025 гг. [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Kollektivnyy_dogovor_FGAOU_VO_RUDN_na_2022-2025_gody.pdf/ (дата обращения: 10.07.2024).
 14. Положение о работе Комиссии по социальной поддержке обучающихся и сотрудников РУДН [электронный ресурс] // studylib.ru 2024. – URL: https://studylib.ru/doc/2442936/polozhenie-o-rabote-komissii-po-social._noj-podderzhke-obuch.../ (дата обращения: 10.07.2024).
 15. Список отдельных социальных льгот для членов Профсоюза РУДН [электронный ресурс] // profkomrudn.ru 2024. – URL: <https://www.profkomrudn.ru/privileges/> (дата обращения: 10.07.2024).
 16. Перечень стипендий РУДН [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Perecheny_stipendiy_RUDN_2023_.docx (дата обращения: 10.07.2024).
 17. Сведения о наличии и условиях предоставления обучающимся стипендий и мер социальной поддержки в РУДН [электронный ресурс] // rudn.ru 2024. – URL: <https://www.rudn.ru/sveden/grants/> (дата обращения: 10.07.2024).
 18. Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н. Повышение конкурентоспособности образования России на международном уровне // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22. № 1. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.1.8>.

IMPLEMENTATION OF CORPORATE SOCIAL POLICY IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: CONSOLIDATED EXPERIENCE OF RUDN UNIVERSITY NAMED AFTER P. LUMUMBA

Stenko I.A.

Preschool Education Center Baby Club

The subject of research in this article is the system of social responsibility policy implemented at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) named after P. Lumumba. Among other things such strategy allowed the RUDN University to improve significantly its ranking (by 26 points) in the list of the most effective universities from 105 countries published in June 2024 by the Quacquarelli Symonds agency. The purpose of this paper is to summarize the key domestic and foreign theories of the social sciences, which conceptual and methodological provisions serve as the basis for the study of social relations in key spheres of society, and, in practical terms, for the integration of social policy instruments into the work of higher education institutions. In terms of procedures and methods, this work is based on the study of administrative and regulatory documents concerning the social responsibility policy of the RUDN University and available in open access on the Internet. The novelty of the study lies in conducting of a full and comprehensive analysis of the multidirectional toolkit used by the RUDN University to implement social responsibility strategies and increase the efficiency of its educational competences. Practical significance of the article allows various Russian universities to use this research materials in the elaboration, development and realisation of their own social policies aimed at ensuring rapid accessibility and continuous development of higher education in the Russian Federation, improving the quality of educational services and expanding the export of domestic education abroad in the current period of caused by external geopolitical factors unfavorable competitive conditions for Russian universities on the global education market.

Keywords: corporate social policy, social responsibility, social support measures, university social policy, international university rankings, sociology of management.

References

1. Quacquarelli Symonds World University Rankings 2025 [electronic resource] // topuniversities.com 2024. – URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/> (accessed on 10.07.2024).
2. Methodological explanations for the Quacquarelli Symonds World University Rankings 2025 [electronic resource] // [qs.com](https://support.qs.com) 2024. – URL: <https://support.qs.com/hc/en-gb/articles/4405955370898-QS-World-University-Rankings/> (accessed on 10.07.2024).
3. Weber M. *Selected Works* / M. Weber; edited by Yu. Davydov. – M.: Progress, 1990. – 805 p.
4. Kovalev V.N. *Sociology of social sphere management: a teaching aid for universities*. – M.: Academicheskyy Proekt, 2003. – 240 p.
5. Parsons T. *Essays on Sociological theory* / T. Parsons. – N. Y., 1964.
6. Dolgorukova I.V. *Corporate social policy of modern Russian enterprises: models and practices*. – M., 2011. – 329 p.
7. Zhukov V.I. *Social development of Russia: historical and sociological comparative studies: in 3 volumes*. M.: RSSU, 2012. – 895 p.
8. Abrosimov V.N. *Professional qualities of a higher education teacher* // *Standards and monitoring of education*. 2001. No. 6. P. 61–64.
9. Isaycheva Yu.N. *Social policy of the social state; under the general editorship of Z. Kh. Saraliev*. – N. Novgorod, 2002.

10. Masilova M.G. Corporate social policy of university management as a factor in the effectiveness of personnel management. – Novosibirsk. 2006. P. 46–73.
11. Laikam K.E. Models of social policy // *Society and Economy*. 2000. No. 8. P. 19–26.
12. Life values of RUDN University named after P. Lumumba [electronic resource] // rudn.ru 2024. – URL: https://vote.rudn.ru/media/main_page_documents/Жизненные_ценность_РУДН.pdf (date of access: 10.07.2024).
13. Collective agreement of FGAOU VO “RUDN” for 2022–2025. [electronic resource] // rudn.ru 2024. – URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Kollektivnyy_dogovor_FGAOU_VO_RUDN_na_2022–2025_gody.pdf (date of access: 10.07.2024).
14. Regulations on the work of the Commission for Social Support of Students and Employees of RUDN [electronic resource] // studylib.ru 2024. – URL: https://studylib.ru/doc/2442936/polozhenie-o-rabote-komissii-po-social._noj-podderzhke-obucha.../ (date of access: 10.07.2024).
15. List of individual social benefits for members of the RUDN Trade Union [electronic resource] // profkomrudn.ru 2024. – URL: <https://www.profkomrudn.ru/privileges/> (date of access: 10.07.2024).
16. List of RUDN University scholarships [electronic resource] // rudn.ru 2024. – URL: https://www.rudn.ru/sveden/files/Perecheny_stipendiy_RUDN_2023_.docx (date of access: 10.07.2024).
17. Information on the availability and conditions for providing students with scholarships and social support measures at RUDN [electronic resource] // rudn.ru 2024. – URL: <https://www.rudn.ru/sveden/grants/> (date of access: 10.07.2024).
18. Ebzeeva Yu.N., Gishkaeva L.N. Improving the competitiveness of Russian education at the international level // *Logos et Praxis*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.1.8>.

Концепт социального идеала государственной службы: поиск фундаментальных ориентиров современного публичного управления

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Государственная служба в современном мире сталкивается со многими вызовами, в том числе с размыванием профессиональной идентичности государственного служащего. Статья посвящена обсуждению концепта социального идеала как фундаментального ориентира для деятельности института государственного управления. В статье дается определение понятия социального идеала государственной службы как сконцентрированного представления общественных ожиданий в отношении социально-политической миссии государственной службы, а также ее основополагающих целей и ценностей. Хорошо артикулированный социальный идеал может применяться для решения многих теоретических и практических задач. В структуру этого концепта можно включить принципы, отражающие предназначение государственной службы, статус государственного служащего и ценностное ядро данной профессии. Социальный идеал должен быть предметом дальнейших исследований, обсуждений и дискуссий.

Ключевые слова: публичное управление, государственная служба, этика государственной службы, основания государственной службы, профессия государственного служащего.

Государственная служба как социальный институт ввиду выполняемых ей особо важных функций находится в поле постоянного и пристального внимания самых различных заинтересованных сторон: экспертных сообществ (например, академических кругов), политических лидеров, масс-медиа, общественности и др. При этом деятельность государственного управления непрерывно находится под огнем критики. Как отмечал Дж. Кейден (G.E. Caiden), государственной администрации все время приходилось бороться за признание, за «место под солнцем», однако в полной мере ей это не удалось; более того, несмотря на ее успехи, ее критики становятся все более решительными и бескомпромиссными [1, p. 27].

Кроме того, сфера государственного управления пребывает в состоянии перманентных изменений. В течение XX века одновременно с возрастанием сложности общественной жизни, с масштабными переменами в жизни общества (социальными, культурными, экономическими, политическими и др.) государственная служба постоянно трансформировалась и реформировалась. Так, примерно за последние 100 лет в США было принято не менее двенадцати крупных реформ публичного управления (это только на федеральном уровне) – в среднем по одной на каждые восемь лет [2, p. 165]. Эти реформы, вслед за США, в той или иной мере затрагивали и другие страны.

Процесс трансформации государственной службы продолжается и в настоящее время, причем в еще более крупных масштабах и с еще большей интенсивностью. Это связано с цифровизацией и внедрением других новых технологий, с растущей сложностью и неопределенностью среды, с высокими рисками, связанными с последствиями принимаемых политико-управленческих решений, с глобальными угрозами (недавняя пандемия COVID, миграционные процессы, глобальное изменение климата и др.), с возрастающими требованиями общества и т.д.

Одним из негативных следствий этих постоянных изменений института государственной службы становится некоторое размывание собственно профессиональной идентичности (и вообще смысла деятельности) государственных служащих. Все это заставляет переопределять, переосмысливать само понятие государственной службы и профессии государственного служащего.

Фундаментальным ориентиром для прояснения оснований института государственного управле-

ния в современном мире могло бы служить понятие *социального идеала* государственной службы. Этот концепт можно рассматривать как сконцентрированное выражение общественных ожиданий в отношении предназначения (миссии) государственной службы в обществе, а также главных целей и ценностей, которые направляют ее деятельность. Эти ожидания нужно понимать в специфическом смысле: они не являются какими-то произвольными пожеланиями общества, а транслируются и эксплицируются в публичном пространстве вначале в виде предварительных нормативных представлений, а затем – в виде правовых, моральных, общекультурных и т.п. норм, а также в качестве концептов технического характера (например, результативность или экономическая эффективность).

Следует отметить, что, независимо от того, насколько данный идеал артикулирован, он имплицитно присутствует в различных дискуссиях, обсуждениях (и в том числе в критических выступлениях) на тему настоящего состояния государственной службы и путей ее дальнейшей трансформации.

С точки зрения его содержания, социальный идеал не может сводиться к какому-то единственному принципу или тезису, так как в слишком краткой формулировке он не может раскрыть в достаточной мере существенные компоненты оснований государственной службы. Скорее, общественный идеал должен представлять собой некоторую связную концепцию, которая опирается на относительно небольшую совокупность основополагающих понятий, принципов, тезисов, утверждений.

С прикладной точки зрения, ясно артикулированный социальный идеал государственной службы может служить основой для широкого круга приложений, в частности, для решения ряда практических вопросов. Например, он может быть полезен для разработки этических кодексов и сводов правил поведения государственных служащих; для формирования программ образования в области государственного управления; для планирования и реализации программ совершенствования качества публичных услуг (или реформ в этой области), а на повседневном уровне, возможно, он мог бы способствовать решению текущих задач управления персоналом и разрешения рутинных конфликтов и моральных коллизий в работе администраторов.

Разумеется, концепция социального идеала вследствие ее компактности, а также ее содержания высокой степени общности, не может дать ответы на все существенные вопросы, связанные с государственной службой. В частности, это касается вопросов о степени свободы действий служащих в тех или иных случаях (дискреция чиновников – это отдельная напряженная проблема), о взаимоотношениях между профессиональными администраторами и выборными политика-

ми (классическая проблема отношения политики и администрирования), о конкретных приоритетах системы образования для государственных служащих и т.д.

Социальный идеал предоставляет лишь общие концептуальные рамки того, как с точки зрения общества (или гипотетического консенсуса в обществе среди различных его групп и т.д.) выглядят (или могли бы выглядеть) наилучшие ответы на различные практические вопросы (о функционировании государственной службы, о профессиональном поведении администраторов и др.).

Дискуссии (прежде всего за рубежом) о предназначении государственной службы, ее ценностных основаниях, о смысле профессии государственного служащего и т.п. (в том числе в контексте поиска *идеала*) обострились в связи с широким распространением с 1990-х гг. концепции нового государственного менеджмента (НГМ, NPM), которая затронула в той или иной степени большое количество стран. В настоящее время общая парадигма государственного управления сместилась к другим основаниям, однако концепция НГМ по крайней мере оставила свой след в виде стремления к экономичности, заимствования методов управления из бизнеса, использования рыночных механизмов в обществе и внутри самой организации государственных учреждений и т.д. Данная концепция была подвергнута критике многими авторами за отход от аутентичных функций публичного управления, за минимизацию участия правительства в общественной жизни, за интерпретацию статуса граждан как (всего лишь) потребителей государственных услуг и т.п.

Ряд авторов указывают, что привнесенные парадигмой НГМ изменения в конечном счете подорвали традиционные представления, лежащие в основаниях государственного управления (т.е. идеал, этос государственной службы).

В частности, как отмечает британский исследователь Б. Дж. О'Тул (в работе, посвященной проблеме социального идеала в государственной службе Великобритании), лица, занимающие высшие должности в правительстве, министры, государственные служащие и т.п. больше не имеют представления об общественных интересах, не руководствуются идеалом государственной службы и не имеют никаких стимулов к тому, чтобы мыслить в этих терминах. [3, p. vii].

Между прочим, некоторые критики утверждали, что определенную роль в возникновении данного кризиса оснований сыграли и преподаватели в сфере образования для государственных служащих, так как они не смогли обосновать моральные принципы деятельности правительства, а их готовность принять язык рынка и т.п. способствовала расшатыванию базисных принципов демократической государственности [4].

С нашей точки зрения, в структуру социального идеала (условно выделяемой в составе идеа-

ла как компактной концепции) должны входить принципы и суждения, отражающие: миссию института государственной службы, социальную позицию (статус) государственного служащего (как обобщенную характеристику его места и значения в обществе – прежде всего в условиях современной демократии), а также тесно связанное с миссией и статусом ценностное ядро профессии государственного служащего.

Миссию института государственного управления можно обозначить (в предельно кратком выражении) как его предназначение обеспечивать общественную стабильность и одновременно развитие общества (социальное, экономическое, культурное, технологическое и др.). Следует отметить, что на современном этапе значение государственного управления все более возрастает. В настоящее время все более ясно осознается, что ресурсы и процессы публичного управления являются необходимыми и незаменимыми в отношении выполнения ряда важнейших общественных функций (безопасность, устойчивость, жизнеспособность социальных систем, социальная справедливость и др.).

Для понимания социальной позиции, или места в обществе, профессии государственного служащего необходимо, по нашему мнению, исходить из того, что государственный администратор – прежде всего гражданин. И, поскольку поле его деятельности – это общественная жизнь, то его можно рассматривать как некоего «профессионального» ее участника – обладающего определенными ресурсами и делегированными ему полномочиями для решения (или содействия решению) насущных социальных проблем. Его особый социальный и профессиональный статус связан с его специальными знаниями и опытом, а также с принятой им социальной ответственностью и специфическими обязанностями.

В этой связи следует согласиться с точкой зрения тех авторов, которые соотносят профессию государственного служащего с понятием и концепцией гражданства.

Так, известные американские исследователи Роберт и Джанет Денхардты полагают, что гражданская служба является продолжением гражданства. Они связывают этическую идентичность государственных служащих с основами демократической гражданственности, что влечет также принятие администраторами особых ролей и обязанностей. [5, р. 53–56].

Кроме того, эти авторы подчеркивают, что государственные служащие играют центральную роль в оказании помощи гражданам в отстаивании общественных интересов, и, наоборот, что общие ценности и коллективные интересы граждан должны определять поведение администраторов и принятие ими решений. [5, р. 77–78].

Сходные идеи высказывает Т. Купер. По его мнению, источник легитимности государственного

служащего в демократическом обществе основан на роли гражданина. Администраторы – это в некотором смысле «профессиональные граждане», или «граждане-администраторы» как доверенные лица, нанятые гражданами для действий от их имени. [6, р. 344].

В этой связи этические обязательства государственного служащего должны вытекать из гражданских обязательств в условиях демократии. В частности, данные обязательства включают ответственность за установление и поддержание горизонтальных властных отношений со своими согражданами, т.е. стремление к власти «с помощью» граждан, а не власти «над» ними. [6, р. 344].

Т. Купер также замечает, что, разумеется, технические и другие специальные знания, рациональные подходы к решению проблем и т.п. имеют важнейшее значение в деятельности администратора, однако в конечном счете не они должны определять профессиональную идентичность государственного служащего. В противном случае это поощряет политическую пассивность граждан, которые будут склонны рассматривать правительство как «поставщика» публичных услуг, а также укрепляет роль администраторов, относящихся к гражданам как «потребителям». [6, р. 352].

Таким образом, в демократических условиях государственная служба выступает как особая специализированная подсистема общества, уполномоченная для решения важнейших общественных задач и укорененная в самих основаниях гражданственности и гражданского общества.

При этом следует подчеркнуть, что государственные служащие несут в известном смысле уникальную ответственность за взаимодействие с гражданами и содействие диалогу об общественных интересах [5, р. 78]. Администраторы не являются единственными представителями общественных интересов; они, скорее, выступают в качестве ключевых участников в рамках более широкой системы публичного управления, включающей граждан, отдельные группы, избранных представителей, а также другие институты. [5, р. 81].

Задача прояснения ценностных оснований деятельности в области публичного управления (которые тоже входят в социальный идеал) относится преимущественно к ведению этики государственной службы.

Поиск новых этических основ публичного управления стал актуальной задачей в связи с массивным влиянием нового государственного менеджмента и его неоднозначными следствиями, о которых говорилось выше. Так, в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), этика государственного сектора была включена в политическую повестку с 1990-х годов. С этого времени предпринимаются согласованные усилия по разработке ценностных

основ и этических принципов (которыми должны руководствоваться государственные служащие), а также по восстановлению общественного доверия к правительствам [7, p. 30], [8].

В этой связи в некоторых странах были введены новые этические кодексы, в других – этические кодексы были включены в публичное право [7, p. 30].

В целом этос государственной службы был охарактеризован как совокупность идеалов, которые определяют общую культуру государственной службы. [9, p. 14].

В 1996 г. ОЭСР определила следующие основные ценности государственной службы для своих государств-членов: неподкупность, честность и непорочность, объективность и беспристрастность, бескорыстие, уважение человеческого достоинства, соблюдение верховенства закона и надлежащих правовых процедур, защита уязвимых слоев населения, подотчетность, открытость и отзывчивость. Обсуждаются и такие новые ценности государственной службы, как готовность к принятию риска. [7, p. 28].

Конкретные ценности, входящие в аксиологическое ядро социального идеала государственной службы, тесно переплетены между собой. Например, ценность справедливости не является некоей «единой» идеей, а разворачивается в особый ценностный ряд. Так, в справедливом обществе реализуются такие ценности, как уважение, достоинство, безопасность, обеспечение возможностей и др. [10, p. 20].

В период широкой популярности нового государственного менеджмента с присущим ему рыночно- и бизнес-ориентированным подходом эффективность (и особенно – экономическая эффективность) стала чуть ли не единственным ориентиром для деятельности правительств. Как отмечают Р. И. Дж. Денхардты, в новой государственной службе такие идеалы, как честность, равноправие, отзывчивость, уважение, расширение прав и возможностей и приверженность делу не отрицают, а часто перевешивают значение эффективности как единственного критерия функционирования правительства. [5, p. 164].

Имеются и другие примеры комплексов ценностей, которые можно считать базисными для деятельности в области государственной службы. Так, по мнению Г.Т. Гудселла, для управления в интересах общества необходимы также некоторые процессно-ориентированные основополагающие ценности или стандарты. К ним относятся политическая отзывчивость, политический консенсус и осознание повестки. Данные руководящие ценности говорят о необходимости достижения баланса, компромисса и интеграции [11, p. 170].

Таким образом, следует полагать, что ценностные основания государственной службы не сводятся к каким-то исчерпывающим перечням, а представляют собой (должны представлять) не-

кое целостное понимание самого смысла государственной службы как служения обществу в контексте современных реалий.

Несмотря на активную деятельность по формированию этических основ современной государственной службы, можно констатировать, что пока не существует единого мнения в отношении того, какая новая этика и какие ценности должны определять поведение государственных служащих в будущем, а также о том, как эти ценности могут быть реализованы на практике [7, p. 30].

В целом социальный идеал государственной службы не только изменяется с течением времени; он варьирует также между разными странами (так как на него оказывают влияние сложившиеся политические и административные традиции, особенности государственного устройства, культура, система образования и др.). Однако некоторый инвариант понимания смысла государственной службы как служения обществу, постоянной заботы об общественном благополучии, защите общественных интересов и т.п. (и связанных с этим инвариантом ценностных оснований), несомненно, присутствует.

Социальный идеал государственной службы не может быть задан раз и навсегда в каком-то завершенном варианте. В частности, это связано уже с самой полинормативностью, полифункциональностью государственной службы, множественностью ролей современного государственного служащего и т.п., что может на практике создавать различные напряжения (этические и другие нормативные коллизии, конфликтные ситуации и т.п.).

Поэтому социальный идеал, скорее, представляет собой обсуждаемую, развивающуюся и применяемую концепцию. Как уже говорилось, данный концепт предназначен не только для теоретических целей, но и может использоваться для решения конкретных практических задач, связанных с государственным управлением. Концепция социального идеала должна быть предметом обсуждений и дискуссий (и в профессиональных сообществах, и в более широком общественном контексте). Кроме того, этот идеал должен быть темой для исследований в таких основополагающих дисциплинах, как философия и теория государственного управления, аксиология, этика и деонтология государственной службы. Собственно, в поле его потенциальных приложений, а также исследований и обсуждений происходит его конституирование и совершенствование.

Итак, развивающаяся концепция социального идеала выступает в качестве фундаментального (и корректируемого) ориентира для деятельности современного института государственной службы.

Литература

1. The State of Public Administration: Issues, Challenges and Opportunities / Menzel D.C, White H.L. (eds). Routledge, 2015.

2. Kellough J., Selden S. The reinvention of public personnel administration. *Public Administration Review*, 2003, 63 (2), 165–176.
3. Barry J. O’Toole. *The Ideal of Public Service: Reflections on the Higher Civil Service in Britain*. Routledge, 2006.
4. Brown P.G. The legitimacy crisis and the new progressivism. *Public Administration Review*, 1998, 58(4), 290–292.
5. Denhardt J.V., Denhardt R.B. *The New Public Service: Serving, Not Steering*. M.E. Sharpe, 2007.
6. *Classics of administrative ethics* / Bruce W.M. (ed.). Boulder: Westview Press, 2001.
7. *Motivation in Public Management: The Call of Public Service* / Perry J.L., Hondeghem A. (Eds.). Oxford University Press, 2008.
8. *Building public trust: Ethics measures in OECD countries*. PUMA Policy Brief, 7. Paris: OECD, 2000.
9. *Ethics in the public service: Current issues and practice*. PUMA Occasional Papers, 14. Paris: OECD, 1996.
10. Garofalo C., Geuras D. *Common Ground, Common Future: Moral Agency in Public Administration, Professions, and Citizenship*. Taylor & Francis Group, 2006.
11. *Refounding Democratic Public Administration: Modern Paradoxes, Postmodern Challenges* / Wamsley G.L., Wolf J.F. (Eds.). SAGE Publications, 1996.

THE CONCEPT OF THE SOCIAL IDEAL OF PUBLIC SERVICE: THE SEARCH FOR FUNDAMENTAL GUIDELINES OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The civil service in the modern world faces many challenges, including the erosion of the professional identity of a civil servant. The article is devoted to the discussion of the concept of the social ideal as a fundamental reference point for the activities of the institution of public administration. The article defines the concept of the social ideal of public service as a concentrated representation of public expectations regarding the socio-political mission of public service, as well as its fundamental goals and values. A well-articulated social ideal can be applied to solve many theoretical and practical problems. The structure of this concept can include principles reflecting the purpose of public service, the status of a civil servant and the value core of this profession. The social ideal should be the subject of further research, consideration and discussion.

Keywords: public administration, public service, ethics of public service, foundations of public service, profession of a civil servant.

References

1. *The State of Public Administration: Issues, Challenges and Opportunities* / Menzel D.C, White H.L. (eds). Routledge, 2015.
2. Kellough J., Selden S. The reinvention of public personnel administration. *Public Administration Review*, 2003, 63 (2), 165–176.
3. Barry J. O’Toole. *The Ideal of Public Service: Reflections on the Higher Civil Service in Britain*. Routledge, 2006.
4. Brown P.G. The legitimacy crisis and the new progressivism. *Public Administration Review*, 1998, 58(4), 290–292.
5. Denhardt J.V., Denhardt R.B. *The New Public Service: Serving, Not Steering*. M.E. Sharpe, 2007.
6. *Classics of administrative ethics* / Bruce W.M. (ed.). Boulder: Westview Press, 2001.
7. *Motivation in Public Management: The Call of Public Service* / Perry J.L., Hondeghem A. (Eds.). Oxford University Press, 2008.
8. *Building public trust: Ethics measures in OECD countries*. PUMA Policy Brief, 7. Paris: OECD, 2000.
9. *Ethics in the public service: Current issues and practice*. PUMA Occasional Papers, 14. Paris: OECD, 1996.
10. Garofalo C., Geuras D. *Common Ground, Common Future: Moral Agency in Public Administration, Professions, and Citizenship*. Taylor & Francis Group, 2006.
11. *Refounding Democratic Public Administration: Modern Paradoxes, Postmodern Challenges* / Wamsley G.L., Wolf J.F. (Eds.). SAGE Publications, 1996.

Совершенствование социальных технологий планирования карьеры молодых государственных гражданских служащих

Шмелева Екатерина Владимировна,
магистр ИГСУ РАНХиГС
E-mail: ev_shmeleva@mail.ru

В статье изучается проблематика деловой карьеры молодых государственных гражданских служащих как важного объекта управления в современных организациях.

Автор обосновывает необходимость применения системного подхода к развитию управленческих компетенций для повышения карьерных перспектив молодых государственных гражданских служащих. Отмечается, что карьера является одним из объектов управления, который нацелен на мотивацию молодых специалистов в области государственного и муниципального управления. Мотивация молодых государственных гражданских служащих также является важным фактором их успешной карьеры. В работе рассматриваются различные факторы мотивации, такие как материальное вознаграждение, возможности карьерного роста, признание и социальная значимость работы. Предлагаются пути повышения мотивации молодых специалистов, такие как создание системы поощрений, предоставление возможностей для профессионального развития и вовлечение их в процесс принятия решений.

В статье анализируются существующие проблемы и барьеры в сфере построения деловой карьеры молодых государственных гражданских служащих, предлагаются пути их преодоления. Рассматриваются передовые практики в области развития деловой карьеры. В данном исследовании был применен качественный подход, основанный на анализе научной литературы и кейс-стади.

Ключевые слова: управленческие кадры, деловая карьера, управление, навыки, знания, руководящие функции, государственная служба.

Деловая карьера молодых государственных гражданских служащих является объектом управления.

В ст. 13 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ понятие государственных гражданских служащих определяется как «Гражданский служащий – гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы». На современном этапе развития структура персонала гражданской государственной службы включает в себя высшие должности гражданской службы, главные должности, ведущие должности, старшие и младшие должности соответственно.

Рассмотрим определения понятия «деловой карьеры государственных гражданских служащих» (табл. 1).

Таблица 1. Понятие «деловой карьеры государственных гражданских служащих»

Автор	Понятие
Чернушич А. Е.	Последовательность продвижений по службе, характеризующаяся повышением должности, статуса и ответственности
Азимица Е. В.	Путь профессионального развития, который включает в себя повышение квалификации, обучение и опыт работы, необходимый для продвижения по карьерной лестнице
Мельчекова О. Г.	Индивидуальный план развития, основанный на оценке навыков, способностей и интересов государственного гражданского служащего
Колосова В. В.	Система, которая поощряет и поддерживает профессиональный рост и развитие государственных гражданских служащих
Авакова Э. Б.	Стратегия управления человеческими ресурсами, направленная на привлечение, развитие и удержание талантливых государственных гражданских служащих

Автор статьи считает, что наиболее емкое понятие деловой карьеры государственных гражданских служащих дает Мельчекова О.Г., потому что повышение квалификации это углубление и обновление знаний, а также процесс «отшлифовки» теоретических знаний и практических навыков для повышения уровня профессионального мастерства сотрудников, освоение передовой техники и технологии, ориентации труда, производства и управления.

Также аргументом в пользу позиции Мельчековой О.Г. является то, что, по ее мнению, построение деловой карьеры государственных гражданских служащих является развитием их профессиональных знаний, умений и навыков в соответствии с целями и стратегией компании. Благополучная организация готова вкладывать деньги в обучение сотрудников, чтобы обеспечить свое будущее.

Начало карьеры молодого государственного гражданского служащего имеет свои уникальные особенности и трудности. Вот некоторые из ключевых моментов.

1. Высокие стандарты этики и подотчетности.
2. Ориентация на результат.
3. Навыки межличностного общения и взаимодействия.
4. Понимание политики и процедур.
5. Стремление к профессиональному развитию.
6. Ограничения карьерного роста.
7. Политическая неопределенность.
8. Поддержка наставников.
9. Вознаграждение и льготы.
10. Социальная ответственность.

Деловая карьера описывается как процесс, в рамках которого руководители изучают и улучшают свои навыки и знания не только в своих интересах, но и в интересах организаций, в которых они работают.

Ранее программы построения деловой карьеры в основном были сосредоточены на повышении производительности в конкретной работе. Они были предназначены для акцентирования на изучении всех необходимых навыков и знаний для удовлетворительного выполнения работы. Обучение в основном было предназначено для должностных лиц и рабочих.

Таблица 2. Материалы средств массовой информации по обучению руководителей

Наименование	Дата издания	Заголовок статьи
Газета.Ру (интернет портал)	2023	Исследование: почти 80% российских компаний выделяют бюджет на обучение и развитие карьеры сотрудников
Эксперт Академии социальных технологий Ольга Вильковская	2024	90% компаний, осуществляют обучение руководителей
Интернет портал FORBES EDUCATION	2024	45% компаний увеличат или сохранят бюджет на обучение и развитие карьеры сотрудников в 2024 году

О.А. Лангай, В.К. Романович полагают, что управление карьерой – это кадровая стратегия, включающая в себя инструменты обучения и ро-

ста, посредством которого управленческий персонал приобретает и применяет навыки, знания, подходы и опыт для эффективного управления работой в своей организации. То обстоятельство, что развитие карьеры стало важным в современной конкурентной среде, подтверждается контент-анализа средств массовой информации (табл. 2).

Автором статьи проведен контент анализ авторитетных изданий средств массовой информации по проблемам управленческих кадров.

Таблица 3. Мнение авторитетных изданий средств массовой информации по проблемам управленческих кадров

Наименование	Год выпуска	Заголовок статьи
«Российская газета»	2023	Работодатели готовы переманивать руководителей высшего звена из-за дефицита кадров
Газета «Известия»	2022	Руководителей не хватает на производстве, в электро-технической отрасли и сельском хозяйстве
Интернет портал «Росбизнесконсалтинг»	2023	«Коммерсантъ» узнал о дефиците топ-менеджеров на российском рынке труда
Газета «Ведомости»	2023	30% компаний готовы платить топ-менеджерам выше рынка

По данным таблицы 3 сделаны следующие выводы.

1. Российские компании страдают от нехватки квалифицированных топ-менеджеров. Недостаток персонала приводит к увеличению заработной платы, поскольку компании вынуждены предлагать высокие компенсации, чтобы привлечь специалистов.

2. Время на поиск готовых специалистов не изменилось и все еще составляет в среднем 6 месяцев, но время вхождения в должность стало дольше – после испытательного срока требуется еще минимум год, чтобы адаптироваться к работе в компании. Топ-менеджеры сейчас часто заняты множеством операционных задач, и их количество растет из-за изменяющихся внешних обстоятельств.

3. Вакансии высокого уровня заполняются как внутренними сотрудниками, так и наймом с рынка, при этом приоритет уделяется подготовке внутренних руководителей в основной деятельности компании, где они могут развивать специфические компетенции и ценности компании.

Недостаток топ-менеджеров может замедлить развитие компаний и экономики в целом, так как требуется время для профессиональной подготовки руководящего персонала. Постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 142 «О подготовке управленческих кадров для ор-

ганизаций народного хозяйства Российской Федерации в 2018/19–2024/25 учебных годах и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» содержит положения о том, что профессиональная подготовка управленческих кадров должна осуществляться различными способами, включая обучение, практическую работу, менторство и другие методы.

Стратегия деловой карьеры определяет ключевые цели, задачи, а также методы, инструменты и целевые показатели, которые должны быть достигнуты по итогам программы.

Обучение является одним из основных компонентов подготовки управленческих кадров гражданской службы. Оно может проводиться различными способами: обучение в учебных заведениях; индивидуальное обучение; обучение внутри организации; иные способы обучения.

Следующим способом профессиональной подготовки управленческих кадров является ротация или кадровая логистика. Милая А.В., Виндеров Р.Д. отмечают, что кадровая логистика относительно подготовки гражданских служащих – это метод подготовки кадров, основанный на периодическом перемещении линейных руководителей по разным отделам и функциональным областям организации в рамках действующей организационной структуры управления. Он позволяет получить опыт работы, расширить свои компетенции и развить способность к адаптации к новым условиям и задачам.

Следующим способом построения деловой карьеры кадров является развитие. Марон А.Е., Монахова Л.Ю., Королева Е.Г. полагают, что развитие – это процесс непрерывного повышения квалификации и профессионального роста управленческих кадров. Авторы указывают, что актуальным является развитие системы повышения квалификации управленческих кадров на основе дифференциации целостного образовательного процесса с учетом запросов и потребностей современной образовательной практики обучающихся.

Следующим способом профессиональной подготовки управленческих кадров является оценка. Яковлева Т.А. отмечает, что оценка – это процесс оценки результатов подготовки управленческих кадров и их соответствия поставленным целям и требованиям. Он может включать в себя оценку достижений управленца на работе, оценку его компетенций и навыков, а также определение потребности в дальнейшем развитии и корректировке стратегии подготовки. Все эти компоненты взаимосвязаны и вместе образуют систему профессиональной подготовки управленческих кадров, которая обеспечивает эффективное развитие руководителей и успешное функционирование организации.

Алгоритм профессиональной подготовки кадров, разработанный на основе проведенного литературного обзора включает в себя определение

задач и целей управленческой подготовки, разработку программ подготовки, а также ресурсное обеспечение, проведение обучения и освоение компетенций, оценку результатов и корректировка программы.

Подготовка управленческих кадров требует определенных ресурсов, таких как время, финансирование и персонал. Организация должна определить свои потребности в подготовке кадров, разработать соответствующие программы и планы, а также выделить необходимые ресурсы.

Этот алгоритм позволяет компании развивать и укреплять своих управленческих кадров, обеспечивая им необходимые знания и навыки для успешного руководства и управления организацией в рамках проектного управления.

Кузнецова Н.В. полагает, что процесс профессиональной подготовки управленческих кадров подразумевает овладение компетенциями и навыками. Следовательно, овладением компетенциями и навыками необходимо управлять, так как их наличие позволяет решать проблемные задачи, выполнять функции и в целом повышать уровень квалификации управленческого персонала.

Профессиональная подготовка управленческих кадров в рамках компетентного подхода предполагает их приобретение, стимулирование и развитие. Приобретение компетенций включает оценку и прогнозирование потребностей организации в управленческом персонале с наличием необходимых компетенций. Стимулирование компетенций осуществляется с использованием материальных и нематериальных стимулов.

Компетенции могут быть классифицированы по разным признакам, в частности, это личностные, профессиональные, общеорганизационные, а также управленческие компетенции персонала.

Таким образом, разработка моделей компетенций управленческого персонала зависит от масштаба использования комплекса ресурсов. Наличие ресурсов само по себе не гарантирует развития компетенций управленческого персонала.

Развитие управленческого персонала, включая приобретение навыков и развитие компетенций, является основой формирования эффективного кадрового состава руководителей. Б.Н. Герасимов выделяет несколько уровней профессионализма управленческого персонала: в частности, информационный, процедурный, тактический, системный, ситуационный, проектный, оперативный, стратегический и программно-целевой.

В дополнение к алгоритму предлагается процесс организации обучения на предприятии разделить на следующие стадии (табл. 4).

Как видно из таблицы 4 для реализации модели компетенций персонала необходимо реализовать 7 стадий, для этого необходимо установить сроки, ответственных лиц и команду для реализации.

Таблица 4. Стадии процесса организации деловой карьеры

Стадия	Характеристика стадии
1	- производство анализируется с точки зрения человеческого фактора
2	- проводится описание должностных операций
3	- составляется перечень знаний, умений, навыков
4	- определяются критерии профессионального мастерства (составляются тесты, таблицы, экзаменационные вопросы)
5	- ставятся цели обучения (что знать, что уметь, что делать, в какой степени нужно знать и уметь)
6	- разрабатываются учебные программы
7	- оценивается процесс обучения

В таблице 5 представим основные управленческие навыки молодых гражданских служащих.

Таблица 5. Управленческие навыки молодых гражданских служащих

Наименование	Характеристика
Технические навыки	Это специфичные для работы знания и методы, которые необходимы менеджеру для эффективного выполнения своей роли
Человеческие (или межличностные) навыки	Они включают в себя способность хорошо работать с людьми
Концептуальные навыки	Они относятся к способности понимать сложные ситуации, выявлять закономерности и решать проблемы в масштабе организации

Развивая эти три набора управленческих навыков на курсах управления, руководители получают необходимые навыки для управления своими командами, принятия управленческих решений и внесения вклада в успех своей организации.

Руководитель должен обладать определенными качествами, которые улучшают его стиль руководства и создают более продуктивную рабочую среду. В частности, это инклюзивность, эффективное общение, эмпатия, видение, адаптивность и решительность.

Комиссаров А.Г. выделяет такое качество молодых гражданских служащих как «инклюзивность», по его мнению, оно помогает создать команду, в которой будет отсутствовать дискриминация по возрасту, полу, здоровью и внешнему виду.

Решительность и адаптивность руководителя важна в современной внешней и внутренней среде. К внутренней среде относится влияние внутри-организационного климата организации, к внешней среде эти качества соотносятся с умением вести коммерческие переговоры, повышению экономической безопасности и минимизации угроз.

Грамотное видение ситуации позволяет разрабатывать стратегии для долгосрочного успеха ор-

ганизации и реагировать на волатильность бизнес – среды.

Таким образом, подготовка обеспечивает деловую карьеру молодых гражданских служащих. В подготовку входит ознакомление с новыми концепциями, методами и практиками, позволяя им эффективно управлять, а Развитие персонала является важным фактором для устойчивого развития организации и позволяет ей занимать ведущие позиции в отрасли и регионе.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/accf6dad3fd3b6007aef31a34254ba993c7bb13/ (дата обращения: 15.06.2024).
2. Ережепова У.С. Сущностная характеристика понятия «профессионализм деятельности управленческих кадров» / У.С. Ережепова // Инновации в образовании (Казахстан). – 2020. – № 2(47). – С. 41–46. – EDN PWWTDL.
3. Российский статистический ежегодник 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 15.06.2024).
4. Работодатели готовы переманивать руководителей высшего звена из-за дефицита кадров. – URL: <https://rg.ru/2023/06/01/top-narashvat.html> (дата обращения: 15.06.2024).
5. Известия. – URL: <https://iz.ru/1353262/mariia-nemtceva/spros-na-bossov-v-rossii-sokhraniaetsia-deficit-silnykh-upravlentcev> (дата обращения: 15.06.2024).
6. Коммерсантъ узнал о дефиците топ-менеджеров на российском рынке труда. – URL: <https://www.rbc.ru/business/25/05/2023/646f0e699a7947f4e9e5dcf1> (дата обращения: 15.06.2024).
7. 30% компаний готовы платить топ-менеджерам выше рынка. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/04/07/969935-kompanii-gotovi-platit-top-menedzheram> (дата обращения: 15.06.2024).
8. Чернушич А.Е. Информационная образовательная среда как фактор повышения качества образовательного процесса в системе подготовки управленческих кадров / А.Е. Чернушич // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов: Материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 02–03 ноября 2022 года. – Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2022. – P. 572–575.
9. Азимица Е.В. Влияние уровня подготовки управленческих кадров на развитие органи-

зации в рамках концепции жизненного цикла / Е.В. Азими́на, П.А. Веденяпина // Национальная концепция качества: подготовка управленческих кадров: сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 02–06 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – С. 189–195. – EDN ODXHNR.

10. Мельчекова О.Г. Образование – ключевой фактор профессиональной подготовки управленческих кадров / О.Г. Мельчекова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71–3. – С. 93–96. – DOI 10.18411/lj-03–2021–103. – EDN IYTCXL.

IMPROVING SOCIAL TECHNOLOGIES FOR CAREER PLANNING OF YOUNG GOVERNMENT OFFICIALS CIVIL SERVANTS

Shmeleva E.V.
IGSU RANEPА

The article studies the problems of the business career of young civil servants as an important object of management in modern organizations.

The author substantiates the need to apply a systematic approach to the development of management competencies to improve the career prospects of young civil servants. It is noted that a career is one of the management objects, which is aimed at motivating young specialists in the field of state and municipal management. Motivating young civil servants is also an important factor in their successful careers. The work examines various motivation factors, such as material rewards, career opportunities, recognition and social significance of work. Ways to increase the motivation of young professionals are proposed, such as creating a reward system, providing opportunities for professional development and involving them in the decision-making process.

The article analyzes existing problems and barriers in building a business career for young civil servants and suggests ways to overcome them. Best practices in the field of business career development are discussed. This study used a qualitative approach based on an analysis of scientific literature and case studies.

Keywords: management personnel, business career, management, skills, knowledge, leadership functions, public service.

References

1. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ (as amended on February 14, 2024) “On the Federal Civil Service of the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on March 12, 2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/accf6dad3fd3b6007aea-f31a34254ba993c7bb13/ (date of access: June 15, 2024).
2. Erezhepova U.S. Essential characteristics of the concept of “professionalism of the activities of management personnel” / U.S. Erezhepova // Innovations in education (Kazakhstan). – 2020. – No. 2 (47). – P. 41–46. – EDN PWWTDL.
3. Russian Statistical Yearbook 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (accessed: 15.06.2024).
4. Employers are ready to poach top managers due to personnel shortage. – URL: <https://rg.ru/2023/06/01/top-narashvat.html> (accessed: 15.06.2024).
5. Izvestia. – URL: <https://iz.ru/1353262/mariia-nemtceva/spro-na-bossov-v-rossii-sokhraniaetsia-deficit-silnykh-upravlentcev> (accessed: 15.06.2024).
6. Kommersant learned about the shortage of top managers on the Russian labor market. – URL: <https://www.rbc.ru/business/25/05/2023/646f0e699a7947f4e9e5dcf1> (date of access: 15.06.2024).
7. 30% of companies are ready to pay top managers above the market. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/04/07/969935-kompanii-gotovi-platit-top-menedzheram> (date of access: 15.06.2024).
8. Chernushich A.E. Information educational environment as a factor in improving the quality of the educational process in the system of training management personnel / A.E. Chernushich // Management of strategic development of the main spheres and sectors of the national economy in the context of modern challenges: Proceedings of the international scientific and practical conference, Donetsk, November 02–03, 2022. – Donetsk: Donetsk Academy of Management and Public Administration under the Head of the Donetsk People’s Republic, 2022. – P. 572–575.
9. Azimina E.V. The influence of the level of training of management personnel on the development of an organization within the framework of the life cycle concept / E.V. Azimina, P.A. Vedenyapina // National concept of quality: training of management personnel: collection of abstracts of reports of the national scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, October 02–06, 2020. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2020. – P. 189–195. – EDN ODXHNR.
10. Melchekova O.G. Education is a key factor in the professional training of management personnel / O.G. Melchekova // Trends in the Development of Science and Education. – 2021. – No. 71–3. – P. 93–96. – DOI 10.18411/lj-03–2021–103. – EDN IYTCXL.

Социокультурный феномен геймификации досуга студенческой молодежи Китая: аспекты развития киберспорта

Грунт Елена Викторовна,

доктор философских наук, профессор, кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

Ли Ян,

бакалавр социологии
E-mail: liy272507@gmail.com

Беляева Екатерина Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет»
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru

Русских Людмила Викторовна,

кандидат культурологии, доцент кафедры социологии Южно-Уральского Государственного университета
E-mail: russkikhlv@susu.ru

Статья посвящена изучению проблемы вовлеченности студентов материкового Китая в видеоигры. Анализ научной литературы по данной проблематике и проведенное эмпирическое исследование позволили выявить тренд: студенчество современного материкового Китая фактически заменило традиционные способы проведения реального досуга на «виртуальный досуг». 99,0% респондентов играют в видеоигры, представляют собой социальную общность геймеров, которая является одной из форм компьютерно-моделируемой виртуальной среды. 33,5% респондентов тратит на этот вид досуга свыше 6 часов в день. В статье показано, что все студенты воспринимают видеоигры в положительном ключе. Для них они носят образовательный характер, помогают формировать личностные – лидерские и управленческие качества, развивать память и пр.

Ключевые слова: видеоигра, студент-геймер, материковый Китай.

Введение

Устойчивый интерес к феномену видеоигры и киберспорту в современный период можно рассматривать как закономерный процесс, поскольку видеоигра, как и многие другие социальные технологии, связаны как с развитием и изменением самого общества – с процессом геймеизации, так и с развитием личности.

На данный момент видеоигры являются одной из самых распространённых форм досуга во всём мире, как в России, так и в Китае. Так, по данным исследования, в 2023 г. 3 млрд населения Земли играло в видеоигры [1]. Президент России В.В. Путин отметил, что на конец 2023 г. в стране 60,0% людей старше 18 лет играют в видеоигры [2]. Что касается Китая, то в 2023 г. 668 миллионов китайцев играли в видеоигры, большинство из которых – молодежь. Такое количество геймеров превышает население Северной Америки [3]. Правительство КНР сегодня озабочено таким «цифровым» поведением молодежи. В 2019 г. в стране было введено временное ограничение на видеоигры для молодежи моложе 18 лет. С 2021 года молодежи младше 18 лет было разрешено играть в видеоигры в выходные дни вечером с 20.00 до 22.00. Однако все эти ограничения, связанные с видеоиграми, не принесли успеха в стране по сокращению доли подростков и молодежи, увлекающейся видеоиграми.

Из видеоигр развился новый социокультурный феномен – киберспорт. Родившись из видеоигр, киберспорт вышел за рамки самих игр. В настоящее время он постепенно превратился в цифровую индустрию развлекательной культуры и спорта, сочетающую в себе технологии, соревнования, развлечения и социальное взаимодействие с уникальными коммерческими атрибутами и пользовательской активностью. [4]. Согласно статистике, общий доход рынка киберспорта достиг 1,4 млрд долларов США в 2022 году, увеличившись на 22% по сравнению с предыдущим годом. Среди них наибольшая доля приходится на Китай – 400 миллионов долларов США. [4, с. 3].

Еще 40–50 лет назад человек не мог себе представить, что развитие науки и техники создаст возможность играть в высокотехнологичные видеоигры. Развитие этого вида игр происходит крайне быстро. В последние 20 лет проблема видеоигр активно исследуется в российском [5], [6], [7], [8], [9], [10] и зарубежном [11], [12], [13], [14], [15] научном

дискурсе. Говоря о видеоиграх, разные исследователи используют такие термины, как «компьютерные игры», «видеоигры», «цифровые игры», «электронные игры» и пр. Зачастую, эти термины используются как синонимы, однако, как пишет в статье «В защиту видеоигр» А.А. Деникин, «американские и японские специалисты предпочитают использовать термин «видеоигра», в то время как исследователи из Европы, Юго-Восточной Азии и России чаще используют вариант «компьютерные игры» [7, с. 6]. Исследователи М. Вульф [16] и Л. Манович [17] разграничивают понятия компьютерная игра и видеоигра. Они говорят о том, что для компьютерной игры всегда нужен микропроцессор, компьютерная программа, а для видеоигры необходима визуальная составляющая. Мы солидарны с мнением ученых о необходимости разграничения данных понятий. В своем исследовании мы изучаем видеоигры.

Видеоигры, в первую очередь, вышли на рынок индустрии досуга как коммерческий развлекательный продукт. В первом десятилетии 21 в большинстве случаев исследователи рассматривали данное понятие в негативном ключе [5], [6], [18] и др. Китайский исследователь Ху Юн давал негативную оценку видеоиграм с морально-этической точки зрения, полагая, что они повышают уровень агрессии среди молодежи [18]. Сунь Шаосян пишет о том, что видеоигры вредны для молодежи и их семей, так как « видеоигры – это набор предопределенных программ, которые ограничивают свободу выбора игроков, при этом виртуальный мир видеоигр заставляет людей бежать от реальности, и все, что стоит за видеоиграми, движется за счет капитальных прибылей». Он также утверждает, что социальная среда Китая не может гарантировать того, что видеоигры не причинят вреда молодежи, и что «все ролевые онлайн-игры должны быть приостановлены в стране» [19, с. 12].

После 2010 года, наряду с развитием медиасреды и формированием «цифрового» поколения, изменился научный дискурс о видеоиграх и киберспорте. Видеоигра перестала рассматриваться лишь в негативном ключе. В социально-гуманитарной науке появляются разные подходы к рассмотрению данных феноменов. Китайский исследователь Ли Дяньфэн считает, что после 2010 года появилось «большое количество независимых игр, позволяющих видеоиграм вырваться из тисков коммерческого капитала и сублимироваться в произведения искусства, способные свободно выражать художественные чувства своих создателей» [20, с. 16]. Видеоигры могут рассматриваться с точки зрения интерактивности и «пластичности» отношений между концептуальным миром художника и игроком (не имитация и воспроизводство концептуального мира, а процесс «создания» игроком «несуществующего» мира). Видеоигры, по мнению ученого, – это искусство, которое визуализирует, стандартизирует и даже

производит «интерактивность» [20, с. 17]. В процессе игры «искусство уже не просто воплощается посредством определенных инструментов или лингвистических символов; процесс кодирования и декодирования самих данных, по мере того, как мы сталкиваемся с визуализируемыми данными, является процессом, посредством которого каждый игрок достигает самосознания и трансцендентности» [20, с. 17].

Профессор Ван Даймин также рассматривает видеоигру как разновидность искусства. Исследователь говорит о том, что сегодня необходимо изменить восприятие видеоигр в общественном мнении населения Китая и правильно их воспринимать, чтобы в полной мере использовать ценность самих видеоигр как вида искусства. Рассмотрение видеоигры как вида искусства у Вана восходит к теориям игрового искусства И. Канта и Ф. Шиллера. Он считает, что видеоигры являются воплощением духа игры, о чем писали немецкие философы. Однако происходит это в эпоху новых медиа. Поэтому, видеоигры предоставляют наибольшую свободу воображению человека и являются состоянием примирения между «чувственным» и «рациональным импульсом». С точки зрения ученого, искусством можно считать только ролевые игры, развивающие игры и стратегические игры, в которых основное внимание уделяется интерактивности, повествованию и эмоциональному переживанию. Он выделяет три основные характеристики видеоигрового искусства: интерактивность, открытость и виртуальную реальность (иммерсивную эстетику). Видеоигры, по мнению Вана Даймина, являются наиболее важным видом искусства в постмодернистском контексте. Они представляют собой искусство, способное синтезировать все существующие формы искусства и вводит интерактивность как механизм, отличающий его от других форм искусства. Подобной точки зрения придерживается российский исследователь А.А. Сухов. Он пишет о том, что видеоигры являются технологической разновидностью популярного искусства, которое основано на массовом производстве художественной продукции. Он относит компьютерные игры, видеоигры «к сфере поп-культуры и определяет их как форму массового экранного коммерческого искусства (что в свою очередь также поднимает вопрос о границах самого искусства)» [8, с.19]. Американский исследователь видеоигр Я. Богост, полагает, что видеоигра, с одной стороны, представляет собой конкретное культурное событие, которое произошло в тот или иной период времени, с другой, является неким коллекционным объектом [14]. М. Маклюэн, говоря о видеоиграх, рассматривает их двойственную природу: с одной стороны, видеоигра является «единственной формой искусства, доступной многим», с другой стороны, – это важное средство коммуникации. Можно согласиться с данными авторами, так как, с одной стороны, многие из таких

игр основаны на сюжетах массового искусства: научной фантастики, кинофильмов и пр., а с другой, – являются важным средством коммуникации, используя новые технологии.

Иной подход – субкультурный мы видим у китайского исследователя Ван Инцзи. Он утверждает, что видеоигры можно рассматривать как свободную деятельность молодежных субкультурных групп, как художественную и эстетическую деятельность с точки зрения цифрового искусства и коммерческой эстетики. Российский ученый А.А. Сухов также говорит о том, что «особый интерес представляет социокультурный контекст компьютерных игр». С помощью них можно изучать новые субкультуры, которые складываются вокруг них, например, вокруг популярнейших игр MMORPG и др. [8].

Мы полагаем, что наряду с художественной, субкультурной, медийно-коммуникационной составляющей видеоигра имеет важную составляющую – спортивную. Это связано с тем, что спортивный характер игры (азарт) в основном отражается в таких аспектах, как конкуренция, умение ставить цели и их реализация, стремление к победе, интернализация и пр.

Под видеоигрой мы понимаем определенную форму социального взаимодействия людей в условиях ситуаций виртуальной среды, направленное на воссоздание, усвоение социального опыта, на развлечения и отдых посредством визуального интерфейса. В отличие от обычной игры видеоигра синтезирует в себе две стороны: она моделирует какой-либо фрагмент реальности или искусственно созданного мира, фиксирует наиболее существенные его черты, и в тоже время не ограничивает игрока одним сценарием, оставляя за ним выбор оптимального решения.

Несмотря на то, что в последние годы количество исследований, касающихся данной темы, возросло, а такая область научных исследований, как Game Studies, уверенно развивается в том числе, в России и в Китае, многие аспекты сферы видеоигр требуют более глубокого анализа, либо же остаются неосвещенными. Требует специального анализа проблема увлечения китайской молодежью видеоиграми. Все это свидетельствует об актуальности и новизне темы исследования.

Особенности организации исследования и интерпретация результатов

В 2023 г было проведено социологическое исследование в вузах материкового Китая. Цель исследования изучить представления китайских студентов-геймеров о видеоиграх. Исследование было проведено с использованием количественной и качественной стратегии. В анкетном опросе приняло участие 850 студентов – геймеров материкового Китая. Была разработана Веб-анкета, состоящая из 39 вопросов. Для этого была выбрана наиболее зна-

комая для респондентов платформа – Google Формы в группе WeChat «Пекинского (международный) студенческого фестиваля киберспорта (BICSEF)». Выборка – целевая, квотная. В гендерном отношении в опросе приняло участие 50,0% девушек и 50,0% юношей. Что касается возраста респондентов, то большинство студентов (61,0%) находится в возрасте 25–27 лет, Вторая возрастная группа находится в возрасте 22–24 года (31,0%), возраст респондентов от 18 лет до 21 года составляет 8,0%.

Результаты исследования анализировались пакетом SPSS. Открытые вопросы изучались при помощи трансимволического анализа.

Было проведено качественное исследование – глубинное интервью с профессиональными геймерами, имеющими стаж игры от 5 до 10 лет. Было проведено 10 интервью. Все информанты являются создателями и потребителями интернет-культуры и имеют законченное высшее образование. Мы полагаем, что их мнения являются наиболее репрезентативными, так как их взгляды на видеоигры относительно зрелые. Гайд интервью содержал 17 вопросов, релевантных теме исследования.

Результаты исследования и обсуждение

Исследование показало, что большинство респондентов (41,26%) имеет стаж игры в видеоигры 5–7 лет. Каждый третий респондент играет в видеоигры от 2-х до 4-х лет. 16,8% студентов играют в видеоигры более 10 лет. Стаж 7–10 лет игры в видеоигры имеет 8,4% респондентов. 6,4% студентов являются новичками в этом виде деятельности, т.к. их стаж игры менее 1 года. Практически все студенты начали играть в видеоигры, еще обучаясь в школе. Исследование зафиксировало, что каждый третий респондент ежедневно играет в видеоигры, каждый второй – несколько раз в неделю, каждый десятый – 1 раз в неделю, а каждый двадцатый респондент – 1 раз в месяц. Таким образом, видеоигры прочно вошли в жизнь респондентов. 30,1% респондентов тратит от 1-до 3-х часов в день на видеоигры, что для студентов является вполне нормальным проведением досуга; 36,4% респондентов – 3–5 часов в день; 19,0% – 6–7 часов в день и 14,5% – более 7 часов в день. Как видим, большинство респондентов не злоупотребляет временем на видеоигры. Однако, 33,5% респондентов тратит на этот вид досуга свыше 6 часов в день. Можно предположить, что именно эти студенты являются активными геймерами. Вместе с тем, как показало наше исследование, на видеоигры сегодня тратится гораздо больше времени, чем на чтение книг. Средний китайский студент (старше 18 лет) читает 4,7 книг в год и тратит 20,04 минуты в день на чтения книг, не учитывая те книги, которые ему необходимы для подготовки к занятиям. В некотором смысле видеоигры превзошли по популярности книги, ста-

новятся популярным видом досуга среди китайских студентов материковых вузов.

Исследование показало, что большинство респондентов, которые научились играть в видеоигры, играли в них в группах (99%). Мы согласны с Г.Е. Зборовским, который пишет о том, что социальная общность – это взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности. Сегодняшние геймеры – это некая социальная общность с общими характеристиками и взаимосвязанностью [19].

Исследование зафиксировало, что референтная группа – друзья являются значимыми фигурами для респондентов. Именно они научили их играть в видеоигры. На это указало 31,5% опрошенных студентов. Самостоятельно научилось играть 21,5% респондентов. Каждый десятый респондент указал на семью и старших братьев и сестер. Эти данные коррелируют с данными о том, играют ли друзья респондентов в видеоигры. 99,0% опрошенных ответили положительно на данный вопрос.

Исследование выявило три основных атрибута видеоигр. Это – графика (79,7%), операция игры (64,3%) и сюжет игры (47,5%).

Стоит отметить, тот факт, что практически каждого второго респондента волнует сюжетная линия видеоигр. Это свидетельствует о том, что видеоигры для респондентов – это нечто большее, чем просто игрушки и средство общения. Сюжет может дать игроку определенные эмоции, атмосферу игры, заставить задуматься, поставить цель и т.д. Каждый третий респондент выбрал в качестве главного атрибута игры самостоятельность. Стоит согласиться с мнением Ч. Тукумаса, что видеоигры – такой же культурный потребительский товар, как и фильмы.[11]. Исследование зафиксировало, что чем сильнее культурные атрибуты игры, и чем больше времени игроки проводят в каждой игре, тем больше игроки склонны тратить деньги на эту игру.

Исследование выявило гендерное различие в предпочитаемых атрибутах игры. Что касается девушек-геймеров, то они предпочитают такие атрибуты игры, как графику, сюжет и самостоятельность в игре. Для юношей наиболее предпочитаемыми атрибутами видеоигры являются операция игры и взаимодействие.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, какой вид графики видеоигры предпочитают респонденты. Самая популярная игровая графика – это 3D-графика. На нее указало 83,2% респондентов. На наш взгляд, причины этого следующие: графика реалистична, графика яркая и качество изображения графики четкое. Графику 2D предпочитает 45,5% геймеров. Почти все видеоигры MOBA имеют 2,5D графику. На этот вид графики ука-

зало 11,5% респондентов. Все видеоигры-шутеры имеют трехмерную графику(3D). И шутеры, и MOBA-видеоигры являются киберспортивными видеоиграми.

В исследовании мы выяснили, от какого лица предпочитают играть геймеры.

Исследование показало, что наиболее популярной перспективой игры является игровая перспектива от первого лица. Преимущество в том, что графика реалистична и игра очень захватывает (рис. 1).

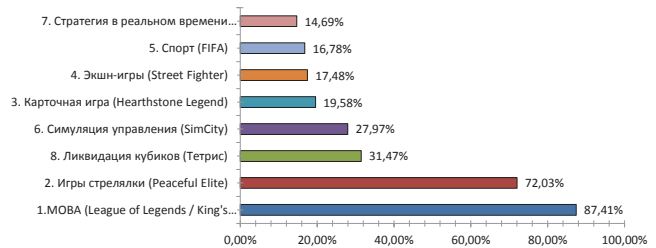

Рис. 1. Мнение респондентов о любимых видеоиграх (в % к числу опрошенных)

Исследование показало, что любимыми видами игр респондентов являются игры MOBA (87,4%), игры-стрелялки (72%) и Ликвидация кубиков (31,5%).

Мы полагаем, что эти три вышеперечисленные категории игр являются наиболее любимыми у респондентов, т.к., во-первых, в них одновременно могут играть несколько игроков; во-вторых, легко приступить к игре; в-третьих, низкие требования к оборудованию. Предпочтения респондентов в отношении видеоигр во многом зависят от социальной функции видеоигр.

Наши информанты подтвердили мнение респондентов: «Игры типа MOBA дает возможность играть сразу нескольким игрокам, к тому же, когда играет несколько игроков, то она развивает внимание, смекалку у игрока» (С 56).

В исследовании нами выяснен вопрос о том, что дает видеоигра респондентам. 78% опрошенных считают, что видеоигры помогают расширить кругозор респондента. Это говорит о том, что видеоигры носят образовательный характер. Более половины респондентов считают, что видеоигры помогают развивать концентрацию внимания (53%) и логику (51%). 34,2% опрошенных указали на то, что видеоигры развивают память. Каждый четвертый респондент отметил, что видеоигры помогают развивать управленческие навыки, лидерские качества, помогают избегать сложных ситуаций в реальной жизни.

Данные анкетного опроса подтвердили и результаты глубинного интервью:

«Некоторые видеоигры основаны на исторических фактах и связаны с историческими личностями, что помогает мне расширить свои знания, кругозор в занимательной форме. Заводить друзей... Развивает воображение, ум, память и умственные способности» (С56); «видеоигра приносит опреде-

ленный доход, обучает логическому мышлению» (E09);

Наши информанты также говорили о том, что видеоигра приносит доход и позволяет сделать карьеру: «Обеспечивает направление для дальнейшего развития карьеры» (C56); «Обеспечивает карьерный рост, является средством социализации» (D78); «Планирование и развитие карьеры» (E09).

Ни один из рядовых респондентов не выделил эти функции игры. Очевидно, это связано с тем, что информантами являются профессиональные киберспортсмены, имеющие спортивные достижения и выстраивающие карьеру с помощью видеоигр. Об этом говорят и данные глубинных интервью. Информанты имеют достижения в спортивных соревнованиях. Среди них имеются:

«Победитель League of Legends Pro League и различных региональных турниров» (A12); «Победитель Кубка Китайской университетской лиги» (B34); «Чемпион клубного кубка провинции Цзянсу» (C56); «Чемпион Лиги 100 городов провинции Шаньдун» (D78); «Победитель LPL League of Legends Pro League» (E09).

Исследование показало, что респондентам знакомы многие компании, изготавливающие видеоигры: Tencent (75,5%), Net Ease (67,15%), Microsoft (50,5%), Riot Games (48,5%), Nintendo (44,8%), Sony (38,5%), Activision Buzzard (25,2%), Mihoyo (23,1%) и др. При этом любимыми компаниями являются Tencent (53,9%) и Net Ease (48,9%). Tencent Net Ease) – обе китайские компании. Данные о компаниях производителей видеоигр коррелируют с данными о странах – производителях видеоигр. Так, 42,0% опрошенных предпочитают игры, произведенные в Китае, 7,0% респондентов – игры, созданные в США и 6,0% – в Японии. Остальные респонденты не высказали своих предпочтений.

На наш взгляд, это связано с политикой Китая, китайское правительство очень строго относится к рассмотрению зарубежных игр. Как мы отмечали ранее, правительство Китая считает, что видеоигры связаны с социальной и культурной ориентацией страны, поэтому для китайских геймеров игры должны быть произведены в КНР [26].

В исследовании нас интересовали вопросы о том, стоит ли тратить деньги на видеоигры, и тратили ли респонденты деньги на них. 45,5% опрошенных считает, что игрок должен тратить деньги на видеоигры, 20,3% полагает, что денег тратить не надо, 34,8% затруднились с ответом на данный вопрос. Однако на самом деле, 80,4% респондентов когда-либо тратили деньги на игры. В целом, большинство респондентов тратят на видеоигры меньше 100 юаней в месяц (41,0%) или же 100–300 юаней (30,0%) (рис. 2).

41,0% респондентов тратят на видеоигры менее 100 юаней в месяц.

Это рациональная категория расходов. Видеоигры являются товаром массового потребления. «Чем уникальнее продукт, тем менее чувствителен

к цене потребитель, а чем более массовым является продукт, тем более чувствителен к цене потребитель. Уникальность может принести ценовую премию. Новые продукты часто уникальны, поэтому производители часто устанавливают очень высокую цену при запуске нового продукта, а затем снижают цену, когда аналогичные продукты становятся доступными. Такое поведение часто встречается в ИТ-индустрии и в фармацевтике.» [27].

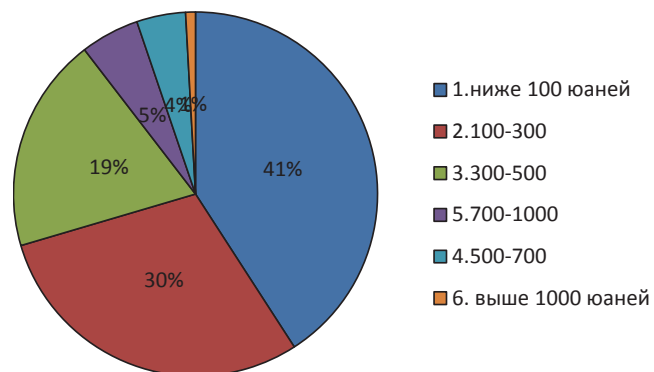

Рис. 2. Деньги, которые в среднем респонденты тратят на видеоигры в месяц (в % к числу опрошенных)

В исследовании выявлены причины траты денег респондентами на видеоигры. Чем дольше длится один сеанс видеоигры, тем больше денег игрок вкладывает в видеоигру каждый месяц. Исследователи говорят о том, что, чтобы заставить игроков вкладывать больше денег в игру, необходимо обогатить игры социальными и культурными элементами [27],[28].

Так, каждый второй респондент тратит деньги потому, что хочет добиться доступа к премиям играм, 46,9% – поддерживают разработчиков игр, каждый третий респондент хочет иметь личную коллекцию игр.

Что касается наших информантов, то мнение о платных и бесплатных играх и их преимуществах разделились. О преимуществах бесплатных игр информанты говорят следующее: «Игра имеет гораздо большую базу игроков и хорошо рекламируется в коммерческом плане» (A12);

«Игра проста в управлении, и для широкой публики нет никаких препятствий для понимания этой игры» (B34);

«Простота в управлении и часто обновляемый контент»; «Высокая степень отказоустойчивости при покупке. Даже если игра не приносит удовольствия, игроки не потеряют деньги»; «Простота игры, отсутствие психологической нагрузки на игрока, низкие требования к оборудованию» (E09).

Таким образом, выделяются следующие характеристики игры: наличие большой базы игроков, простота игры и управления, отсутствие потери денег.

Что касается платных видеоигр, то информанты выделяют следующее: «Система игры может блокировать большинство плагинов» (A12);

«Плата за игру может навести игрока на мысль, что на разработку игры было потрачено много усилий. Игроки будут тратить больше времени на понимание игры» (B34);

«В рамках игры можно добиться истинной справедливости» (C56);

«Единовременный платеж за полный игровой контент» (D78); «Контент персонализирован и хорошо сделан» (E09).

Таким образом, преимущества платных игр связаны с блокировкой плагинов, с контентом игры (он лучше сделан и можно заплатить за весь контент).

Мнение информантов о том, какие видеоигры популярны среди молодежи, платные или бесплатные и почему также разделилось:

«Высокая популярность игр free-to-play. Игры обновляются быстрее. Поскольку в играх есть платный контент, это приводит к тому, что игры в целом развиваются быстрее. И производители должны постоянно обновлять игру, если им нужно сохранить ее. Это привлечет больше молодых игроков» (A12);

«Большая популярность бесплатных видеоигр. Больше социальных мероприятий вокруг бесплатных игр» (B34);

«Платные игры пользуются большей популярностью. Справедливее» (C56);

«Игры Free-to-play становятся все более популярными. Видеоигры – это товар массового потребления. Игры, которые стоят дорого, потеряют свой рынок» (D78);

«Если речь идет скорее об играбельности и содержании самой игры, то платные игры пользуются популярностью, потому что источником дофамина для игроков является сама игра, и существует мало free-to-play игр, в которых можно учесть качество игры. Если игрок просто ищет социального взаимодействия, чтобы убить время и удовлетворить тщеславие, то игры free-to-play более популярны. Хотя между этими двумя типами геймеров есть пересечение, все же можно утверждать, что эти два типа игр предназначены для двух совершенно разных групп геймеров» (E09).

Очевидно, это связано с тем, что, во-первых, 4 информанта играют в бесплатные игры, 4 – в платные, а для 2 информантов не важно, в какую игру играть. Во-вторых, мы полагаем, что при большей выборке информантов, могла бы получиться более четкая картина о преимуществах и недостатках того или иного вида игры.

Заключение

Проведенное исследование позволили выявить тренд в студенческой среде: студенчество современного материкового Китая фактически заменило традиционные способы проведения реального досуга на «виртуальный досуг». 99,0% респондентов играют в видеоигры, представляют собой социаль-

ную общность геймеров, которая является одной из форм компьютерно-моделируемой виртуальной среды. 33,5% респондентов тратит на этот вид досуга свыше 6 часов в день. Все студенты воспринимают видеоигры в положительном ключе. Для них они несут образовательный характер, помогают формировать личностные – лидерские и управленческие качества, развивать память и пр. 42,0% опрошенных предпочитают игры, произведенные в Китае. Вместе с тем, мы понимаем озабоченность правительства КНР вовлеченностью студентов в видеоигры. Это связано с теми рисками, которые несут в себе видеоигры: уход от реальности, подмена социализации в социальной реальности на виртуальную социализацию, замена реального виртуальным досугом и пр.

Наше исследование поможет понять масштабы, причины и мотивы, вовлеченности студентов материкового Китая в видеоигры, а также поможет разработать грамотную и эффективную молодежную политику по ослаблению вовлеченности студентов в видеоигры и их переориентацию на другие виды досуга.

Мы понимаем, что наше исследование имеет ряд ограничений. К ним мы относим: ограниченность выбора студентов (в выборку попали лишь студенты вузов материкового Китая); за рамками предметного поля исследования остались подростки и студенты вузов нематерикового Китая, представления видеоиграх и вовлеченность в них может быть иным, чем у представителей опрошенных нами студентов. Полагаем, что перспективным направлением исследования может быть анализ представлений разных возрастных групп населения материкового Китая о видеоиграх и вовлеченность в них.

Литература

1. Мировой потребитель видеоигр: обзор рынка подростков [Электронный ресурс]. DFC Intelligence, 2023 URL: <https://www.dfcint.com/product/global-video-game-consumer/> (дата обращения 5.10.2023).
2. Владимир Путин обозначил долю геймеров в России www.gazeta.ru/tech/news/2023/12/20/21967615.shtml (дата обращения: 15.05.2023)
3. Джорж Йе. Количество on-line геймеров Китае достигло населения России. (дата обращения: 1.03.2024)
4. Состояние студенческого киберспорта в высших учебных заведениях Российской Федерации [Текст]: экспертно-аналитический доклад / И.О. Яськов (рук. авт. кол.), Д.В. Пашкова, Н.А. Зарипов [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023–50 экз. – 64 с. – ISBN 978-5-7598-2902-7 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-2869-3 (e-book).

5. Владимирова Т. Фризоргер добрался до казино. Коммерческие вести № 13, 5 апреля 2006. С. 17.
6. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования. – URL: <http://goo.gl/5nr9bv> (дата обращения: 18.11.2022)
7. Деникин А. А. В защиту видеоигр // Медиафилософия X: Компьютерные игры: стратегии исследования / Под редакцией В.В. Савчука. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2014. – С. 25.
8. Сухов А.А. Компьютерные игры и искусство (к постановке проблемы) / А.А. Сухов // Границы искусства и территории культуры: сб. науч. ст. – Екатеринбург: УрФУ; Гуманитарный университет, 2013 – С. 247
9. Огилец Д. Атракцион или новый язык искусства: Почему видеоигры не воспринимают всерьез // Dtf.ru. 2019 20 авг. URL: <https://dtf.ru/games/64924-attrakcion-ili-novyy-yazyk-iskusstv-pochemu-videoigry-ne-voisprininamayut-vserez> (дата обращения: 09.03.2020).
10. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Субкультура геймеров, единая и делимая // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 74–77.
11. Чино Такумаса. Исследование сокровищ Царства Игр // Антология японской игорной критики. Университет Васеда, Япония. 2020.
12. Ошет Э. Я боролся с законом: трансгрессивная игра и предполагаемый игрок // DiGRA 07 – Proceedings of the 2007 DiGRA International Conference: Situated Play. 2007Vol. 4 Pp. 130–133. URL: <http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/07313.03489.pdf>
13. Абенд П., Бейл Б. Редакторы игры: сценарии и практики совместного творчества в Minecraft и LittleBigPlanet // Материалы конференции DiGRA 2015: Разнообразие игр: игры – культуры – идентичности. Digital Games Research Association. 2015 Vol. 12 Pp. 1–15. URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/37_AbendBeil_Editors-of-Play.pdf
14. Богост И. Убедительные игры: выразительная сила видеоигр. The MIT Press, 2007 462 стр.
15. Ван Даймин: «Об определении искусства видеоигр» [J], «Журнал Юго-Западного университета национальностей (издание для гуманитарных и социальных наук)», выпуск 12, 2005 г. (дата обращения: 22.08.2022)
16. Mark J.P. Wolf, Bernard Perron. An introduction to the video game theory // Formats. 2005 № 4
17. Manovich L. The language of New Media. MIT Press, 2001. – 307 p.
18. Ху Юн: «Видеоигры: Слон в спальне» [J], «Reading Magazine», выпуск 5, 2006 г.
19. Сунь Шаосянь: «Проклятие видеоигр» [J], «Китайское книжное обозрение», выпуск 06, 2007 г.
20. Ли Дяньфэн: «Художественная трансформация видеоигр от зависимости к свободе» [J], «Журнал Пекинского университета (издание по философии и общественным наукам)», выпуск 6, 2015 г.

THE SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF GAMIFICATION OF LEISURE TIME FOR CHINESE STUDENTS: ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF E-SPORTS

Grunt E.V., Li Yang, Belyaeva E.A., Russkikh L.V.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ural State Mining University, South Ural State University

The article is devoted to studying the issue of mainland China students' involvement in video games. An analysis of scientific literature on this issue and an empirical study made it possible to identify a trend: the students of modern mainland China have actually replaced traditional ways of spending real leisure time with "virtual leisure." 99.0% of respondents play video games, representing a social community of gamers, which is one of the forms of a computer-simulated virtual environment. 33.5% of respondents spend more than 6 hours a day on this type of leisure. The article has shown that all students perceive video games in a positive way. For them, they are educational in nature, help to form personal – leadership and management qualities, develop memory, etc.

Keywords: video game, student gamer, mainland China, leisure time.

References

1. Global Video Game Consumer: Market Overview teens [E-resource]. DFC Intelligence, 2023 URL: <https://www.dfcint.com/product/global-video-game-consumer/> (data obrashhenija: 5.10.2023).
2. Vladimir Putin indicated the share of gamers in Russia www.gazeta.ru/tech/news/2023/12/20/21967615.shtml (access date: 05/15/2023)
3. George Yeh. The number of online gamers in China has reached Russian people. (access date: 03/1/2024)
4. The state of student e-sports in higher educational institutions of the Russian Federation [Text]: expert-analytical report / I.O. Yaskov (head of the editorial team), D.V. Pashkova, N.A. Zaripov [etc.]; National research University «Higher School of Economics». – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2023–50 copies. – 64 s. – ISBN 978-5-7598-2902-7 (in the region). – ISBN 978-5-7598-2869-3 (e-book).
5. Vladimirova T. Frizorger reached the casino. Commercial News No. 13, April 5, 2006. P. 17.
6. Galkin D.V. Computer games as a phenomenon of modern culture: experience of interdisciplinary research. – URL: <http://goo.gl/5nr9bv> (access date: 11/18/2022)
7. Denikin A.A. In defense of video games // Media philosophy X: Computer games: research strategies / Edited by V.V. Savchuk. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Philosophical Society, 2014. – P. 25
8. Sukhov A.A. Computer games and art (towards the formulation of the problem) / A.A. Sukhov // Borders of art and territory of culture: collection. scientific Art. – Ekaterinburg: UrFU; Humanitarian University, 2013 – P. 247
9. Ogilets D. Attraction or a new language of art: Why video games are not taken seriously // Dtf.ru. 2019 Aug 20 URL: <https://dtf.ru/games/64924-attrakcion-ili-novyy-yazyk-iskusstv-pochemu-videoigry-ne-voisprininamayut-vserez> (date of access: 15/09/2022).
10. Kropacheva M.A., Litvinova E.S. Subculture of gamers, united and divisible // Socio- and psycholinguistic studies. 2013. Issue. 1. pp. 74–77.
11. Chino Takumasa. Exploring the treasures of the Kingdom of Games // Anthology of Japanese gambling criticism. Waseda University, Japan. 2020.

12. Aarseth E. I Fought the Law: Transgressive Play and The Implied Player // DiGRA 07 – Proceedings of the 2007 DiGRA International Conference: Situated Play. 2007Vol. 4 Pp. 130–133. URL: <http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/07313.03489.pdf>
13. Abend P., Beil B. Editors of Play: The Scripts and Practices of Co-creativity in Minecraft and LittleBigPlanet // Proceedings of DiGRA 2015 Conference: Diversity of play: Games – Cultures – Identities. Digital Games Research Association. 2015 Vol. 12 Pp. 1–15. URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/37_AbendBeil_Editors-of-Play.pdf
14. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. The MIT Press, 2007 462 pp
15. Wang Daiming: «On the Definition of Video Game Art» [J], «Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition)», 2005.01.12
16. Mark J.P. Wolf, Bernard Perron. An introduction to the video game theory // Formats. 2005 № 4
17. Manovich L. The language of New Media. MIT Press, 2001. – 307 p.
18. Hu Yong: «Video Games: The Elephant in the Bedroom» [J], «Reading Magazine», Issue 5, 2006
19. Sun Shaoxian: «Curse Video Games» [J], «China Book Review», Issue 06, 2007.
20. Li Dianfeng: «The artistic transformation of video games from addiction to freedom» [J], «Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences Edition)», Issue 6, 2015

Обобщение социальных экспериментов, направленных на изучение механизмов подчинения: аспекты реализации в условиях цифровизации

Давлетбердина Элиза Раилевна,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация нефтяных и газонефтяных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: elizadavletberdina@mail.ru

Якупов Денис Ильдусович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: denisyakupovangi@mail.ru

Селищев Максим Андреевич,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: super.selishev@mail.ru

Булатов Шайнур Шафкатович,

студент, кафедра «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: shurale200224@mail.ru

Ибатуллин Айнура Русланович,

студент, кафедра «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: ajnur290@gmail.com

Статья исследует феномен подчинения, являющийся важным аспектом человеческого поведения, проявляющимся в различных сферах социальной жизни. Подчинение играет ключевую роль в поддержании порядка и функционировании общества, однако природа и механизмы подчинения остаются предметом исследований и дискуссий в области социологии. Значительная часть статьи посвящена анализу классических экспериментов, направленных на изучение механизмов подчинения. В частности, исследуются эксперимент Фридмана и Фрейзера (1966), известный как техника «нога в двери», и эксперимент Стэнли Милгрэма (1963), который показал готовность людей подчиняться авторитетам даже вопреки своим моральным убеждениям. Эти эксперименты демонстрируют, как малые акты подчинения могут привести к более значительным действиям и как авторитетные фигуры могут влиять на поведение людей. В статье также рассматривается роль кинематографа как культурного артефакта, отражающего социологические явления, такие как подчинение и влияние. Примеры включают фильмы, основанные на реальных событиях «Волк с Уолл-стрит» и «Повиновение», которые иллюстрируют использование психологических стратегий подчинения в реальной жизни. В заключение обсуждаются современные исследования, использующие виртуальные среды и социальные платформы для изучения механизмов подчинения, подчеркивая актуальность этих исследований в контексте цифровых технологий.

Ключевые слова: подчинение, социальное поведение, авторитет, социология, техника «нога в двери», эксперимент Милгрэма, кинематограф, социологические явления, виртуальные среды, социальные платформы, психологические стратегии.

Подчинение – это фундаментальный аспект человеческого поведения, который проявляется во всех сферах социальной жизни. От семейных отношений до государственных институтов, от рабочих коллективов до образовательных учреждений – подчинение играет ключевую роль в поддержании порядка и функционировании общества. Однако, несмотря на его повсеместность, природа и механизмы подчинения остаются предметом интенсивных исследований и дискуссий в области социологии. Было проведено множество экспериментов, направленных на понимание того, как и почему люди подчиняются авторитетам и социальным нормам.

Фильмы, как культурные артефакты, являются важным отражением социологических явлений, демонстрируя и интерпретируя механизмы подчинения и влияния. В кинематографе часто можно увидеть воплощение экспериментов и теорий, исследованных социологами, что позволяет зрителям лучше понять сложные социальные процессы. Например, некоторые фильмы не только отображают, но и анализируют такие феномены, как подчинение авторитету, влияние социальных норм и манипуляции, тем самым способствуя более глубокому осмыслению этих аспектов человеческого поведения. Таким образом, кинематограф выступает как мощное средство визуализации и популяризации социологических исследований, делая их доступными широкой аудитории.

Первым хотелось бы обсудить эксперимент Фридмана и Фрейзера (1966), под названием «нога в двери», который демонстрирует важный механизм подчинения – постепенное вовлечение через последовательные уступки. Этот эффект имеет широкое применение в реальной жизни, от маркетинга и политической агитации до социальных взаимодействий. В контексте нашей статьи, данный эксперимент служит наглядным примером того, как малые акты подчинения могут вести к более значительным и серьезным действиям.

Основная цель эксперимента заключалась в том, чтобы исследовать, как малые просьбы могут подготовить человека к выполнению более значительных и обременительных запросов. Исследователи ходили по домам жителей пригородного района и просили их выполнить незначительное действие – поставить маленькую наклейку на окно их дома с текстом, поддерживающим безопасное вождение. Эта просьба была достаточно простой и не требовала значительных усилий от участ-

ников. Через некоторое время те же исследователи возвращались к тем же людям и делали более крупную просьбу: установить большой рекламный щит во дворе их дома с аналогичным сообщением. Эта просьба была гораздо более требовательной и неудобной, требующей значительных усилий и согласия на изменение внешнего вида их дома.

Эксперимент показал значительные различия в готовности людей к выполнению второй просьбы в зависимости от их реакции на первую просьбу. Большинство людей, которые согласились поставить маленькую наклейку, затем согласились и на установку большого щита. Процент согласившихся на вторую просьбу был значительно выше среди тех, кто уже выполнил первую маленькую просьбу. Те, к кому сразу обратились с большой просьбой без предварительной подготовки, гораздо реже соглашались установить рекламный щит во дворе своего дома [1].

Фридман и Фрейзер объяснили полученные результаты тем, что выполнение первой, небольшой просьбы изменяет восприятие человеком собственной личности. После того как человек соглашается на малое действие, он начинает воспринимать себя как «человека, который помогает» или как «социально ответственного». Это самоощущение делает последующий отказ от более значительной просьбы менее вероятным, так как отказ противоречит новому образу себя.

Эксперимент Фридмана и Фрейзера имеет широкое применение в различных сферах. Метод «нога в двери» часто используется в маркетинговых кампаниях, когда потребителя сначала просят выполнить небольшое действие (например, зарегистрироваться на сайте), а затем делают более значительную просьбу (например, приобрести товар). Активисты и политические кампании могут использовать этот метод, сначала привлекая людей к малым действиям (например, подписанию петиций), а затем к более активным действиям (например, участию в митингах). В повседневной жизни данный метод может проявляться в последовательных просьбах, что позволяет добиться большего от людей через постепенное вовлечение.

Наиболее известным экспериментом, изучающим механизмы подчинения, является эксперимент Стэнли Милгрэма, проведенный в 1961 году, который был направлен на изучение подчинения авторитету. Основная цель исследования заключалась в том, чтобы понять, до какой степени люди готовы подчиняться приказам авторитетных фигур, даже если это противоречит их личным моральным убеждениям и может причинить вред другим людям. Этот эксперимент был вдохновлен событиями Второй мировой войны и попытками понять, как обычные люди могли участвовать в геноциде.

Эксперимент проходил в Йельском университете и включал несколько этапов. Милгрэм набрал

40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет с различным уровнем образования и профессиями через объявление в газете, предлагая им оплату за участие. Участникам сообщалось, что они будут участвовать в исследовании по изучению влияния наказания на обучение. Каждому участнику отводилась роль «учителя», в то время как роль «ученика» исполнял актер, работающий с Милгрэмом. Ученик (актер) был привязан к электрическому стулу, и участнику (учителю) объясняли, что он должен давать ученику электрические разряды за каждый неправильный ответ в задаваемых вопросах. Разряды увеличивались по интенсивности от 15 до 450 вольт. Учитель получал указания от экспериментатора (в белом лабораторном халате), который настаивал на продолжении эксперимента, несмотря на протесты и мольбы ученика прекратить.

Результаты эксперимента оказались шокирующими: около 65% участников продолжали давать электрические разряды до максимального уровня в 450 вольт, несмотря на крики и мольбы ученика остановиться. Многие участники выражали сомнения и дискомфорт, но продолжали действовать по указаниям экспериментатора. Милгрэм интерпретировал результаты как демонстрацию того, что люди склонны подчиняться авторитетам, даже если это идет вразрез с их личными моральными убеждениями [2].

Эксперимент Милгрэма подвергся значительной критике по нескольким направлениям. Во-первых, он вызвал бурные обсуждения по поводу этичности проведения таких исследований, так как участники подвергались значительному эмоциональному стрессу и обману. Во-вторых, некоторые критики указывали на то, что участники могли не верить в реальность ситуации и, следовательно, не действовали так, как если бы это была реальная угроза. В-третьих, выбор участников (мужчины среднего возраста) ставил под сомнение возможность обобщения результатов на другие группы населения [3].

Несмотря на критику, эксперимент Милгрэма оказал значительное влияние на психологию и социологию. Он привлек внимание к важности этических стандартов в исследованиях, что привело к разработке более строгих правил проведения экспериментов с участием людей. Более того, эксперимент стал важным аргументом в дискуссиях о природе подчинения и моральной ответственности, вдохновив множество дальнейших исследований и культурных рефлексий, включая фильмы и книги.

Кинематографические произведения, являются своеобразным мостом между научными теориями и реальной жизнью, предоставляя наглядные примеры того, как социологические принципы работают в повседневности. Фильм «Волк с Уолл-стрит» (2013), основанный на реальной истории Джордана Белфорта, является ярким примером исполь-

зования техники малых уступок, исследованной в эксперименте Фрийдмана и Фрейзера. В фильме эта психологическая стратегия проявляется в способах манипуляции клиентов и коллег Джорданом Белфортом и его командой.

В «Волке с Уолл-стрит» Джордан Белфорт использует эту технику «нога в двери» для привлечения и удержания клиентов. В начале своей карьеры он начинает с мелких сделок, предлагая клиентам приобрести акции небольших и малоизвестных компаний, называемых «пенни-стоками». Эти акции стоили дешево и не представляли значительной угрозы для финансового благополучия клиентов, что делало их легко продаваемыми.

После того как клиенты соглашались на покупку этих дешевых акций и видят небольшую, но быструю прибыль, Белфорт и его команда начинают предлагать им более крупные и рискованные инвестиции. Этот постепенный подход позволяет клиентам почувствовать доверие к Белфорту и его рекомендациям несмотря на то, что первоначальные предложения были значительно менее рискованными. Ключевой момент здесь в том, что клиенты, которые уже согласились на первоначальные предложения, становятся более восприимчивыми к более крупным и рискованным инвестициям, полагая, что предыдущий успех гарантирует безопасность дальнейших вложений.

Таким образом, техника «нога в двери» помогает Белфорту выстраивать доверительные отношения с клиентами, что позволяет ему манипулировать ими для получения больших финансовых выгод. Этот подход также иллюстрирует, как маленькие уступки могут привести к большим обязательствам, подчеркивая важность психологических стратегий в бизнесе и продажах. Кроме того, фильм демонстрирует, как Белфорт использует эту технику не только с клиентами, но и с сотрудниками, постепенно вводя их в мир незаконных и аморальных действий. Начав с небольших нарушений, сотрудники постепенно втягиваются в более серьезные преступления, что также отражает суть эксперимента Фрийдмана и Фрейзера.

«Волк с Уолл-стрит» является наглядной иллюстрацией техники малых уступок, показывая, как начальные незначительные согласия могут привести к гораздо более серьезным и масштабным последствиям. Это подчеркивает важность понимания механизмов подчинения и манипуляции в различных аспектах социальной жизни и бизнеса.

Фильм «Повиновение» (Compliance, 2012), основанный на реальных событиях [4], прекрасно иллюстрирует механизмы подчинения, изученные в эксперименте Стэнли Милгрэма. В центре сюжета фильма – менеджер ресторана Сандра, которая получает звонок от человека, представляющего полицейским. Он утверждает, что одна из сотрудниц, молодая женщина по имени Бекки, подозревается в краже. Сандра, следуя инструкциям «полицейского», начинает выполнять его ко-

манды, которые постепенно становятся все более унижительными и абсурдными. Под воздействием авторитетного голоса по телефону, она и другие сотрудники ресторана совершают действия, которые в нормальной ситуации показались бы им невыполнимыми.

Фильм отлично демонстрирует ключевые аспекты эксперимента Милгрэма. Во-первых, авторитет. В фильме незнакомец, представляющийся полицейским, выступает как авторитетная фигура. Его команды воспринимаются как законные, несмотря на их абсурдность и аморальность. Во-вторых, подчинение и давление. Как и в эксперименте Милгрэма, участники фильма подчиняются приказам, несмотря на внутренние сомнения и дискомфорт. Они продолжают выполнять команды, несмотря на явное противоречие этим действиям с их собственными моральными убеждениями. В-третьих, эскалация требований. В фильме, как и в эксперименте, команды становятся все более требовательными и нарушающими нормы. Начав с относительно простых действий, «полицейский» постепенно усиливает свои требования, что приводит к серьезным и унижительным последствиям для Бекки. В-четвертых, моральная дилемма. Фильм подчеркивает, как подчинение авторитету может привести людей к действиям, которые противоречат их моральным принципам. Участники фильма, как и участники эксперимента Милгрэма, находятся в состоянии морального конфликта, но продолжают подчиняться.

«Исполнение» демонстрирует, как легко люди могут подчиняться авторитетным фигурам, даже когда это ведет к аморальным и унижительным действиям. Фильм подчеркивает важность критического мышления и моральной устойчивости перед лицом авторитарных указаний. Он также служит напоминанием о необходимости устанавливать и соблюдать этические стандарты в ситуациях, где существует риск злоупотребления властью. В конечном счете, «Исполнение» иллюстрирует, что механизмы подчинения, изученные в эксперименте Милгрэма, продолжают оставаться актуальными в современном обществе и требуют постоянного внимания и осмысления.

Современные социальные эксперименты продолжают исследовать механизмы подчинения, адаптируя классические методы к новым контекстам и технологиям. Одним из таких экспериментов является исследование Мела Слейтера и его коллег, под названием, «Виртуальное повторение экспериментов по подчинению Стэнли Милгрэма», проведенное в 2006 году. В этом эксперименте участникам предлагалось выполнять задачи под руководством виртуальных ассистентов, которые представляли собой либо авторитетные фигуры, либо равных по статусу пользователей. Результаты показали, что участники чаще подчиняются указаниям виртуальных авторитетов, даже если они противоречат их личным убеждениям или ин-

тересам. Это исследование подчеркнуло, что авторитет остается важным фактором влияния даже в цифровой среде [5].

Эксперимент под названием «Проведение эксперимента Милграма в Польше» был осуществлен в 2017 году Дарьюшем Долинским и Томашем Гжибом. Исследование повторило классический эксперимент Милгрэма, изучая подчинение авторитету в современных условиях. Участники должны были выполнять команды авторитетной фигуры, которые включали применение «электрошоков» к другому участнику. Эксперимент был направлен на изучение уровня подчинения в польском контексте и использования современных технологий для проверки гипотезы о том, что люди склонны подчиняться авторитетам, даже если это противоречит их моральным убеждениям. Результаты показывают, что уровень послушания участников инструкциям аналогичен уровню оригинальных исследований Милгрэма. [6].

Исследования в области подчинения имеют критическое значение для понимания человеческого поведения в различных социальных контекстах. В современном мире, где цифровые технологии и социальные сети играют все более важную роль, понимание того, как и почему люди подчиняются авторитетам, становится еще более актуальным. Эти исследования помогают разработать стратегии для борьбы с манипуляциями и дезинформацией, улучшить системы управления и лидерства, а также повысить осведомленность и критическое мышление у людей. Современные исследования продолжают развивать идеи, заложенные в классических экспериментах, адаптируя их к новым условиям и технологиям. Это позволяет более глубоко и точно понять механизмы подчинения, что является важным шагом для создания более справедливого и осознанного общества.

Литература

1. Freedman, J. L., & Fraser, S. C. (1966). Compliance without pressure: The foot-in-the-door technique. *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 195–202.
2. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 371–378.
3. Черников М.В. Голос авторитета как суггестивный фактор. Уроки «эксперимента Милгрэма» // Свободная мысль. 2022. № 3. С. 205–2016.
4. Wikipedia. Strip search phone call scam [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Strip_search_phone_call_scam (дата обращения: 20.06.2024).
5. Slater M, Antley A, Davison A, Swapp D, Guger C, Barker C, et al. (2006) A Virtual Reprise of the Stanley Milgram Obedience Experiments. *PLoS ONE* 1(1): e39.
6. Society for Personality and Social Psychology. “Conducting the Milgram experiment in Poland, psychologists show people still obey.” *ScienceDaily*. *ScienceDaily* [Электронный ресурс]. – URL: www.sciencedaily.com/releases/2017/03/170314081558.htm (дата обращения: 21.06.2024).

GENERALIZATION OF SOCIAL EXPERIMENTS AIMED AT STUDYING THE MECHANISMS OF SUBORDINATION: ASPECTS OF IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Davletberdina E.R., Yakupov D.I., Selishchev M.A., Bulatov Sh.Sh., Ibatullin A.R.
Ufa State Petroleum Technical University

The article explores the phenomenon of obedience, an essential aspect of human behavior that manifests in various spheres of social life. Obedience plays a crucial role in maintaining order and functioning within society, yet the nature and mechanisms of obedience remain subjects of research and debate in sociology. A significant portion of the article is devoted to analyzing classic experiments aimed at understanding the mechanisms of obedience. Specifically, it examines the experiment by Freedman and Fraser (1966), known as the “foot-in-the-door” technique, and Stanley Milgram’s experiment (1963), which demonstrated people’s willingness to obey authority figures even against their moral beliefs. These experiments illustrate how small acts of compliance can lead to more significant actions and how authoritative figures can influence people’s behavior. The article also considers the role of cinema as a cultural artifact that reflects sociological phenomena such as obedience and influence. Examples include films based on real events like “The Wolf of Wall Street” and “Compliance,” which depict the use of psychological strategies of obedience in real life. In conclusion, the article discusses contemporary research that utilizes virtual environments and social platforms to study mechanisms of obedience, highlighting the relevance of these studies in the context of digital technologies.

Keywords: obedience, social behavior, authority, sociology, foot-in-the-door technique, Milgram experiment, cinema, sociological phenomena, virtual environments, social platforms, psychological strategies.

References

1. Freedman, J. L., & Fraser, S. C. (1966). Compliance without pressure: The foot-in-the-door technique. *Journal of Personality and Social Psychology*, 4(2), 195–202.
2. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67, 371–378.
3. Chernikov, M. V. (2022). The voice of authority as a suggestive factor. Lessons from the «Milgram experiment.» *Svobodnaya Mysl*, 3, 205–2016.
4. Wikipedia. Strip search phone call scam [Electronic resource]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Strip_search_phone_call_scam (accessed: 20.06.2024).
5. Slater, M., Antley, A., Davison, A., Swapp, D., Guger, C., Barker, C., et al. (2006). A Virtual Reprise of the Stanley Milgram Obedience Experiments. *PLoS ONE*, 1(1), e39.
6. Society for Personality and Social Psychology. “Conducting the Milgram experiment in Poland, psychologists show people still obey.” *ScienceDaily* [Electronic resource]. – URL: www.sciencedaily.com/releases/2017/03/170314081558.htm (accessed: 21.06.2024).

От полилога к монологу: обратный отсчет

Кемеров Вячеслав Евгеньевич,

д.ф.н., профессор кафедры социальной философии,
руководитель ведущей научной школы, Уральский
федеральный университет
E-mail: kemevov1444@yandex.ru

Переход от монолога к диалогу, а от диалога к полилогу представляется естественным с точки зрения обычного здравого смысла. В данной работе предлагается обратный ход: переход от полилога к диалогу, а затем и к монологу. Этот ход раскрывает возможности социального воображения, затемненные рутинной практикой и терминологией. Клишированные стандарты языка и мышления оживают в их сопоставлении с социальными связями разных объемов и порядков. Это оказывает существенное влияние на понимание социального процесса, человеческих взаимодействий и бытия личности. Такой переход предполагает раскрытие внешнего для человека социального мира как мира его внутренних сил и способностей. В нём преодолевается барьер между внешней средой и внутренним бытием индивида. Этот переход осуществляется в практической самореализации личности. Она осваивает свои контакты с публичностью и трансформирует их в средства самоутверждения. В теории и методологии этот переход стимулирует преобразование границ между социально-гуманитарными дисциплинами и становится важным условием понимания динамики социального процесса.

Ключевые слова: полилог, диалог, монолог, социальные взаимодействия, переходы социального в индивидуальное и индивидуального в социальное, самореализация личности.

В предшествующих работах, посвященных теме субъектности, я следовал традиционной логике продвижения от отдельного к общему, от конкретного к абстрактному, от простого к сложному; в нашем случае – от монолога к диалогу, а от диалога к полилогу [2; 3].

Но внимательное рассмотрение полилога показало, что эта логика как минимум недостаточна. То, что на уровне представления описывается как монолог, как линейная связь субъекта с объектом, то, что в диалоге видится как контакт субъекта и субъекта, на уровне полилога обнаруживает значение узловой точки схождения и расхождения человеческих связей. Точка трансформируется в сложную монаду, обеспечивающую и умножающую энергетику социального процесса, выходящую за рамки двухмерности, трехмерности и четырехмерности.

Плоская картина линейных связей превращается в стереоскопическое отображение. Полилогичность совместно-разделенной деятельности меняет акценты и в её построении и в её трактовке. Разделенность определяет формы совместности, пробелы и дистанции формируют средства связи. Разрывы оказываются значимы для человеческой активности, а паузы открывают пространство для свободы действий.

Признание хронотопичности социального процесса – лишь первый шаг. Он побуждает к непремennomу выходу за рамки субъект-объектного и субъект-субъектного взаимодействия

Диалог и логически и исторически оказывается на промежуточной позиции. Поразительно, что на пятьдесят лет эта форма являлась одной из главных тем гуманитарного познания. С её помощью осуществлялась критика классической методологии и претензий позитивизма. На ней задержались исследования социальной психологии и концепции социального действия в социологии, забуксовали теории личности.

В плане методологическом диалог находится на «промежуточном уровне». Он выявляет ограниченность одномерности, но и сам не доходит до её конкретизации. Требуется определение его перспективы, раздвигающей его время и место, обнаруживающей его рамки, скрытые свойства и возможности соизмерения с другими субъектными взаимосвязями.

Двумерность диалога стимулирует его развертывание. Взаимодействие имеет своё начало и своё завершение, оно протекает во времени, которое непосредственно не фиксируется в прямом контакте. Но это – люди и вещи, находящиеся

и действующие вне прямого контакта. Благодаря им происходит его проблематизация и его оформление. Точки разрыва, который заполняет диалог, оказываются точками связи его с другими диалогами, монологами, действиями.

Диалог обнаруживает свою многомерность, где субъект-субъектная связь – лишь одна линия, а его воздействие на остальные связи указывает и на его ограниченность, и на его разнонаправленность, и на его роль в потоке подобных систем.

Такая ситуация напоминает схемы простой кооперации, где главной является совместность людей в определенном пространстве. В полилоге же важнейшей становится их разделенность, дистанцирование их позиций, потребность их связи во времени.

Каждая из сторон диалога в явной и (или) скрытой форме содержит в себе сборку разнообразных позиций и это, по сути, является одним из важнейших условий его осуществления. Различие сторон диалога намечает проблему контакта. Именно проблему, ибо диалогическая связь должна быть соткана из различий, которые преодолеваются либо приводят к обострению контакта. Это, между прочим, означает, что стороны в процессе диалога не остаются теми же самими; либо они изменяются, либо диалог заходит в тупик. Вспомнив о субъектной сборке, прямо или косвенно присутствующей в субъекте, заметим, что диалог порождает и в ней какие-то сдвиги.

Реконструируем сюжет шекспировской трагедии. Дуэт двоих противоречит принятой традиции. Он преодолевает запреты и препоны, добивается своего и гибнет. Прежний миф начинает разрушаться. Партнеры гибнут, но у множества других меняются отношения к героям, установки на взаимодействия и сам образ партнерства. Трагедия диалога порождает напряжение, пронизывающее ток близких и далёких, выходя за границы семей, города, резонирующее далее и в других культурах.

Двузначность диалога перекрывается его многомерностью, его грамматика и арифметика погружаются в его стереоскопичность, а его геометрия оживляется его динамикой.

Промежуточная позиция диалога между полилогом и монологом вынуждает нас откорректировать расширительное представление о нем.

Многочисленные разговоры о взаимодействии между регионами, политическими блоками, культурами, между группами, учителями и учениками, детьми и родителями проходят под знаком слова «диалог». Похоже, оно становится магическим золотым ключиком, открывающим ход к прояснению и решению проблемы. Однако в его употреблении не соблюдаются, как правило, два важных условия.

Во-первых, не учитывается полилогическая подоплека диалога. Он не возникает и не существует сам по себе. Он есть переплетение различных

пространственных и временных связей; он – демонстрация их готовности к взаимоучету позиций.

Во-вторых, он не происходит сам собой, его реализуют (или не реализуют) конкретные субъекты с капиталом определенных обязательств, действий и результатов. Говорим ли мы о взаимодействии регионов, партий или индивидов, мы должны отдавать себе отчет в том, что судьба диалога находится в руках субъектов, за которыми целый конгломерат полисубъектных связей.

Гипертрофированный интерес к теме диалога имел один безусловно важный методологический результат. Он способствовал прекращению трактовки социальных структур как безличных или обезличенных форм. Таким образом он оказался фактором многих преобразований в методологии общественнознания, повлиял на кризис структурно-функционального анализа и поспособствовал появлению новых отраслей психологии и социологии.

Промежуточность темы диалога во многом и по времени и методологически совпадает с промежуточностью темы микросоциологии [7], [8], [5]. Возникает общая потребность к переходу от понимания социальности как совокупности больших структур к её трактовке, в которой большие структуры дополняются или наполняются взаимодействиями человеческих индивидов.

Сохраняется традиция представлять общество в двух уровнях: как систему больших структур и как поля непосредственных человеческих взаимодействий. Она действует и в англоязычном общественнознании и в догматическом марксизме. Но всё чаще появляются вопросы о том, как могут большие структуры существовать, функционировать и меняться сами по себе: кто придает им динамику и обеспечивает их бытие. Конечно, такие вопросы возникают в критических для общества ситуациях. И тогда становится ясно, что схема понимания социальности как совокупности больших структур и непосредственного взаимодействия людей оказывается и недостаточной и непродуктивной.

И снова всплывает тема диалога, но дело уже идет не о контакте двоих, а о цепочке диалогов, об их множествах, сопрягающихся в какие-то формы. Большие структуры обретают персонализацию и некое олицетворение. Они ещё не раскрыты для социальной демонстрации, но уже вполне независимы от качественного наполнения деятельностью индивидов.

Такой поворот в практике и исследованиях общества сказался на представлениях и в обыденной и в теоретической сферах; конечно, везде по-разному. Но он радикально изменил отношения между социально-гуманитарными дисциплинами, их предметами и методами. Тема монолога, диалога и полилога перестала быть чьей-то частной принадлежностью. Она обосновала и объединила подходы различных социально-гуманитарных дисциплин. До реальной интеграции еще доволь-

но большая дистанция. Остается много дисциплинарных и методологических барьеров. Им стоит уделить особое внимание.

В данной статье мы пользуемся ступенчатой логикой перехода: от полилога к диалогу и от диалога к монологу. При подходе к монологу мы встречаем ряд серьезных препятствий.

Главное из них – стандарт рассмотрения личности и общества. Личность и общество – это не просто устойчивый фразеологизм, пронизывающий все уровни сознания и языка. Это – форма, воздействующая на операции с другими структурами. Она действует и в повседневном и теоретическом осмыслении общественной жизни. От неё происходит общепризнанный штамп «личность и среда» и обыденный штамп «среда заела». Существенным же является то, что на эту форму ссылаются любые способы аргументации как на аксиому.

Понятно, что в Новое время эта формула имела важное значение. Но за последующие два века почти ничто не изменилось. Никто из исследователей не поставил ребром вопрос: а что за общество, которое «окружает» личность, что это за «среда», которая её «заела»? Общественные науки боролись за свой суверенитет, защищали свои предметные и методологические границы: для кого-то главным предметом оставалось общество, для кого-то – личность, для кого-то среда с её культурно-историческими особенностями. Методология взаимоисключающей дополнительности перекрывала реальное продвижение к синтетическому пониманию социальности как взаимодействия личностей.

В первой четверти двадцатого столетия практика развивающихся стран настоятельно требовала перейти от экстенсивного к интенсивному способу организации индивидов в сфере экономики. Но общественное сознание очень медленно реагировало на этот заказ. Мешали методологические стереотипы. И они продолжают действовать по настоящее время. Так, что этот путь пройден едва ли на половину.

В нашем продвижении от полилога к диалогу, а от диалога к монологу такой вопрос более чем уместен. Он раскрывает нам магию штампов и сообщает нам нечто о содержании «общества» и «среды».

В полном объёме на этот вопрос может ответить только всё общественное сознание. Но в рамках нашего изложения мы можем дать краткий и вполне вразумительный ответ. Общество (и социальная среда) – это другие личности, вступающие в разнообразные отношения, создающие предметность, использующие и обменивающие её и, соответственно, объединяющие и разделяющие свою деятельность.

Признание этого простого факта имеет громадные последствия для общественного сознания.

Проблема личности всегда была притягательной для общественного сознания. Но всегда несла на се-

бе оттенок некой периферийности: там общество, а тут личность.

Попытки преодолеть эту периферийность были довольно робкими, так как сталкивались с жесткими дисциплинарными перегородками и традициями школ, этими перегородками прикрывающимися. Но постепенно время брало своё. Сначала отошло на третий план противопоставление выдающейся личности и народа, затем личности и масс. А затем в полный рост встал вопрос о зависимости социальных форм от бытия человеческих личностей.

Социальные связи и формы в своем функционировании и изменении опираются на реальные силы и способности людей. В них личности участвуют не как схемы, окруженные обществом (или средой), а как движущие и формирующие силы. В них личность – не схема, дополняемая средствами и условиями, и не абстракция от некой социальной конкретики. Она – «звено» социальной связи, но она же и субъект совместно с другими личностями эту связь реализующий.

В современной ситуации явно недостаточной оказывается редукция личности к группам или классам, нормам или стандартам, структурам или институтам. Редукция эта бесперспективна, поскольку (условно говоря) внешние для личности социальные формы сами во все большей мере оказываются под воздействием совместной и разделенной деятельности личностей.

Речь идет не о возвращении к заветам интроспекционистской психологии, призывавшей погружаться в глубины внутреннего мира личности и там обнаруживать формы духовности и душевности. Речь – о радиальном пересмотре «внешнего» и «внутреннего» в отношении личности.

Внутренний мир личности не остается только психологическим, а внешний мир – только социальным. Главным становится переход её знаний, умений и навыков в силы и способности других личностей. Так преодолевается барьер между внешним и внутренним. Так снимается антитеза личностного и социального.

В первой половине XX века наметились попытки обнаружить переход между внешним и внутренним в бытии личности. Так в психоанализе уровень «суперэго» стал трактоваться как своего рода погружение внешних ограничений во внутренние структуры психики, как обуздание стихийных сил бессознательного. Сходным образом и в обновляющемся функционализме сама трактовка личности связывалась с принятием ею норм и стандартов поведения. Сходство этих подходов заключалось в том, что переход между внешним и внутренним истолковывался как погружение внешнего во внутреннее с последующим формообразующим действием на психику личности.

В популярных концепциях социализации личности прямо или скрыто действует именно этот ход. Его называют интериоризацией или на англий-

ский манер интернализацией. Важно, что акцент делается на переносе внешнего во внутреннее.

Когда в середине XX века встал вопрос о воздействии индивидов на социальные структуры, этот методологический приём стал тормозом для прояснения ситуации. Это произошло потому, что на первый план вышла проблема действительного влияния индивидов на состояние социальных структур. А это влияние определялось не столько настроениями и переживаниями людей, сколько их способностью влиять на ход жизни. Более того, их настроения и переживания в значительной мере детерминировались их силами и способностями, задействованными в реальных отношениях.

Говоря психологическим языком экстериоризация начинает перевешивать интериоризацию. Иными словами, силы и способности личностей перестают быть их внутренним миром и в социальных взаимодействиях представляют свои общественные возможности. Как это ни странно звучит, внутреннее перестаёт быть внутренним, ибо оно обретает форму и личностный смысл, вступая в контакт с деятельным раскрытием социальной связи [6], [4].

Этот поворот приобретает и терминологическое озвучивание. Там, где раньше речь шла о социализации личности, всё чаще идет разговор о самореализации и самоактуализации индивидов [9]. И это уже не замена слов. Это – знак изменения хода исследования и понимания. Это – знак движения к уяснению того, что личность проявляется, обнаруживается и реализуется в ходе предметного взаимодействия с другими, такими же, но иными субъектами. Личность на деле становится раскрытой другим, но она таким образом становится открытой самой себе. Прежний барьер внутреннего и внешнего оказывается преодолимым. И преодолевает его сама личность, чем и подтверждает факт своего существования [1].

Открытие себя себе – во многом открытие себя другим. Не обязательно в виде словесного рассказа, но и в виде предметного действия, в виде поступка.

Открывается широкое поле для монолога. Только это уже далеко не тот монолог, который мы вспоминали в связи с театральной традицией. Хотя, если вспомнить современный театр, то и там заметно смещение классической ситуации монолога, когда герой обращается к залу и открывает ему себя и важные обстоятельства происходящего. Бывает, что герой стоит среди зала и даже среди зрителей и с их помощью выстраивает свой монолог. Так, соседство монолога, диалога и полилога становится явным, а их взаимосвязанное развитие определяет динамику зрелища.

В ситуации повседневности такая конфигурация социального взаимодействия встречается постоянно. Монолог «расплетает» и «заплетает» полилог, а диалог оказывается посредником в этом процессе.

В ходе наших рассуждений мы оказались в пункте, далеко отстоящем от исходного (и, добавим, обычного) представления о монологе.

Монолог теряет привилегированную позицию в описании и объяснении происходящего. И это говорит не о его ущербности, а о его недостаточности. Его недостаток – в том, что ему требуется диалог, и диалог не сам по себе, а как средство и путь к воссоединению с полилогом. Монологу нужна личность, чтобы открыть для себя и других этот путь. Но и личности нужен монолог, не для того чтобы только заявить о себе, но чтобы прояснить себе и другим свои намерения и получить поддержку. Субъект монолога – далее не принц, а один из многих, сумевших раскрыть другим ситуацию, и ценой самораскрытия представить её цену и смысл.

Литература

1. Деррида Жак. Наконец-то научиться жить (последнее интервью) // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 132–144.
2. Кемеров В.Е. Субъект, субъективность, субъектность // Социология. 2024. № 1. С. 4–9.
3. Кемеров В.Е. Монолог, диалог, полилог – взаимосвязь в различиях // Кант. 2024. № 2. С. 242–246.
4. Лекторский В.А. Социальный конструкционизм и конструктивный реализм в науках о человеке // Социемы. 2009. № 17. С. 3–15.
5. Турен Аллен. Возвращение человека действующего. М., 1998. 204 с.
6. Allport G. *Personality & Social Encounter*. Boston, 1968, p. 386.
7. Homans G. *Bringing men back in*// *American Sociological Review*, 1964. v.29. #3. pp. 809–818.
8. Lee A. *Toward Humanist Sociology*. Englewood Cliffs, 1973. p. 24.
9. Maslow A. *Motivation & Personality*. N., 1970. p. 369.

FROM POLYLOGUE TO MONOLOGUE: COUNTDOWN

Kemerov V.E.

Ural Federal University

The transition from a monologue to a dialogue, and from a dialogue to a polylogue, seems natural from the point of view of ordinary common sense. In this paper, a reverse course is proposed: the transition from polylogue to dialogue, and then to monologue. This move reveals the possibilities of social imagination, obscured by routine practice and terminology. Clichéd standards of language and thinking come to life in their comparison with social connections of different volumes and orders. This has a significant impact on the understanding of the social process, human interactions and the existence of personality. Such a transition presupposes the disclosure of the social world external to man as the world of his inner powers and abilities. It overcomes the barrier between the external environment and the inner being of the individual. This transition is carried out in the practical self-realization of the personality. She masters her contacts with publicity and transforms them into means of self-affirmation. In theory and methodology, this transition stimulates the transformation of boundaries between social and humanitarian dis-

ciplines and becomes an important condition for understanding the dynamics of the social process.

Keywords: polylogue, dialogue, monologue, social interactions, transitions of the social in the individual and the individual into the social, self-realization of personality.

References

1. Derrida Jacques. Finally learning to live (last interview) // Questions of Philosophy. 2005. No. 4. Pp. 132–144.
2. Kemerov V.E. Subject, subjectivity, subjectivity // Sociology. 2024. No. 1. Pp. 4–9.
3. Kemerov V.E. Monologue, dialogue, polylogue – interconnection in differences // Kant. 2024. No. 2. Pp. 242–246.
4. Lektorsky V.A. Social constructionism and constructive realism in the human sciences // Sociemes. 2009. No. 17. Pp. 3–15.
5. Touraine Alain. The Return of the Acting Man. Moscow, 1998. 204 p.
6. Allport G. Personality & Social Encounter. Boston, 1968, p. 386.
7. Homans G. Bringing men back in// American Sociological Review, 1964. v.29. #3. pp. 809–818.
8. Lee A. Toward Humanist Sociology. Englewood Cliffs, 1973. p. 24.
9. Maslow A. Motivation & Personality. N., 1970. p. 369.

Образ «чужого» и его влияние на этническую идентичность

Юрченко Екатерина Дмитриевна,

преподаватель высшей школы социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: katerina-yurchenko@mail.ru

Образ «чужого» играет важную роль в создании коллективной национальной идентичности. Образ «чужого» и этническая идентичность тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Только при сравнении «своей группы» с «чужой» индивид может определить свою принадлежность к конкретной группе, вместе с тем формирования образа «чужого» происходит только при осознании себя членом определённой «своей» группы. Эти сложные взаимосвязанные и взаимозависимые процессы происходят одновременно и параллельно. Выделение особых, уникальных, как правило положительных, черт своего этноса и сравнение их с чертами «другого», которые зачастую имеют нейтральный или негативный оттенок создаёт предпосылки для формирования и поддержания этнической идентичности. Статья посвящена вопросу влияния образа «чужого» на этническую идентичность. В статье рассмотрены различные подходы к определению этнической идентичности. Описан процесс формирования этнической идентичности как многофакторного конструкта. Рассмотрены подходы к пониманию образа «чужого» и определена его роль в структуре процесса формирования этнической идентичности.

Ключевые слова: аутгруппа, ингруппа, идентичность, образ «чужого», этническая идентичность.

Глобализация как главная движущая сила современного развития общества привела к активизации процессов всемирной межнациональной интеграции и унификации. Однако ответной реакцией общества на социальную гомогенизацию стало развитие идеи конструирования идентичности.

Этот процесс базируется на одновременном отождествлении и противопоставлении одного субъекта с другими. Для успешного функционирования и развития в обществе индивид должен принадлежать к определённым социальным группам, отождествление с которыми предполагает принятие их целей, ценностей, норм поведения и отношений [7].

Ускоренные темпы развития общества, обуславливают усиление социально-культурных взаимосвязей и потребностей в постоянной межкультурной коммуникации между разнообразными социальными группами. Качество такой коммуникации зависит от наличия и развития межкультурных компетенции индивида – его «способности достигать в равной степени успешного понимания как представителей других культур и коммуникационных сообществ, так и представителей своей культуры» [10]. В современном обществе особенно остро стоит проблема конструирования этнической идентичности и выделения двух взаимосвязанных сторон, транслирующих «свою» и «чужую» культуру и образы.

В вопросе определения понятия «этническая идентичность» не существует единого общепринятого подхода.

Отталкиваясь от этимологии базовых понятий, можно дать определение понятию «этническая идентичность». «Этнос» рассматривается как «исторически сложившаяся группа людей, проживающая на одной территории и объединённая общими обычаями, традициями, языком и культурой», а «идентичность» понимается как «тождественность, одинаковость человека вне зависимости от времени и обстоятельств; так что неизменность индивида доказывает, что он является самим собой, а не кем-то другим» [15]. Таким образом, этническая идентичность – это тождественность группы людей или нации, объединённой общими обычаями, традициями, историческим опытом и, как правило, географическим местом жительства. В данном контексте происходит концептуализация «идентичности» и отражается этнокультурное влияние на её формирование и развитие [16].

Однако при данном подходе к определению не учитывается когнитивно-эмоциональная со-

ставляющая процесса самоопределения индивида. «Идентичность есть результат длительного процесса социокультурного усвоения, устойчивый мировоззренческий конструкт» [8].

В современных исследованиях под этнической идентичностью понимают «ассоциативный многофакторный конструкт, при котором люди рассматривают сами себя и воспринимаются другими как принадлежащие к определённой этнической группе индивиды» [16].

Можно обозначить следующие факторы, влияющие на формирование этнической идентичности как конструкта.

- Расовые факторы, к которым относятся антропологические и фенотипические признаки.
- Наследственные факторы, включающие в себя такие характеристики как: место рождения, происхождение отдельных лиц, их родителей и родственников.
- Символические и культурные факторы, среди которых можно выделить специфические предметы быта (еда, одежда, жилье и т.д.), характер взаимодействия с этими предметами, а также особые, как правило, исключительные традиции, обычаи, характеризующие этническую группу [13].

Гонконгский социолог Юэт Ва Чён определяет этническую идентичность как «психологическую привязанность индивида к определённой этнической группе и их наследию» [13]. Исходя из предложенной им дефиниции, очевидно, что данным подходе к определению центральную позицию в конструкте этнической идентичности занимает процесс самовосприятия [16].

Савитри Сахарсо расширяет это определение и подчёркивает социальность процесса формирования этнической идентичности. Она отмечает, что этот сложный когнитивный процесс включает в себя выбор индивидом окружения и осознание своих жизненных шансов, а также последующее возникновение ответной реакции других людей из своего социального окружения [14].

Оба определения подразумевают, что в процессе этнической идентичности происходит сравнение, отождествление или выделение различий между «собой» и «чужими».

В предлагаемой С. Сахарсо дефиниции «чужой» играет важную роль в процессе формирования этнической идентичности, так как именно он является основанием для построения ассоциативного конструкта. Индивид может отождествлять себя с той или иной этнической группой. Однако окончательное конструирование этнической идентичности возможно только при принятии индивида членами ингруппы и признании этого членами аутгруппы [14].

Эта концепция согласуется с определением этнической идентичности данным социологом Фредриком Бартом. Он утверждал, что «этническая идентичность – это средство создания гра-

ниц, позволяющих группам дистанцироваться друг от друга» [1].

А.П. Садохин определяет этническую идентичность как «разновидность социально-психологической идентичности, в процессе которой формируется осознание личностью своей принадлежности к определённому этносу, удовлетворяя таким образом потребность в самобытности и независимости других людей, а также потребность в принадлежности к группе и защите» [9]. Он подчёркивает, что формирование этнической идентичности всегда осуществляется под влиянием детерминированными конкретными общественными потребностями.

Вопрос определения этнической идентичности актуализирует значимость исследования дихотомии «свой» / «чужой».

Одним из первых исследователей «чужого» как социального феномена стал Георг Зиммель. В своей работе «Эссе о чужаке» автор выделяет два типа «чужаков» в обществе.

Первый тип он обозначает как «потенциальный странник». Такой «чужой» характеризуется как человек, который приходит в группу извне, то есть имеет отличное географическое положение и незакреплённость за территориальными границами. Последнее обуславливает специфический характер подвижности «чужака». Обладая собственной социальной и культурно-исторической спецификой, которая формируется вне «этого пространства», «чужак» отличается от других членов детерминированной «своей» группы и не разделяет её уникальную историю и опыт. Его приход и трансляция своих нравов и обычаев является неестественной для группы. Даже ассимилироваться и «обосновываясь в пространственном окружении» чужак становится элементом этой группы, но никогда не будет полностью ею принят [5]. Таким образом, сам автор характеризует положение «потенциального странника» в обществе как «одновременно «вне» и «визави»» [3].

Кроме того, для «чужака» характерно двойственное положение в обществе, при котором происходит нарушение соотношения физической и психической близости [5]. С одной стороны, физически и территориально «чужак» близок к обществу. Однако, отсутствие исторической связи с ним делает «чужака» ментально отдалённым. Такую амбивалентность состояния «чужака» Г. Зиммель выражает как «близкий-далёк, далёкий-близок» [3].

Второй тип «чужака» Г. Зиммель характеризует как «внутренний враг», то есть элемент, появившийся внутри самого общества и отличающийся от большинства членов «своей» группы. Например, такими «чужими» являются бедняки, преступники и другие люди с девиантным поведением [3], [11].

В рамках нашего исследования, направленного на изучение влияния образа «чужого» на форми-

рование этнической идентичности нас интересует первый тип «чужака» по Г. Зиммелю.

Бинарная оппозиция «свой» / «чужой» является одним из инструментов самоидентификации и конструирования социальной реальности. Процесс определения «своих» границ осуществляется через осознание «чужих» и наоборот. Чужие обычаи, нравы, традиции и формы поведения всегда воспринимаются и оцениваются сквозь призму собственных устоявшихся и принятых в обществе обычаев и традиций [11].

Г. Зиммель утверждает, что формирование идентичности невозможно без участия «чужого» или «другого». Последний, по его мнению, носит нейтральную коннотацию, в то время как «чужой» воспринимается более категорично и негативно [3], [11].

Изучением процесса формирования идентичности также занимался Джордж Герберт Мид. В своих исследованиях он указывает на то, что «самосознание», то есть определение собственного «Я» происходит «именно из своего воздействия на других», при принятии установки «другого» и возможности действия «по отношению к себе так же, как действуют по отношению к нему другие» [6].

При этом самоидентификация происходит не столько при сравнении оппозиций «свой» / «чужой», сколько при рефлексии роли «другого» в процессе коммуникации. Происходит мыслительный процесс, позволяющий «примерить» роль «другого» на себя и сформировать социальное «Я». Таким образом, «социальное Я» – это конструкт, формируемый из двух взаимосвязанных составляющих «I» и «me», где «I» выступает как отождествление индивида с самим собой, то, как он «видит» сам себя, в то время как «me» – это репрезентация индивида через оценки окружающих «других».

Дж.Г. Мид отмечал, что «когда появляется Я, оно всегда заключает в себе переживание другого; просто переживания Я, самого по себе, быть не может» [6].

Изучением взаимоотношений бинарной оппозиции «свой» / «чужой» также занимался Альфред Шютц. В своих трудах он рассматривает появление «ингруппы» и «аутгруппы» как результат процесса коммуникации. Выделение «аутгруппы» происходит на основе восприятия «другого» в контексте опыта «своего» окружения. А Шютц, разделяет точку зрения Дж.Г. Мида, говоря о том, что, сравнивая действие и поведение «другого» с типичными образцами, принятыми в обществе, происходит самоидентификация индивида. «Типизированные образцы поведения «другого» становятся мотивами моих собственных действий, и это приводит к явлению самотипизации» [12].

Питер Бергер и Томас Лукман в своём исследовании продолжают развивать идею А. Шютца. Авторы отмечают, что коммуникативный процесс

с «другими» также происходит на основе схем типизации, благодаря которым реализуются коммуникативный акт и понимание «других». Однако, взаимодействие с «другими» остаётся возможным до тех пор, пока его действия, мотивы и поведение поддаются этой типизации. «Другие» не попадающие под описание устойчивых типов представляются авторам «анонимными абстракциями, которые никогда не смогут стать доступными для взаимодействия» [2].

Анализ дихотомии «свой» / «чужой» может производиться на разных уровнях. Так, в повседневной жизни представление о человеке как о «чужом» формируется на основе восприятия внешности, манер поведения, коммуникативных признаков и проявления внешних форм иной культуры. Однако, более глубокие контакты приводят к столкновению с ценностями, картиной мира, мировоззрением, характерными для представителей иных культур [4].

Таким образом, взаимодействие с «чужим» и формирование его образа является неотъемлемым компонентом в процессе формирования этнической идентичности. Выделение особых, уникальных, как правило положительных, черт своего этноса и сравнение их с чертами «другого», которые зачастую имеют нейтральный или негативный оттенок создаёт предпосылки для формирования и поддержания этнической идентичности.

Именно образ «чужого» играет важную роль в создании коллективной национальной идентичности. Образ «чужого» и этническая идентичность тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Только при сравнении «своей группы» с «чужой» индивид может определить свою принадлежность к конкретной группе, вместе с тем формирования образа «чужого» происходит только при осознании себя членом определённой «своей» группы. Эти сложные взаимосвязанные и взаимозависимые процессы происходят одновременно и параллельно.

Литература

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. – Москва: Новое изд-во, 2006. – 198 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Зиммель Г. Эссе о чужаке // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования. 2003. С. 173–178.
4. Кон И.С. Социологическая психология. – Воронеж: МОДЭК, 1999. – 560 с.
5. Ли Минда. Восприятие России в современной китайской культуре: дис. ... канд. культ.: 24.00.01. Владивосток, 2020. 235 с.

6. Мид Дж.Г. Разум, Я и Общество // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: Реферативный журнал. 1997. № 4. С. 162–195.
7. Идентичность: социально-психологические и социально- философские аспекты: монография / К.В. Патырбаева [и др.]; под ред. К.В. Патырбаева. – Пермь: ПГНИУ, 2012. – 250 с.
8. Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник ЮУрГУ. 2013. № 2. С. 178–180.
9. Садохин А.П. Этнология: учебник. – Москва: Гардарики, 2008. – 287 с.
10. Сорокин Д.О. Структура межкультурной компетенции обучающихся // Вестник ТГУ. 2022. № 3. С. 664–676.
11. Холова Л.А. Трансформация образа чужого в социальной реальности постсоветского пространства: дис. ... канд.ф. наук.: 5.7.7. Астрахань, 2022. 147 с.
12. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Вестник культурологии. 2003. № 1. С. 5–24.
13. Cheung Y.W. Approaches to ethnicity: Clearing roadblocks in the study of ethnicity and substance abuse // International Journal of Addictions. 1993. Vol. 28 (12). P. 1209–1226.
14. Saharso S. Ethnic identity and the paradox of equality. // Ethnic minorities: Social psychological perspectives / edited by J. P. van Oudenhoven, T.M. Willemsen. – London: Garland Science, 1989. – P. 97–114.
15. Simpson J.A. Weiner, E.S. The Oxford English dictionary: 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 1019 p.
16. Trimble J. E., R. Dickson. Ethnic identity // Encyclopedia of applied developmental science / edited by C.B. Fisher, R.M. Lerner. – London: Sage Publications, Inc., 2005. – P. 415–419.

THE OTHER-ETHNIC IMAGE AND ITS INFLUENCE ON THE ETHNIC IDENTITY FORMATION

Yurchenko E.D.
Pacific National University

The image of the “stranger” plays an important role in the creation of collective national identity. The image of an “alien” and ethnic identity are closely interconnected and interdependent. Only by comparing “one’s own group” with an “outsider” can an individual determine his belonging to a specific group; at the same time, the formation of

the image of an “outsider” occurs only when he recognizes himself as a member of a certain “in-group.” These complex interconnected and interdependent processes occur simultaneously and in parallel. Isolating special, unique, usually positive, features of one’s own ethnic group and comparing them with the features of the “other,” which often have a neutral or negative connotation, creates the prerequisites for the formation and maintenance of ethnic identity. The article is dedicated to the problems of the other-ethnic image influence on the ethnic identity formation. Different approaches to the definition of the ethnic identity are considered in the article. The process of ethnic identity formation as multifunctional system is described. Of particular interest is the description of the main approaches to comprehension of the other-ethnic image and its role in the process of ethnic identity formation.

Keywords: identity, ethnic-identity, other-ethnic image, in-group, out-group.

References

1. Barth F. Ethnic groups and social boundaries: social organization of cultural differences. – Moscow: New publishing house, 2006. – 198 p.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
3. Simmel G. Essay about a stranger // Social space: Interdisciplinary research. 2003. pp. 173–178.
4. Kon I.S. Sociological psychology. – Voronezh: MODEK, 1999. – 560 p.
5. Li Minda. Perception of Russia in modern Chinese culture: dis. ...cand. cult.: 24.00.01. Vladivostok, 2020. 235 p.
6. Mead J.G. Mind, Self and Society // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology: Abstract journal. 1997. No. 4. pp. 162–195.
7. Identity: socio-psychological and socio-philosophical aspects: monograph / K.V. Patyrbayeva [etc.]; edited by K.V. Patyrbayeva. – Perm: Perm State National Research University, 2012. – 250 p.
8. Russkikh L.V. Identity: cultural, ethnic, national // Bulletin of SU-SU. 2013. No. 2. pp. 178–180.
9. Sadokhin A.P. Ethnology: textbook. – Moscow: Gardariki, 2008. – 287 p.
10. Sorokin D.O. Structure of intercultural competence of students // Bulletin of TSU. 2022. No. 3. pp. 664–676.
11. Kholova L.A. Transformation of the image of someone else in the social reality of the post-Soviet space: dis. ...cand.f. Sci.: 5.7.7. Astrakhan, 2022. 147 p.
12. Schutz A. Formation of concepts and theories in social sciences // Bulletin of cultural studies. 2003. No. 1. pp. 5–24.
13. Cheung Y.W. Approaches to ethnicity: Clearing roadblocks in the study of ethnicity and substance abuse // International Journal of Addictions. 1993. Vol. 28 (12). P. 1209–1226.
14. Saharso S. Ethnic identity and the paradox of equality. // Ethnic minorities: Social psychological perspectives / edited by J. P. van Oudenhoven, T.M. Willemsen. – London: Garland Science, 1989. – P. 97–114.
15. Simpson J.A. Weiner, E.S. The Oxford English dictionary: 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 1019 p.
16. Trimble J. E., R. Dickson. Ethnic identity // Encyclopedia of applied developmental science / edited by C.B. Fisher, R.M. Lerner. – London: Sage Publications, Inc., 2005. – P. 415–419.

Философское осмысление особенностей профессионального сознания глухого человека

Нагорная Любовь Александровна,

к.ф.н., доцент кафедры философии гуманитарного института
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
E-mail: poty-lyubov@yandex.ru

Нагорный Николай Николаевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: nnagornyj@yandex.ru

В статье утверждается, что для создания в обществе оптимальных условий профессиональной социализации глухих в общественном сознании данного общества должны быть сформированы адекватные представления об особенностях как профессионального сознания, так и, в целом, процесса познания, сознания, языковой картины мира глухого человека. Подчеркивается, что наиболее подходящей развивающей средой для глухого человека является среда словесно-жестового двуязычия. Показано, что во многих сферах профессиональной деятельности когнитивно-лингвистические особенности глухих могут являться определенным преимуществом. Отмечается также, что глухие люди потенциально способны реализовать практически во всех сферах профессиональной деятельности. Причинами имеющихся во многих странах трудностей с адаптацией глухих в той или иной профессиональной сфере являются, прежде всего, неразрешенные языковые, коммуникационные, психологические, культурные, организационно-правовые, технические, технологические и др. барьеры между обществом и глухими.

Ключевые слова: профессиональное сознание, профессиональное самосознание, профессиональная социализация, глухой человек, словесно-жестовый билингвизм.

Одним из результатов успешного процесса профессиональной социализации является формирование профессионального сознания (или профессиональной картины мира).

В самом общем виде индивидуальное профессиональное сознание можно определить как совокупность знаний, представлений человека об особенностях профессиональной деятельности в той или иной профессиональной сфере и о себе как профессионале в данной профессиональной сфере, а также определенное эмоционально-ценностное отношение к выбранной профессиональной деятельности и к себе, интегрированном в соответствующее профессиональное пространство.

В.А. Цвык рассматривает профессиональное сознание как субъективную составляющую профессии (т.е. «профессиональные знания, умения, навыки, а также общественные нормы, ценности, идеалы, обращенные к индивиду и усваиваемые им в ходе соответствующей деятельности или при подготовке к ней» [19, с. 104]), отмечая, что оно «выступает в единстве трех составляющих: самопознание и познание мира в ходе профессиональной деятельности, эмоционально-ценностное отношение к себе и миру и саморегулирование профессиональной деятельности» [19, с. 108].

Важнейший элемент профессионального сознания – профессиональное самосознание («образ-Я-профессионал», профессиональный «Я-образ», профессиональная Я-концепция и т.п.), являющееся, по сути, областью пересечения профессионального сознания и «Я-образа» (самосознания). Профессиональный «Я-образ» включает реальные и идеальные представления человека о себе как о профессионале (т.е. такие элементы как «Я-реальный» профессионал и «Я-идеальный» профессионал или, согласно С.П. Мироновой, констатирующий «Я-образ» (какой я сейчас) и «Я-перспективное» (каким я буду) [10, с. 31]). Ранее мы неоднократно указывали на необходимость избегать/преодолевать существенные, объективно непреодолимые противоречия между «Я-реальным» профессионалом и «Я-идеальным» профессионалом [13, с. 49–51 и др.].

В структуре профессионального сознания различают обыденный и теоретический уровни, соотношение которых, безусловно, значительно варьируется в зависимости от специфики того или иного вида профессиональной деятельности [10, с. 29].

Создание в обществе оптимальных условий для профессиональной социализации глухих пред-

полагает, в том числе, сформированность в общественном сознании адекватных представлений об особенностях формирования профессионального сознания глухого человека. А, поскольку профессиональная картина мира неразрывно связана с концептуальной картиной мира (изначально определяясь ею и в дальнейшем во многом определяя ее), то понимание особенностей профессиональной картины мира (профессионального сознания) глухого человека невозможно без сформированности адекватных представлений о том, как он познает мир, каким представляет мир и как взаимодействует с миром (иными словами, об особенностях его познавательной сферы, образа мира, языковой картины мира).

В целом, в современной науке вопросы о структуре и функционировании, взаимосвязях, причинах и последствиях нарушений мозга, процесса познания, сознания, языка носят междисциплинарный характер и до сих пор не имеют однозначных ответов. Под тем или иным углом зрения данные вопросы изучаются в первую очередь силами таких дисциплин, как гносеология, философия сознания, лингвофилософия, нейрофилософия, социальная философия, когнитивная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, когнитивная нейрофизиология, нейропсихология, социолингвистика, лингвокультурология, нейропедагогика, нейродефектология, философия искусственного интеллекта, нейроинформатика и др.

Подчеркнем, что для понимания особенностей профессионального сознания глухого человека в структуре профессионального сознания (профессиональной картины мира) важно выделять такую составляющую как профессиональное языковое сознание (профессиональная языковая картина мира). Соответственно, необходимо более или менее точно представлять, как взаимосвязаны концептуальная и языковая картины мира.

Если концептуальная картина мира – «вся информация, которой владеет человеческое сознание» [6, с. 36], то языковая картина мира – «вербализованный коррелят концептуальной картины мира» [6, с. 36]. Согласно одному из двух основных научных подходов к вопросу о соотношении языковой и концептуальной картин мира, языковая картина мира является частью концептуальной картины мира [5, с. 64; 10, с. 28]; согласно второму подходу, «языковая и концептуальная картины мира находятся не в отношении включения языковой картины мира в концептуальную картину мира, а в отношении пересечения, так как концептуальная картина мира создается самим языком» [Цит. по: 10, с. 28].

Л.В. Борисова говорит о том, что концептуальную картину мира репрезентируют две различные картины мира: иконическая и индексально-знаковая (или языковая) [5, с. 64]. Иконическая картина мира – отражение невербального сознания; она «включает в себя такие понятия, как цвет,

звук, запах, верх/низ, /левое/правое, формируется с опорой на личный опыт, этнические константы, архетипические образы коллективного бессознательного; структурируется семантическими фреймовыми сетями, состоящими из гештальтных фреймов – основных структурных единиц памяти» [5, с. 64–65]. Исследователь указывает на то, что «любая картина мира изначально формируется на основе образов и гештальтов, а уже в процессе формирования вербализируется» [5, с. 65] (т.е. иконическая картина мира формируется несколько раньше языковой).

Как известно, образ мира (сознание) каждого человека формируется на основе довольно значительного количества языков (способов кодирования информации) [Цит. по: 14, с. 11].

Серьезное повреждение слуха, безусловно, определенным образом отражается на формируемом у человека сознании, в том числе языковом сознании и т.п., но во многом это происходит из-за сложности овладения глухими людьми общепринятыми в социуме способами кодирования информации [14, с. 11].

Надо полагать, что в ситуации спонтанного развития глухие люди практически не усваивали вербальный компонент общепринятого в данном социуме способа кодирования информации, соответственно, в наибольшей степени у них развивалось несловесное мышление, а полноценное общение с окружающими было крайне затруднено [12, с. 99–100]. Но, как известно, в современном мире у человека в случае любых сенсорных нарушений (в том числе и глухоты) имеются возможности так называемых «обходных путей развития», т.е. «кодирования информации об окружающем мире и собственных коммуникативных сообщений в доступной для него форме» [12, с. 53–54; 14, с. 11].

Если ориентироваться на классификацию способов кодирования информации Л.М. Веккера, согласно которой следует различать три основных языка переработки информации: знаково-словесный, образно-пространственный и тактильно-кинестетический [Цит. по: 16, с. 108], то, очевидно, что для глухих лиц наибольшее значение имеют (особенно при отсутствии специального обучения) образно-пространственный и тактильно-кинестетический способы кодирования информации [12, с. 54; 14, с. 11]. По Л.В. Борисовой языковая картина мира глухих формируется на основе визуально-кинестетической модели восприятия [5, с. 67].

С каждым годом все больше исследователей вслед за Л.С. Выготским, Г.Л. Зайцевой [7], А.А. Комаровой [8], В.З. Базовым [1], О.Л. Беляевой [2] и др. склоняются к тому, что наиболее подходящей развивающей средой для глухого человека является среда словесно-жестового двуязычия, под воздействием которой оптимальным образом взаимопроникают друг в друга и дополняют

друг друга когнитивные функции словесного и жестового языков.

Л.В. Борисова обращает внимание на то, что языковая картина мира неслышащих формируется в рамках дихотомии мануальный/немануальный (а языковая картина мира слышащих, соответственно, в рамках дихотомии вербальный/невербальный) [5, с. 67]. В отличие от словесных языков жестовые языки опираются на зрительно-пространственное восприятие мира [Цит. по: 14, с. 15]. Основной смысловой единицей жестового языка является жест, т.е. «кинетический акт, в котором участвуют в первую очередь руки» [7, с. 11]. Напомним, что жест имеет довольно сложную структуру, включающую конфигурацию кисти, ориентацию кисти, направление движения, место исполнения жеста (мануальные компоненты), а также выражение лица и движение губ (артикуляцию) (немануальные компоненты) [Цит. по: 14, с. 15]. Многим жестам присуща иконичность, т.е. сходство между физическими характеристиками объектов реального мира и физическими характеристиками руки/рук (форма, траектория движения и т.п.), которая/которые выполняет/выполняют жесты, обозначающие данные объекты [Цит. по: 14, с. 15]. По сравнению со словесной речью жестовый дискурс позволяет за гораздо более короткий период времени передать большее количество информации, создав четкий «пространственный» (визуальный) образ [5, с. 65–66].

Уникальность сознания глухого человека во многом обусловлена отсутствием у него определенных границ между иконической и языковой картинами мира (по сути, между несловесным и словесным мышлением). Можно сказать, что иконическая и языковая картины мира глухого человека тяготеют к взаимопроникновению друг в друга и во многом взаимодополняют функционал друг друга. Согласно Л.В. Борисовой, причиной данной особенности глухих является «более высокая скорость манифестации невербальной знаковой системы по сравнению с вербальной, а также специфика жестового дискурса, в котором рука выступает как образ и она же – как языковой знак» [5, с. 67]. Иными словами, глухие не только «говорят руками» [14, с. 15] (а также взглядом, мимикой), но и способны буквально «мыслить жестами» [15, с. 168] (и визуальными образами в целом).

У. Меркт указывает на следующую «положительную сторону восприятия без акустического компонента» [9, с. 77]: «человек подходит к воспринимаемому объекту почти без предвзвешиваний, обращает больше внимания на детали и открывает удивительные стороны, которые тот, кто смотрит через очки накопленного опыта и всегда ожидает логичности, зачастую уже не замечает. Благодаря этому возможно каждый раз открывать мир заново» [9, с. 77].

Очевидно, что во многих сферах профессиональной деятельности специфические когнитивно-

лингвистические способности глухих могут оказаться (и в отдельных случаях оказываются) чрезвычайно востребованными. В частности, в современном мире глухие нередко довольно успешно реализуются как профессионалы в сфере IT технологий, например, в области разработки VR/AR (приложений виртуальной и дополненной реальности) и т.п. [11, с. 182]. Отмечается также, что одни из лучших педагогов билингвистической системы обучения глухих – глухие люди, в совершенстве владеющие как национальным жестовым языком, так и словесным языком. Именно глухие бимодальные билингвы (прошедшие соответствующую профподготовку) способны, с одной стороны, оказать оптимальную помощь в усвоении жестового языка слышащим учителям и родителям, с другой – выступить в роли идеальной «социальной модели» для учащихся [7, с. 126], с третьей – создать наиболее благоприятный психологический климат в образовательной среде словесно-жестового двуязычия (поскольку, как правило, лучше большей части слышащих педагогов и психологов представляют себе особенности психики глухих [9 и др.]) и др. Признается, что к настоящему времени глухие исследователи внесли (и продолжают вносить) существенный вклад (а при определенных условиях способны внести еще больший вклад) в изучение особенностей и возможностей дальнейшего совершенствования процесса социализации глухих [9 и др.], в том числе в изучение различных аспектов ряда национальных жестовых языков, включая и русский жестовый язык (РЖЯ) [Цит. по: 11, с. 183] (особенно после изменения юридического статуса РЖЯ в 2012 г.). Кроме того, обществом относительно давно были открыты и оценены по достоинству способности некоторых глухих к созданию оригинальных художественных образов. Так, за последние несколько десятилетий многие глухие люди смогли вполне успешно (в том числе и на профессиональном уровне) проявить себя в таких видах искусства, как живопись, скульптура, фотография, дизайн, танец, театр, кинематограф, жестовое пение и др. [11, с. 183].

В целом, надо полагать, при наличии особой одаренности и определенном уровне профессиональной подготовки у того или иного глухого человека возможны своеобразные, практически недоступные слышащим людям, варианты инсайтов в инженерном, научном (особенно научно-техническом), художественном, педагогическом, психолого-педагогическом и др. видах творчества.

На самом деле глухие люди потенциально способны реализоваться практически во всех сферах профессиональной деятельности, в том числе и в «речевых профессиях», связанных с «живыми контактами» [12, с. 93]. Причинами имеющих во многих странах трудностей с адаптацией глухих в профессиональной сфере «человек-человек» (за пределами субкультуры глухих) являются, прежде всего, неразрешенные языко-

вые, коммуникационные, психологические, культурные, организационно-правовые, технические, технологические и др. барьеры между обществом и глухими.

Так, в литературе по проблеме исследования обращается внимание на относительно невысокий уровень грамотности большей части неслышащих россиян (указывается, в частности, что глухих, хорошо знающих жестовый язык, в нашей стране около 12% [17]; высшее профессиональное образование на начало 2016 г. имели около 3% опрошенных членов Всероссийского общества глухих (ВОГ), среднее специальное образование – 13% [1, с. 323] и т.п.). Основной причиной данной ситуации называют игнорирование РЖЯ при обучении глухих на различных этапах получения образования, в том числе и в процессе получения профессионального образования [20; 3 и др.]. Отсутствие адекватного погружения неслышащего ребенка в оптимальную развивающую среду не позволяет в полной мере раскрыть у него когнитивную функцию как жестового, так и словесного языков. В результате нередко встречается следующая ситуация: глухой человек, усвоив устную речь, научившись читать, писать, не соотносит в своем сознании значительную часть встречаемых слов с предметами, явлениями, которые данные слова обозначают [Цит. по: 14, с. 22; 17; 1]. Кроме того, поскольку вплоть до 2012 г. жестовый язык в Российской Федерации не имел юридического статуса языка, считаясь «средством межличностного общения» глухих [17], его формирование долгое время носило во многом неофициальный и практически неконтролируемый характер, что в свою очередь привело к появлению различных диалектов РЖЯ, а также к путанице и разночтениям, затрудняющим поиск универсальных переводческих решений [4, с. 67]. В связи с этим многие слова могут быть знакомы глухому человеку, но их первоначальный смысл при этом является утерянным (например, «уголовное дело» многими глухими будет восприниматься, как связанное с углом и т.п.) [4, с. 67]. Поэтому на протяжении ряда последних лет отечественные лингвисты указывают на необходимость выработки и внедрения определенных норм РЖЯ на всей территории российского государства. Взаимное непонимание глухого и слышащего также могут усугубить и такие особенности РЖЯ: существенное количество понятий, считающихся в устной речи многозначными, в жестовом языке передаются посредством одного конкретного по значению жеста; ряд слов не имеет в РЖЯ соответствующих им жестов и т.п. [4, с. 68].

Сами глухие россияне указывают, прежде всего, на психологические и организационно-правовые барьеры, препятствующие их успешной профессиональной адаптации (неумение и нежелание многих слышащих (в том числе и непосредственно в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей) адекватно взаимодействовать

с глухими людьми [Цит. по: 14, с. 14]; значительные ограничения для глухих в выборе будущей специальности; невысокий уровень школьного и профессионального образования глухих (в том числе и по причине нехватки в образовательной среде переводчиков РЖЯ) [3, с. 576–578]; крайне узкий перечень предложений на рынке труда для глухих специалистов (в основном предлагается «работа руками», которая далеко не всегда соответствует полученному профессиональному образованию) [3, с. 575]; отсутствие карьерных перспектив и механизмов институционализированной поддержки трудоустройства глухих (например, через образовательное учреждение среднего профессионального образования и т.п.) [3, с. 577]; необходимость получения индивидуальной программы реабилитации и абилитации (ИПРА), которая, по сути, определяет индивидуальные ограничения при приеме на работу [3, с. 581] (уточним, что в соответствии с современным российским законодательством человек с инвалидностью вправе отказаться от того или иного вида, формы и объема реабилитационных мероприятий, а также от реализации ИПРА в целом, но в этом случае он в большей или меньшей степени лишается определенных льгот и поддержки государства в вопросах реабилитации/абилитации) и др.).

Во многих случаях существенные ограничения возможностей глухих, в том числе и в профессиональной сфере, вызваны тем, что подавляющее большинство людей в обществе не владеют основными средствами альтернативной коммуникации глухих (национальным жестовым языком, дактилологией, калькирующей жестовой речью, кодом Лорма).

Вместе с тем, как неоднократно нами отмечалось, возрастающая визуализация социального пространства, совершенствование информационно-коммуникационных технологий и специальных ассистивных технологий для людей с нарушениями слуха все в большей степени позволяют преодолевать барьеры между обществом и глухими, значительно расширяя их коммуникационные, познавательные, образовательные, профессиональные и др. возможности [12, с. 86; 14, с. 15; 15, с. 169–170 и др.].

Кроме того, представляется важным обратить внимание на такую особенность глухих как способность ощущать себя более счастливыми, чем, например, люди с другими видами физических нарушений развития [9, с. 80]. Отталкиваясь от данной особенности глухих, можно предположить, что вероятность формирования более гармоничного профессионального «Я-образа» (как и «Я-образа» в целом), особенно в последние десятилетия, у глухого человека выше по сравнению с человеком, имеющим практически любой иной вид искаленной телесности. Соответственно, глухие в отличие от инвалидов других нозологических групп (слепых, слепоглухих, людей с нару-

шениями опорно-двигательного аппарата, людей с интеллектуально-ограниченными возможностями, людей с аутизмом) в современном мире зачастую менее подвержены профессиональной деформации.

Таким образом, с целью предупреждения и преодоления у глухого человека вторичных и третичных нарушений развития в обществе должны быть созданы оптимальные условия для его успешной социализации и инклюзии, предполагающие и его успешную профессиональную социализацию.

Немаловажное значение для создания социумом благоприятных условий профориентации, профессиональной подготовки и, непосредственно, трудовой деятельности глухих людей имеет формирование в общественном сознании адекватных представлений об особенностях и потенциальных возможностях профессионального сознания глухого человека и, соответственно, особенностях его процесса познания, сознания, языковой картины мира, актуальных способах коммуникации и т.п.

Поскольку у глухих людей размыты границы между иконической и языковой картинами мира, оптимальной развивающей средой для них является среда словесно-жестового двуязычия.

Очевидно, что во многих сферах профессиональной деятельности специфические когнитивно-лингвистические способности глухих могут являться определенным преимуществом, способствуя возникновению у них (при наличии особой одаренности и соответствующем уровне профессиональной подготовки) практически недоступных слышащим людям инсайтов (в первую очередь в инженерном, научном (особенно научно-техническом), художественном, педагогическом, психолого-педагогическом видах творчества).

При этом потенциально глухие люди все-таки способны реализоваться практически во всех сферах профессиональной деятельности. Тот факт, что глухой человек сталкивается с существенными трудностями при вхождении в то или иное профессиональное пространство, обусловлен барьерами, существующими между обществом и глухими (прежде всего, языковыми, коммуникационными, психологическими, культурными, организационно-правовыми, техническими, технологическими). Поэтому создание в обществе оптимальных условий профессиональной социализации глухих невозможно без преодоления данных барьеров.

В целом, глубокое понимание особенностей профессионального сознания глухого человека предполагает всестороннее исследование проблемы, т.е. взгляд на нее сквозь призму ряда теснейшим образом взаимосвязанных между собой научных дисциплин. В полном соответствии с тенденциями дифференциации и интеграции научного знания, количество данных дисциплин постоянно увеличивается, а границы между ними все

больше стираются, что выводит нас в междисциплинарную область исследования и, по сути, призывает подняться на философский уровень обобщения.

Литература

1. Базоев В.З. Билингвизм в образовании глухих: современные тенденции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. Вып. 4–2. С. 320–330.
2. Беляева О.Л. Специальные вербальные и невербальные средства обучения детей с нарушением слуха // Русский жестовый язык: законодательство, исследования, образование: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции (27 октября 2017 г.) / отв. ред. О.Л. Беляева, А.И. Картавцева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2017. – 180 с. – С. 5–15.
3. Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. 2019. 17 (4). 571–584 с.
4. Большаков Н. В., Колесников В.В. Опрос глухих в социологическом исследовании: когнитивные и коммуникативные аспекты // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. Т. 49. С. 57–83.
5. Борисова Л.В. Лингвофилософские аспекты русского жестового дискурса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 4 (12). С. 63–68.
6. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика [Текст]: учебное пособие для высших учебных заведений. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – 280 с.
7. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2004. – 192 с.
8. Комарова А.А. Редкая и востребованная профессия: переводчик жестового языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rabota.ru/articles/career/perevodchik-zhestovogo-yazika-4477> (дата обращения: 14.05.2019).
9. Меркт У. В чем заключается характерные особенности глухих и как почувствовать специфику их мира // Дефектология. 2005. № 2. С. 75–80.
10. Миронова С.П. Профессиональная сфера в концептуальной картине мира // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 3 (40). С. 27–32.
11. Нагорная Л.А. Оптимизация процесса профессиональной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья как направление

- социально-экономической политики современного российского общества // Социально-экономические процессы в условиях модернизации экономики: современные вызовы, глобальные трансформации и стратегические ориентиры развития: монография / [Агумбаева А.Е., Амирова Э.Ф., Беляева С.В. и др.]; Под ред. Подкопаева О.А. – Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2021. – 205 с. – С. 178–201. – URL: https://naucorp.ru/upload/iblock/f90/MONO-GRAFIYA-KM_02_21.pdf
12. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Социализация человека с ограниченными возможностями развития: прошлое, настоящее, сценарии будущего: монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – 422 с.
 13. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Анализ феномена профессиональной деформации сквозь призму понятий «телесность», «Я-образ», «искаленная телесность» // Научный журнал «Гуманитарный трактат». Кемерово, 2017. № 17. С. 48–52. – URL: <http://gumtraktat.ru/wp-content/uploads/v17.pdf>
 14. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Популяризация русского жестового языка как одно из условий инклюзии глухих людей в современном российском обществе // Философия и культура. 2020. № 6. С. 9–32. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.6.33346. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33346
 15. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Роль современных информационных технологий в процессе социализации глухого человека // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Международной научной конференции (23–24 октября 2020 г.). – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – 344 с. – С. 167–170.
 16. Панюков А. И., Панюкова Ю.Г. Образ пространственно-предметной среды как компонент образа мира // Теория и история. 2003. № 3. С. 106–114.
 17. Рыжаускас М. Мой первый язык – жестовый, второй – русский [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/perevodchik-s-zhestovogo-dolzhen-byt-lingvistom/> (дата обращения: 14.01.2019).
 18. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.06.2024).
 19. Цвык В.А. Профессиональное сознание личности: понятие и структура // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2004. № 1. С. 104–115.
 20. Ясин М.И. Глухие и слабослышащие студенты в системе инклюзивного высшего образования: возможности и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2019. Том 17. № 4. С. 601–614.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE FEATURES OF THE PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF A DEAF PERSON

Nagornaya L.A., Nagorny N.N.

Siberian Federal University, Siberian Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article argues that in order to create optimal conditions for the professional socialization of the Deaf people in society, adequate ideas about the features of professional consciousness and the process of cognition, consciousness, and the linguistic picture of the world of a Deaf person should be formed in the public consciousness of this society. It is emphasized that the most suitable educational environment for a Deaf person is the environment of verbal and sign bilingualism. It is shown that in many areas of professional activity, the cognitive and linguistic features of the Deaf people can be a certain advantage. It is also noted that Deaf people are potentially able to realize themselves in almost all areas of professional activity. The reasons for the difficulties existing in many countries with the adaptation of the Deaf people in a particular professional field are, first of all, unresolved linguistic, communication, psychological, cultural, organizational, legal, technical, technological, and other barriers between society and the Deaf people.

Keywords: professional consciousness, professional self-consciousness, professional socialization, Deaf person, verbal and sign bilingualism.

References

1. Bazoev V.Z. Bilingualism in the education of the deaf: current trends // Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2016. Issue. 4–2. pp. 320–330.
2. Belyaeva O.L. Special verbal and non-verbal means of teaching children with hearing impairment // Russian Sign Language: legislation, research, education: materials of the I Interregional Scientific and Practical Conference (October 27, 2017) / rep. ed. O.L. Belyaeva, A.I. Kartavtseva. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V.P. Astafieva, 2017. – 180 p. – P. 5–15.
3. Bolshakov N.V. “Hearing people have more opportunities for life”: problems of secondary vocational education of the deaf and hard of hearing // Journal of Social Policy Research. 2019. 17 (4). 571–584 pp.
4. Bolshakov N.V., Kolesnikov V.V. Survey of the deaf in sociological research: cognitive and communicative aspects // Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. 2019. T. 49. pp. 57–83.
5. Borisova L.V. Linguistic and philosophical aspects of Russian gestural discourse // Economic and social-humanitarian studies. 2016. No. 4 (12). pp. 63–68.
6. Dzyuba E.V. Cognitive linguistics [Text]: textbook for higher educational institutions. – Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2018. – 280 p.
7. Zaitseva G.L. Sign language. Dactylogy: a textbook for students. higher textbook establishments. – Moscow: Humanit. published VLADOS center, 2004. – 192 p.
8. Komarova A.A. Rare and in demand profession: sign language interpreter [Electronic resource]. – URL: <https://www.rabota.ru/articles/career/perevodchik-zhestovogo-yazika-4477> (date of access: 05.14.2019).
9. Merkt U. What are the characteristic features of the deaf and how to feel the specifics of their world // Defectology. 2005. No. 2. P. 75–80.
10. Mironova S.P. Professional sphere in the conceptual picture of the world // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2012. No. 3 (40). pp. 27–32.

11. Nagornaya L.A. Optimization of the process of professional adaptation of people with disabilities as a direction of socio-economic policy of modern Russian society // Socio-economic processes in the context of economic modernization: modern challenges, global transformations and strategic guidelines for development: monograph / [Agumbaeva A.E., Amirova E.F., Belyaeva S.V., etc.]; Ed. Podkopaeva O.A. – Samara: LLC Scientific Research Center “PNK”, 2021. – 205 p. – pp. 178–201. – URL: https://naucorp.ru/upload/iblock/f90/MONOGRAFIYA-KM_02_21.pdf
12. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Socialization of a person with disabilities: past, present, future scenarios: monograph. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2011. – 422 p.
13. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Analysis of the phenomenon of professional deformation through the prism of the concepts of “corporality”, “I-image”, “crippled physicality” // Scientific journal “Humanitarian Treatise”. Kemerovo, 2017. No. 17. pp. 48–52. – URL: <http://gumtraktat.ru/wp-content/uploads/v17.pdf>
14. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Popularization of Russian sign language as one of the conditions for the inclusion of deaf people in modern Russian society // Philosophy and culture. 2020. No. 6. pp. 9–32. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.6.33346. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33346
15. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. The role of modern information technologies in the process of socialization of a deaf person // Psychosocial adaptation in a transforming society: subject-subject communication as a factor in the socialization of the individual: materials of the V International Scientific Conference (October 23–24, 2020 G.). – Minsk: Belarusian State University, 2020. – 344 p. – pp. 167–170.
16. Panyukov A. I., Panyukova Yu.G. The image of the spatial-object environment as a component of the image of the world // Theory and history. 2003. No. 3. pp. 106–114.
17. Ryzhauskas M. My first language is sign, the second is Russian [Electronic resource]. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/perevodchik-s-zhestovogo-dolzhn-byt-lingvistom/> (access date: 01/14/2019).
18. Federal Law of November 24, 1995 No. 181-F3 “On the social protection of disabled people in the Russian Federation” (as amended on May 29, 2024) // ConsultantPlus: reference legal system [Electronic resource]. – URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 06/17/2024).
19. Tsvyk V.A. Professional consciousness of the individual: concept and structure // Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University. Series: Philosophy. 2004. No. 1. P. 104–115.
20. Yasin M.I. Deaf and hard of hearing students in the system of inclusive higher education: opportunities and barriers // Journal of Social Policy Research. 2019. Vol. 17. No. 4. pp. 601–614.

**Этнокультура и искусство как отражение национальной идентичности:
инновационные подходы художников Кыргызстана****Кадыгрова Валерия Игоревна,**

главный специалист отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, аспирант Института философии им. Академика А.А. Алтмышбаева, Национальная академия наук Кыргызской Республики
E-mail: kadygrova.v.i@gmail.com

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Байбосунова Гулзат Усонбековна,

старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: gulzatbaibosunova@gmail.com

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Данное исследование посвящено глубокому анализу роли художественного творчества в формировании и отражении национальной идентичности кыргызского народа. В фокусе внимания находятся новаторские идеи и инновационные подходы, которые демонстрируют современных мастера изобразительного искусства Кыргызстана (Киргизии), в частности, работы Г. Айтиева, С. Чуйкова, К. Шкурпелы и др. Авторы статьи исходят из того, что искусство является одним из ключевых элементов этнокультурного самовыражения народа. Через призму художественного видения раскрывается уникальное миропонимание кыргызов, их ценности, традиции и духовные устремления. Инновационные художественные концепции, разрабатываемые мастерами, служат действенным средством утверждения и трансляции национальной идентичности. В работе рассматриваются яркие примеры новаторских тенденций в кыргызском изобразительном искусстве, демонстрирующие стремление художников к переосмыслению этнокультурного наследия, поиску современных форм его репрезентации. Особое внимание уделяется тому, как художественные прорывы мастеров Кыргызстана способствуют укреплению национального самосознания, сохранению культурной самобытности в эпоху глобализации. Результаты исследования представляют теоретическую и практическую ценность для углубленного понимания роли искусства в процессах национальной идентификации, а также могут быть использованы в сфере культурной политики и образования.

Ключевые слова: этнокультура, культура, искусство, кыргызское искусство, современное искусство, инновация, идентичность, национальная идентичность, художники, Кыргызстан, модернизм, постмодернизм.

Введение

В условиях глобализации и активного взаимодействия с другими культурами стало особенно важно для Кыргызстана выразить свой уникальный взгляд на мировоззренческие вопросы, гуманитарные и культурные ценности. Этнокультурное самоопределение стало актуальной задачей в условиях все более активно внедряющего свои ориентиры внешнего мира.

В современную эпоху изобразительное искусство стало сосредоточено на следующих определяющих вопросах: во-первых, переосмысление культурного наследия как средства формирования национальной идентичности; во-вторых, изучение экзистенциальных проблем человеческого бытия для углубления понимания себя и своего места в мире; в-третьих, сочетание глобальных и локальных влияний, что приводит к самобытным художественным выражениям в разных культурных регионах. Эти тенденции демонстрируют важную роль изобразительного искусства в формировании понимания мира и самих себя, отражая как универсальные человеческие переживания, так и уникальные культурные перспективы.

Так, необходимо учитывать, что в культурной истории народов всегда действовали два источника: эндогенный и экзогенный. И чем дальше продвигались народы по пути прогресса, тем шире шло заимствование ими друг у друга социально-культурных и научно-технических достижений. Для социокультурного прогресса народов всегда имела значение рецепция по горизонтали (восприятие и освоение инонациональных духовных ценностей) наряду с рецепцией по вертикали (освоением наследия прошлого) (размышления мои. – Д. Б.).

Интеграция Кыргызстана в мировое сообщество после падения «железного занавеса» имела значительное влияние на развитие искусства в стране. Художники республики получили возможность сравнивать свое искусство с другими национальными культурами, что способствовало саморефлексии и оценке собственной уникальности. Возросший поток информации о художественных инновациях XX в. вдохновил кыргызстанских художников на эксперименты и освоение новых творческих практик. Несмотря на влияние западных и восточных инноваций, изобразительное искусство Кыргызстана сохранило свою самобытность и высокий профессиональный уровень.

Эти факторы свидетельствуют о том, что кыргызстанское искусство адаптировалось к глобализации, сохранив при этом свою уникальную идентичность и продолжая вносить вклад в мировой художественный диалог.

Значимость творческой индивидуальности в кыргызском искусстве XX века и ее связи с развитием искусствознания не теряет своей актуальности и по сей день. Так, изучение мирового художественного процесса и учет культурных особенностей различных народов необходимы для понимания уникальности и вклада кыргызстанских художников. В условиях глобализации становится все более важным понимание роли кочевых культур в истории и современном искусстве Евразии. Исследование диалога культур Запада и Востока позволяет по-новому взглянуть на место кыргызского искусства в мировой художественной системе.

Известный британский искусствовед Дана Ребекка Арнольд переосмысливает и развивает концепцию французского живописца Эдгара Дега. Речь идет о том, что «искусство не то, что вы видите, но то, что заставляете увидеть других» [1, с. 6]. По этому поводу Д. Арнольд пишет: «Что мы видим, созерцая художественное произведение? Создатели и зрители по-разному смотрят на один и тот же объект. Восприятие представителей разных культур и эпох еще более различается. Нам нравится думать о предметах искусства как о вечных. Что их смысл, значение и содержание для человечества неизменны. Мы приписываем визуальному материалу независимое существование. Считаем, что произведения искусства сами по себе заставляют нас по-новому видеть мир. Но, главное, мы способны наслаждаться самим созерцанием таких предметов. Воспринимать объекты искусства как таковые, даже если неизвестны условия их создания. Посещение галереи воскресным вечером может стать источником глубоко личного эстетического удовольствия. Любуясь произведениями искусства, мы чувствуем себя лучше» [1, с. 7]. Похожие рассуждения можно обнаружить в книге «Экологический подход к зрительному восприятию» американского психолога Дж. Гибсона. «Картины – еще более подходящий объект для восприятия, чем слова. С их помощью легче разбудить воображение, вызвать воспоминания, сформировать ожидания. Того, кто написал картину, и того, кто воспринимает ее, могут разделять двадцать или тридцать тысяч лет. Наряду с языком живопись – это достижение, которым люди могут гордиться. Мастера изобразительного искусства вызывают в нас переживания того, что они увидели, обнаружили, вспомнили или вообразили, и при этом передают информацию, не преобразуя ее в другую форму» [2, с. 371–372], – подчеркивает специалист по проблемам восприятия Дж. Гибсон. В цифровую эпоху подобные научные подходы и сами теории восприятия продолжают

вызывать интерес среди кыргызстанских исследователей.

Важнейшими особенностями культуры как динамичной системы достижений мирового сообщества в познании, освоении и преобразовании мира искусства являются навыки и способы организации связей между людьми, которые обеспечивают коммуникацию между индивидами внутри одной культуры, между непохожими художниками или великими мыслителями, подвергающими обсуждению широкий круг глобальных проблем, на уровне межкультурного общения и даже между растянутыми во времени поколениями, представляющими собой диалог разнообразных культур, включающий в себя прошлое, настоящее и элементы будущего. Отдельный человек, являясь существом биосоциальным, вступая в коммуникацию с представителем иной культуры, всегда «диалогизирует» от имени своей культурной общности, так называемого социального «мы», в контексте которого произошло его становление как личности – социально-психологической сущности человека, т.е. абстракция, которая конкретизируется в реальных индивидах, в частности как индивидуальное выражение общественных отношений и функций людей (размышления мои – Д. Б.).

Методы и методология исследования

При написании статьи был использован широкий спектр методов и источников, позволившим получить всестороннее представление о новаторских художественных идеях художников Кыргызстана и их вкладе в национальную идентичность. В частности, сравнительно-исторический метод позволил сравнивать кыргызское искусство с другими культурами и выявлять его уникальные особенности; историко-типологический метод помог определить общие закономерности развития кыргызского искусства в контексте мирового художественного процесса; персонологический метод сфокусирован на изучении творческой индивидуальности отдельных художников и их вклада в сохранение национальной идентичности; герменевтический метод позволил интерпретировать произведения искусства и понять их значение в культурном контексте.

Результаты и обсуждения

Творчество художников Кыргызстана нужно, безусловно, рассматривать в контексте синтеза культур. Художники Кыргызстана, освоив достижения русской реалистической школы, интегрировали в свое творчество элементы кыргызского народного прикладного искусства. Этот синтез проявился в ясности композиции, сдержанной декоративности, гармонии колористики и монументальной строгости образов.

Пионер кыргызской живописи Г. Айтиев творчески переосмыслил достижения советского

и русского искусства, а также традиционные эстетические представления своего народа. Его произведениям присуще органичное сочетание интернационального и национального содержания, отражающего современную жизнь Кыргызстана. Интеграция художественных традиций позволила художникам Кыргызстана создать уникальное и самобытное искусство, которое в полной мере отражает культурную идентичность республики.

Взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур в рамках социалистической системы способствовали углублению интернационализации искусства. Общая экономика, идеология, равноправие и свободное развитие наций и народностей создавали условия для творческого обмена и взаимовлияния. Ярким примером этого процесса является творчество русского художника С.А. Чуйкова, родившегося и выросшего в Киргизии. Глубоко понимая кыргызский национальный характер, Чуйков сумел достоверно передать не только внешний облик кыргызов, но и их духовный мир. Примечательны слова член-корреспондента АН Киргизской ССР А. Салиева о творчестве С.А. Чуйкова: «Художник великолепно передает присущие именно им оттенки загара и рисунок морщин на лицах, своеобразии улыбки и свечение глаз, позы и жесты, манеру носить одежду и держать предметы в руках, говорить и слушать. С.А. Чуйков достигает этого прежде всего благодаря тому, что он сжился со всем складом бытия и жизнедеятельности киргизов и ему стали родными не только их внешний мир, но и их ощущения и непонимание, – он воспринимает и переживает явления жизни так, как они. Поэтому, в свою очередь, и киргизы смотрят на его картины как на творения своего родного художника» [3, с. 27]. Произведения Чуйкова, таким образом, демонстрируют органичный синтез русской реалистической школы и кыргызских художественных традиций. Они являются ярким свидетельством того, что художник иной национальности способен глубоко проникнуть в духовные особенности другой культуры и выразить их в своем творчестве.

Специфика изобразительного искусства Кыргызстана заключалась в попытке одновременного поиска идентичности в парадигмах модерна и постмодерна. С одной стороны модернизм, с его акцентом на индивидуальном самовыражении и экспериментировании, привлек кыргызстанских художников в силу его противопоставления канонической гармонии советской классики, что позволило им выразить свои уникальные культурные и личные перспективы.

С другой стороны – постмодернизм, с его отказом от единой истины и акцентом на фрагментарности и иронии, также повлиял на кыргызстанское искусство. Он позволил художникам критически осмыслить советское прошлое и исследовать сложную и противоречивую природу идентичности. Стремление переосмыслить советское про-

шлое, поставить как пример для подражания или наоборот высмеять идеи, которые на сегодняшний день кажутся абсурдными, в своих картинах изображает Константин Шкурпела. Он не ограничивается кистью и холстом в своих концепциях, используя листы газеты «Труд», цитаты из Ленинских сочинений и всякую отжившую свой век вещь, будь то лампа, дверная ручка, радиодетали и прочее.

Попытка кыргызстанских художников найти идентичность в парадигмах модерна и постмодерна, несмотря на их кажущиеся противоречия, свидетельствует об их желании создать уникальный и самобытный стиль. Они не ограничиваются одним художественным течением, а скорее черпают вдохновение из обоих, создавая динамичную и многогранную художественную сцену. Этот одновременный поиск отражает сложность и многослойность кыргызского общества. Художники стремятся осмыслить как свое культурное наследие, так и глобальные художественные тенденции, создавая произведения искусства, которые резонируют с их личным опытом и в то же время отражают более широкий контекст.

Как было отмечено ранее, в 1990-х годах Кыргызстан переживал значительные социальные и политические потрясения после обретения независимости. Эти изменения привели к чувству неопределенности и потере надежды среди населения. Многие люди почувствовали себя потерянными и изолированными в меняющемся мире. Модернистский человек, оставшийся в одиночестве после «обрушения мира», стал типичным представителем кыргызского общества. Его мысли, ощущения и предчувствия нашли отражение в произведениях признанных живописцев, скульпторов, графиков и представителей современного искусства. Эти художники исследовали темы отчуждения, изоляции и неопределенности. Они использовали различные техники и стили, чтобы выразить сложные и противоречивые эмоции времени. Их произведения искусства отражали реальность жизни в Кыргызстане в переходный период, вызывая резонанс у зрителей, которые находились в подобном состоянии. Таким образом, отсутствие «надежды» и «завтра» в модернизме нашло отклик в общественной и художественной ситуации Кыргызстана в 1990-х годах. Модернизм отверг традиционные представления о надежде и упорядоченности мира. В результате модернистский человек оказался в одиночестве, лишенный веры и чувства направления. И это состояние отразилось в произведениях искусства того времени, которые часто выражали отчуждение, изоляцию и чувство неопределенности.

Потрясения в сфере искусства, и не только, произошли после 2005 года. Искусство этого периода стало важным свидетельством социальных, политических и психологических изменений, происходивших в Кыргызстане. Как отмечал из-

вестный культуролог У. Джапаров, мы находились «в состоянии перманентного хаотического брожения, когда все смешалось в некоем сюрреалистическом коллаже: разные времена, ценности, понятия. Наружу вылезали дремавшие прежде атавистические инстинкты и демонические силы, которые, в прочем, пытаются найти для себя приемлемые «цивилизационные формы». И нас как в водовороте засасывает непонятная стихия обстоятельств и чужих глобальных интересов...» [4]. Трудность «переправы» – продолжал У. Джапаров, – «заключается в том, что за спокойным ходом событий скрывается огромное внутреннее напряжение, подспудно происходят какие-то неведомые мутации. Мы постоянно находимся в каком-то подвешенном состоянии «ожидания»: то ли очередного светлого будущего, то ли мощного социального катаклизма» [4, с. 4]. Оно продолжает служить напоминанием о трудностях и надеждах того времени.

Таким образом, интерес к модернизму в Кыргызстане был обусловлен рядом факторов, включая: во-первых, во времена Советского Союза социалистический реализм был единственным приемлемым художественным стилем. Модернизм и другие авангардные движения считались буржуазными и формалистическими и, следовательно, были не в почете, что создавало некоторые препятствия для художников, желающих изучать и практиковать модернизм.

Во-вторых, выход за рамки социалистического реализма. После обретения Кыргызстаном независимости художники получили возможность выйти за рамки ограничений социалистического реализма. Модернизм, с его акцентом на индивидуальном самовыражении и экспериментировании, стал привлекательным вариантом для многих идеалистически настроенных художников, желающих исследовать новые способы художественного самовыражения.

В-третьих, осознание уникального места в глобальных художественных течениях. Изучение модернизма также позволило художникам Кыргызстана осознать свое уникальное место в глобальных художественных течениях. Они смогли подключиться к международному художественному дискурсу и найти свое место среди других художников, также работающих в рамках модернизма и других авангардных стилей.

В-четвертых, поиск идентичности. Поиски идентичности кыргызского изобразительного искусства в традиции модернизма были естественным проявлением этого интереса к инновационным способам художественного самовыражения и осознания своего места в глобальном художественном сообществе. Модернизм предоставил кыргызстанским художникам платформу для выражения своих уникальных культурных и личных перспектив и создания произведений искусства,

которые резонировали как с местной, так и с международной аудиторией.

Изучение и практика модернизма оказали глубокое влияние на развитие кыргызстанского изобразительного искусства. Это помогло художникам развить уникальный и самобытный стиль, который отражает их культурное наследие и место в современном мире.

Заключение

Художественное наследие кыргызстанских новаторов продолжает вдохновлять современных художников и служит источником гордости для кыргызского народа. Их произведения сохраняют культурную самобытность Кыргызстана и вносят значительный вклад в развитие национальной идентичности. Таким образом, новаторские художественные идеи кыргызстанских художников сыграли неоценимую роль в формировании и укреплении национальной идентичности Кыргызстана. Их произведения отражают уникальные особенности кыргызской культуры и истории, способствуют национальному самосознанию и пользуются международным признанием. Наследие этих художников продолжает вдохновлять и обогащать культурную жизнь Кыргызстана.

Литература

1. Арнольд Д. Говорит и показывает искусство. Что объединяет шедевры палеолита, эпоху Возрождения и перформансы / Д. Арнольд; пер. с англ. А. Ландиховой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 192 с.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ. Т.М. Сокольской; общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
3. Салиев А. К проблеме единства национального и интернационального в искусстве / А. Салиев // *Вопр. философии.* – 1972. – № 4. – С. 27.
4. Dzhaparov U. Difficult crossing / U. Dzhaparov // *Kurak. Central Asian almanac: Art and society.* – 2007. – № 2 (18).

ETHNOCULTURE AND ART AS A REFLECTION OF NATIONAL IDENTITY: INNOVATIVE APPROACHES OF ARTISTS OF KYRGYZSTAN

Kadygrova V.I., Apsamatova E.D., Baibosunova G.U., Brusilovskii D.A.

Kyrgyz-Russian Slavic University, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn

This study is devoted to an in-depth analysis of the role of artistic creativity in the formation and reflection of the national identity of the Kyrgyz people. The focus is on innovative ideas and innovative approaches that are demonstrated by contemporary masters of fine art from Kyrgyzstan (Kyrgyzstan). The authors of the article proceed from the fact that art is one of the key elements of the ethnocultural self-expression of the people. Through the prism of artistic vision, the unique worldview of the Kyrgyz people, their values, traditions and spiritual aspirations is revealed. Innovative artistic concepts developed by masters serve as an effective means of affirming and transmitting national identity. The work examines striking examples

of innovative trends in Kyrgyz fine arts, demonstrating the desire of artists to rethink the ethnocultural heritage and search for modern forms of its representation. Particular attention is paid to how the artistic breakthroughs of the masters of Kyrgyzstan contribute to the strengthening of national identity and the preservation of cultural identity in the era of globalization. The results of the study are of theoretical and practical value for an in-depth understanding of the role of art in the processes of national identification, and can also be used in the field of cultural policy and education.

Keywords: ethnoculture, culture, art, Kyrgyz art, contemporary art, innovation, identity, national identity, artists, Kyrgyzstan, modernism, postmodernism.

References

1. Arnold D. Speaks and shows art. What unites the masterpieces of the Paleolithic, the Renaissance and performances / D. Arnold; lane from English A. Landikhova. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. – 192 p.
2. Gibson J. Ecological approach to visual perception / trans. from English T.M. Sokolskaya; total ed. and entry Art. A.D. Logvinenko. – M.: Progress, 1988. – 464 p.
3. Saliev A. On the problem of national and international unity in art / A. Saliev // Issue. philosophy. – 1972. – No. 4. – P. 27.
4. Dzhaparov U. Difficult crossing / U. Dzhaparov // Kurak. Central Asian almanac: Art and society. – 2007. – No. 2 (18).

Экспедиционная деятельность Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов: философско-культурологический анализ представления достижений научной деятельности

Мельников Владимир Леонидович,

кандидат культурологии, докторант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: msssm9@yandex.ru

В статье раскрыты основные цели, научные проблемы и методы, задачи и значимые результаты Комплексной Центральноазиатской историко-археологической и историко-библиографической экспедиции в научном направлении Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов. Яркие результаты научной экспедиционной деятельности на Алтае и в Монголии, содержание которой базируется на рериховских идеях, представлены расширенной географией полевых исследований, выставками и систематизацией рериховского наследия.

Предметом текущего исследования является научная экспедиционная деятельность Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов; объектом – содержание её организации. Цель статьи – раскрыть основные цели, научные проблемы и методы, задачи и значимые результаты Комплексной Центральноазиатской историко-археологической и историко-библиографической экспедиции в научном направлении Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов. Новизна исследования заключается в представлении оснований и достижений научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов, которая внесла значительный вклад в систематизацию рериховского наследия.

Ключевые слова: рериховское наследие; научная экспедиция; Центральная Азия; археология; просвещение.

Введение

Актуальным являются исследования, способные осветить дальнейший этногенез народов России и ближайших её соседей во всём их культурном единстве и многообразии по пути мира, согласия и взаимного уважения. В этой связи важным является многонациональное и многовекторное сотрудничество, которое способно достичь данные результаты. Примером такого сотрудничества является Комплексная Центральноазиатская историко-археологическая и историко-библиографическая экспедиция 2001–2018 гг. (далее – научная экспедиционная деятельность), которая проводилась в тесном сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и научными центрами Новосибирска, Иркутска, Горно-Алтайска, Барнаула, Кызыла, Улан-Батора, Ашхабада и других городов Азии. Научная экспедиционная деятельность была организована Санкт-Петербургским государственным музеем-институтом семьи Рерихов (далее – музея-института семьи Рерихов), основанным 11 мая 2001 г., работа которого в значительной степени опирается на американский опыт основанных Рерихами учреждений, использует в экспозиционной и научной работе сохранившиеся в американских музеях, институтах и архивах рериховские материалы, посвящает значительную часть своих экспедиционных поездок изучению, систематизации и популяризации рериховского наследия в США [1, с. 361–375].

Программа научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов, ставшего в 2007 г. государственным бюджетным учреждением культуры, изначально была сформулирована при участии доктора искусствоведения Евгения Палладиевича Маточкина (1942–2013). Благодаря данному научному консультанту с самого начала экспедиционная работа развивалась, по его меткому выражению, «в духе рериховских научных идей» [3, с. 605], и была обусловлена как мемориальным профилем учреждения, сочетающем научную и просветительскую компоненты, так и основными направлениями научных интересов Рерихов. Основными разработчиками Программы являлись его директор и один из основателей, кандидат физико-математических наук Алексей Анатольевич Бондаренко (род. 1964), научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН Алексей Анатольевич

Ковалёв (род. 1963) и автор данной публикации Владимир Леонидович Мельников (род. 1970).

Ежегодные экспедиции были необходимы не только для пополнения фондов и экспозиций; в музее-институте семьи Рерихов они наполняли реальным содержанием культурологические исследования, ставящие своей целью понимание как отечественной культуры, так и иных культур. Предметом же культурологических исследований данного музея-института всегда являлось содержание общественной жизни как современности, так и прошлых, уже исчезнувших эпох. И здесь невозможно было обойтись без возможностей археологической науки. Николай Константинович Рерих (1874–1947) неоднократно подчёркивал культурную функцию археологии как науки, способной преодолеть всякого рода «бытописательские» апории и стать основой «для познания истинной истории человечества» [9, с. 282]. Для этого необходимо освоить взаимодополнительные познавательные процедуры и развить способности прямого, непосредственного поиска истины. Н.К. Рерих, как никто другой из его современников, обладал такими способностями.

Данная программа также объединила усилия целого ряда учреждений и организаций из России и её ближайших азиатских соседей: Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Алтайского государственного университета, Иркутского государственного политехнического университета, Улан-Баторского государственного университета, Института истории Академии наук Монголии, Международной ассоциации монголоведения и многих других. В исследованиях принимали участие такие выдающиеся учёные-археологи, как Е.В. Бобровская, Н.А. Боковенко, А.В. Варенов, С.П. Грушин, А.А. Иконников-Галицкий, А.А. Ковалёв, А.В. Луньков, А.Б. Никитин, А.Н. Панфилов, Н.Н. Серёгин, Н.Ф. Соловьёва, Н.А. Сутягина, А.А. Тишкин, Г.В. Туркин, А.В. Харинский, К.В. Чугунов, В.М. Шайхутдинов, А.Б. Шиянова, Е.В. Шлепова и Д. Эрдэнэбаатар. В процессе выполнения программы были учтены предшествующие работы В.Д. Кубарева, В.С. Ларичева, Е.П. Маточкина, В.И. Молодина, О.В. Лазаревич, П.П. Лабецкого, А.М. Решетова, Л.В. Шапошниковой и др.

Основные цели научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов

Выделяется одна из важных научных целей, которую ставил перед собой Н.К. Рерих: проследить путь арийских племён на необъятных просторах Евразии. «К сердцу Азии потянуло уже давно», – вспоминал Н.К. Рерих в 1937 г. в «Листах дневника». И далее: «Из Сибири приезжали профессора Томска, и все толковали об азиатских глубинах ... Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным ...» [8, с. 114].

Новые исследования в Азии по Программе были выстроены на основе определённых рериховских «памяток». Во-первых, это материалы ежегодных отчётных выставок Императорской Археологической комиссии, где демонстрировались находки Н.К. Рериха и относящиеся к теме переселения народов экспонаты (1890–1910-е гг.). Во-вторых, выявленные Н.К. Рерихом насыпи над источниками в Петербургской губернии в 1894–1897 гг. (спустя десятки лет он сравнил их с подобными объектами в Центральной Азии) и самые разнообразные сведения о «великих путниках» на страницах археологических изданий конца XIX – начала XX в. В-третьих, результаты тесного сотрудничества Н.К. Рериха с востоковедом-археологом Николаем Ивановичем Веселовским (1897–1903).

К указанным «памяткам» можно также отнести следующие факты: собственная находка Н.К. Рериха – медная пряжка от пояса с фигурами зверей, найденная им на Дону против устья Хопра, на Сторожевой горе; посещение Рерихами музеев Парижа, Берлина, Бонна и т.д., где имелись соответствующие экспонаты. К подобным фактам отнесены занятия Н.К. Рериха и его брата, архитектора-художника Бориса Константиновича Рериха (1885–1945) в 1905 г. в перспективном в археологическом отношении районе на территории бывшей Воронежской губернии (Бобровский уезд). Другой пример фактов – сотрудничество Н.К. Рериха с историком искусства и археологом Борисом Владимировичем Фармаковским (1870–1928), который в своём труде «Архаический период в России» (1914), использовал графическую реконструкцию Майкопского кургана, выполненную Н.К. Рерихом в 1897 г. со слов Н.И. Веселовского. Важным является изучение Н.К. Рерихом южнорусской коллекции из раскопок К. А. фон-Мерса в Кубанской области (1911); археологическая разведка Н.К. Рерихом крепости Боргустан на Рим-горе в окрестностях Кисловодска (1913); его выступление в защиту дольменов на черноморском побережье Кавказа (1917) [4]. Как видим, ещё до отъезда из России в 1918 г. Н.К. Рерих интересовался темой «великих путников», чтобы потом на месте заняться её изучением.

Следующая сформулированная Н.К. Рерихом цель тесно связана с предыдущей: найти прародину человеческой культуры. Но к ней он пришёл после многолетних исследований на родине. Археологическая практика навела его на мысль о неслучайности сходства определяющих признаков разных культур, таких как художественное творчество, предания, традиции, священная символика и т.д. И уже в России Рерих подошёл к обобщённому решению: «Сердце Азии является как бы и сердцем мира ... Поищем внимательно и найдём ко многому истоки всё-таки в Азии» [8, с. 114].

Новые иллюстрации этой мысли могли дать только актуальные археолого-этнографические и историко-художественные исследования в тех

регионах Азии, которые были отмечены археологической разведкой во время Центральноазиатской экспедиции 1923–1928 гг. под общим руководством Н.К. Рериха, при научном руководстве его сына, известного востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902–1960). Последний так сформулировал главную цель Центральноазиатской экспедиции Рерихов: «создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии» [11, с. 4]. Эту же цель как дополнительную призвана была достичь и научная экспедиционная деятельность музея-института семьи Рерихов, использующая тот же «панорамный» метод Рерихов в научно-художественном исследовании отдельно взятого региона, народа или культуры, дополняя его искусством фотографии и средствами медиааппаратуры.

Научные проблемы и методы научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов

В научной экспедиционной деятельности музей-института семьи Рерихов стремился сконцентрировать усилия вокруг следующих научных проблем, которые ставили перед собой и Рерихи: Центральная Азия как генератор народов, культур, художественных и общественных инноваций; Россия как продукт Центральноазиатской цивилизационной общности народов; Единство и различие Центральноазиатской и Западноевропейской цивилизаций.

За 2001–2018 гг. экспедиция музея-института семьи Рерихов проделала значительную работу по изучению миграций народов в бронзовом веке из Западной Европы в Урало-Алтайский регион Азии и по исследованию формирования скифской цивилизации на территории Алтая и последующему возвращению к местам древней ойкумены на Запад. Особое внимание было обращено на памятники Монголии, Китая, Индии, Непала, Бутана, Пакистана, Туркменистана, включая Западный Тибет и смежные регионы Азии (Ладакх, Лахул, Сикким, Захор и пр.), которые в будущем планировалось включить в дальнейшие экспедиционные разработки. При этом разработчики Программы научной экспедиционной деятельности всегда отталкивались от материалов Рерихов, собранных ими в 1928–1944 гг. в пространстве Гималайского исследовательского института «Урусвати» на севере Индии, в современном индийском штате Химачал Прадеш, в селении Наггар в долине Кулу (Куллу).

Разделяя взгляды отца на необходимость выяснения подлинной картины древней культуры Центральной Азии с помощью многообразных подходов и материалов (археологических раскопок, изучения надписей, летописей, литературы и фольклора, прикладного искусства и архитектуры) именно Ю.Н. Рерих разработал научную про-

грамму «Урусвати». Для него развитие науки неразрывно связано с историей человеческого самопознания и совершенствования, поэтому и деятельность Гималайского института он изначально соотносил с этими идеями с опорой на археологию и естественные науки. По его словам, в «Урусвати» «рождается новый тип научного исследования ..., который уникально продуктивен и практически не приносит напрасных издержек» и при котором «научные исследования Запада базируются на культуре Востока» [12, с. 201–202].

Именно развитие концепции рериховского продуктивного метода исследований, принятого в «Урусвати», и было заложено в основу научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов. Для этого все дальнейшие планы и программы конкретных полевых работ соотносились с опытом Гималайского института, содержанием его деятельности, взаимодействием с другими институтами, памятью о людях, так или иначе сотрудничавших с ним.

Исследуемая научная экспедиционная деятельность призвана развить многозначные мысли Рерихов об истории и историографии, уже рассмотренные в наше время в отдельных трудах. Современный историк науки А.Н. Сидоров справедливо сделал вывод о понимании Н.К. Рерихом истории как истории культуры, и прежде всего, культуры духовной [13]. В этом ему вторили петербургские универсанты А.А. Никонова и А.Д. Столяр, когда писали, что уже в молодости основой концепции Н.К. Рериха «служит положение о духовной сущности человеческого феномена, сложившегося исторически» [5, с. 101–102]. В своём исследовании А.Н. Сидоров обозначил два блока проблем, связанных с формированием и развитием исторических взглядов Н.К. Рериха: историческая наука рубежа XIX–XX вв. и исторические воззрения Рериха; эволюция историософских взглядов художника и художественных средств, приёмов, тематики его произведений. Эти проблемы нашли отражение в изданиях, подготовленных по материалам историко-библиографической части исследуемой Программы.

Основные задачи научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов

Научная экспедиционная деятельность музея-института семьи Рерихов призвана помочь комплексному исследованию различных проблем исторической науки. Н.К. Рерих сформулировал ряд задач, решение которых, по его мнению, откроет перед историками новые горизонты. Среди них первоочередная задача – изучение актов помощи в истории, о чём Н.К. Рерих писал так: «Мысленно просматривая разные периоды всемирной истории ... сразу припоминаются многие ... деяния помощи доброй. Очень поучительны были бы итоги, на какой народ больше бы пришлось этой помощи доброй»

[7, с. 185]. В этом отношении экспедиция на месте служит прежде всего поиску истины, когда находка подлинного древнего артефакта или редкого автографа часто важнее целой библиотеки позднейших письменных перетолкований.

В качестве конкретных задач научной экспедиционной деятельности, действующей в духе рериховских идей, к 2008 г. были названы следующие:

- исследование погребально-поминальных комплексов, культовых сооружений, выявление и фиксация распределения археологических памятников других типов на всём протяжении азиатских экспедиций Н.К. Рериха 1920–1930-х годов; их фотографирование, инструментальная съёмка в регионах, близких маршрутам Рерихов (например, у деревни Чкаловка Пий-Хемского района Республики Тува, в отдельных пунктах Прихубсугуля и Западной Монголии, в том числе в Ховдском аймаке, и др.);
- осмысление и включение в общий культурный контекст Древнего Востока эпохи энеолита ярких, проливающих свет на духовную сторону жизни древних земледельцев Центральной Азии материалов (на примере раннеземледельческого поселения эпохи энеолита Илгынлы-депе на юге Туркменистана, где выявлены уникальные произведения искусства, детали архитектуры и другие объекты неутилитарного, в том числе сакрального, характера);
- реконструкция хозяйственных систем и идеологических представлений членов древних обществ и развитие культур Центральной Азии;
- изготовление полевых чертежей планов и разрезов погребально-поминальных комплексов и коррелирование их с аналогичной полевой документацией Рерихов;
- разработка методических концепций и планов конкретных исследовательских работ с учётом опыта полевых исследований Н.К. Рериха и Ю.Н. Рериха;
- составление научных справок об истории археологического изучения регионов в течение XIX–XX вв/ в зоне рериховских экспедиций 1920–1930-х гг., в том числе сбор информации и подготовка историографических обзоров, визуальное обследование упоминаемых в литературе типов памятников в ходе полевых исследований, обработка полученных материалов (на примерах Турано-Уюкской котловины Республики Тыва, Прихубсугуля, Прибайкалья, Присаянья, Северной и Западной Монголии и т.п.);
- архивные и искусствоведческие исследования с целью уточнения имеющихся данных о наличии в музеях, научных учреждениях и частных собраниях Центральной Азии предметов рериховского наследия: картин, архивов, коллекций и др. (например, в Национальном музее изобразительных искусств Туркменистана в Ашха-

баде и Национальном архиве Монголии в Улан-Баторе);

- реализация опыта реконструкции освоения регионов в древности по маршруту экспедиций Н.К. Рериха;
- разработка культурно-хронологической концепции и программы изучения истории древних и средневековых народов Азии на основе имеющихся источников и с применением естественнонаучных методов с целью установления направлений миграций, выявления наличия или отсутствия контактов между населением эпохи бронзы и железа в рамках «Большого Алтая» (на территории России, Монголии, Китая и Казахстана), соотнесения этапов эволюции различных категорий сооружений и вещей с развитием археологических культур, определения их традиционных и инновационных особенностей, появившихся в результате взаимодействия с этническими группами сопредельных территорий, что является продолжением тех подходов, что представил Ю.Н. Рерих в своём программном трёхтомном труде «История Средней Азии» [10]:
- составление электронной карты и сводки археологических памятников по маршрутам экспедиций Рерихов,
- корреляция археологических и этнографических исследований на основе рериховского культурологического подхода (на примере сбора материалов по верованиям и обрядам жителей Прихубсугуля, связанным с почитанием хозяев местности и др.),
- камеральная обработка археологического и этнографического материала, в том числе для последующего экспонирования,
- составление предварительных культурно-хронологических схем регионов в бронзовом-железном веках; анализ этнокультурных процессов,
- систематизация материалов по истории и культуре жителей азиатских регионов: археология, история, современное хозяйство и быт, верования; сравнение полученных данных с наблюдениями экспедиций Рерихов,
- подготовка актуальных публикаций о проведённых исследованиях,
- создание документальных фильмов и медиапрезентаций по итогам экспедиции.

Значимые результаты научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов

География полевых исследований существенно расширилась благодаря участию с 2005 г. в научной экспедиционной деятельности А.А. Ковалёва. Только в период 2005–2011 гг. было заключено более 20 государственных контрактов и договоров на ведение экспедиционных работ в азиатской России (Тункинский район Республики Бурятия, Пий-Хеймский

район Республики Тува, Республика Хакасия в целом, весь Алтайский край), в Монголии (Гобийский Алтай, Хубсугульский, Ховдский, Баян-Хонгорский, Южногобийский и Гоби-Алтайский аймаки; Мурэн, Хвацал, Цыгыр, Басгалан, Манхан, Муст и другие места) и в Туркмении (Каракумы).

Своеобразным итогом научной экспедиционной деятельности музея-института семьи Рерихов стала открывшаяся 14 февраля 2011 г. в Центральном выставочном зале «Манеж» (г. Санкт-Петербург) российско-французская выставка «Древнее наскальное искусство европейских окраин». На выставке были представлены наскальные выбивки (петроглифы), датируемые IV–II тыс. до н.э. эпохами неолита и бронзы, расположенные на территории России (Онега, Залавруга, Канозеро) и на территории Франции (Монт Бего). Впервые в России были продемонстрированы материалы центральноазиатских экспедиций музея-института семьи Рерихов: каменные скульптуры, мегалитические гробницы (дольмены), ритуальные росписи по каменным плитам. Все эти артефакты с подачи А.А. Ковалёва ставили вопрос о возможной древней миграции населения из Южной Франции в предгорья Монгольского Алтая.

С 20 декабря 2012 г. по 24 февраля 2013 г. в музее-института семьи Рерихов открылась выставка «Тайны пустыни Гоби» как первая часть большого выставочно-исследовательского проекта «Хунну и Китай. Война в пустыне», открывшая новый выставочный цикл «Кочевые цивилизации: из истории исследования». Были представлены очередные результаты полевых исследований, организованных в тех местах пустыни Гоби, по которым в 1927 г. прошёл маршрут Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха, а также результаты по местам вторжений китайских войск в эпоху Хань. Посетители увидели фотографии уникальных археологических находок и пейзажей таинственной Монголии, сделанные участниками научной экспедиционной деятельности. Научным руководителем раскопок являлся профессор Улан-Баторского университета Д. Эрдэнэбаатар, руководил группой петербургских археологов А.А. Ковалёв. Результаты археологических разведок заставили учёных по-новому взглянуть на историческое наследие Южной Монголии, в частности, опровергли устоявшееся мнение о бесперспективности поиска памятников эпохи металла на этих территориях. С археологической точки зрения эта часть территории Центральной Азии долгое время оставалась одной из наименее изученных. Кроме вышеназванного, на выставке демонстрировался отчётный документальный фильм «Чёрный гравий Гоби», снятый командой музея-института семьи Рерихов в 2012 г.

С 01 декабря 2017 г. по 01 февраля 2018 г. там же состоялась выставка «Оленные камни Монголии», представившая один из видов ар-

хеологических памятников, ставших своего рода символом древней культуры Центральной Азии. Они представляют собой массивные каменные стелы с выбитыми на их поверхности изображениями, время сооружения которых относится к эпохе поздней бронзы – начала раннего железного века. Эти объекты привлекли внимание Рерихов во время их Центральноазиатской экспедиции 1923–1928 гг. Вопросы о датировке и происхождении оленных камней, а также о их связи с определёнными видами погребальных и поминальных сооружений до сих пор остаются открытыми [6]. На выставке зрителям были представлены фотографии шести оленных камней монголо-забайкальского типа, происходящих из ритуально-поминальных комплексов Центральной Монголии, вероятно, замещавших в этих сооружениях реальные курганы с могилами (так называемые кенотафы); изображения двух оленных камней, связанных с сооружением курганов с лучами (херексуров); архитектурный контекст оленных камней и общие виды исследованных памятников, а также ритуальные конструкции и жертвенники. Впервые на площадке музея-института экспонаты – шесть оленных камней – были представлены в формате 3D.

Уже в июне-июле 2018 г. объединённый отряд Международной Центральноазиатской экспедиции музея-института семьи Рерихов и Ховдинского государственного университета под руководством А.А. Ковалёва и Ч. Мунхбаяра продолжил полевые работы – полные научные раскопки чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш в регионе верхнего бассейна реки Ховд (Кобдо) [2].

В ходе научной экспедиционной деятельности была проведена работа по выявлению, собиранию и систематизации рериховского наследия, интеграция которого ведётся в электронную базу данных «Держава Рерихов». Эти данные были включены в реализованный в 2007–2010 гг. большой культурно-просветительский и исследовательский проект «Рериховский век», экспозиционно-выставочная компонента которого была представлена в выставочном пространстве Центрального выставочного зала «Манеж» (г. Санкт-Петербург) в апреле 2010 г. Также возникла идея портала «Рериховское наследие» под патронажем Министерства культуры Российской Федерации, созданного в 2016 г. представителями трех различных институций, которые занимаются сохранением, изучением и популяризацией наследия семьи Рерихов: Государственный музей Востока (г. Москва), музей-институт семьи Рерихов и музей Николая Рериха (г. Нью-Йорк). Собранные в результате сбора и каталогизации рериховского наследия материалы легли в основу издания Полного собрания трудов Н.К. Рериха, начатого в трёх сериях Санкт-Петербургским центром культурных и научных проектов «АРС» в 2023 г.

Заключение

В ходе осуществления Программы научной экспедиционной деятельности музеев-института семьи Рерихов удалось осуществить углублённый анализ проделанных Рерихами исследований на Алтае и в Монголии. Помимо основной археологической компоненты Программа имела весьма значимую для каталогизации рериховского наследия историко-библиографическую часть, давшую целый ряд достижений в научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, культурно-просветительской и издательской сферах деятельности учреждения. Уже в наше время Программа научной экспедиционной деятельности стимулировала рост фундаментальных исследований, посвящённых вкладу семьи Рерихов в историю российских экспедиций в Азию [14]. Благодаря непрекращающемуся участию археолога и общественного деятеля А.А. Ковалёва новые археологические разработки в духе рериховских научных идей приносят всё новые феноменальные результаты.

В итоге музей-институт семьи Рерихов достиг в научной экспедиционной деятельности таких значимых результатов, пополнив не только полки библиотек специальными изданиями для узкого круга специалистов-археологов, но и создав широко посещаемые новые экспозиции, украшенные сотнями новых фондовых предметов: артефактами древности, произведениями искусства, фотографиями и мультимедиа оборудованием с самым современным программным обеспечением.

Литература

- Бондаренко А.А., Мельников В.Л. О Рериховском наследии в США // Рериховское наследие: труды Междунар. науч.-практ. конф. – Т. XIV: Преподобный Сергей Радонежский в жизни и творчестве Рерихов. Проблемы и перспективы сохранения Рериховского наследия. – Санкт-Петербург: Издание СПбГМИСР, 2015. – С. 361–375.
- Ковалёв А.А., Мунхбаяр Ч. Плита с антропоморфным изображением из огады чемурчакского ритуального комплекса Хулагаш 1–1: особенности рисунка, аналогии и вопросы семантики // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 47–62. – DOI: doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-47-62
- Мельников В.Л. Евгений Палладиевич Маточкин. Человек. Учёный. Продолжатель дела Рерихов // Рериховское наследие: труды Междунар. науч.-практ. конф. – Т. XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 603–613.
- Мельников В.Л. Николай Рерих. Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918. – Самара: Агни, 1999. – 800 с.
- Никонова А.А., Столяр А.Д. Н.К. Рерих об отношении древнего искусства и археологии // Гуманитарный вектор: Вестник Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. – 1997. – № 2. – С. 101–102.
- Пиков Н.О., Рудов И.Н., Ковалёв А.А., Мельников В.Л., Перцева М.А. Время разворачивать камни... // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): мат-лы Междунар. форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 г. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – С. 179–189.
- Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. I. – Москва: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 1995а. – 672 с.
- Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. I. – Москва: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 1995b. – 544 с.
- Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. III. – Москва: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 1996. – 688 с.
- Рерих Ю.Н. История Средней Азии: В 3 т. – Москва: Международный Центр Рерихов [и др.], 2004–2009.
- Рерих Ю.Н. По тропам Средней Азии. – Самара: Агни, 1994. – 480 с.
- Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Издательский дом «Агни», 1999. – 368 с.
- Сидоров А.Н. Формирование и развитие исторических взглядов Н.К. Рериха // Сб. мат-лов науч. конф., посвящённой 120-летию со дня рождения Н.К. Рериха. – Нижний Новгород, 1994. – С. 55–62.
- Шустова А.М. Вклад Н.К. Рериха в науку о Востоке // Ориенталистика. – 2019. – Вып. 2 (4). – С. 890–915. – DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-890-915

EXPEDITIONARY ACTIVITIES OF THE ST. PETERSBURG MUSEUM-INSTITUTE OF THE ROERICH FAMILY: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF THE PRESENTATION OF ACHIEVEMENTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY

Melnikov V.L.

Saint Petersburg State University

The article reveals the main goals, scientific problems and methods, tasks and significant results of the Comprehensive Central Asian historical-archaeological and historical-bibliographic expedition as a scientific direction of the Saint Petersburg Museum-Institute of the Roerich family. The striking results of the scientific expedition in Altai and Mongolia, whose content is based on the Roerichs' ideas, demonstrate the expanded geography of the field research, exhibitions, and systematised Roerich heritage.

The subject of the current research is the scientific expeditionary activities of the St. Petersburg Museum-Institute of the Roerich Family; the object is the content of its organization. The purpose of the article is to reveal the main goals, scientific problems and methods, tasks and significant results of the Comprehensive Central Asian Historical-Archaeological and Historical-Bibliographical Expedition in the scientific direction of the St. Petersburg Museum-Institute of the Roerich Family. The novelty of the study lies in the presentation

of the foundations and achievements of the scientific expeditionary activities of the Museum-Institute of the Roerich Family, which made a significant contribution to the systematization of the Roerich heritage.

Keywords: the Roerich heritage; scientific expedition; Central Asia; archaeology; enlightenment.

References

1. Bondarenko A.A., Melnikov V.L. About Roerich's legacy in the USA // Roerich's legacy: proceedings of the International scientific-practical conf. – T. XIV: St. Sergius of Radonezh in the life and work of the Roerichs. Problems and prospects for preserving the Roerich heritage. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Medical Research Institute of Social Sciences, 2015. – pp. 361–375.
2. Kovalev A.A., Munkhbayar Ch. Plate with an anthropomorphic image from the fence of the Chemurchek ritual complex Hulgash 1–1: features of the drawing, analogies and issues of semantics // News of the Laboratory of Ancient Technologies. – 2021. – T. 17. – No. 1. – P. 47–62. – DOI: doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-47-62
3. Melnikov V.L. Evgeniy Palladievich Matochkin. Human. Scientist. Continuer of the Roerichs' work // Roerich's legacy: proceedings of the International scientific-practical conf. – T. XI: The Roerichs, their predecessors, collaborators, followers. – St. Petersburg, 2013. – pp. 603–613.
4. Melnikov V.L. Nicholas Roerich. Archeology: Book One. Materials of the Imperial Archaeological Commission. 1892–1918. – Samara: Agni, 1999. – 800 p.
5. Nikonova A.A., Stolyar A.D. N.K. Roerich on the relationship between ancient art and archeology // Humanitarian vector: Bulletin of the Transbaikalian branch of the Academy of Humanities. – 1997. – No. 2. – P. 101–102.
6. Pikov N.O., Rudov I.N., Kovalev A.A., Melnikov V.L., Pertseva M.A. Time to unwrap the stones... // Virtual archeology (from the air, on land, under water and in the museum): materials of the International forum held at the State Hermitage on May 28–30, 2018 – St. Petersburg: State Publishing House. Hermitage, 2018. – pp. 179–189.
7. Roerich N.K. Diary sheets. – T. I. – Moscow: International center of the Roerichs; Master Bank, 1995a. – 672 p.
8. Roerich N.K. Diary sheets. – T. I. – Moscow: International center of the Roerichs; Master Bank, 1995b. – 544 p.
9. Roerich N.K. Diary sheets. – T. III. – Moscow: International center of the Roerichs; Master Bank, 1996. – 688 p.
10. Roerich Yu.N. History of Central Asia: In 3 volumes – Moscow: International Center of the Roerichs [and others], 2004–2009.
11. Roerich Yu.N. Along the paths of Central Asia. – Samara: Agni, 1994. – 480 p.
12. Roerich Yu.N. Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations. – Samara: Publishing House "Agni", 1999. – 368 p.
13. Sidorov A.N. Formation and development of historical views of N.K. Roerich // Sat. scientific materials conf. dedicated to the 120th anniversary of the birth of N.K. Roerich. – Nizhny Novgorod, 1994. – pp. 55–62.
14. Shustova A.M. Contribution of N.K. Roerich into the science of the East // Orientalism. – 2019. – Issue. 2 (4). – pp. 890–915. – DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-890-915

Применение положений игровой теории И. Хёйзинги в развитии методик прогнозирования и предвидения будущего

Мухаметкали Алишер Ануарович,

докторант, Казахский Национальный университет
им. Аль-Фараби
E-mail: mukhametkali.alisher@icloud.com

В данной статье исследуются принципы геймификации в контексте футурологической методики. Автор анализирует, как применение игровых элементов может улучшить процессы прогнозирования и предвидения будущего с учетом игровой теории философа Йохана Хёйзинги. Основываясь на опыте и исследованиях, в статье рассмотрены преимущества геймификации для повышения участия и вовлеченности участников, а также её роль в формировании новаторских подходов к анализу и моделированию сценариев будущего. В последние годы, концепция геймификации стала объектом активных дискуссий. Предсказание и/или прогнозирование будущего может быть рассмотрено как одна из форм игры, особенно в контексте использования фантазии, экспериментов с различными сценариями и альтернативными реальностями. Также приведены практические примеры применения геймификации в футурологических проектах и выделены ключевые аспекты успешной реализации игровых методов в этой области.

Ключевые слова: игра, футурология, Хёйзинга, геймификация, виртуальное пространство.

Пандемия COVID-19 привела к росту вовлеченности пользователей в гейм-индустрию по всему миру. Согласно отчету компании Newzoo, специализирующейся на аналитике игрового рынка, в 2021 году количество геймеров по всему миру достигло 2,8 миллиарда человек, а объем рынка вырос до 189,3 миллиарда долларов [1]. К 2025 году только индустрия компьютерных игр соберет 46,7 миллиарда долларов, а аудитория онлайн-игр превысит 1,3 миллиарда человек. Тренд на геймификацию представляет собой использование элементов и принципов из мира игр в различных областях жизни, не ограничиваясь только игровой индустрией. Геймификация включает в себя применение игровых механик в самых различных видах деятельности от образования до корпоративного менеджмента. Основные преимущества геймификации включают повышение мотивации, увеличение концентрации и вовлеченности в процесс, улучшение результатов и достижений, а также создание более интересного и увлекательного опыта для участников. В результате игры становятся не только источником развлечения, но и средством для социального взаимодействия, знакомств, обучения и даже вдохновения. Другим примером может быть использование игровых сценариев или ролевых игр в планировании будущего. В играх мы можем создавать сценарии и экспериментировать с различными вариантами развития событий. Это позволяет нам анализировать последствия разных решений и делать выводы о том, какие шаги могут привести к желаемым результатам. Ричард Уотсон полагает, что геймификация – умный прием вовлечения людей в дело, которое им в перспективе полезно. С другой стороны, её можно расценивать как манипулятивный способ подчинять людей некоторому субъективному набору правил или целей [2, с. 76–79]. Цель данного исследования также заключается в переосмыслении тренда геймификации с использованием игровой теории Йохана Хёйзинги. Данная теория представляет собой фундаментальный подход к анализу игрового процесса, включая элементы вовлеченности, мотивации, эмоционального опыта игрока и другие аспекты. Актуальность игрового процесса и феномена игры остается значимой на протяжении истории, не только с культурологической перспективы, но и в контексте их влияния на футурологические прогнозы. Однако идея использования игр для предсказания будущего не нова и находится в корне самого процесса

развития человечества. Игра древнее культуры, считает Хейзинга, и сама культура (речь, миф, культ, наука) имеет игровую природу [3, с 23–35]. Людвиг Витгенштейн в Философских исследованиях приходит к подобной мысли, размышляя о языковых играх, языке и природе комического. Начнем с того, что он понимает языковые игры максимально широко: язык – это игра в чистом виде [4]. Все больше общественных исследовательских и образовательных институтов, а также компаний, начали экспериментировать с методами, использующими принципы дизайна игр, чтобы сделать свои продукты, услуги и повседневные задачи более привлекательными и интересными. В мае 2013 года Ассоциация Профессиональных Футурологов организовала конференцию в Орландо, Флорида, под названием «Play – Games, Simulation and Future», чтобы представить сообществу футурологов понимание и потенциал геймификации. Пионером в области геймификации можно назвать американского инженера Ричарда Бакминстера Фуллера. Разработанная им «World Peace Game» была нацелена на то, чтобы помочь людям понять и решить глобальные проблемы, такие как перенаселение, бедность и экологические угрозы, через коллективное действие и инновации, без применения насилия внутри игры. Американский педагог Джон Хантер успешно адаптировал игру Бакминстера Фуллера для детей. В настоящее время существует ряд игровых продуктов, основанных на симуляциях, которые позволяют исследовать функционирование сложных систем. Одной из таких является настольная карточная игра Фредерика Вестера – «Экополитика», которая была награждена как «Игра года» немецким издательством Stern [5]. Цель игры – продемонстрировать игрокам сложность и взаимосвязанность (иногда неочевидную) различных аспектов окружающей среды и позволить им исследовать последствия своих действий на экосистему. В процессе игроки сталкиваются с различными вызовами, такими как изменение климата, нехватка ресурсов, загрязнение окружающей среды и другие, и должны принимать решения, которые могут привести к различным исходам. С игрой Фуллера, Экополитику Вестера объединяет общий ненасильственный принцип игрового процесса. С 2008 года среди немецких школьников стали проводиться «Экополитикады». В рамках этих соревнований участники принимают на себя роль главы государства и сталкиваются с задачей ведения своей страны к максимально наилучшему состоянию. Это предоставляет им возможность погрузиться в мир политики и экономики, а также научиться принимать важные решения, касающиеся окружающей среды и устойчивого развития. Особое внимание уделяется также разработке игровых методик, направленных на прогнозирование будущего. В 1970 годах, футурологи Роберт Юнк, Рюдигер Лутц и Норберт Мюллер разработали

«мастерскую будущего» и проводили мастер-классы, с целью простимулировать воображение участников и подсказать им возможные методы решения различных проблем [6]. Этот игровой метод активно используется в различных образовательных и консультационных программах. В начале мастер-класса участники четко определяют конкретную проблему или критический момент, который они хотели бы решить или изменить. Затем они приглашаются представить себя в будущей утопии, где эта проблема уже решена, и где все возможно. На этой стадии участники свободно выражают свои мысли и идеи, используя различные художественные формы выражения, такие как моделирование, рисование и другие подходящие творческие методы. Они могут визуализировать свои представления о будущем мире, в котором проблема перестала существовать, и представить возможные пути достижения этой утопии. Затем участники анализируют, какие идеи и методы из будущего они могли бы перенести в настоящее время, чтобы приблизиться к задуманной утопии. Они обсуждают возможные стратегии и действия, которые могут привести к изменениям в реальном мире. В конце одно- или двухдневного мастер-класса все делегаты возвращаются домой с планом действий и мероприятий, который они сами разработали в результате обсуждений и творческих упражнений. Этот план включает в себя конкретные шаги и стратегии для реализации их идей и решений в реальной жизни. Такой метод позволяет участникам активно участвовать в создании собственного обучающего опыта и стимулирует их к реализации инновационных идей. Американский футуролог Кэти Виан в 2008 году создала прогностическую онлайн-игру под названием «Суперструктура». В этой игре участники, воплощая своих аватаров, живущих в 2019 году, работали над предотвращением конца человечества к 2042 году. Игра «Sarkar» была создана в 2004 году Питером Хэйуордом и Джозефом Воросом из Института стратегического прогнозирования при Технологическом университете Свинберна в Австралии [7]. Их коллега, Сохайл Инайтулла, успешно использовал эту технику на сотнях семинаров с профессионалами. Игра «Sarkar» – это ролевая игра, созданная для уточнения понимания социальной реальности и помощи игрокам в открытии других способов познания, для лучшего понимания и оценки альтернатив будущих возможностей. «Sarkar» специально помогает игрокам (индивидуумам и организациям) понять макроисторию – время будущего – а также структурированный облик будущего (или будущих) [8, с 1–8]. Игра также помогает игрокам анализировать характеристики лидерства для себя и для своей организации или института. Игра основана на модели социальных изменений индийского философа и макроисторика Прабхата Ранджана Саркара, также известного как Шри Анандамурти.

Саркар разработал циклическую теорию социальных изменений с убеждением, что понимание истории способствует стимулированию и созданию альтернативных будущих возможностей. Он делал упор на создании нового типа лидерства, способного вести к трансформационному будущему. Саркар выделяет макроразмерные эволюционные категории, описывающие длительные периоды человеческого развития. Часто революция или эволюция происходит в конце каждого цикла. После этого цикл начинается заново. Из этих исторических циклов выделяются четыре типа власти (эпистемы): рабочий-шудра, воин-кшатрий, интеллектual-брахман и капиталист-вайшья (торговец). Ни один тип не является идеальным, потому что каждый содержит как негативные (обратное мышление), так и положительные (взгляд вперед) аспекты. Саркар отметил турбулентность между циклами и последующий потенциал создания нового класса лидеров с планетарным чувством идентичности (неогуманизм). Уже с древних времен игры использовались для моделирования сценариев и прогнозирования будущих событий. Хотя Йохан Хейзинга не исследовал предсказания будущего напрямую в контексте игры, его идеи о роли игры в культуре могут быть применимы к пониманию этого вопроса. В своем фундаментальном труде «*Homo Ludens*», Хейзинга рассматривает игру как одну из фундаментальных составляющих человеческой культуры. Он утверждает, что игра – это нечто более глубокое, чем просто развлечение; она пронизывает различные аспекты жизни, включая искусство, религию, политику и общение. Игра устанавливает порядок и порядком является [3, с. 33]. Хейзинга также подчеркивает, что игра позволяет людям освободиться от ограничений реальности и представить себе новые возможности. В этом контексте, предсказание будущего можно рассматривать как одну из форм игры, где люди используют свою способность к фантазии и экспериментам для представления и изучения различных возможных сценариев. Безусловно, что современные ролевые игры и виртуальное пространство являются новым феноменом, но существуют свидетельства применения игр с целью гадания ещё с 26-го века до н.э. в Хараппской цивилизации долины Инда [9]. Этот процесс, известный как гадание или мантика, основывался на вере в то, что игровые элементы могут служить средством общения с божественным или невидимым миром, чтобы получить ответы на вопросы о будущем. В архаической Греции, с 13-го века до н.э. жрецы бросали кости чтобы делать прогнозы о будущем [10]. В конечном итоге, кости стали игральными кубиками, с тем же назначением – предсказания дальнейших событий, исходя от броска. Также, следует отметить важную функцию игры, в упорядочиванию хаоса, по Хейзинге. Многосторонний характер игры, ее проникновение и укоренение во множестве различных

сфер и феноменов человеческой жизни, обеспечивает порядок и правила, на основе которых, уже возможны дальнейшие прогнозы. Игра выступает гибким каркасом культурной модели, который подвержен временным модификациям, тенденциям и глобальным историко-культурным процессам, но сохраняет свое ядро. Мысли Хейзинги дополнил Герман Гессе в своем романе «Игра в бисер» – по сути, игра в бисер представляет собой синтез всех отраслей искусства в одно, универсальное искусство. Цель этой игры состоит в том, чтобы найти глубинную связь между предметами, которые относятся к совершенно разным на первый взгляд областям науки и искусства, а также выявить их теоретическое сходство [11, с. 608]. Если мы обратимся к индуистким мифам о житии Кришны, мы видим два ключевых этапа, отражающих различные аспекты игры. Во время его пребывания во Вриндаване, он был известен своей игривостью – пением, танцами, играми, переживанием мира через непродуктивные опыты или, можно сказать, через игривость [12]. Это был период, когда он наслаждался самим процессом жизни, вместо того чтобы заботиться о формальных обязанностях. Однако в следующем этапе жизни, когда Кришна стал правителем, он столкнулся с более серьезными аспектами реальности. Он был вынужден принимать серьезные решения, которые влияли на распределение власти и богатства. В этом контексте его деятельность уже не могла рассматриваться как игра в смысле радости, а скорее как ответственность и серьезность в принятии решений. Как уместно отметил футуролог Инаятулла, в западном мире, это разделение в жизни Кришны можно рассматривать через призму основных архетипов Аполлона и Диониса [13, с. 101–106]. Первый архетип, связанный с Кришной во время его правления, представляет формальность, строгость и рациональность, в то время как второй архетип, отраженный в его времени во Вриндаване, представляет ищущего удовольствия и неформального Кришну, свободного от обязательств и забот. Устроенные Кришной, божественные игры – «Лила», могут быть сравнимы с западной теологической концепцией Пандеизма, которая описывает Вселенную как Бог, принимающий физическую форму, чтобы испытать взаимодействие между элементами Вселенной. В Европе, данная концепция божественных игр проявилась как мистическая *Ludus Amoris*. Впервые описанная доминиканским монахом Генрихом Сузо, Игра любви является отражением в сознании того состояния борьбы, колебания и беспокойства, которое предшествует первому объединению самого себя [14]. *Ludus Amoris* прекращается, когда это происходит, и достигается новый уровень реальности. Одна из древнейших известных настольных игр в мире – Царская игра из Ура, известная также как Игра двадцати квадратов, пользовалась популярностью среди всех слоев населения древней

Месопотамии, но также была тесно связана с религией. В итоге, игра «Игра Ура» приобрела суверенное значение [15, с. 13–16], и табличка с правилами игры вавилонского писца Итти-Мардукбалату содержит неопределенные предсказания для будущего игроков, если они попадают на определенные клетки, такие как «Ты найдешь друга», «Ты станешь могущественным, как лев», или «Ты нальешь отличное пиво». Люди видели взаимосвязь между успехом игрока в игре и его успехом в реальной жизни. Случайные события, такие как попадание на определенную клетку, интерпретировались как послания от богов, духов умерших предков или из собственной души человека. Важно отметить, что сам Хэйзинга полагал, что одной из причин упадка и разложения европейского общества в начале XX века, является утрата игровых форм и распространение фальши [3, с. 207–220]. В футурологических прогнозах и форсайт-исследованиях преимущества использования игрового подхода неоспоримы. Футурология на протяжении многих лет должна была утвердить себя как серьезная дисциплина внутри корпораций, государственных и политических институтов. Однако часто мало энергии уделяется размышлениям о антропологическом факторе в концепции проекта. Подход Хэйзинги подчеркивает, что проблемы связаны с фокусированием на фактах и цифрах, недостаточным вниманием к человеческому фактору и слабой интеграцией различных участников в процесс предвидения будущего. Серьезные игры могут предложить простые решения для улучшения обучения в перспективном мышлении и предвидении [16, с. 560–571]. Геймификация способна дать новые результаты анализа будущего и уменьшить социальные и ментальные барьеры для их реализации. Они делают процесс предвидения будущего более привлекательным и интересным для участников, позволяя вовлечь различных сотрудников, отделы и внешних экспертов в новые мысленные эксперименты. Как отметили Грей, Браун и Макануфо, игра создает альтернативный мир и моделирует его будущее состояние. Чтобы исследовать этот мир, игроки взаимодействуют с артефактами, тестируют идеи, пробуют различные стратегии и адаптируются к изменяющимся условиям по мере развития игры, стремясь достичь своих целей [17]. Это позволяет привнести разнообразие мнений и подходов к прогнозированию будущего. Геймификация процессов предвидения будущего приносит значительные преимущества, особенно в контексте активного вовлечения участников. Она позволяет участникам стать центром внимания, делая их основными действующими лицами в процессе. Игры могут создавать интересные и захватывающие опыты, которые увеличивают взаимодействие между участниками процесса предвидения, а также собранными данными [18, с. 55–68]. Для успешного внедрения геймификации в процесс предвидения

будущего необходимо тщательно проработать правила игры и её процесс. Разные категории участников требуют различных подходов и стимулов. Например, инженерам и техникам может быть интересно применение игровых элементов в техническом дизайне, в то время как для коммуникаторов и маркетологов важна возможность создания увлекательных сюжетов. Разнообразие мотиваций среди участников также следует учитывать. Некоторые ценят немедленную выгоду, в то время как другие ориентированы на долгосрочные перспективы. Ключевым вопросом остается, как создать процесс, который захватит воображение, соблазнит и вдохновит участников. В процессах прогнозирования будущего, геймификация имеет значение не только на уровне практической эффективности, но и на психологическом и культурном уровнях. Вероятно, одним из самых значимых препятствий для проектов футурологии являются ментальные и социальные барьеры. Футурологическая практика обычно готова справиться с ментальными вызовами, скорее, чем с социальными ингибиторами. Мы знаем, что человеческий разум часто склонен к консерватизму и предпочитает упорядочивать информацию в уже знакомые шаблоны. Это может создавать преграды для принятия новых идей и изменений. Возможность преодолеть эту тенденцию становится важной задачей для футурологии. В книгах и лекциях о прогнозировании часто приводятся примеры и анекдоты, демонстрирующие, что людям трудно представить радикальные изменения. Игры для прогнозирования будущего идут дальше, чем просто когнитивные или эмоциональные развлечения, и становятся полезным инструментом форсайт-предвидения. Извлеченные элементы из множества подходов – гештальтпсихологии, компьютерных игр, ролевых игр, настольных игр уже стали частью доксы в future studies, по мнению Инаятуллы [13]. Игровой подход в данном случае, необходим для расширения восприятия и раскрытия слепых пятен. Игры направлены на обход традиционных умственных шаблонов и создание новых способов видения будущего. Это включает в себя генерацию альтернативных решений и сценариев, несмотря на их на первый взгляд абсурдность. Именно здесь футурология и игры сценариев могут играть важную роль, позволяя рассматривать не только обычные, но и менее вероятные сценарии будущего, что может привести к разработке новых стратегий и инновационных идей. С нарастанием тренда на геймификацию, мы наблюдаем как устаревает различие между «реальным» прогнозированием, используемым крупными международными компаниями и государствами, и играми, которые воспринимаются как увлекательные, но несерьезные. В контексте исследования Хэйзинги, геймификация выступает не как новый феномен, а образное «возвращение» культуры к своим корням. Исторический контекст, связанный с играми, наглядно де-

монстрирует, что методы геймификации, применяемые в бизнесе и мастер-классах, не возникли из вакуума и активно использовались с древних времен. Внедрение геймификации в процесс прогнозирования представляет собой значительную возможность для улучшения стратегической работы внутри компаний и организаций. Этот тренд предоставляет новые перспективы и подходы к пониманию и ориентации на будущее. Игры не только увлекательны, но и способствуют более осознанному и эффективному проектированию будущего.

Литература

1. Newzoo's 2021 Trends to Watch in Games, Esports & Mobile. [Электронный ресурс]. – URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoos-2021-trends-to-watchgames-esports-mobile/> (дата обращения: 01.07.2024).
2. Watson, Richard (2007). *Future Files: A Brief History of the Next 50 Years*. – Melbourne: Scribe Publications. ISBN 978-1921215414.
3. Хейзинга Й. *Номо Ludens; Статьи по истории культуры.* / пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
4. Витгенштейн Л. *Философские работы: В 2-х т. / Л. Витгенштейн.* – М.: Наука, 1994.
5. Schüler der THS gewinnen ersten Bundesentscheid der Ecopolicyade in Berlin. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160304082103/http://www.ths-bielefeld.de/html/bundesentscheid.html> (дата обращения: 01.07.2024).
6. A clearing in the methodological jungle. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zwnetz.de/EPages/methode.html> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Peter Hayward and Joseph Voros. *The Sarkar Game: Creating the experience of social change*. – URL: <http://www.priven.org/publications/2> Ibid.
8. Inayatullah, S. (2017). Macrohistory and timing as practice. *World Future Review*. January, pp. 1–8.
9. Ghosh A. (1990). *An Encyclopedia of Indian Archaeology*. – Leiden: Brill.
10. Vera O. (1984). *Sports and Games in the Ancient World*. – London: Orbis.
11. Hesse H. *Das Glasperlenspiel: Versuch einer Lebensbeschreibung des Magister Ludi Josef Knecht samt Knechts hinterlassenen Schriften*. Suhrkamp Verlag, 9th ed., 2002, 608 p.
12. Anandamurti S. S. (1980). *Namami Krsnasundaram*. – Kolkata: Ananda Marga Publications.
13. Inayatullah Sohail. (2017). Gaming, ways of knowing, and futures. *Journal of Futures Studies*. 22. 101–106. 10.6531/JFS.2017.22(2). E101.
14. Underhill Evelyn (1911). *Mysticism: A study in the nature and development of man's spiritual consciousness*. – London: Methuen.
15. Donovan Tristan (2017). *It's all a game: the history of board games from Monopoly to Settlers of Catan* (First ed.). – New York: Thomas Dunne Books.
16. Dufva M., Kettunen O., Aminoff A., Antikainen M., Sundqvist-Andberg H., & Tuomisto T. (2016). *Approaches to Gaming the Future: Planning a Foresight Games on Circular Economy*. International Conference on Games and Learning Alliance.
17. Gary Dave, Brown Sunni, & Macanujo J. (2010). *Game Storming: A playbook for Innovators, Rule-breakers, and Changemakers*. – Sebastopol, CA: O'Reilly.
18. Petridis P., Hadjicosta K., Guang V.S., Dunwell I., Bigdeli A., Bustinza O.F., & Uren V. (2015). *State of the Art in Business Games*. *International Journal of Serious Games*.

APPLICATION OF THE PROVISIONS OF THE GAME THEORY OF I. HUIZINGA IN THE DEVELOPMENT OF METHODS FOR FORECASTING AND FORESEEING THE FUTURE

Mukhametkali A.A.
Kazakh National University

This article explores the principles of gamification in the context of futurological methodology. The author analyzes how the use of game elements can improve the processes of forecasting and foreseeing the future, taking into account the game theory of the philosopher Johann Huizinga. Drawing on experience and research, the article examines the benefits of gamification for increasing participant participation and engagement, as well as its role in shaping innovative approaches to analyzing and modeling future scenarios. In recent years, the concept of gamification has become the subject of intense debate. Predicting and/or predicting the future can be considered a form of play, especially in the context of the use of fantasy, experimentation with different scenarios and alternative realities. Practical examples of the use of gamification in futurological projects are also given and key aspects of the successful implementation of gaming methods in this area are highlighted.

Keywords: game, futurology, Huizinga, gamification, virtual space.

References

1. Newzoo's 2021 Trends to Watch in Games, Esports & Mobile. [Electronic resource]. – URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoos-2021-trends-to-watchgames-esports-mobile/> (access date: 07/01/2024).
2. Watson, Richard (2007). *Future Files: A Brief History of the Next 50 Years*. – Melbourne: Scribe Publications. ISBN 978-1921215414.
3. Huizinga J. *Homo Ludens; Articles on the history of culture.* / Per. with goal D.V. Silvestrova – M.: Progress – Tradition, 1997. – 416 p.
4. Wittgenstein L. *Philosophical works: In 2 volumes / L. Wittgenstein*. – M.: Nauka, 1994.
5. Schüler der THS gewinnen ersten Bundesentscheid der Ecopolicyade in Berlin. [Electronic resource]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160304082103/http://www.ths-bielefeld.de/html/bundesentscheid.html> (access date: 07/01/2024).
6. A clearing in the methodological jungle. [Electronic resource]. – URL: <http://www.zwnetz.de/EPages/methode.html> (access date: 07/01/2024).
7. Peter Hayward and Joseph Voros. *The Sarkar Game: Creating the experience of social change*. – URL: <http://www.priven.org/publications/2> Ibid.
8. Inayatullah, S. (2017). Macrohistory and timing as practice. *World Future Review*. January, pp. 1–8.
9. Ghosh A. (1990). *An Encyclopedia of Indian Archaeology*. – Leiden: Brill.
10. Vera O. (1984). *Sports and Games in the Ancient World*. – London: Orbis.

11. Hesse H. Das Glasperlenspiel: Versuch einer Lebensbeschreibung des Magister Ludi Josef Knecht samt Knechts hinterlassenen Schriften. Suhrkamp Verlag, 9th ed., 2002, 608 p.
12. Anandamurti S. S. (1980). Namami Krsnasundaram. – Kolkata: Ananda Marga Publications.
13. Inayatullah Sohail. (2017). Gaming, ways of knowing, and futures. *Journal of Futures Studies*. 22. 101–106. 10.6531/JFS.2017.22(2). E101.
14. Underhill Evelyn (1911). *Mysticism: A study in the nature and development of man's spiritual consciousness*. – London: Methuen.
15. Donovan Tristan (2017). *It's all a game: the history of board games from Monopoly to Settlers of Catan* (First ed.). – New York: Thomas Dunne Books.
16. Dufva M., Kettunen O., Aminoff A., Antikainen M., Sundqvist-Andberg H., & Tuomisto T. (2016). Approaches to Gaming the Future: Planning a Foresight Games on Circular Economy. *International Conference on Games and Learning Alliance*.
17. Gary Dave, Brown Sunni, & Macanujo J. (2010). *Game Storming: A playbook for Innovators, Rulebreakers, and Changemakers*. – Sebastopol, CA: O'Reilly.
18. Petridis P., Hadjicosta K., Guang V.S., Dunwell I., Bigdeli A., Bustinza O.F., & Uren V. (2015). State of the Art in Business Games. *International Journal of Serious Games*.

Сравнительный анализ моделей управления научно-технологическими ресурсами Китая и России с философской точки зрения

Цзяо И,

магистр, Китайский университет науки и технологий

E-mail: jiaoyi0123@mail

В условиях глобальной конкуренции и стремительного научно-технического прогресса, управление научно-технологическими ресурсами стало ключевым фактором экономического роста и национальной безопасности. Данное исследование направлено на сравнение моделей управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России с философской точки зрения. В работе рассматриваются философские основы управления, эволюция моделей управления и их современные изменения. Методология исследования включает сравнительный анализ, исторический анализ и философский анализ. Научная новизна работы заключается в выявлении влияния культурных и философских традиций на модели управления в этих странах. Ключевые выводы исследования демонстрируют значительное влияние философских подходов на формирование и реализацию управленческих стратегий, а также предлагают рекомендации по оптимизации и развитию моделей управления научно-технологическими ресурсами.

Ключевые слова: управление научно-технологическими ресурсами, философские основы управления, Китай, Россия, сравнительный анализ, эволюция управления.

Введение

Актуальность исследования управления научно-технологическими ресурсами для национального развития неоспорима. В условиях глобальной конкуренции и стремительного научно-технического прогресса, эффективность использования этих ресурсов становится ключевым фактором экономического роста, национальной безопасности и повышения качества жизни населения. Управление научно-технологическими ресурсами играет важнейшую роль в обеспечении конкурентоспособности на мировом рынке, требуя рационального распределения и использования научно-технического потенциала страны [7]. Выбор Китая и России для сравнительного анализа обусловлен их значительными научно-технологическими ресурсами и важной ролью в мировой науке и технике. Эти страны имеют уникальные исторические, культурные и философские особенности, которые позволяют выявить различные аспекты управления научно-технологическими ресурсами. Кроме того, различия в политических и экономических системах Китая и России предоставляют возможность для всестороннего анализа влияния этих факторов на управление научно-технологическими ресурсами [6].

Таким образом, Целью исследования является определение и сравнение моделей управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России с философской точки зрения. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: исследовать философские основы управления, проанализировать эволюцию моделей управления, определить текущие модели и их характеристики, а также провести сравнительный анализ выявленных моделей, чтобы выявить их сильные и слабые стороны. Методология исследования включает использование сравнительного анализа, исторического анализа и философского анализа. Комплексное использование этих методологических подходов обеспечит всесторонний анализ управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России, позволяя сделать обоснованные выводы и предложить практические рекомендации.

Теоретико-методологические основы управления научно-технологическими ресурсами

Философские концепции управления научно-технологическими ресурсами можно разделить

на несколько ключевых направлений. Одним из них является прагматизм, который подчеркивает важность практических результатов и эффективности. Прагматический подход предполагает гибкость и адаптивность в управлении, ориентируясь на достижения конкретных целей и решение актуальных проблем [5]. Еще одним важным направлением является системный подход, который рассматривает управление как комплексный процесс взаимодействия различных элементов системы. Этот подход подчеркивает важность целостного видения и учета взаимосвязей между различными компонентами научно-технологической системы. Также следует отметить гуманистический подход, который акцентирует внимание на роли человеческого фактора в управлении [4]. В рамках этого подхода особое значение придается развитию человеческого потенциала, мотивации и вовлеченности сотрудников в процесс управления.

Эти философские взгляды оказывают значительное влияние на формирование управленческих моделей, определяя их основные принципы и подходы. Например, прагматический подход способствует развитию гибких и адаптивных моделей управления, которые могут быстро реагировать на изменения внешней среды и эффективно решать возникающие проблемы. Системный подход способствует формированию комплексных моделей управления, которые учитывают все взаимосвязи и взаимодействия в научно-технологической системе. Это позволяет более эффективно координировать действия различных подразделений и обеспечивать целостное управление ресурсами. Гуманистический подход стимулирует разработку моделей управления, ориентированных на развитие человеческого потенциала и создание благоприятных условий для работы сотрудников. Такие модели способствуют повышению мотивации и вовлеченности персонала, что положительно сказывается на общей эффективности управления.

Историческое развитие управления научно-технологическими ресурсами также прошло через несколько этапов, что важно учитывать при сравнительном анализе современных моделей [2]. В ранние периоды управления акцент делался на централизованное планирование и жесткую иерархию. Это было характерно для многих стран, включая Советский Союз, где управление научно-техническими ресурсами осуществлялось через государственные планы и директивы. С развитием рыночной экономики и глобализацией начали формироваться более гибкие и децентрализованные модели управления. В таких странах, как США и Западная Европа, стали доминировать модели управления, ориентированные на рыночные механизмы и конкуренцию. Эти модели предполагали большую степень автономии научно-исследовательских учреждений и частного сектора.

Современные модели управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России сформировались под влиянием их исторического и культурного контекста. В Китае, после проведения реформ и политики открытости, началось активное развитие рыночных механизмов и привлечение частных инвестиций в научно-техническую сферу. Однако, при этом сохраняется значительная роль государства, что отражает традиционные конфуцианские ценности и стремление к гармонии и стабильности [10]. В России, после распада Советского Союза, произошел переход от централизованной плановой системы к рыночной экономике. Это привело к необходимости разработки новых моделей управления, которые сочетали бы элементы рыночных механизмов и государственное регулирование. В результате, современные российские модели управления научно-технологическими ресурсами отражают стремление к балансу между государственным контролем и рыночной свободой.

В то же время, сравнительный анализ представляет собой метод исследования, направленный на выявление сходств и различий между объектами изучения. Применение философского подхода к сравнительному анализу позволяет глубже понять внутренние механизмы и принципы управления научно-технологическими ресурсами. Философский анализ включает рассмотрение фундаментальных концепций и идей, которые лежат в основе управленческих моделей, а также их влияние на практическую реализацию управления. Сравнительный философский анализ моделей управления в Китае и России позволяет выявить, как философские взгляды и культурные традиции формируют подходы к управлению научно-техническим потенциалом. Это способствует более глубокому пониманию различий и сходств между этими моделями, а также позволяет разработать рекомендации по их оптимизации и развитию.

Модели управления научно-технологическими ресурсами в Китае

Традиционная китайская философия, особенно конфуцианство, оказывает значительное влияние на управление научно-технологическими ресурсами в Китае. Конфуцианство подчеркивает важность гармонии, иерархии и коллективизма, что отражается в подходах к управлению. Основные принципы конфуцианства, такие как «жэнь» (человечность) и «ли» (ритуал и порядок), способствуют созданию структурированной и устойчивой системы управления, где важное место занимают моральные ценности и социальная ответственность [3]. Другие философские учения, такие как даосизм и легизм, также оказывают влияние на управление. Даосизм способствует гибкости и адаптации в управлении, предлагая следовать естественному течению собы-

тий и избегать излишнего вмешательства. Легизм, напротив, подчеркивает важность строгих законов и наказаний, что может способствовать формированию более централизованных и контролируемых моделей управления.

Современные философские концепции в Китае включают сочетание традиционных китайских идей и западных управленческих подходов. Например, концепция «Социалистической рыночной экономики» представляет собой синтез марксистской экономической теории и рыночных механизмов, что позволяет эффективно управлять научно-технологическими ресурсами в условиях глобализации и рыночной конкуренции. В последние годы также наблюдается рост интереса к концепциям устойчивого развития и инноваций, что отражается в стратегии «Инновационного Китая». Эти концепции подчеркивают важность научных исследований и разработок, а также международного сотрудничества в области технологий.

Историческое развитие управления научно-технологическими ресурсами в Китае прошло через несколько ключевых этапов. В древние времена научные исследования и технологические разработки находились под строгим контролем императорского двора. Во времена династии Хань и Тан наблюдался значительный прогресс в науке и технологиях, благодаря поддержке со стороны государства. В период правления династии Цин наблюдалось ослабление научно-технического прогресса, что было связано с изоляцией Китая и недостатком внешнего обмена знаниями. После основания Китайской Народной Республики в 1949 году началась эпоха централизованного планирования, где государство играло ключевую роль в управлении научно-технологическими ресурсами. Современные изменения в системе управления начались с реформ и политики открытости, инициированных Дэн Сяопином в конце 1970-х годов. Эти реформы включали децентрализацию управления, привлечение иностранных инвестиций и активное развитие рыночных механизмов. В результате, современная модель управления научно-технологическими ресурсами в Китае сочетает элементы централизованного планирования и рыночной экономики. В последние десятилетия Китай также активно инвестирует в научные исследования и разработки, что отражается в росте числа научных публикаций и патентов. Важным шагом стало создание специализированных научно-технических зон и инкубаторов, что способствует развитию инновационной экосистемы.

Текущая модель управления научно-технологическими ресурсами в Китае характеризуется сложной структурой, включающей различные государственные и частные организации. Ключевую роль играет Министерство науки и технологий КНР, которое отвечает за формирование и реализацию государственной политики в области науки и технологий. Важными эле-

ментами модели управления являются научно-исследовательские институты, университеты и частные компании, которые активно участвуют в научных исследованиях и разработках. Государство предоставляет значительную финансовую поддержку этим организациям, а также стимулирует их сотрудничество через различные программы и инициативы. Государство играет центральную роль в управлении научно-технологическими ресурсами, определяя стратегические приоритеты и направления развития. В то же время, частный сектор также вносит значительный вклад в развитие науки и технологий, особенно в области коммерциализации научных разработок и инноваций. Сотрудничество между государством и частным сектором проявляется в различных формах, включая совместные исследования, государственные гранты и субсидии, а также создание публично-частных партнерств. Такой подход позволяет эффективно использовать ресурсы и усилить научно-технический потенциал страны. Таким образом, современная модель управления научно-технологическими ресурсами в Китае является результатом сложного взаимодействия традиционных философских основ, исторических факторов и современных реформ. Эта модель продолжает эволюционировать, адаптируясь к новым вызовам и условиям глобальной экономики.

Модели управления научно-технологическими ресурсами в России

Российская философия управления научно-технологическими ресурсами имеет свои уникальные особенности, сформировавшиеся под влиянием исторических и культурных факторов. Одним из ключевых философских направлений является идея соборности, которая подчеркивает коллективизм и общинность [8]. Эти идеи находят свое отражение в акценте на государственное регулирование и централизованное управление, где важное место занимают общественные и национальные интересы. Русский космизм, философское движение, акцентирующее внимание на единстве человечества и его роли в космосе, также оказал влияние на подходы к управлению научно-технологическими ресурсами. Это направление подчеркивает важность науки и технологий для будущего человечества, что стимулирует государственные инвестиции в научно-технические исследования.

Современные философские концепции управления в России включают элементы западных управленческих теорий, адаптированных к российским условиям. Например, концепция устойчивого развития приобретает все большую популярность, что отражается в национальных стратегиях и программах, направленных на экологически безопасное и социально ответственное развитие. Также следует отметить влияние институциональной теории, которая подчеркивает важность институ-

циональной среды для эффективного управления научно-технологическими ресурсами. В российском контексте это означает усиление роли государственных институтов и нормативно-правовой базы в регулировании научной и технологической деятельности.

Историческое развитие управления научно-технологическими ресурсами в России прошло через несколько этапов. В дореволюционный период наука и технологии развивались в основном благодаря инициативам отдельных ученых и поддержке благотворительных организаций. С приходом к власти Советской власти в 1917 году началась эпоха централизованного планирования, где наука и техника стали неотъемлемой частью государственной политики. Советский Союз активно инвестировал в научные исследования и разработки, что привело к значительным достижениям в таких областях, как космос, атомная энергетика и оборонные технологии. После распада Советского Союза в 1991 году, Россия столкнулась с необходимостью перехода к рыночной экономике. Это привело к значительным изменениям в системе управления научно-технологическими ресурсами. В 1990-е годы произошло сокращение государственного финансирования науки, что привело к кризису в научной сфере. Однако, начиная с 2000-х годов, наблюдается постепенное восстановление и модернизация научно-технической базы. Государственные программы, такие как «Национальная технологическая инициатива» и «Стратегия научно-технологического развития России», направлены на стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности страны на мировой арене.

Текущая модель управления научно-технологическими ресурсами в России характеризуется сочетанием централизованного планирования и элементов рыночной экономики. Ключевую роль играет Министерство науки и высшего образования РФ, которое координирует научную и образовательную деятельность. Также важное место занимают государственные научные фонды, такие как Российский научный фонд и Фонд перспективных исследований, которые предоставляют гранты и финансирование для научных проектов. Научно-исследовательские институты, университеты и частные компании активно участвуют в научно-технических исследованиях и разработках. Государственные программы и инициативы направлены на стимулирование сотрудничества между этими организациями, что способствует интеграции науки и бизнеса. Государство продолжает играть ключевую роль в управлении научно-технологическими ресурсами, определяя стратегические приоритеты и направления развития. Важное место занимает государственное финансирование научных исследований и разработок, а также нормативно-правовое регулирование этой сферы. В то же время, частный сектор также вно-

сит значительный вклад в развитие науки и технологий, особенно в области коммерциализации научных разработок и внедрения инноваций. Сотрудничество между государством и частным сектором осуществляется через различные формы партнерств, включая совместные проекты, государственные гранты и субсидии, а также создание научно-технических кластеров и инновационных зон. Такой подход позволяет эффективно использовать ресурсы и усиливать научно-технический потенциал страны. Таким образом, современная модель управления научно-технологическими ресурсами в России является результатом сложного взаимодействия исторических, философских и экономических факторов. Эта модель продолжает эволюционировать, адаптируясь к новым вызовам и условиям глобальной экономики.

Сравнительный анализ моделей управления в Китае и России

Сравнительный философский анализ управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России позволяет выявить глубокие корни различных подходов, сформировавшихся под влиянием культурных и исторических факторов. Китайская модель управления опирается на философию конфуцианства, которая акцентирует внимание на гармонии, коллективизме и стабильности. Эти ценности отражаются в централизованной системе управления, где государство играет ведущую роль, устанавливая стратегические направления и контролируя основные научно-технологические инициативы. В отличие от этого, российская модель управления научно-технологическими ресурсами в значительной степени формируется под влиянием идеи соборности и русского космизма, которые подчеркивают коллективное благо и единство народа. Эти философские основы приводят к тому, что в российской модели большое внимание уделяется государственному регулированию и централизованному планированию, хотя и с элементами рыночной экономики. Философия оказывает существенное влияние на практическое управление научно-технологическими ресурсами в обеих странах. В Китае философские взгляды на гармонию и стабильность способствуют созданию таких управленческих структур, которые обеспечивают скоординированное развитие науки и технологий, минимизируя конфликтные ситуации и поддерживая долгосрочную стабильность [9]. В России же философия соборности и космизма способствует формированию таких управленческих подходов, которые ориентированы на общественное благо и использование науки и технологий для решения глобальных проблем, таких как освоение космоса и экологические вызовы.

Сравнительный анализ структур и процессов управления в Китае и России выявляет как сходства, так и различия. Обе страны имеют высокоцентрализованные системы управления, где ключевую роль играет государство.

чевую роль играют государственные органы, определяющие стратегические направления и распределение ресурсов. Однако, в Китае структура управления более иерархична и строго регламентирована, что позволяет оперативно реагировать на изменения и быстро внедрять новые инициативы. В России же структура управления более гибкая и включает значительное участие научных институтов и частного сектора, что способствует развитию инноваций и адаптации к рыночным условиям. Ключевые процессы управления в обеих странах также имеют свои особенности. В Китае процессы управления научно-технологическими ресурсами строго регламентированы и координируются на государственном уровне, что обеспечивает высокую степень контроля и эффективность в реализации национальных программ. В России же процессы управления более децентрализованы, что позволяет учитывать региональные особенности и стимулировать конкуренцию между научными учреждениями и компаниями. Это способствует развитию новых идей и технологий, однако может приводить к недостаточной координации и фрагментации усилий.

Определение общих черт в моделях управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России показывает, что обе страны стремятся к укреплению своего научно-технического потенциала через активное государственное участие и поддержку ключевых отраслей. Однако, ключевые различия между моделями управления обусловлены философскими и культурными традициями, историческим опытом и текущими экономическими условиями. В Китае акцент делается на централизованное и иерархичное управление, что позволяет быстро и эффективно реализовывать стратегические инициативы. В России же модель управления более гибкая и адаптивная, что способствует развитию инноваций и конкуренции, но требует большей координации и взаимодействия между различными участниками научно-технологической сферы [1]. Таким образом, сравнительный анализ моделей управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России позволяет не только выявить общие тенденции и различия, но и понять глубинные причины этих различий, что способствует более глубокому пониманию механизмов управления и разработке рекомендаций по их оптимизации и развитию.

Заключение

Основные выводы, полученные в ходе сравнительного анализа моделей управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России, демонстрируют значительное влияние философских подходов на формирование и реализацию управленческих стратегий. Китайская модель управления, основанная на конфуцианских принципах гармонии и коллективизма, характеризуется высокой

степенью централизованности и иерархичности. Это позволяет оперативно и эффективно реализовывать государственные инициативы и достигать поставленных целей. В то же время, российская модель, формирующаяся под влиянием идей соборности и русского космизма, сочетает элементы централизованного планирования и рыночной экономики, что обеспечивает гибкость и стимулирует инновации, но требует тщательной координации и взаимодействия между различными участниками научно-технологической сферы.

Выводы о влиянии философских подходов на управление научно-технологическими ресурсами позволяют глубже понять различия и сходства между китайской и российской моделями. Философские концепции не только определяют основные принципы и направления управления, но и влияют на выбор конкретных управленческих инструментов и методов. В Китае философия гармонии и стабильности способствует созданию управленческих структур, обеспечивающих скоординированное и целенаправленное развитие науки и технологий. В России философия соборности и космизма акцентирует внимание на коллективном благе и глобальных задачах, что отражается в ориентации на решение крупных научно-технических проблем и устойчивое развитие.

Практические рекомендации по улучшению управления научно-технологическими ресурсами в Китае и России включают несколько ключевых аспектов. В Китае рекомендуется усилить взаимодействие между государственными органами и частным сектором, чтобы стимулировать инновации и более эффективно использовать рыночные механизмы. Это может быть достигнуто через создание совместных научно-исследовательских центров и инновационных кластеров, а также через поддержку стартапов и малых предприятий. В России следует усилить координацию между различными научно-исследовательскими учреждениями и компаниями, а также улучшить нормативно-правовую базу для стимулирования инноваций и коммерциализации научных разработок. Важным шагом также является развитие международного сотрудничества и обмена опытом с другими странами, что позволит улучшить управление научно-технологическими ресурсами и повысить конкурентоспособность на мировой арене.

Возможные направления дальнейших исследований в данной области включают изучение конкретных инструментов и методов управления, которые используются в Китае и России, а также анализ их эффективности в различных контекстах. Кроме того, важно исследовать влияние глобальных тенденций, таких как цифровизация и устойчивое развитие, на управление научно-технологическими ресурсами. Таким образом, проведенный анализ подчеркивает важность философских основ в управлении научно-технологическими ресурсами и предлагает кон-

критические шаги для улучшения текущих моделей управления в Китае и России. Эти рекомендации могут способствовать дальнейшему развитию науки и технологий, обеспечивая устойчивое и инновационное будущее для обеих стран.

Литература

1. Астафьева О. Е. Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленности на основе эффективного использования ресурсов // Вестник университета. – 2020. – № 7. – С. 45–50.
2. Багдасарян Н. А., Беляков Г. П., Батукова Л. Р. Опыт стратегического планирования научно-технологического развития в КНР и его использование в российской практике // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – № 15–2. – С. 33–39.
3. Герреро Л. К. Особенности и основные идеи древнекитайской философии: Конфуцианство // Россия и мир в исторической ретроспективе. – 2023. – С. 462–468.
4. Кулюткин Ю. Н. Технократия и гуманизм // Человек и образование. – 2005. – № 2. – С. 61–65.
5. Мальцев Я. В. Прагматизм в образовании: философские основания и педагогическая практика // Философская мысль. – 2023. – № 7. – С. 38–50.
6. Миндели Л. Э., Чистякова В. Е. Интеллектуальные ресурсы российской науки. – 2017.
7. Никонова А. А. Управление научно-технологическими изменениями в новой экономике: теория и практика // Львовские чтения-2017. – 2017. – С. 123–128.
8. Сильнова, Е. И. Социальный образ России в русской религиозной философии // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2013. – № 10. – С. 435–446.
9. Тяпин И. Н. В. В Розанов о детерминантах и специфике русского сознания. Актуальность в контексте проблемы переключки эпох // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 4. – С. 262–268.
10. Цыденова И. Р. Философские основания этики устойчивого развития Китая // ИП Цыденова-Улан-Удэ, 2004.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL RESOURCE MANAGEMENT MODELS IN CHINA AND RUSSIA FROM A PHILOSOPHICAL POINT OF VIEW

Jiao Yi

University of Science and Technology of China

Under the conditions of global competition and rapid scientific and technological progress, the management of scientific and technological resources has become a key factor of economic growth and national security. This study aims to compare the models of S&T resource management in China and Russia from a philosophical perspective. The paper examines the philosophical foundations of management, the evolution of management models and their contemporary changes. The research methodology includes comparative analysis, historical analysis and philosophical analysis. The scientific novelty of the work lies in identifying the influence of cultural and philosophical traditions on governance models in these countries. The key findings of the study demonstrate the significant influence of philosophical approaches on the formation and implementation of management strategies, as well as offer recommendations for the optimization and development of S&T resource management models.

Keywords: S&T resources management, philosophical foundations management, China, Russia, comparative analysis, evolution of management.

References

1. Astafieva O.E. Features of the Formation of a Mechanism for Sustainable Industrial Development Based on the Efficient Use of Resources // Bulletin of the University. – 2020. – No. 7. – P. 45–50.
2. Bagdasaryan N. A., Belyakov G.P., Batukova L.R. Experience of Strategic Planning of Scientific and Technological Development in the PRC and its Use in Russian Practice // Russia: Development Trends and Prospects. – 2020. – No. 15–2. – P. 33–39.
3. Guerrero L.K. Features and Main Ideas of Ancient Chinese Philosophy: Confucianism // Russia and the World in Historical Retrospect. – 2023. – P. 462–468.
4. Kulyutkin Yu.N. Technocracy and Humanism // Man and Education. – 2005. – No. 2. – P. 61–65.
5. Maltsev Ya V. Pragmatism in education: philosophical foundations and pedagogical practice // Philosophical thought. – 2023. – No. 7. – P. 38–50.
6. Mindeli LE, Chistyakova VE Intellectual resources of Russian science. – 2017.
7. Nikonova AA Management of scientific and technological changes in the new economy: theory and practice // Lviv readings-2017. – 2017. – P. 123–128.
8. Silnova, EI Social image of Russia in Russian religious philosophy // Interregional Pimenov readings. – 2013. – No. 10. – P. 435–446.
9. Tyapin I NV Rozanov on the determinants and specifics of Russian consciousness. Relevance in the context of the problem of the roll call of eras // Notebooks on conservatism. – 2019. – No. 4. – P. 262–268.
10. Tsydenova I.R. Philosophical foundations of the ethics of sustainable development in China // IP Tsydenova-Ulan-Ude, 2004.

Социально-философский анализ феномена этического поведения государственных служащих: аспекты институционализации в системе норм права

Моргунова Наталья Викторовна,

к.ю.н., доцент, доцент высшей школы теории и истории государства и права, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: morgonv@mail.ru

В статье на основе изучения действующих нормативно-правовых актов и точек зрения различных авторов анализируется и понятие «этика в государственной службе», ее сущность и содержание. Аргументируется актуальное соотношение понятия этика в классическом смысле и одновременный перенос этого понимания на уровень профессиональной деятельности. Обосновывается вывод, о том, что независимо от общепризнанного и достаточно популярного закрепления этических норм в кодексах этики. В действительности это мало действующий инструмент в силу отсутствия санкционного усиления последствий нарушения закрепленных норм. Определяется возможность того, что при придании правовой окраски нормам закрепленным в документах содержащих этические профессиональные основы действительная эффективность их действия станет очевидной. Констатируется факт того, что в настоящее время однозначной реальной жизни данные документы не ведут. На основе аргументированных выводов формулируется устойчивое мнение о безусловной взаимозависимости таких категорий как профессиональный долг и профессиональная ответственность. Совесть и профессиональное достоинство.

Ключевые слова: профессиональная этика, государственная служба, этический кодекс, профессиональная ответственность, справедливость, правосудие.

В современных условиях значимость рассматриваемой проблемы исследования определяется неудовлетворительным состоянием эффективности государственного управления, подтвержденным как представителями гражданской части населения, так и органами государственного управления. Преобладающая концепция заключается в том, что прогресс государственной службы тормозится множественными проблемами, поскольку основное внимание уделяется реализации формальных регламентов, а интеграции ценностей управления службой при отсутствии соответствующей стратегии уделяется незначительное внимание [9].

Значительные усилия прилагаются для оптимизации регулирования и взаимодействия с правительством. Однако эти инициативы не достигнут ожидаемых результатов, если не будут учтены основополагающие принципы государственной службы, прежде всего принцип оказания услуг обществу и гражданам на основе этических норм правового (конституционного) государства. Этические нормы, которые исторически формировали и формируют в настоящее время корпоративную этику государственных служащих, являются основой оказания услуг обществу и гражданам [3].

В современных реалиях для успешного карьерного роста на государственной службе наряду с профессиональными компетенциями во всех сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, административной) важнейшими факторами являются культура поведения, соблюдение делового этикета и высокие моральные качества. К действующим государственным служащим предъявляются строгие требования в отношении их этических принципов, культуры речи и манер, стиля одежды. Организованность, владение культурой общения, умение не только выражать свои мысли, но и внимательно слушать, уважать интересы граждан и государства в совокупности формируют авторитет государственного служащего. Однако, как показывает практический опыт, нередки случаи, когда современные государственные служащие превышают свои полномочия, а также пренебрегают этическими принципами и правилами поведения, что наносит серьезный удар по их авторитету и портит отношения как с коллегами, так и с гражданами, являющимися потребителями государственных услуг. Подобные прецеденты выдвигают на первый план острую не-

обходимость всестороннего изучения морально-этических и правовых аспектов поведения государственных гражданских служащих при исполнении ими своих обязанностей [1].

«Этика» – это термин, который с греческого языка означает привычку или же нрав. Он был придуман древним философом Аристотелем и служил обозначением для той части учения, в которой он рассматривал человеческое поведение. А именно способы его регуляции и направленность.

Для него этика представлялась практической философией, которая была систематизирована в философскую дисциплину. Этика была отделена от науки, ведь наука занимается изучением вещей или явлений, а этика учит примерному обращению к вещам и явлениям [2].

В современных реалиях же этика представляется нам практической философией, а также полноценной наукой морали и нравственности. Под практической философией, в данном аспекте, понимается разработка конкретных рекомендаций и правил поведения в конкретной сфере.

В настоящее время этика подразделяется на профессиональную и универсальную.

Определением общих моральных требований для работы в соответствующей сфере деятельности используется профессиональная этика. Наиболее сильно необходимость её наличия проявляется в тех сферах деятельности, которые предусматривают работу с другими людьми путём непосредственного взаимодействия с ними. Подобного рода профессии имеют особое значение для нашей повседневной жизни, потому формирование моральных кодексов у каждого отдельно взятого представителя такой профессии является неотъемлемой частью их работы.

Как пример можно привести врачебную этику, юридическую этику, этику учителя и т.д. [4].

Если ссылаться к требованиям, которые предоставляются для каждого отдельно взятого человека, тем самым формируя общую человеческую этику, к людям вокруг необходимо относиться так же, как, если бы вы хотели, обращались бы с вами. Профессиональные отношения по своей природе основаны на том, что каждый выполняет свою функцию, для достижения конкретной цели и среди подобного рода отношений функционирование выше указанного принципа является необходимым условием для работы [9].

Однако, в профессиональных этических кодексах могут быть предъявлены требования, которые невозможно выполнить в силу того, что они расходятся с требованиями общей человеческой этики. Но в то же время кодексы, которые возникают на профессиональной почве не могут быть использованы в качестве источника для этики особого характера. Например, при защите своего клиента в суде адвокат не имеет права вводить в заблуждение, лгать или обманывать участников судопроизводства [6].

Существуют отдельные правила и соответствующие моральные и этические кодексы, которые закрепляют грамотные соотношения служебных обязанностей и поведения, которого необходимо придерживаться при выполнении этих обязанностей. Если рассматривать содержание профессиональной этики как явления в целом, то можно прийти к выводу, что под содержанием понимается наличие профессионального долга, совести, справедливости и т.д. [8].

В контексте поднятого вопроса хотелось бы немного остановиться на реальном действии этических кодексов. Общеизвестный факт, что этические кодексы или правильней сказать кодексы профессиональной этики существует во всех направлениях государственной и муниципальной службы. В классическом понимании он представляет собой систему требований к поведению служащих определенного вида государственной службы или определённого органа государственной власти.

В своем практическом назначении кодексы профессиональной этики призваны содействовать укреплению авторитета государственной власти, доверия граждан к институтам государства, обеспечение единой нравственной основы для согласованных и эффективных действий определенного органа государственной власти.

Еще одно из направлений является то, что кодексы профессиональной этики являются основой для формирования должной морали государственных служащих и выступает как инструмент общественного контроля нравственности государственных служащих и фактор снижения коррупционных рисков.

К сожалению, внимательное изучение и общая выкладка позволяет говорить о том, что технически большинство кодексов наполнены спорными и двусмысленными нормами, подлежащими расширенному и субъективному толкованию понятиями. Например, такими как «честность», «уважение». Что явно приведет к ненужной полемике при попытке реализации данной нормы, а именно в случае попытки объяснить в чем не честен государственный служащий.

Более того фразы «должен помнить», «должен стремиться», «гарантировать насколько это возможно» не понятны в их реализации. Непонятно, что произойдет если должен помнить, но вот сегодня забыл или гарантировал, но это невозможно, но насколько возможно старался!?

По нашему мнению, обоснованным является вывод о том, что даже несмотря на то, что этические кодексы в чистом виде не нацелены на достижение целей юридической ответственности, не несут правовых последствий как таковых и носят скорее дизайнерский характер взаимоотношений в среде всех видов государственной службы и взаимодействие ее во вне. Тем не менее положительный результат от существующих закрепленных

норм в кодексах профессиональной этики в настоящее время действен и реализуем.

Возвращаясь к общим вопросам этики на государственной службе отмечается следующее. От государственного служащего требуется наличие высокого чувства долга, поскольку их деятельность основана на исполнении общественных обязанностей. Эти люди должны в полной мере осознавать ответственность, которая лежит на их плечах и в полной мере нести ответственность за принятые решения и допущенные ошибки [3].

Профессиональный долг можно представить как внутреннее принуждение себя самого совершать поступки, которые не соответствуют вам как личности, но необходимы для должного выполнения поставленной задачи. Так, долг сотрудника органов внутренних дел состоит в безусловном выполнении закреплённых Присягой, законами и профессионально-этическими нормами обязанностей по обеспечению надёжной защиты правопорядка, законности, общественной безопасности [2].

Помимо всего вышесказанного одной из важнейших частей профессионального долга является профессиональная ответственность. Под этим термином подразумевается способность работника выполнять поставленные задачи и осознанно при их выполнении делать правильный, с точки зрения морали, выбор. Ведь решения, принятые им, и его деятельность в целом может отражаться на жизни других людей.

Наличие у человека такого критерия как совет свидетельствует о том, что человек имеет уважение к себе самому, в состоянии оценить совершённые действия, возникающие мысли и желания, а также в полной мере соотносит выше сказанное с той нормой поведения, которая была установлена. Мораль в данном аспекте относится к источнику откуда идёт принятие решения. В свою очередь совесть выступает в лице аппарата регулирования принятых решений [9].

Профессиональное достоинство любого представителя юриспруденции воплощается в использовании его прав, обязанностей, свобод и ответственности, которую он приобретает при поступлении на службу [8].

Понятие «профессиональный долг» означает соблюдение этических и профессиональных служебных требований специалистом, а также в полной мере оценить значение его профессии для общества и дать честную оценку проделанной работе. Кодекс профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [7] гласит, что честь сотрудника выражается в заслуженной репутации, добром имени, личном авторитете и проявляется в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым моральным обязательствам. Честь – это признание и оценка коллективом, обществом моральных

достоинств личности, мера уважения, которой заслуживает сам человек.

Неотъемлемой частью государственной службы является такая категория как справедливость. Она выражает должный порядок между правами и обязанностями, который возникает в отношениях между людьми. Действовать справедливо – означает признавать равенство всех людей друг перед другом, понимать необходимость соответствия добра и зла, практической роли разных людей и их социального положения, прав и обязанностей, заслуг и их признания. Право должно быть основано на справедливости, прежде всего в его моральном измерении [6].

Для специалистов в области юриспруденции несение правосудия, правды и справедливости является необходимой обязанностью как с точки зрения морали, так и с точки зрения несения службы. В данном контексте эти понятия тождественно равны между собой, поскольку одно без другого существовать не может. В первую очередь любой юрист – это защитник прав и свобод граждан. К примеру, суд должен быть справедлив по отношению к подсудимому в отношении вынесения приговора. Что означает вынесение справедливой меры наказания, поддержание равенства всех граждан перед законом. Прежде чем вынести непосредственно решение судья должен для себя обозначить все имеющиеся факты, опереться на свой моральный кодекс и опыт в профессиональной деятельности. Таким образом можно сделать вывод, что этика занимает пусть и не самую главную, но достаточно обширную часть в аппарате государственного управления и государственной службе, в частности. Она упрощает, стабилизирует и помогает в решении сложных задач и даёт возможность наладить контакт работников между собой.

Литература

1. Акимова Е.Ю. Проблема имиджа госслужащих в современном обществе / Е.Ю. Акимова. – Текст непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1. – С. 235–240.
2. Алахтаева В.Г. Этические аспекты государственной гражданской службы как важнейшая составляющая профессиональной служебной деятельности госслужащего / В.Г. Алахтаева. – Текст непосредственный // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2020. – № 4. – С. 132–135.
3. Астенова О.А., Осипова Д.В. Этика государственных гражданских служащих как фактор, влияющий на корпоративную культуру / О.А. Астенова, Д.В. Осипова. – Текст непосредственный // Аллея науки. – 2019. – № 4 (20). – С. 547–553.

4. Аширбагина Н.Л., Ковалев А.И., Фрик О.В. Этико-организационные аспекты предоставления государственных и муниципальных услуг / Н.Л. Аширбагина, А.И. Ковалев, О.В. Фрик. – Текст непосредственный // Вестник СибАДИ. – 2021. – № 3. – С. 111–118.
5. Богатырев Е.Д. Этика государственной и муниципальной службы: учебник и практикум для вузов / Е.Д. Богатырев, А.М. Беляев, С.Г. Еремин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 326 с. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный.
6. Голоманчук Э.В. Отдельные вопросы этики на государственной гражданской службе / Э.В. Голоманчук. – Текст: непосредственный // Форум – 2023. – № 1(30). – С. 120–124.
7. Евдокимова В.В. О значении кодекса этики на государственной службе Российской Федерации / В.В. Евдокимова. – Текст непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 22(364). – С. 300–302.
8. Мусаев С.М.И. Понятие и сущность профессиональной этики как нормы поведения на государственной гражданской службе / С.М.И. Мусаев, К.Х. Ильясова, П.Х. Назаева. – Текст непосредственный // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 12. – С. 660–663.
9. Носков И.Ю. Профессиональная этика юриста: учебник для вузов / И.Ю. Носков. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2024. – 288 с. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный.
10. Сорокотягин И.Н. Профессиональная этика юриста: учебник для вузов / И.Н. Сорокотягин, А.Г. Маслеев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 281 с. – Текст: непосредственный.
11. Таран А.С. Профессиональная этика юриста: учебник и практикум для вузов / А.С. Таран. – Москва: Юрайт, 2024. – 329 с. – Текст: непосредственный.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF ETHICAL BEHAVIOR OF CIVIL SERVANTS: ASPECTS OF INSTITUTIONALIZATION IN THE SYSTEM OF LEGAL NORMS

Morgunova N.V.

Pacific State University

The article, based on a study of current regulations and the points of view of various authors, analyzes the concept of “ethics in public service”, its essence and content. The current relationship between

the concept of ethics in the classical sense and the simultaneous transfer of this understanding to the level of professional activity is argued. The conclusion is substantiated that, regardless of the generally accepted and fairly popular consolidation of ethical standards in codes of ethics. In reality, this is an ineffective tool due to the lack of sanctions strengthening the consequences of violating established norms. The possibility is determined that when giving legal color to the norms enshrined in documents containing ethical professional foundations, the actual effectiveness of their action will become obvious. The fact is stated that at present these documents do not lead to unambiguous real life. Based on reasoned conclusions, a strong opinion is formulated about the unconditional interdependence of such categories as professional duty and professional responsibility. Conscience and professional dignity.

Keywords: professional ethics, public service, code of ethics, professional responsibility, fairness, justice.

References

1. Akimova E. Yu. The problem of the image of civil servants in modern society / E. Yu. Akimova. – Direct text // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2020. – No. 1. – P. 235–240.
2. Alakhtaeva V.G. Ethical aspects of the state civil service as the most important component of the professional service activity of a civil servant / V.G. Alakhtaeva. – Direct text // Bulletin of Khakass State University. N.F. Katanova. – 2020. – No. 4. – pp. 132–135.
3. Astenova O.A., Osipova D.V. Ethics of civil servants as a factor influencing corporate culture / O.A. Astenova, D.V. Osipova. – Direct text // Alley of Science. – 2019. – No. 4 (20). – pp. 547–553.
4. Ashirbagina N.L., Kovalev A.I., Frick O.V. Ethical and organizational aspects of providing state and municipal services / N.L. Ashirbagina, A.I. Kovalev, O.V. Frick. – Direct text // SibADI Bulletin. – 2021. – No. 3. – P. 111–118.
5. Bogatyrev E.D. Ethics of state and municipal service: textbook and workshop for universities / E.D. Bogatyrev, A.M. Belyaev, S.G. Eremin. – 2nd ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt, 2024. – 326 p. – (Higher education). – Text: immediate.
6. Golomanchuk E.V. Selected issues of ethics in the public civil service / E.V. Golomanchuk. – Text: direct // Forum – 2023. – No. 1 (30). – P. 120–124.
7. Evdokimova V.V. On the importance of the code of ethics in the public service of the Russian Federation / V.V. Evdokimova. – Direct text // Young scientist. – 2021. – No. 22 (364). – P. 300–302.
8. Mусаev S.M.I. The concept and essence of professional ethics as norms of behavior in the state civil service / S.M.I. Mусаev, K. Kh. Ilyasova, P. Kh. Nazaeva. – Direct text // Issues of sustainable development of society. – 2021. – No. 12. – P. 660–663.
9. Noskov I. Yu. Professional ethics of a lawyer: a textbook for universities / I. Yu. Noskov. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt, 2024. – 288 p. – (Higher education). – Text: immediate.
10. Sorokotyagin I.N. Professional ethics of a lawyer: a textbook for universities / I.N. Sorokotyagin, A.G. Masleev. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Yurayt, 2024. – 281 p. – Text: direct.
11. Taran A.S. Professional ethics of a lawyer: textbook and workshop for universities / A.S. Taran. – Moscow: Yurayt, 2024. – 329 p. Text: direct.

Развитие методологии оценки социометрического статуса участника малой группы: на примере курсантов военных учебных заведений

Дьяченко Андрей Николаевич,

к.ф.н., соискатель ученой степени, Забайкальский
государственный университет
E-mail: Andrejdijchenko@mail.ru

Статья посвящена характеристике внутригрупповых отношений курсантов военного вуза, описанию их социометрического статуса. Сделан вывод о соотношении формальной и неформальной структур закрытых групп курсантов, а также приведена характеристика отличительных особенностей социометрического статуса курсантов военного учебного заведения. Результат анализа социометрического исследования позволил сделать вывод о том, что внутри группы курсантов военного вуза, которая по своему характеру является закрытой малой группой, существуют другие, меньшие по размеру, закрытые группы, образованные на основе схожести интересов и видов досуговой деятельности. Также был сделан вывод о том, что статус формального лидера, который назначается преподавательским составом, не совпадает со статусом неформального лидера: неформальных лидеров в группе курсантов несколько, причем в каждой группе «по интересам» он свой.

Ключевые слова: закрытая малая группа, курсанты, социометрический статус, внутригрупповые отношения, иерархия.

Малая группа является сложным социальным объектом, в котором переплетаются интересы и общества, и личности. Именно в границах малой группы личность реализует свои интересы.

Трактовка малых групп не является неким универсальным понятием: в зависимости от подхода отечественные и зарубежные авторы формулируют это понятие по-разному. Рассмотрим некоторые из них, которые в наибольшей степени соответствуют нашему исследованию.

К примеру, Г.М. Андреева под малой группой понимает группу, «члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов» [9]. Э.Э. Линчевский подчеркивает непосредственный личный контакт в малой группе: «Малая группа – это любое объединение людей, когда между ними устанавливается непосредственный личный контакт», также он указывает на то, что группы воздействуют на своих членов и обеспечивают соблюдение ими групповых норм [2]. Согласно Р.К. Мертону малая группа есть «совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей» [6].

Д. Хоманс пишет: «Малая группа представляет собой некоторое число лиц, взаимодействующих друг с другом в течение некоторого времени и достаточно малочисленных, чтобы иметь возможность контактировать друг с другом без посредников, лицом к лицу» [10].

Кратко сформулируем, какую роль играют малые группы в жизни личности. Итак, малые группы помогают индивидуумам развиваться и осваиваться в обществе. Они учат людей социальным навыкам, нормам и ценностям и помогают им вливаться в общество. Кроме того, малая группа может быть местом, где люди могут находить эмоциональную поддержку, понимание и принятие. Она может предоставить среду, где люди могут выражать свои чувства и проблемы и получать поддержку от других.

В малых группах люди могут развиваться, могут определить свои интересы, страсти и цели, а также получить обратную связь и поддержку в их достижении.

Важно, что именно малые группы служат средством контроля нежелательного или нормативно-

го поведения. Члены группы могут одобрять или осуждать определенные действия, что помогает определить правила и нормы группы.

В малых группах люди могут сотрудничать, чтобы достичь общих целей. Они могут взаимодействовать, чтобы решить проблемы, обмениваться информацией и ресурсами, и работать вместе для достижения личных и групповых целей. Члены малых групп могут предоставлять поддержку и помощь в различных сферах жизни, таких как работа, образование, семья и здоровье. Члены группы могут разделять ресурсы и опыт, чтобы помочь друг другу в различных ситуациях.

В целом, малые группы играют важную роль в формировании и поддержании общества. Они помогают людям социализироваться, развиваться как личности, получать поддержку и помогать друг другу.

Выделим признаки малых групп на основе анализа концепций философов, психологов и социологов, которые исследовали феномен малых групп:

- небольшое количество участников: малые группы обычно состоят из относительно небольшого числа участников (обычно от 2 до 20–30 человек). Это позволяет участникам лучше узнавать друг друга и развивать близкие отношения;
- близкое взаимодействие и большая взаимосвязь: в малых группах участники имеют больше возможностей для активного взаимодействия и общения, а члены группы могут находиться в зависимости от друг друга для достижения общих целей. Взаимозависимость может создать более сильную привязанность и взаимодействие между участниками;
- более личные отношения: благодаря малому количеству участников, малые группы обычно имеют более близкие и личные отношения. Это может способствовать большей поддержке, пониманию и эмоциональной связи между участниками;
- высокий уровень вовлеченности членов группы в процесс обсуждения и принятия решений. Благодаря этому участники чувствуют себя более ответственными и важными для группы, что может повысить их мотивацию и эффективность работы.

Одной из характеристик малой группы является ее «закрытость» и «открытость», что говорит о степени взаимодействия малой группы с социальной средой. О «закрытости» и «открытости» малых групп писали И.В. Ефимчук [3], А. Бергсон [1], К. Поппер [8] и др. Для нас представляет интерес подход А.Н. Олейника к характеристике закрытой группы как «социальной структуры, которая исключает институционализацию отношений, характеризуется отсутствием взаимосвязи между повседневной жизнью людей и формальной властью, и неразвитостью политического пред-

ставительства интересов обычных людей» [7]. Для А.Н. Олейника понятие «закрытая группа» синонимично «малой группе».

Итак, учитывая сказанное, мы можем говорить о том, что группа военных курсантов высшего военного учебного заведения является закрытой малой группой, которая представляет собой сложную систему, взаимодействующих субъектов. А.В. Капцов, на основе анализа справочной литературы и социально-психологических и социологических источников пишет, что структурой группы является «совокупность связей, складывающихся в группе между отдельными индивидами или микрогруппами как элементами этой структуры» [4]. Каждый из курсантов, который является членом закрытой малой группы, обладает определенным статусом.

Особенности социометрического статуса военных курсантов в военном вузе могут быть следующими.

1. Иерархическая структура. Военное образование строится на принципах иерархии и подчинения. Военные курсанты обладают разными статусами, которые определяются их рангами и должностями (к примеру, командиры взводов или рот, которые имеют высокий статус), и курсанты, которые занимают низшие позиции в иерархии.
2. Зависимость от группы. Военный вуз является коллективом, и социометрический статус каждого курсанта может зависеть от отношений внутри группы. Курсант может иметь высокий статус, если он пользуется уважением и поддержкой своих сверстников, или наоборот, иметь низкий статус, если он не вписывается в коллектив.
3. Авторитаризм и подчинение. Военное образование также связано с авторитарными отношениями и подчинением. В статусе военных курсантов может отразиться их способность эффективно подчиняться и выполнять указания своих вышестоящих.
4. Статус лидера. В военных вузах особое внимание уделяется развитию лидерских качеств. Курсанты, которые обладают хорошими лидерскими навыками, могут иметь высокий статус в глазах других курсантов. Они могут быть признаны лидерами группы и играть важную роль в принятии решений и руководстве коллективом.

Теорию лидерства развивали в своих работах А.Л. Журавлев, А.Л. Свеницкий, М.Р. Битянова, И.Д. Ладанов и другие. Изучение лидеров молодежных групп И.Н. Логвиновым позволило выявить у них такие характерные черты, как социальная зрелость, социальная активность, интернальность (личная ответственность за свои поступки) [5]. От того, насколько сильно развиты перечисленные качества у лидера группы, напрямую зависит устойчивость этой группы, ее социальная на-

правленность, успешностью совместной деятельности (не всегда положительной, определяющим фактором является именно успешность как соответствие планируемых результатов достигнутым).

С проблемой лидерства связаны неформальные взаимоотношения в группе, так как в группе курсантов существуют как формальные взаимоотношения (существуют на основе формальной власти, регламентированы), а также неформальные взаимоотношения.

Неформальные взаимоотношения в группах военных курсантов могут иметь различные формы и проявления. Это могут быть дружеские отношения, конкуренция, командный дух, а также формирование лидерских групп и т.д. Взаимоотношения могут основываться на сходстве интересов, понимании и поддержке друг друга, а также на общих ценностях. Военное обучение также способствует формированию более прочных и доверительных связей между курсантами, так как они проходят сложные испытания и тренировки вместе. Важно отметить, что неформальные взаимоотношения между военными курсантами могут играть важную роль в формировании командного состава и создании единого фронта во время выполнения служебных задач.

Для изучения особенностей взаимоотношений внутри группы курсантов и формирования представлений о неформальной структуре в Дальневосточном высшем общевойсковом командном ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского было проведено исследование с использованием метода анкетирования и социометрии Дж. Морено.

В исследовании приняли участие 90 курсантов (три взвода курсантов по 30 человек). В результате социометрического исследования были сделаны выводы о количестве лидеров («звезд»), предпочитаемых, пренебрегаемых курсантов, а также «изгоев». Распределение приведено на рис. 1.

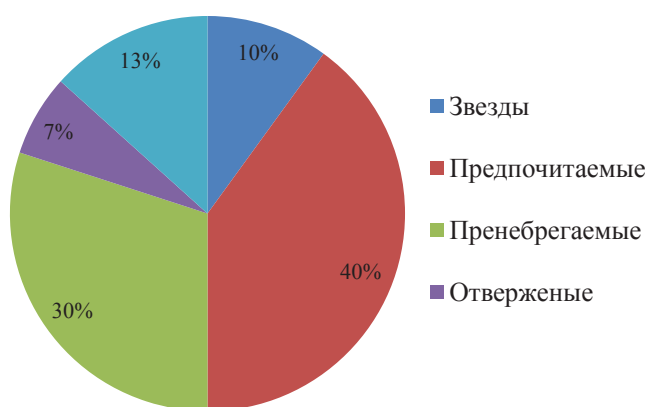

Рис. 1. Результаты социометрического опроса курсантов по методике Дж. Морено

В группах курсантов преобладает число «предпочитаемых», но есть «пренебрегаемые» и «отверженные». Курсанты, которые характеризуются как «звезды», являются неформальными лидерами

в группе, именно они обладают высоким статусом, влияют на взаимоотношения в коллективе. Эти курсанты являются лидерами неформальных групп, которые были выявлены в результате анкетирования.

Проведенное анкетирование позволило сделать вывод о том, на основе каких интересов, увлечений и хобби были образованы существенно более малочисленные закрытые группы внутри сообщества курсантов. На рисунке 2 показано распределение курсантов по группам.

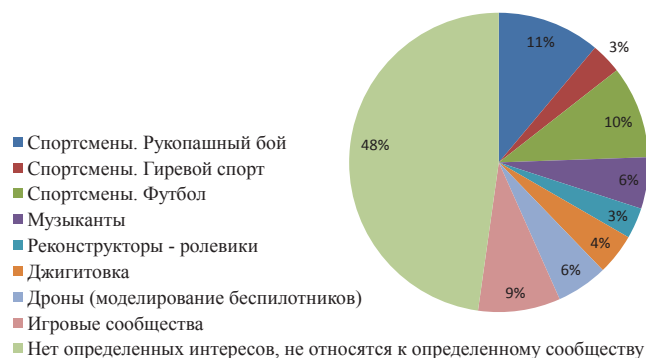

Рис. 2. Результаты анкетирования курсантов

На основе проведенного анализа можно сделать выводы о том, что малая группа курсантов является закрытой малой группой, которая обладает сложной структурой. Внутри группы курсантов есть более малочисленные объединения на основе интересов, они образуют неформальную структуру со своими лидерами, которые выбираются на основе тех качеств, которые важны именно в данной малой группе. Это говорит об относительной закрытости группы курсантов и необходимости формулирования дополнительных понятий, которые конкретизируют исследуемое проблемное поле.

Проведенное социометрическое исследование и анкетирование позволило сделать вывод о том, что в коллективе курсантов военного университета, который является по своей сути закрытой малой группой в силу особенностей образования (строгий формальный отбор, регламентация поступления), образуются закрытые малые группы на основе интересов. Кроме того, было выявлено, что формальный лидер, назначенный преподавательским составом, не совпадает с неформальными лидерами, которые курсантами выбраны самостоятельно (ориентируясь на личные симпатии).

Литература

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 382 с
2. Донцов А.И. Психология коллектива. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 208 с.
3. Ефимичук И.В. Собственность как социальная система. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004. – С. 66.

4. Капцов А.В. Структура взаимодействий в малой группе // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2017. – № 1. – С. 147–156.
5. Логвинов И.Н. Основные тенденции в изучении феномена лидерства в современной отечественной психологии // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 97 (03). – С. 1–15.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.
7. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: Инфра-М, 2001. – С. 66.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. – М.: Феникс, 1992. – С. 218.
9. Советский Энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 1632 с.
10. Социальная структура и социальные процессы: слов.-справ. / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR ASSESSING THE SOCIOMETRIC STATUS OF A SMALL GROUP PARTICIPANT: USING THE EXAMPLE OF CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Dyachenko A.N.

Zabaikalsky State University

The article is devoted to the characteristics of intra-group relations among military university cadets and a description of their sociometric status. A conclusion is drawn about the relationship between

the formal and informal structures of closed groups of cadets, and a description of the distinctive features of the sociometric status of cadets of a military educational institution is given. The result of the analysis of the sociometric study led to the conclusion that within the group of military university cadets, which by its nature is a closed small group, there are other, smaller, closed groups formed on the basis of similar interests and types of leisure activities. It was also concluded that the status of a formal leader, who is appointed by the teaching staff, does not coincide with the status of an informal leader: there are several informal leaders in a group of cadets, and each «interest group» has its own leader.

Keywords: closed small group, cadets, sociometric status, intra-group relations, hierarchy.

References

1. Bergson A. Two sources of morality and religion. – М.: Kanon, 1994. – 382 p.
2. Dontsov A.I. Psychology of the collective. – М.: Moscow State University Publishing House, 1984. – 208 p.
3. Efimichuk I.V. Property as a social system. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Publishing House, 2004. – P. 66.
4. Kaptsov A.V. The structure of interactions in a small group // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. – 2017. – No. 1. – P. 147–156.
5. Logvinov I.N. Main trends in the study of the phenomenon of leadership in modern domestic psychology // Polythematic network electronic journal of the Kuban State Agrarian University. – 2014. – No. 97 (03). – P. 1–15.
6. Merton R. Social theory and social structure. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 p.
7. Oleynik A.N. Prison subculture in Russia: from everyday life to state power. – М.: Infra-M, 2001. – P. 66.
8. Popper K. Open Society and Its Enemies. Т 1–2. – М.: Phoenix, 1992. – P. 218.
9. Soviet Encyclopedic Dictionary / edited by A.M. Prokhorova. – М.: Sov. entsik., 1989. – 1632 p.
10. Social structure and social processes: words and references. / ed. G.V. Osipova. – М.: Nauka, 1990. – 208 p.

Кооперация в общественно-политической мысли конца XIX – первой половины XX столетия

Егоров Владимир Георгиевич,

доктор экономических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: korrka@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретических воззрений мыслителей, представляющих различные направления общественно-политической мысли на кооперацию, ее место и роль в общественном развитии. Специально рассмотрены взгляды представителей марксистского, народнического, социал-демократического направлений науки о кооперации, дано представление о теоретических концепциях итальянской, американской академических сообществ исследователей кооперации, вклад интеллектуалов, разрабатывающих теорию игр. Марксизм подвел «черту» под социал-реформистским направлением теории кооперации. На завершающем этапе творческой деятельности мысль о кооперации как форме организации товарного хозяйства нашла выражение в поздних трудах В.И. Ленина. Социал-демократия, подхватившая традиции либерального народничества, презентовавшая свои взгляды в трудах шведской школы кооперации, полностью рассталась с нерелевантной идеей замены капитализма «кооперативом». Уже итальянская школа кооперации полностью сосредоточилась на определении сущностных качеств и места кооперативной организации в цивилизационном развитии. Акцент в теоретическом анализе к началу прошлого столетия постепенно смещался «внутрь» кооперации, на определение ее сущностных качеств, видов и типов, диалектических противоречий, как источника развития этой организации. Включенная в общий контекст экономической науки, кооперация стала предметом изучения представителей «мейнстрима». Однако большая часть теоретиков неоклассиков признавали неадекватность господствующей парадигмы дальнейшему продвижению теоретического поиска в этом направлении.

Ключевые слова: кооперация, марксизм и кооперация, анархизм и кооперация, итальянская и американская кооперативные школы, теория игр.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01043 «Кооперация в стратегии развития общества», <https://rscf.ru/project/23–28–01043/> Соглашение № 23–28–01043 от 12.01.2023 г.

Основным направлением мысли, определявшим общественно-политический дискурс, учением, заявившим претензию на осмысление перспективы цивилизационного развития и этим привлекавший внимание интеллектуалов, являлся марксизм.

В марксистском учении кооперации отводилась роль первой ступени агрегирования мелкого производства либо паллиативного средства избавления трудящихся от «язв» капитализма.

В середине XIX века произошли значительные события, которые заставили Карла Маркса и Фридриха Энгельса пересмотреть свои взгляды на кооперацию мелких собственников. Ожидания быстрого вытеснения мелкого товарного производства крупным капитализмом не оправдались. Крестьянские хозяйства, обладающие своими особенностями социальной психологии, оказались очень устойчивыми.

Стоит отметить, что в начале XX века в Германии возникла проблема взаимоотношений между социалистами и мелкой буржуазией. Это стало особенно заметно на съезде коммунистов, который проходил с 1 по 5 мая 1920 года. Участники съезда пришли к выводу, что в ближайшем будущем социализм в Германии не сможет рассчитывать на поддержку среднего и мелкого немецкого крестьянства. Любые попытки изменить отношения собственности в крестьянском землевладении будут обречены на провал. Крестьянское землевладение оказалось непоколебимой скалой в разлагающемся капиталистическом мире.

Последователи К. Маркса вслед за ним поддерживали идею привлечения крестьянских хозяйств к социализму через сельскохозяйственную кооперацию. Они верили, что это единственный путь к развитию и процветанию. Однако, они также понимали, что нельзя просто ждать, пока кооперация сама по себе охватит все крестьянские хозяйства страны. Они считали, что государство должно активно вмешиваться и оказывать влияние на процесс кооперации, чтобы ускорить его развитие и привлечь больше людей [1, с. 64–65].

Марксисты полагали, что кооперация есть промежуточная форма организации экономики, основанной на общенародной собственности, обусловленной наличием в социальной структуре переходных обществ широкого слоя мелкой буржуазии.

В отличие от большой плеяды советских ученых, пытавшихся обосновать «полное совпадение

кооперации с социализмом» Ф. Энгельс определенно провел грань ее отличия от социалистической формы организации экономики, адекватной рыночному хозяйству. Правда, отдельные последователи марксизма считали, что кроме регенерации капитализма и угрозы социализму кооперация не могла принести ничего положительного [2, с. 117].

Вывод, сделанный В.И. Лениным в работе 1923 года «О кооперации» о социализме «как строе цивилизованных кооператоров» [3, с. 373, 376] вовсе не означает признание социалистической (огосударственной) сущности кооперативной организации.

Такое его суждение, скорее, означает пришедшее понимание невозможности построения экономики модерна (хотя и на основе диктатуры пролетариата) вне рынка, товарно-денежных отношений. Самой подходящей в этой связи формой организации, в основном мелкотоварного хозяйства страны, явилась в представлении лидера большевизма – кооперация, способная сыграть двоякую роль: коллективной структуры для налаживания товарообмена с государственными промышленным секторам и средства купирования частнокапиталистической тенденции развития мелкобуржуазного уклада.

Ленинская новелла в трактовке кооперации стала поводом дискуссии 1980-х годов (в основном организованной редакцией журнала история КПСС). Суть дискуссии сводилась к решению конкретных вопросов: с какого времени, в результате изменения каких условий советскую кооперацию можно было считать социалистической. Конечно, такое обсуждение, основанное на ложных посылах о социалистическом преобразовании кооперации было изначально контрпродуктивным. Кооперация тогда и в настоящее время представляет собой самостоятельную форму социально-экономической организации, способную в силу природных качеств комплементарно интегрироваться в систему доминирующих хозяйственных отношений¹.

Так часто именуемое ленинское новое видение перспектив развития социализма на основе кооперации, позволявшей избежать капиталистической эксплуатации на самом деле являлось давно устоявшимся во взглядах отечественных социал-реформаторов, начиная с 60-х гг. XIX века. Например, Лавров П.Л., один из основателей «субъективной школы» методологии, близкий к народникам философ, социолог, публицист, писал, что социалист имеет право верить в то, что можно создать общество, где все люди будут работать вместе для общего блага. Такое общество будет основываться на всеобщей кооперации, которая

позволит каждому развиваться и достигать своих целей. В этом обществе не будет монополевой собственности, что поможет избавиться от эксплуатации одного человека другим и борьбы экономических интересов [4, с. 447].

Революционные анархисты были вдохновлены идеалами свободы и равенства, что сближало их с субъективными социологами. Несмотря на то, что П. Кропоткина часто называют отцом русской кооперации, его взгляды на кооперацию отличались от общепринятых. Он и другие анархисты полностью отвергали государство и предлагали организацию общества на основе свободных ассоциаций трудящихся. Они отрицали базовые экономические предпосылки объединения, которые могли бы привести к интеграции интересов личности и коллектива, труда и капитала. Вместо этого, они основывались на принципе свободы индивидуума, и их ассоциации охватывали не только экономику, но и другие аспекты жизни, такие как культура, религия и политика [5, с. 283].

Анархисты, как и марксисты, видели главной целью социальной революции установление коммунистической, общенародной собственности. Однако, не будучи последовательными материалистами, они отвергали путь капиталистического обобществления производства и считали необходимым немедленную ликвидацию всех форм собственности, кроме общественной, через стихийный революционный бунт. Взгляды сторонников кооперации, основанной на групповой собственности, считались ограниченными и недостаточно революционными. По мнению анархистов, коллективная собственность с неизбежностью воспроизводила те же условия хозяйствования, что и частная собственность, и, следовательно, предполагала скатывание к капитализму [6, с. 175].

Удивительно, но идеи, которые когда-то казались нереальными и утопическими, теперь становятся реальностью в некоторых странах. Там, где личные убеждения, национальные идеи, религиозные или традиционные ценности играют самую важную роль, они определяют всю систему социальных и этических отношений. Например, это можно увидеть в современном Израиле или на мусульманском Востоке, где религиозная ортодоксия играет большую роль.

Подтверждая естественность социальной взаимопомощи наличием коллективистских практик у насекомых, животных, народов, находящихся на низших ступенях цивилизационного развития, и обуславливая ее необходимостью создания условий для выживания, П.А. Кропоткин видел в таковой путь к прогрессу, торжеству всеобщей солидарности и построению на этой основе экономической организации [7, с. 174].

Н.Г. Чернышевский был одним из первых, кто начал развивать материалистическое направление народнической мысли, следуя за идеями А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Его теория, которая

¹ Исключая планово-административную экономику, в которой кооперация полностью ассимилируется и превращается в разновидность централизованного государственного хозяйства.

фокусировалась на интересах мелких производителей, привела к выводу о том, что наиболее эффективным способом развития этих хозяйств было бы объединение в товарищества. Это позволило бы им избежать негативного влияния капитализма и одновременно перейти на более высокий уровень экономического развития, используя методы, которые были бы доступны и понятны мелким собственникам [8, с. 56–57].

Социалисты-революционеры попытались объединить разные взгляды на социализм и его материальные основы, примиряя два противоположных направления развития российского общества: искусственно форсированную капиталистическую индустриализацию и традиционные черты, которые доминировали в экономике России. Они предложили теорию конструктивного социализма, согласно которой после завоевания политической власти, должна была прийти «индустриальная демократия». Это означало равноправное сочетание самостоятельных хозяйственных субъектов, организованных на кооперативной или синдикалистской основе (союзы по профессиональной принадлежности). Государство в такой структуре должно было передать часть регулирующих функций самоуправляющимся предприятиям и стать равным партнером в экономических отношениях [9, с. 30]. Теоретически это означало возвращение к естественному процессу развития, когда организующим элементом кооперационных процессов была не внешняя сила в виде крупного капитала, а интегрированная мелкая собственность.

Социалисты-революционеры продолжили народническую традицию, не признавая прогрессивной роли капитала в сельском хозяйстве. Они основывали это убеждение на анализе особенностей аграрного сектора экономики и его отличия от промышленности. Они считали, что развитие сельского хозяйства должно происходить естественным образом, через генезис «трудовой кооперации», которая зарождается и развивается органически. Социалисты-революционеры также отмечали специфичность аграрного сектора и существенные особенности сельскохозяйственной кооперации, что позже подтвердил и Чаянов А.В.

Современные сторонники социализма продолжают традиции социалистов-революционеров. Особенно заметен этот факт во взглядах на опыт шведской социал-демократии, которая смогла воплотить в жизнь мечты многих поколений кооператоров [9, с. 115].

Теоретическому осмыслению кооперативной формы социально-экономической организации препятствовало ее объективное положение в структуре общества. Ее «промежуточное» место среди доминирующих укладов обуславливало не прекращающиеся попытки придать кооперации характеристики, отвлекающие от понимания ее природной сущности: «предкапитализма», его демократизации «ступени» к социализму или сред-

ства избавления от эксплуатации и нищеты. Вместе с тем, не убывающая актуальность и жизнеспособность кооперативной организации поддерживали научный интерес интеллектуалов, стремившихся определить ее социальное значение как самоценного явления.

Одной из форм, хотя, конечно, далеко не единственной, «третьего пути» вне всякого сомнения, является кооперация – живой развивающийся организм с присущими ей особенностями и противоречиями. Современной обществоведческой литературе получила распространение точка зрения характерная, например, книге французской исследовательницы Д. Демустье: «Между эффективностью и демократией: производственные кооперативы», согласно которой кооперация – это «третий путь», в конечном счете демократичный «среднее между джунглями капитализма и бюрократией коллективизма» [10, с. 8]. По мнению сотрудника Межминистерского управления социальной экономики Франции М. Фигро кооперация есть носитель иных общественных отношений, где «можно гармонично сочетать социальную справедливость и экономическую эффективность» [11, с. 275].

И хотя вряд ли было бы справедливым считать кооперацию единственной абсолютной формой организации общества, концепция кооперативного «третьего пути» заслуживает внимания уже потому, что смещает акцент с научного обоснования исключительности противоположных крайних позиций в сторону промежуточных социальных моделей.

В связи с тем, что в переживаемую планетарной цивилизацией переходную эпоху кооперация помимо адекватности социально-экономической реальности обретает значение формы организации, несущей черты, вписывающиеся в проявляющиеся контуры будущего мироустройства, теоретическое прочтение ее внутреннего качества возрастает.

Собственно разработка основ теории кооперации началась с конца 19-начала 20 вв. Вместе с тем, следует заметить, что и сегодня отсутствует сколько-нибудь полновесный труд по этой проблеме. И все же отдельные положения, которые составят фундамент его создания, фрагментарно представлены в статьях и книгах мыслителей новейшего периода изучения кооперации.

Важной вехой, с точки зрения преодоления «социально-реформистского»¹ направления освоения кооперации и определения ее собственного места и роли в общественном развитии, стала книга итальянского профессора Дж.Г. Валенти, опубликованная в 1902 году. Возражая тем, кто видел в кооперации средство избавления от несовершенств капитализма, итальянский ученый ука-

¹ Термин, применяемый И.В. Емельяновым для характеристики учений, определявших кооперацию как альтернативу капитализму.

зывает на то, что таковая является «частью» существующей системы менового хозяйства, а не чужеродным социально-экономическим ингредиентом, созданным и предназначенным для замены этой системы» [12, с. 41]. Помимо самостоятельной значимости кооперативной организации Дж. Валенти уловил еще один важный для ее концептуализации аспект, заключающийся в утверждении закономерности, нерукотворности производственной кооперации, являвшейся как и капиталистическая мануфактура, объективно продуцированной формой концентрации мелкотоварного хозяйства, а «кооперативная ассоциация (потребителей – авт.) – это экономический институт, который в рамках существующей системы свободной конкуренции стремится исправить полностью или частично естественные недостатки распределения богатства. Функционируя как корректирующие факторы несовершенства распределения, кооперативы, – говорит далее Валенти, – организуют «коллективные предприятия» как оружие против «обычных предприятий, индивидуальных или коллективных, основанных на спекуляции...» [12, с. 43].

Конечно, один из первых взглядов на кооперацию как самостоятельную форму социально-экономической организации, не мог не иметь определяемых капиталистическим мейнстримом «привычных вывихов». Так Дж. Валенти утверждал, что «в большинстве направлений своей экономической деятельности кооперативные организации фактически не конкурируют с «капиталистическими предприятиями» [12, с. 44].

Сюжетом, требующим теоретического осмысления, логично следующим за определением «самости» кооперации, стал вопрос дифференциации видов и форм кооперативной организации, который, судя по содержанию трудов современных авторов и даже нормам кооперативного законодательства, остается во многом без внятного ответа.

Вслед за своим соотечественником, сделавшим важные теоретические выводы, разработку кооперативной теории в этой части продолжил М. Мариани [13]. Рассуждая о том, что мотивом кооперативной мобильности участников совместных предприятий является выгода, превышающая «экономические жертвы», связанные с утратой части самостоятельности, привели автора к выводам: во-первых, о том, что в основе кооперации лежит индивидуальный интерес, и во-вторых, к необходимости особенного его проявления в «производственных» и «распределительных кооперативах». Правильно отметив отличную природу кооперативных форм различных видов, М. Мариани все же предпринял контрпродуктивную, с точки зрения теоретического понимания существа проблемы попытку сформировать универсальное определение кооперации, одинаково корректное для определения всех видов кооперативных объединений.

Нерелевантность такого теоретического обобщения проявляется в оценке производственных кооперативов, объединяющих мелких товаропроизводителей, а не «продавцов труда». Несмотря на несовершенства начала пути теоретического освоения темы все же вклад итальянских экономистов в ее становление не подлежит сомнению.

Различия между ассоциациями потребителей и кооперативами отмечали супруги Уэббы и отечественный мыслитель М.И. Туган-Барановский в книге «Социальные основы кооперации» [14]. В ней автор не только обозначил отличия кооперативных объединений разного вида, но и проанализировал характерные черты субъектов кооперативной мобильности: участников рабочих потребительских обществ, трудовых артелей, мелких товаропроизводителей города и села.

Сомнительную общественную перспективу, по мнению М.И. Туган-Барановского, имели пролетарские кооперативы (по форме не отличающиеся от трудовых артелей – авт.), обобществлявшие труд рабочих, ориентированные исключительно на создание более эффективного результата деятельности через унификацию индивидуальных способностей участников и разведения труда. Не агрегируя труд и стремление к приращению частной собственности такие предприятия не обладали всеми преимуществами кооперации [14, с. 108–116, 181–184, 220–224].

Потребительская кооперация в представлении М.И. Туган-Барановского есть общественное движение, вырастающее из стремления не только пролетариата, но и других социальных слоев, избавиться от посредников в организации потребления и создать комфортные условия получения товаров и услуг.

Очевидно, что объектами такой кооперации становятся в обществе, основанном на товарном хозяйстве, прежде всего малосостоятельные граждане.

Не ускользнула от прозорливого взгляда теоретика и черта, прямо вытекающая из сущности потребительской кооперации как организации общественной, а именно, потенциальная возможность ее политизации [14, с. 160–170].

В отличие от потребительской производственная является организацией экономической, закономерно возникающей как и капиталистические формы концентрации производства. При этом М.И. Туган-Барановский, вполне осознавая мелкотоварный характер ее инициаторов, все же отличал «крестьянские» и «ремесленные» товарищества. Первая в его представлении возникала как следствие недостатка трудовых семейных ресурсов. Об этом же позднее скажет и Н. Чаянов. А вторая за счет объединения материальных и трудовых ресурсов мелких промышленных производителей способствовала внедрению разделения труда, благодаря которому и достигалась «новая эффективность ручного труда» [14, с. 260–276, 379–402].

Попытка использования кооперации в несвойственной для нее роли, например, в качестве средства для налаживания прямого продуктообмена, социальной адаптации малоимущих слоев населения большевиками в первые годы Советской власти, обусловила противодействие со стороны «старых» кооператоров. В числе таковых были С.Н. Прокопович (1971–1995), бывший министр Временного правительства, а после революции профессор МГУ.

Отвергая социальную направленность кооперативной политики новой власти, активно привлекавшей в ряды кооператоров пролетарские слои населения, С.Н. Прокопович писал: «кооперация доступна только для хозяйственно-крепких элементов. Крестьянам и рабочим, опустившимся ниже известного уровня благосостояния, или не достигшим этого уровня, кооперация помочь не может» [15, с. 11].

Говоря, прежде всего, о производственной кооперации мелких товаропроизводителей, С.Н. Прокопович прекрасно понимал, что мотивом обобществления части суверенной собственности в совместном предприятии для мелкого производителя являлось восполнение недостающих ресурсов для повышения эффективности собственного товарного хозяйства (сельского или промышленного). Пролетарий, лишенный такого стимула, как и мотивации на эффективное участие, являвшегося следствием гармонизации труда и собственности, не мог стать социальным субъектом кооперации.

Эту же мысль С.Н. Прокопович подтверждал, сравнивая кооперативную и общинную организации, в процессе чего неизбежно вышел на еще один основополагающий принцип – прямую демократию. Императив участия пайщиков в управлении и распоряжении собственностью и результатами совместной деятельности. Кооперация не терпит даже незначительной отстраненности членов объединений от этого системного принципа.

Именно поэтому, до недавнего времени одним из противоречий кооперативной формы социально-экономической организации считалось противоречие между масштабами предприятий кооператоров и способностью в полном формате воспроизводить управленческий порядок «прямой демократии». При этом, имея в виду одну рыночную основу капиталистических и кооперативных форм организации, С.Н. Прокопович отмечал невозможность их противопоставления [15, с. 30].

Диалектичность высказанных экономистом идей заключается в утверждении противоречивой сущности кооперации: с одной стороны, кооперативная организация есть «плоть от плоти» рыночной экономики и совершенно комплементарна капиталистическому хозяйству, с другой, отличаясь своими сущностными качествами от структур последнего, является естественным «мостом», от-

крывающим новое направление перспективы общественного развития.

Значительно продвинул понимание сущностных отличий производственных кооперативов объединений потребителей и рабочих доктор Ханс Фукс, рассуждения которого привел в своей книге И.В. Емельянов [12, с. 48–52]. «Производственная ассоциация (кооперативов – авт.), – писал он, – это «приобретающее предприятие, принадлежащее любому **ограниченному числу рабочих или ремесленников** (выделено авт.), в котором заняты **все владельцы и только владельцы (партнеры)** (выделено авт.)» [12, с. 49].

В отношении всех кооператоров-производителей рабочих и мелких собственников Х. Фукс отметил непреложный принцип: обязательность только их членства в предприятии (соединяющего труд и собственность), исключающее прямое участие юридических и сторонних лиц, и другой: ограниченность числа пайщиков способностью управления кооперативом на основе прямой демократии. Особый характер кооперативных производственных отношений немецкий экономист считал основанием для их характеристики как «предварение будущего» [12, с. 49].

Важное наблюдение сделано Х.Фуксом относительно потребительских кооперативов, качественно отличающихся от производственных. Во-первых, тем, что таковые являются предприятиями неприбыльными, «в то время как производственные ассоциации, ... как и другие предприятия, работают на прибыль» [12, с. 50].

В контексте «постиндустриальной революции» в экономике рассматривал кооперацию И.В. Емельянов. Хотя предпринятая интерпретация теории кооперации через призму «процессов экономической интеграции» не позволила выйти за устоявшиеся пределы традиционных подходов политэкономии. Для предвидения кооперативного будущего в постмодернистской реальности, в момент написания его работы, «не пришло время».

Представление о развитии кооперативного сектора экономики описывалось американцем российского происхождения, при которой в терминологии «агрегатов» «экономических единиц, находящихся свое идеальное воплощение в кооперативных ассоциациях членов-активных участников (членов-патронов) в их общей работе»; кооперации самой кооперации, при которой экономические единицы добровольно координируют свою деятельность или делегируют координирующую функцию специальному органу [12, с. 198]. Поскольку функции «ассоциированных экономических единиц, выполняющих через агрегат (кооператив – авт.) как их коллективное отделение коллективного департамента, **все хозяйственные услуги** (выделено авт.) кооперативных ассоциаций осуществляются по себестоимости (один из основополагающих принципов кооперации)» [12, с. 198].

Таким образом, кооператив в теории И.В. Емельянова не обретает признаки предприятия, тем более формализованного или требующего законодательного оформления, а представляет собой, говоря современным языком маркетплейс или платформу для обмена материальными ценностями и услугами. Если принять такое теоретическое положение, И.В. Емельянов уводит науку о кооперации на много шагов назад. Такая концепция автора лишает кооперацию главного – ее институционального качества. Однако по поводу особой эффективности организации, объединяющей высокомотивированных участников, гармонизирующий труд и собственность говорили и писали многие авторы.

Исследователи из западных стран заметили, что общества с развитым кооперативным сектором имеют большую устойчивость, чем общества с монокапиталистическим хозяйственным строем [16, с. 94].

В 1944 году вышла книга Дж. Неймана и О. Моргенштерна, посвященная экономическому прочтению теории игр [17]. Авторы утверждали, что стремящиеся к максимизации личной выгоды обычно считают для себя выгодным сотрудничать с другими игроками, если игра носит повторяющийся характер, если индивид обладает информацией о поведении других игроков в прошлом, и если число игроков невелико [18, с. 28].

Из теории игр вытекают условия возникновения кооперативного поведения: постоянное взаимодействие индивидуумов, прозрачность их взаимодействия (свободный обмен информацией) и небольшие размеры группы взаимодействия.

Теория игр стала основой для понимания места и роли кооперации в экономических трансформациях эпохи перехода к постиндустриальному обществу.

Подходы, связанные с теорией игр, в описании кооперации стали активно применяться в 1980-е годы. Кооперацию как коалицию участников рассматривали Дж. Стаац и Р. Секстон. Кооператив (коалиция), представленный неоднородными предпочтениями участников, тем не менее, является оптимальным только если все участники получают выгоду от совместной деятельности. Поэтому достижение равновесия интересов возможно только при консенсусе относительно распределения прибыли. Кооператив всегда должен стремиться, чтобы члены получали максимальную «компенсацию» за утрату части хозяйственного суверенитета [19; 20].

Таким образом, акцентируя внимание на исторической роли крупного производства и обобществлении экономики в национальных масштабах, марксизм видел в кооперации в лучшем случае «посредника», «переходного мостика» к социализму. Самостоятельное место и роль кооперации были подмечены отечественными мыслителями реформистского, легального течения марксизма. Идея миновать капитализм посред-

ством утверждения кооперации, выдвинутая представителями народничества с точки зрения практической, была контрпродуктивной. Однако романтизм народнического кооперативизма все же оставил заметный след, указав на адекватность этой формы социально-экономической организации будущему мироустройству.

Основной вклад мыслителей итальянской и американской школ кооперации заключается в выявлении сущностных качеств различных видов кооперативных объединений, а представители теории игр вплотную подошли к проблеме гармонизации индивидуальных и коллективных интересов в кооперативных предприятиях.

Литература

1. Фишгендлер А. Вопросы социализации и кооперации в Германской революции (1918/19 гг.) Исторический очерк. М. 1922. 114 с.
2. Попов Н.И. Теория кооперации. М. 1929. 278 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М. 1964. 729 с.
4. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах. М.: Мысль. 1965. Т. 2. 703 с.
5. Бакунин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. М. 2000. 701 с.
6. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. 1990. 638 с.
7. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М. 2011. 251 с.
8. Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2-х томах. М. 1987. Т. 2. 685 с.
9. Чернов В.М. Конструктивный социализм. М. 1997. 650 с.
10. Demoustier D. Entrer l'efficacite et la democratie: Les cooperatives de production. P. 1981. 118 с.
11. Kooperatibismos eta gizarte-ekonomia munduz abalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre et cooperativismo y la economia social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 с.
12. Емельянов И.В. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. М. 2020. 440 с.
13. Mariani M. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. N. 1906. 301 с.
14. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М. 1989. 495 с.
15. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М. 1918. 456 с.
16. Bradley K., Gelb A. Cooperative labour relations // British Journal of Industrial Relations. 1987. Vol. 25. № 1. Pp. 91–96.
17. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М. 1970. 707 с.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. 1997. 180 с.

19. Sexton R.J. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // *American Journal of Agricultural Economics*. 1986. Vol. 68. № 2. May. Pp. 214–225.
20. Staatz J.M. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // *American Journal of Agricultural Economics*. 1983. Vol. 65. № 5. Pp. 1084–1089.

COOPERATION IN SOCIO-POLITICAL THOUGHT AT THE END OF THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Egorov V.G.

Russian State University of Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to the analysis of the theoretical views of thinkers representing various directions of socio-political thought on cooperation, its place and role in social development. The views of representatives of the Marxist, populist, and social democratic directions of the science of cooperation are specially considered, an idea is given about the theoretical concepts of the Italian and American academic communities of cooperation researchers, and the contribution of intellectuals developing game theory.

Marxism drew a “line” under the social reformist trend of the theory of cooperation. At the final stage of creative activity, the idea of cooperation as a form of organization of commodity economy found expression in the later works of V.I. Lenin. Social democracy, which took up the traditions of liberal populism and presented its views in the works of the Swedish school of cooperation, completely abandoned the irrelevant idea of replacing capitalism with a “cooperative”. The Italian school of cooperation has already focused entirely on defining the essential qualities and place of the cooperative organization in the development of civilization. By the beginning of the last century, the emphasis in theoretical analysis gradually shifted “inside” cooperation, to the definition of its essential qualities, types and types, dialectical contradictions, as a source of development of this organization. Included in the general context of economics, cooperation has become the subject of study of representatives of the “mainstream”. However, most neoclassical theorists recognized the inadequacy of the prevailing paradigm to further advance theoretical research in this direction.

Keywords: cooperation, Marxism and cooperation, anarchism and cooperation, Italian and American cooperative schools, game theory.

References

1. Fishgendler A. Issues of socialization and cooperation in the German Revolution (1918/19) Historical essay. M. 1922. 114 p.
2. Popov N.I. Theory of cooperation. M. 1929. 278 p.
3. Lenin V.I. Complete works. Vol. 45. M. 1964. 729 p.
4. Lavrov P.L. Philosophy and sociology. Selected works in 2 volumes. Moscow: Mysl. 1965. Vol. 2. 703 p.
5. Bakunin M.A. Anarchy and Order: Works. M. 2000. 701 p.
6. Kropotkin P.A. Bread and freedom. Modern science and anarchy. M. 1990. 638 p.
7. Kropotkin P.A. Mutual assistance as a factor of evolution. M. 2011. 251 p.
8. Chernyshevsky N.G. Works in 2 volumes. M. 1987. Vol. 2. 685 p.
9. Chernov V.M. Constructive socialism. M. 1997. 650 p.
10. Demoustier D. Entrer l'efficacite et la democratie: Les cooperatives de production. P. 1981. 118 p.
11. Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa munduzabalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre et cooperativismo y la economia social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 p.
12. Yemelyanov I.V. Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations. M. 2020. 440 p.
13. Mariani M. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. N. 1906. 301 p.
14. Tugan-Baranovsky M.I. Social foundations of cooperation. M. 1989. 495 p.
15. Prokopovich S.N. The cooperative movement in Russia. His theory and practice. M. 1918. 456 p.
16. Bradley K., Gelb A. Cooperative labor relations // *British Journal of Industrial Relations*. 1987. Vol. 25. No. 1. pp. 91–96.
17. Neiman J., Morgenstern O. Game theory and economic behavior. M. 1970. 707 p.
18. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. M. 1997. 180 p.
19. Sexton R.J. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // *American Journal of Agricultural Economics*. 1986. Vol. 68. № 2. May. Pp. 214–225.
20. Staatz J.M. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // *American Journal of Agricultural Economics*. 1983. Vol. 65. № 5. Pp. 1084–1089.

Образ будущего глазами студентов

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье анализируются вопросы оценки своего будущего современными студентами. На основе социологического опроса студентов разных вузов Сибири выявляется фиксация на планировании «завтра», которое может растягиваться до года, а более длительные планы практически отсутствуют. В целом, в студенческой среде доминируют пессимистические оценки своего будущего, так как нет уверенности в постоянно меняющихся условиях жизни, повышенных рисках и нестабильности во всех сферах общественного развития и личного выбора.

Ключевые слова: будущее, молодежь, образ будущего, оценка будущего, жизненные перспективы, жизненные планы

На современные представления о будущем влияют последние изменения общества, связанные с пандемией, военной операцией, цифровизацией и прочими процессами, изменившими повседневные представления о настоящем и как следствие о будущем. Мир меняется, и вместе с ним меняются представления о том, каким будет будущее.

Эти изменения обусловлены большими рисками и нелинейным развитием общества, поэтому будущее наполнено разнообразными вариантами неопределенности, что разрушает уверенность в себе и в обществе. Реализуемые национальные проекты поддержки разных групп граждан не совпадают с проблемами, с которыми сталкиваются последние, так как государственные органы чаще формально подходят к вопросу помощи и поддержки, оставаясь в бюрократических рамках, а реальность обывателя ставит перед ним совершенно новые вызовы, которые не вписываются ни в одну из программ.

Изучение темпоральных установок молодежи напрямую связано с образами будущего, которые формируются в общественном сознании, но более четко кристаллизуются именно во взглядах молодежи. Для того, чтобы не просто жить в «обществе риска» (У. Бек), а адаптироваться и развиваться в этом обществе текучести (З. Бауман) и неопределенности.

Поэтому, важно изучать то, как молодежь видит, чувствует и осознает, что происходит в обществе в данный момент времени, как к этому приспособляется и какие перспективы видит для себя в будущем. Восприятие будущей перспективы своей жизни является смыслоопределяющим для того, чтобы выстроить индивидуальные личные траектории и жизненные пути (И.А. Журавлева, Р.В. Иванов и В.В. Тетерин [15,16], П.А. Баев, Е.В. Зиминова, Е.Г. Копалкина и Д.С. Хаустов [4–7]). Несомненно, актуальным вопросом адаптации к новым жизненным условиям выступает реализация личных качеств, в сложных условиях внешнего нагнетания прессинга со стороны различных социальных институтов (Р.Г. Ардашев [1–3], Л.А. Гуринович, Е.В. Решетникова, Е.А. Туринцева и П.П. Люберцев [8–10], О.А. Полюшкевич [18–21]).

Сложности этого процесса могут выстраиваться на разных уровнях социальной коммуникации:

- Индивидуально-личностном – когда перспектива будущего строится на личном выборе моло-

дого человека, его желаниях и возможностях, которые перед ним открываются в связи с его жизненным кредо, представлениями и идеалами, его ценностями и мировоззрением.

- Социально-сконструированном – когда работа социальных институтов определяет рамки и ограничения для одних и возможности и перспективы для других (эффекты социальной стратификации, социальной мобильности). Они могут строиться на старых или новых правилах социального вовлечения и исключения из сообществ по разным принципам (начиная от власти, денег (чаще семьи, чем личных), заканчивая доступом к цифровым инструментам, образованию и т.д.).

Особенности исследования

Мы ставили перед собой цель изучить не образовательные или профессиональные траектории молодежи (как это регулярно встречается в исследованиях коллег), а акцентировали свое внимание на субъективном благополучии, когнитивно-эмоциональной оценке того как соотносится желаемое и реальное будущее в представлениях и ожиданиях молодежи.

В опросе участвовало 1260 студентов из разных вузов города Красноярска, Иркутска и Новосибирска. Все студенты 3 курса – т.е. уже адаптировавшиеся к высшему заведению, освоившие азы будущей профессии, понявшие то, хотят или нет, они работать по специальности. Из опрошенных 55% девушек и 45% юношей.

При обработке данных проводился корреляционный и дескриптивный анализ при помощи пакета программ SPSS.

Результаты исследования

Рассматривая результаты исследования, мы можем выявить разный уровень уверенности молодых людей в своем будущем. Причем есть разница в оценке своего «завтрашнего дня» и «отдаленного будущего» – в более близком будущем респонденты больше уверены, чем в отдаленном. В своем завтрашнем дне уверенно 45% юношей и 62% девушек. А в отдаленном будущем уверено 16% юношей и 22% девушек (т.е. в три раза меньше). По нашему мнению – это влияние рискованных факторов позволяет прогнозировать свое завтра, но не год или несколько лет.

При этом, в целом позитивно свое ближайшее будущее воспринимают 44% юношей и 56% девушек. Негативно его оценивают 52% юношей и 40% девушек. Отдаленное будущее позитивно воспринимают в два раза меньше опрошенных: 25% юношей и 26% девушек. Негативно его оценивают наоборот больше респондентов: 49% юношей и 44% девушек. Принято говорить об оптимизме молодости, но увы, данные таковы, что оптимистично его видит существенно меньшая группа, чем хотелось бы.

Наиболее уверенны и оптимистично видят свое будущее студенты обучающиеся на специальностях связанных с IT-технологиями, информационной безопасностью, построением виртуальных миров и цифровых платформ – 45%, на втором месте, студенты обучающиеся на управленческих специальностях и специальностях связанных с общественным развитием – менеджмент организаций, государственное и муниципальное управление, социология (35%), на третьем месте – естественно научные специальности (биологи, химики, медики) (20%). Студенты других специальностей в три-пять раз чаще чем указанные выше говорят о неуверенности в будущем или пессимистично его оценивают.

Интересна еще одна выявленная особенность, те кто живут в гражданском или официальном браке в два раза больше уверены в своем будущем, чем те, кто не состоит ни в каких отношениях. Т.е. брак молодым людям (в любом его статусе) дает определенность и уверенность.

Те, кто живут в городах в два раза увереннее в своем будущем, чем те, кто живет в селах.

В целом, студенты планируют свое будущее. Но оно касается в основном ближайшего будущего. Только 1 из 10 планирует на несколько лет вперед. Основная часть опрошенной молодежи предпочитает жить «здесь и сейчас», не думая о том, что будет потом. И максимальный проект будущего может касаться «завтра» (которое простирается примерно до года).

Жители сел чаще планируют свое будущее на 5 и 10 лет, чем молодые жители городов – их планы касаются максимум – года. Девушки в два раза чаще юношей строят планы более чем на год. Но это не изменяет общую установку ограниченности временного планирования.

Понятно, что проживание в обществе риска не позволяет планировать на долго, но и не иметь жизненных планов может негативно сказаться на существующих жизненных перспективах. Следование заранее определенным шаблонам и целям может не совпасть с новыми вводными изменившегося мира, что как минимум приведет к неудовлетворенности собой, своей жизнью, и как максимум приведет к разочарованию, апатии и депрессивным расстройствам.

Молодым людям мешает планировать постоянное изменение ситуации – 66%. Много неожиданных и непланируемых факторов, которые меняют основные условия и ожидания в жизненных планах и перспективах.

Полагаем, молодых людей необходимо учить планировать жизненные события в условиях риска. Это особые навыки стратегического мышления – принятия важных решений в условиях неопределенности. А что может быть важнее собственной жизни для молодого человека? Ничего. Соответственно – нужен навык, которому не учат в семье, школе и даже университете. Поэтому не-

обходима работа других институтов гражданского общества по формированию установок будущего развития молодых людей. Например, общественные организации или СМИ могут транслировать в виде публичных лекций или серии передач о вариантах выбора, стратегиях мышления в сложных ситуациях и важности стратегического планирования жизненного выбора.

На сегодняшний день, в СМИ и сети Интернет чаще можно встретить негативные сценарии будущего развития страны (в том числе и конспирологические теории – Р.Г. Ардашев). 23% респондентов указало на то, что в СМИ и как результат в общественном мнении доминируют негативные сценарии будущего, и молодые люди просто не видят, как может развиваться позитивный сценарий. Если также активно будет транслироваться идея о позитивных сценариях, то и результат будет иным: во-первых, молодые люди будут видеть свое будущее, во-вторых, это будущее будет иметь позитивный сценарий.

Позитивное видение будущего возможно из удовлетворенности настоящим. Но только треть 34% юношей и 32% девушек удовлетворены своим настоящим. Остальные испытывают острую или умеренную неудовлетворенность. Она касается прежде всего проблем с финансами (44%), трудностей взаимопонимания (32%), осознание того, чем заниматься по жизни (24%).

Жители сел в два раза чаще удовлетворены своим настоящим, чем жители городов. Т.е. город дает больше возможностей (как соблазнов), но не всегда позволяет их удовлетворить, что порождает неудовлетворенность.

Конечно, уровень оптимизма как говорится в исследовании О.А. Полюшкевич [17], у современной молодежи становится достаточно эфемерным, привязанным к настоящему моменту, связанным с событиями здесь и сейчас – не ориентирован на будущие перспективы. Издержки времени или особенности реализации адаптационных стратегий – покажет время. На данный момент данная ситуация показывает всю противоречивость происходящих трансформаций.

Студенты оценивали, как стали они сами жить и их семья за последний год. Существенно лучше стали жить только 20% молодых людей и 15% их семей. Существенно хуже стали жить 37% студентов и 43% их семей. Эти диаметрально противоположные показатели позволяют оценить общую динамику – оценка того, что произошло с ними и их семьями за последний год – в целом отрицательная. И позитивное будущее из этой позиции мало вероятно, что увидят.

Негативные оценки будущего еще связаны с тем, что опрошенные полагают, что в других регионах люди живут лучше, чем в том, где он сам проживает (53%), что в его регионе лучше, чем в других считает в два раза меньше (26%). Интересно, что везде плохо (в любом регионе Рос-

сии) – полагает 21%. То есть, в целом негативная оценка общих процессов.

Молодые люди полагают, что трудности и проблемы в будущем будут только расти в нашей стране (46%), останутся на том же уровне (32%), будут уменьшаться (22%). Эта перспектива оценки будущего не дает шансов на позитивные перемены и общие новые условия жизни и социализации.

Результаты исследования показывают, что угроза одиночества девушкам грозит сильнее (48%), чем угроза терроризма (32%) или воздействия экологических бедствий (20%). В свою очередь молодые люди полагают, что проблемы терроризма (44%) больше влияют на человека и на конкретно его самого, чем экологические катастрофы (37%) и проблемы психологического плана в виде одиночества (19%).

Это говорит о том, что необходима работа психолога и реабилитационных студенческих организаций для взаимодействия с девушками и мероприятия по профилактике терроризма важны для молодых людей. Это должны быть комплексы продуманных мероприятий, позволяющих регулировать свое психоэмоциональное состояние и оценивать перспективы своего будущего более позитивно.

Страх быть бедным в будущем есть у 47% молодых людей и 41% девушек. Страх не найти работу есть у 34% молодых людей и 24% девушек. Страх бедности напрямую коррелирует с незащищенностью от безработицы ($p < 0,005$), коэффициент Спирмана = 0,8 – максимально статистически значим. При этом, оплата труда и отношение к трудовой деятельности достаточно сильно изменились в последнее время. Об этом подробно изложено в исследованиях П.А. Баева, Е.В. Зиминой, Е.Г. Копалкиной [4,5,6] и т.д. Студенты волнуются не столько о работе, сколько об оплате этой работы и возможностях самореализации на ней.

При всех проблемных зонах видения будущего, молодые люди надеяться, что они справятся и случится что-то такое, что изменит их жизнь к лучшему (52%). Это надежда не чудо, когда самому не надо прикладывать усилий и все получается само собой. Это показатель инфантильности, снятия ответственности с самого себя. И это еще одна черта современной молодежи, которая не помогает последним выстраивать долгосрочные планы на будущее, ведь они ждут – что кто-то придет и скажет им что делать, куда идти, на кого рзняться.

Говоря о перспективах развития России на ближайшие 5 лет, и юноши и девушки достаточно близки в оценках того, что экономические трудности будут усиливаться (рост цен, инфляция, снижение качества и уровня жизни и т.д.) – 37%, военная операция негативно будет сказываться на всех сферах жизни – 23%, политические проблемы будут также расти – 20%, наравне с экологическими трудностями – 20%.

Оценивая желаемое будущее, студенты выбрали совершенно другие категории. Они фиксировали свое внимание на высоком уровне дохода – 42%, высоком уровне и качества жизни, досуга – 30%, доступном образовании и самообучении – 20%, соблюдаются права человека – 8%.

Эти два противостоящих друг другу блока определяют диалог между реальными условиями и желаемыми метами современных студентов в образе того будущего, где им хорошо, и они счастливы. Это достаточно яркая иллюстрация того, как может развиваться жизнь: исходя из необходимости или из возможностей преумножения своих талантов и даров.

Молодые люди видят для себя возможности изменения условий развития современного общества – 54%, 46% не видят этих перспектив. Небольшой перевес, но он дает надежду на социальные перемены, которые изменят условия, формат, качество и структуру жизни молодых и не только людей. Молодежь станет фактором моделирования социальных перспектив и возможностей.

Выводы

Образ будущего у современной молодежи ограничен временными рамками (не более года) и определяет то, какими категориями, рифмами, чувствами и мыслями они живут. Без понимания будущих ориентиров – нет опоры на настоящее. Поэтому, изменение условий и качества жизни современных студентов позволит сформировать для них особые процессы и механизмы развития.

Будущее не определено. Именно мы делаем его таким, каким оно должно быть или может стать, при условии, что мы будем действовать также, как и предполагали в сам момент моделирования настоящего и будущего. Это становится точкой опоры для будущего счастливого мира.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Москва, РГСУ, 2021. 184 с.
2. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
4. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
5. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.
6. Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
7. Баев П.А., Хаустов Д.С. Жизнь в долг: моральные установки россиян // Социология. 2023. № 6. С. 94–100.
8. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Экспертная оценка социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи // Социология. 2022. № 5. С. 41–54.
9. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Люберцев П.П. Жизненное пространство работающей молодежи // Социология. 2022. № 6. С. 48–65.
10. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Туринцева Е.А. Образовательные планы молодежи как фактор формирования образа социального благополучия // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2016. С. 108–110.
11. Журавлева И.А. Виртуальное образование: выбор современной молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 368–372.
12. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
13. Журавлева И.А. Перспективы образования и занятости молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 275–279.
14. Журавлева И.А. Социальная напряженность при формировании образовательных стратегий региональной молодежи // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 182–184.
15. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
16. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
17. Полюшкевич О.А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. № 1. С. 328–340.
18. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.

19. Полюшкевич О.А. Социальное и личное пространство поколений // Социология. 2020. № 4. С. 132–148.
20. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
21. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.

IMAGE OF THE FUTURE THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the issues of assessment of their future by modern students. Based on the sociological survey of students of different universities in Siberia, the article reveals the fixation on planning "tomorrow", which can stretch up to a year, and longer plans are practically absent. In general, the student environment is dominated by pessimistic assessments of their future, as there is no confidence in the constantly changing conditions of life, increased risks and instability in all spheres of social development and personal choice.

Keywords: future, youth, image of the future, assessment of the future, life prospects, life plans.

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness of Russians. Moscow, RGSU, 2021. 184 c.
2. Ardashev R.G. Features of the consciousness of Russians: strategies of perception of the future // Sociology. 2021. № 2. С. 60–67.
3. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Herald of Higher School). 2021. № 5. С. 31–34.
4. Baev, P.A. Economic well-being of world outlook attitudes of young people // Sociology. 2024. № 2. С. 57–64.
5. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia // Sociology. 2024. № 4. С. 83–89.
6. Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor orientations of youth: virtual conditions // Sociology. 2024. № 5. С. 31–38.
7. Baev P.A., Haustov D.S. Life in debt: moral attitudes of Russians // Sociology. 2023. № 6. С. 94–100.
8. Gurinovich, L.A.; Reshetnikova, E.V. Expert assessment of the social space of life activity of working youth // Sociology. 2022. № 5. С. 41–54.
9. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Lyubertsev P.P. Life space of working youth // Sociology. 2022. № 6. С. 48–65.
10. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Turintseva E.A. Educational plans of young people as a factor in the formation of the image of social well-being // Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region. Materials of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation. 2016. С. 108–110.
11. Zhuravleva I.A. Virtual education: the choice of modern youth // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. С. 368–372.
12. Zhuravleva, I.A. Evaluation of the development of the state educational policy (expert analysis) // Sociology. 2021. № 4. С. 63–74.
13. Zhuravleva I.A. Prospects of education and employment of youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022. С. 275–279.
14. Zhuravleva I.A. Social tension in the formation of educational strategies of regional youth // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020. С. 182–184.
15. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life orientations and strategies of provincial youth // Sociology. 2020. № 2. С. 117–127.
16. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Studying the life priorities of regional youth: a qualitative analysis // Alma Mater (Herald of Higher Education). 2020. № 4. С. 52–59.
17. Polyushkevich O.A. Optimists and pessimists in the modern world // Sociology. 2020. № 1. С. 328–340.
18. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // Sociology. 2021. № 2. С. 87–92.
19. Polyushkevich O.A. Social and personal space of generations // Sociology. 2020. № 4. С. 132–148.
20. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // Problem of the ratio of natural and social in society and man. 2023. № 14. С. 101–106.
21. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. № 2. С. 121–127.